

РОДНАЯ **7** ЛИТЕРАТУРА

РОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебник-хрестоматия для 7-го класса

*Утвержден
Министерством
просвещения РСФСР*

Составитель
Г. И. Беленький

ИЗДАНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1978

ИБ № 3126

Геннадий Исаакович Беленький

РОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебник-хрестоматия для 7 класса

Редактор *С. Г. Беврукова*
Художественные редакторы *В. П. Богданов,*
Т. Г. Никулина
Технические редакторы *Г. Л. Татура*
и *Н. А. Биркина*
Корректор *А. А. Баринова*

Сдано в набор 7/IV 1977 г. Подписано к печати 26/IX 1977 г. 60×90¹/₁₆. Offsetн. № 2. Печ. л. 25,0. Уч.-изд. л. 25,55. Тираж 2000 тыс. (1 300 001—1 800 000) экз.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97. Заказ № 349.
Цена 41 коп.

ИСКУССТВО СЛОВА

В современном мире нет, пожалуй, человека, так или иначе не причастного к искусству. Книга, кино, телевидение, радио, театр, музыка, живопись прочно вошли в нашу жизнь. Среди различных видов искусства неопределима по своему влиянию художественная литература.

Вспомним обычное. Вы открыли незнакомую книгу и словно остались один на один с большим и умным другом — писателем. Прочитали одну страницу, другую — и вдруг совершилось «чудо». Перед вами разворачиваются неповторимые картины: герои отправляются в межпланетные путешествия, совершают невероятные подвиги в тылу врага, покоряют природу. И вы вместе с ними путешествуете, ведете бои, участвуете в спорах, боретесь, терпите поражения и побеждаете. Вы видите этих людей, слышите их голоса, и волнение за их судьбу охватывает ваше сердце. Вы покорены силой художественного слова, музыкой стиха, выразительностью авторской речи.

Много десятилетий назад Алеша Пешков, будущий великий писатель М. Горький, живя «в людях», впервые прочитал пушкинские поэмы.

«Я прочитал их все сразу, охваченный тем жадным чувством, которое испытываешь, попадая в невиданное красивое место, — всегда стремишься обжать его сразу, — вспомнил он позднее. — Так бывает после того, когда долго ходишь по моховым кочкам болотистого леса и неожиданно развернется перед тобою сухая поляна, вся в цветах и солнце. Минуту смотришь на нее очарованный, а потом счастливо обходишь всю, и каждое прикосновение ноги к мягким травам плодородной земли тихо радует... Полнозвучные строки стихов запоминались удивительно легко, украшая празднично все, о чем говорили они; это делало меня счастливым, жизнь мою — легкой и приятной, стихи звучали, как благовест¹ новой жизни. Какое это счастье — быть грамотным!»

Соприкосновение с миром искусства доставляет нам радость и бескорыстное наслаждение. Многие поэтому видят в произведениях писателей, композиторов, художников средство приятного отдыха или развлечения. Но значение искусства в жизни человека несравненно серьезнее и богаче. Нет, не развлекать публику стремились Гоголь и Некрасов, Глинка и Чайковский, Суриков и Репин, избирая свой тернистый и многотрудный жизненный путь. Недаром преследовало передовых деятелей культуры самодержавие: отравило в

¹ *Благовест* — колокольный звон. Здесь: предвестие, предзнаменование.

слова Шопенко, трагизм Мусоргского, запрещало выставлять картины Перову, развязало руки убийцам Пушкина и Лермонтова.

Поэзия, говоря словами М. Горького, будит героический дух народа, его сердце и ум. Как будто незаметно сообщая знания об окружающем мире, оно формирует взгляды, чувства, характер человека, пробуждает любовь к прекрасному, воспитывает готовность к борьбе за торжество добра и правды. Оно становится оружием в классовых битвах, сотрясающих нашу планету.

Песню Эжена Потье и Пьера Дегейтера «Интернационал» международный рабочий класс сделал своим гимном. В конце 30-х годов нашего века, в дни вооруженной борьбы испанских республиканцев с фашистами, солдаты республики, отправляясь в бои, смотрели фильм братьев Васильевых «Чапаев»: в выдающемся произведении советского киноискусства они черпали мужество и отвагу. Приговоренные к расстрелу в годы второй мировой войны французские коммунисты в фашистских застенках вспоминали героев романа М. Горького «Мать», стараясь подражать их мужеству и бесстрашию. Летчик Маресьев и молодогвардейцы, югославские партизаны и воины Вьетнама в трудные минуты обращались к страницам книги Николая Островского «Как закалялась сталь»: она учила их любви к жизни, упорству в достижении цели, высокой принципиальности. Советские космонавты брали с собой в полет в космос стихи дагестанского поэта Расула Гамзатова и произведения Шолохова. А первый космонавт в истории человечества Юрий Гагарин писал: «Я вспоминаю книги Островского и Толстого, Горького и Пушкина, Маяковского и Шолохова и говорю: спасибо вам, мои любимые писатели, первооткрыватели и учителя, наставники и товарищи за всё: за вдохновение, за школу, за уроки жизни!»

В чем же «секрет» такого воздействия искусства, и прежде всего литературы, на людей?

Чтобы ответить на этот вопрос, сравним художественную литературу с литературой научной¹.

**Отличие
художественной
литературы
от научной.**

Из многочисленных отраслей знания наиболее близка художественной литературе история: в центре внимания той и другой люди и события. Как же рассказывают о людях и событиях ученых и писатель?

Восстанавливая, например, ход Бородинской битвы 1812 г., историк перечисляет корпус и дивизии, оценивает положение войск той и другой стороны, сообщает, что ночь на 7 сентября прошла в последних приготовлениях к бою, что вечером и на рассвете французским солдатам читали воззвание Наполеона и те отвечали восторженными кликами на призыв императора к решающей схватке.

В стихотворении Лермонтова «Бородино» тоже есть строки о ночи накануне сражения. Но поэта интересует не положение и пе-

¹ Слово *литература* происходит от латинского *littera* — *буква* и означает все произведения человеческой мысли, закрепленные с помощью письменности. Область художественной литературы — стихи, поэмы, повести, рассказы и т. д.

редвижение войск, не количество полков и орудий. Впечатлениями о последних часах перед боем делится солдат-артиллерист, свидетель и участник исторических событий. Утомленный двухдневными стычками с врагом, он прикорнул у лафета. Сквозь дремоту он слышит крики ликующих французов, нет-нет да и взглянет на своих боевых товарищей, поглощенных думами о предстоящем дне и заботах военного быта:

Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И перед нами возникает картина русского лагеря, объятая тишиной, но живущего напряженной и деятельной жизнью. В этом грозном молчании, в этой сосредоточенности русских солдат чувствуется решимость победить или умереть, любой ценой защитить родину.

Историк рассматривает отдельные моменты битвы и ее общие итоги, оборонительные и наступательные маневры войск, высказывает суждения о приказах и распоряжениях военачальников. Он сообщает, что французы потеряли около 60 тысяч человек, в том числе 47 лучших генералов, а русские — более 40 тысяч. Поэт не приводит цифр убитых и раненых, зато создает лаконичную, западающую в душу, величественную и страшную картину:

Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел.
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Точным подбором слов, короткими, быстро сменяющимися фразами, чеканным ритмом стиха поэт передает напряжение исторической битвы.

Ученый в строгой последовательности, в определенной системе излагает факты и, рассматривая их, стремится установить и сформулировать закономерности, причины и следствия явлений; результаты своих исследований он выражает в цифрах, понятиях, правилах. Писатель рисует действительность в живых картинах. И только благодаря этим картинам художественное произведение, если даже в него включаются рассуждения на философские, политические, исторические темы, становится созданием искусства.

Картина жизни не точная копия действительности, не фотография. Писатель — творец. Он пишет не только о том, что было (например, жизнь и подвиги Чапаева), но и о том, что не имело точного соответствия в жизни, а все же бывало или могло быть («Мороз, Красный нос»). Такие виды литературы, как басня и сказка, целиком основаны на художественном вымысле. Но и рассказывая о том, что было, писатель оценивает факты, а нередко пересоздает их с помощью воображения.

Если спросить нас, как погиб Чапаев, то каждый, не задумываясь, ответит: он был постигнут вражеской пулей, когда вплавь переправился на другой берег Урала. А вот запись из дневника Фурманова: «На обрыве остался один Чапай... Больше Чапая никто не видел... Может быть, и Чапай кинулся в воду — измученный, израненный, ослабевший. Может быть, утонул в изнеможении, а может быть, и в полных добила его меткая вражеская пуля». Ни один свидетель последних мгновений жизни героя не остался в живых. Сцена гибели Чапаева в одноименной повести создана творческим воображением Фурманова. Но как потрясающе правдива эта сцена!

Нельзя нарисовать картину жизни, оставаясь равнодушным к тому, что изображаешь. Даже один и тот же предмет разные художники воспроизводят по-разному, потому что по-разному видят и оценивают его, по-разному думают и чувствуют. Писатель не может быть бесстрастным. Он всегда что-то утверждает, что-то отрицает. Его картины всегда одушевлены мыслью и чувством. Вот почему они вызывают в нас вихрь сложных и разнообразных переживаний. Чем сильнее чувство писателя, чем ярче он видит окружающий мир, чем больше знает о нем, чем искуснее и талантливее он как художник, тем более сильный отклик находят его творения в душе читателя.

Картина жизни, нарисованная писателем и проникнутая его мыслями, чувствами, переживаниями, называется *художественным образом*.

Среди художественных образов в литературе главное место занимают образы людей (литературных героев), изображение их жизни, их внешности, поступков, мыслей, чувств, их отношений друг к другу и к окружающему миру, их характеров (то есть их основных качеств). Но писатели рисуют и образы родной природы («Мещерская сторона» Паустовского), и образы животных («Каштанка» Чехова).

Образность — отличительная особенность художественной литературы (в сравнении с научной). В образности разгадка того влияния, которое оказывает литература на человека.

**Отличие
художественной
литературы
от других видов
искусства.**

Картины жизни, образы рисует и живописец. По-своему жизнь и характеры людей отражаются в музыке и скульптуре. Чем же отличается художественная литература от других видов искусства?

Живописец воссоздает на холсте жизнь природы и человека с помощью линий и красок. Скульптор запечатлевает внешность и характеры людей в глине, мраморе, металле и других материалах. Композитор выражает самые тонкие оттенки душевной жизни человека с помощью звуков. Оружие писателя — слово. *Художественная литература — это искусство слова.*

Говоря о силе художественного слова, М. Горький вспоминал, как в отрочестве он был совершенно изумлен одним из рассказов знаменитого французского писателя Флобера: он настолько ярко

представил себе героиню рассказа, простую кухарку, что стал рассматривать страницы книги на свет, пытаясь найти между строк разгадку «фокуса».

Ни одно искусство не может так наглядно, «объемно» изобразить человека, как живопись и скульптура. Но и живописец и скульптор «схватывают» лишь один момент жизни, и, рассматривая картину и скульптуру, мы только догадываемся о том, что предшествовало этому моменту, что последует за ним. Ни живописец, ни скульптор не имеют средств, чтобы показать своих героев в движении, в изменении, в развитии.

Писатель может нарисовать и один момент, и историю человеческой жизни, и одно событие, и цепь самых сложных событий. Он изображает и мир видимый (природа, предметы, внешность людей), и мир «невидимый», внутренний мир человека. Самые сокровенные переживания, самые многогранные характеры, самые сложные отношения между людьми подвластны художнику слова.

Вопросы и задания

1. В Энциклопедическом словаре содержится следующее описание степи: «Степь (степная зона) — физико-географическая зона, расположенная в северном полушарии, к югу от зоны лесостепи. Представляет собой безлесное пространство, покрытое травянистой, приспособленной к сухому климату растительностью. Почвы черноземные и каштановые. Характерны дерновинные злаки (ковыли, типчак)». Сравните это научное описание с описанием степи в повести Гоголя «Тарас Бульба». В чем разница?

2. Вспомните «Песнь о вещем Олеге» Пушкина и картину В. Васнецова «Прощание Олега с конем». Что мы узнаем об Олеге из картины Васнецова, что — из баллады Пушкина? Какими средствами изобразил князя живописец, какими — поэт?

3. Сравните картину Репина «Бурлаки на Волге» с поэтическим изображением бурлаков в стихотворении Некрасова «На Волге». В чем сходство? В чем разница?

...В области искусства, в творчестве сердца, русский народ обнаружил изумительную силу, создав при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир. Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его родило десятки великих художников слова, звуков, красок.

Гигант Пушкин, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России, а рядом с ним волшебник Глинка и прекрасный Брюллов, беспощадный к себе и людям Гоголь, тоскующий Лермонтов, грустный Тургенев, гневный Некрасов, великий бунтовщик Толстой... Все это грандиозное создано Русью менее чем в сотню лет. Радостно, до безумной гордости волнует не только обилие талантов, рожденных Россией в XIX веке, но и поражающее разнообразие их...

М. Горький.

...Мы — искусство первой в мире страны социализма. Нам первым выпало на долю счастье рассказать людям о социалистической жизни и о том, как она была завоевана...

Это на наших страницах, полотнах, подмостках, кинолентах, из-под наших смычков и резцов впервые в мировом искусстве выступил и заговорил новый герой истории — человек социалистического общества, человек с большой буквы, простой человек из простых масс, утвердивший на земле справедливые... человеческие отношения.

А. Фадеев.

Александр Сергеевич

ПУШКИН

СОЛНЦЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Мы горды тем, что Пушкин принадлежит народу... Глядя в свое прошлое, без всяких повязок на глазах, счастливые, что в нем возвышается такая вершина, как Пушкин, мы видим также всех виновников его трагического конца...

И когда мы вглядываемся в судьбу Пушкина, когда своим воображением рисуем его жизнь, — день за днем, шаг за шагом, — когда видим его конец, нас охватывает негодование.

Поэт, переполненный творческими силами, с гением, столь же неугасимым в страстных стихах, как и в чудесной, трезвой прозе, человек клокочущей жизненности, с душою ясной и прямой, — Пушкин жил под тайным надзором полиции, зная своих шпионов, получая от них неизменные уверения, что за ним не существует никакого надзора; Пушкин писал под неусыпным наблюдением цензора¹, которому было невозможно возразить, с которым было нельзя рассуждать, которого любовью жест был сильнее любого закона, — Пушкин писал под

(1799—1837)

цензурой царя; Пушкин обязан был испрашивать разрешение на опубликование своих стихов и прозы; он был обязан испрашивать разрешение на путешествия и поездки; он должен был получить соизволение на женитьбу. Пушкину на каждом шагу преподавались начальством советы, назидания, ему делались выговоры, двадцати одного года его сослали на окраину России, двадцати пяти — запрятали в деревенскую глушь...

И мы лишь приблизительно можем себе представить, как угнетал Пушкина окружавший его свет¹ — общество пустое, жестокое, бездельное, жадное до сплетен и скандалов, спесивое, раболопное перед самовластным царем.

Деревня, когда-то опостылевшая, как тюрьма, стала казаться Пушкину спасением от издевательств и гнета Петербурга. Но царь запрещает ему покинуть столицу. Спустя немного больше года после этого запрета Пушкин опять настойчиво собирается в деревню. Но тут настигает его завязка трагедии и дни его сочтены.

¹ *Цензор* — лицо, осуществляющее надзор за произведениями, предназначенными для печати, для постановки на сцене и т. д.

¹ *Свет* (дореволюц., устар.) — ограниченный круг людей, принадлежащих к привилегированным классам.

Пушкин смертельно ранен Дантесом около пяти часов вечера 27 января. Он живет после ранения сорок шесть часов. Почти все это время он в сознании. Близкие видят его умирающим, он прощается с ними мужественно и просто, как жил...

Молва о его смерти распространяется по городу быстро. Муковский пишет, что, «конечно, более 10 000 человек приходило взглянуть» на мертвого Пушкина. Другой свидетель утверждает, что «в один день приходило на поклонение его гробу 32 000 человек». Третий пишет, что «со времени смерти Пушкина и до перенесения его праха в церковь в его доме перебивало до 50 000 лиц всех состояний¹». Четвертый говорит, что «народ туда валил толпами»; пятый — что «толпа публики стеною стояла против окон» квартиры Пушкина...

Гибель Пушкина — один из потрясающих обвинительных актов, предъявленных историей царизму, совершившему преступление против русского народа, любовь которого к Пушкину, гордость за своего национального гения были жестоко ранены и оскорблены. Этого оскорбления народного чувства новый хозяин нашей страны — ее младое племя² — никогда не позабудет и никогда не простит.

¹ Состояние — здесь: звание, общественное положение.

² Имеются в виду строки из стихотворения Пушкина «Вновь я посетил...», в которых поэт, как бы обращаясь к своим далеким потомкам, восклицал:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое!

Это племя предает позору всех, кто виновен в смерти Пушкина, и это племя восклицает: да здравствует бессмертный Пушкин!

(К. А. Ф е д и н. О Пушкине.)

...У каждого из нас — свой Пушкин, остающийся одним для всех. Он входит в нашу жизнь в самом начале ее и уже не покидает нас до конца.

Я узнал и полюбил Пушкина в том возрасте, когда гораздо слаще слушать чтение, чем читать самому. Со слуха я знал «Сказку о царе Салтане», «Полтавский бой» из «Полтавы», «Сон Татьяны» из «Евгения Онегина», «Жениха». Но «Капитанская дочка» явилась для меня первой в жизни самостоятельно прочитанной книгой. Я помню формат¹ книги, ее запах, помню, как я был счастлив, что сам открыл эту неизвестную мне со слуха историю.

Я был захвачен ею и засиделся у окна избы дотемна, и когда дошел до бурана в Оренбургской степи, то увидел, что за окном пошел снег, и это стало неизгладимым до сих пор впечатлением как бы магической² силы, изошедшей от пушкинской страницы. С того вечера я стал читателем книг, и мне бесконечно дорого, что этим я обязан Пушкину. А кто не обязан ему радостью приобщения на самой заре жизни к источнику, из которого потом пить всю жизнь!

(А. Т. Т в а р д о в с к и й. Пушкин.)

¹ Формат — размер.

² Магический — волшебный, чудодейственный (от маг — волшебник).

Вопросы

1. Что вы знаете о жизни и личности Пушкина?
2. Какие произведения Пушкина вы читали и изучали? Что вам понравилось в них?

А. С. ПУШКИН В РАБОТЕ НАД ПОВЕСТЬЮ «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

В 1833 году Пушкин начинает изучать архивные материалы, обращается к разным лицам с просьбой сообщить ему все, что известно о Пугачеве, просит у царя разрешения посетить Казанскую и Оренбургскую губернии, где когда-то развертывалось Пугачевское восстание.

Я в Казани с пятого... Здесь я возился со стариками, современниками моего героя [Пугачева]; объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону.

(А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной, 8 сентября 1833 г.)

Осенью 1833 года приехал в Оренбург А. С. Пушкин для собиранья сведений о пугачевском бунте и пожелал посетить Берду... мы отправились с вечера, чтобы к утру собрать стариков и старух, помнящих Пугачева...

По входе в комнату Пушкин сел к столу, вынул записную

книжку и карандаш и начал расспрашивать стариков и старух, и их рассказы записывал в книжку. Одна старушка, современница Пугачева, много ему рассказывала и спела или проговорила песню, сложенную про Пугачева, которую Пушкин и просил повторить. Наконец расспросы кончились, он встал, поблагодарил... стариков, которым роздал несколько серебряных монет, и отправился в Оренбург.

(Н. А. Кайдалов. Воспоминания.)

Уральские казаки (особливо старые люди) донныне привязаны к памяти Пугачева. «Грех сказать, — говорила мне 80-летняя казачка, — на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал». — «Расскажи мне, — говорил я Д. Пьянову, — как Пугачев был у тебя посажёным отцом¹?» — «Он для тебя Пугачев, — отвечал мне сердито старик, — а для меня он был великий государь Петр Федорович²».

(А. С. Пушкин. Замечания о бунте.)

---

¹ Посажёный отец — лицо, заменяющее родителя жениха или невесты при свадебном обряде. Пугачев был посажёным отцом у Дмитрия Пьянова, сына одного из своих сподвижников.

² Пугачев действовал под именем царя Петра III (Петра Федоровича).

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Береги честь смолоду.
Пословица.

Глава I

СЕРЖАНТ ГВАРДИИ

- Был бы гвардии¹ он завтра ж капитан.
- Того не надобно: пусть в армии послужит.
- Изрядно сказано! Пускай его потужит...

.....
Да кто его отец?

Княжнин².

Отец мой, Андрей Петрович Гринев, в молодости своей служил при графе Минихе³ и вышел в отставку премьер-майором⁴ в 17... году. С тех пор жил он в своей симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве. Я был записан в Семеновский полк сержантом⁵, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нынешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стрелянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки⁶. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и

---

¹ *Гвардия* — специальные, отборные войска. Первые гвардейские полки (Преображенский, Семеновский) появились в России при Петре I. В отличие от остального состава армии пользовались особыми преимуществами.

² *Княжнин Я. Б.* (1742—1791) — русский писатель, драматург.

³ *Миних Б. Х.* (1683—1767) — военачальник и политический деятель XVIII века, командовал русскими войсками в войне с Турцией в 1735—1739 годах.

⁴ *Премьер-майор* — старинный офицерский чин (приблизительно соответствует должности командира батальона).

⁵ В XVIII веке дворянские дети с малых лет приписывались к какому-либо полку. Пока они росли, их повышали в чинах.

⁶ *Дядька* — слуга, приставленный к мальчику в дворянской семье.

мог очень здраво судить о свойствах борзого¹ кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза² мосье³ Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава богу, — ворчал он про себя, — кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мосье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel⁴ не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и *врагом бутылки*, то есть (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причем учителя обыкновенно и обносили⁵, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке, и даже стал предпочитать ее винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту⁶ обязан он был учить меня *по-французски, по-немецки и всем наукам*, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора⁷ я и не ждал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю.

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, вниаясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мосье, обольстившего их неопытность. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью-француза. Доложили, что мосье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решил сделать из нее змей, и пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошел в то самое время, как я

¹ *Борзая* — охотничья собака особой породы.

² Обычай приглашать иностранцев для воспитания детей широко распространился среди дворян в XVIII веке. Гонимая за модой, некультурные помещики часто нанимали воспитателями невежественных иностранцев.

³ *Мосье* (в просторечии *мосье*) (франц. *monsieur*) — господин.

⁴ Чтобы стать учителем. Русское слово *учитель* дано во французском написании для придания ему комического оттенка.

⁵ *Обносить* — здесь: пронести угощение мимо.

⁶ *Контракт* — договор, письменное соглашение.

⁷ *Ментор* — наставник, воспитатель (от собственного имени героя древнегреческой поэмы «Одиссея», воспитателя сына мифического царя Одиссея).

Обучение солдат в Белогорской крепости. С рисунка П. Соколова.

прилаживал мочальный хвост к Мысу Добрай Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бодре, разбудил его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Бодре в смянении хотел было привстать и не мог: несчастный француз был мертво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал со двора, к неописанной радости Савельича.

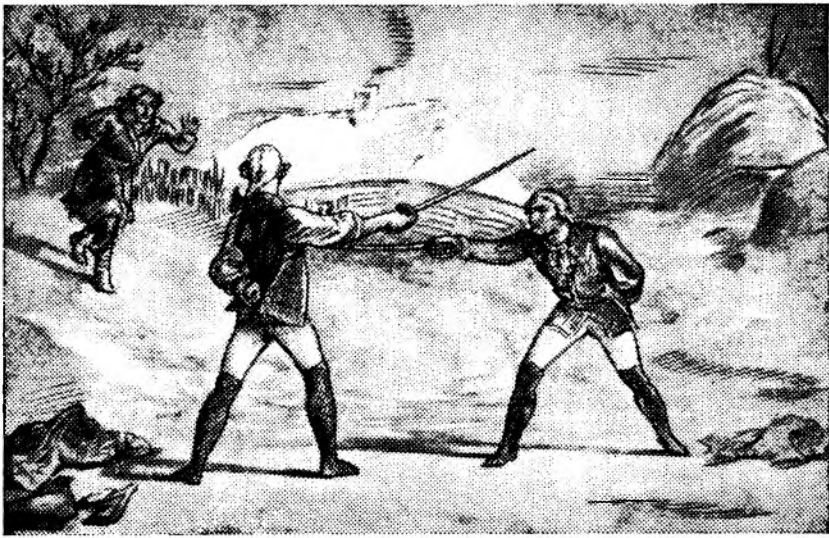
Тем и кончилось мое воспитание.

Я жил недорослем¹, гоня голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменялась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь², ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перчитывал он ее без особенного участия, и чтение это производи-

¹ *Нѣдоросль* — молодой дворянин, не достигший совершеннолетия и не поступивший еще на государственную или военную службу. После появления комедии известного писателя XVIII века Д. И. Фонвизина «Нѣдоросль» это слово стало нарицательным для обозначения лентяев и недоучек.

² *Придворный календарь* (годы издания 1735—1917), помимо календарных и других сведений, содержал списки высших военных и гражданских чинов, роспись дворцовых приемов и пр.

Савельич останавливает дуэль. С рисунка П. Соколова.

ло в нем всегда удивительное волнение желчи¹. Матушка, знаяшая наизусть все его свычай и обычай², всегда старалась засушить несчастную книгу как можно подалее, и таким образом Придворный календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато, когда он случайно его находил, то, бывало, по целым часам не выпускал из своих рук. И так батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик³!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер⁴!.. А давно ли мы?...» Наконец батюшка швырнул календарь на диван и погрузился в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

— Да вот пошел семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще...

— Добро, — прервал батюшка, — пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни.

¹ То есть вызвало раздражение, злобу.

² *Свычай и обычай* (устар.) — привычки.

³ *Генерал-поручик* — один из высших военных чинов царской армии.

⁴ *Кавалёр* — лицо, награжденное орденом. Имеются в виду два высших российских ордена — Андрея Первозванного и Александра Невского.

Пугачев у стен Белогорской крепости.

Пугачев в Белогорской крепости.

С рисунков С. Герасимова.

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слезы потекли по ее лицу.

Напротив того, трудно описать мое восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого.

Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезду моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

— Не забудь, Андрей Петрович, — сказала матушка, — поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями.

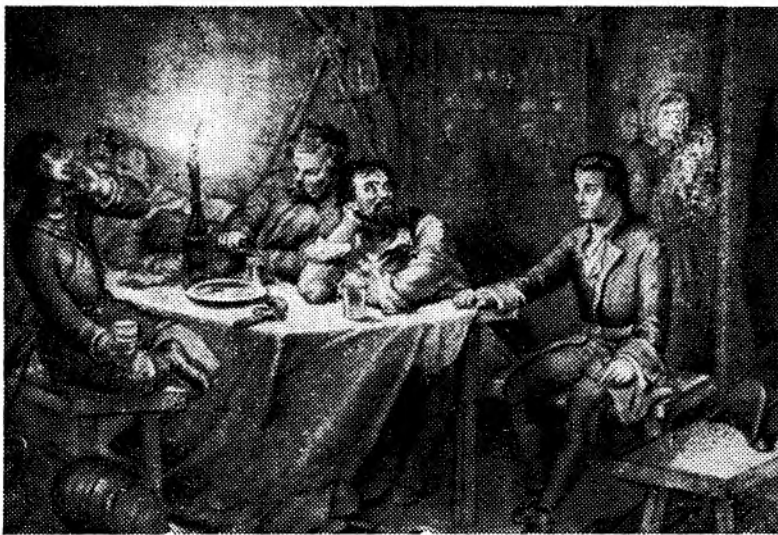
— Что за вздор! — отвечал батюшка нахмурясь. — К какой стати стану я писать к князю Б.?

— Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши.

— Ну, а там что?

— Да ведь начальник Петрушин — князь Б. Ведь Петруша записан в Семеновский полк.

— Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге?

Гринев у Пугачева. С рисунка П. Соколова.

Мотать¹ да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон². Записан в гвардии! Где его пашпорт? Подай его сюда.

Магушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою. Батюшка прочел его со вниманием, положил перед собою на стол и начал свое письмо.

Любопытство меня мучило. Куда ж отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец он кончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подзвав меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством».

Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня гарнизонная скука в стороне глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжким несчастьем. Но спорить было нечего. На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка³; уложили в нее чемодан,

¹ *Мотать* — безрассудно тратить деньги на развлечения и удовольствия.

² *Шаматон* (разг., устар.) — гуляка, шалопай, бездельник.

³ *Кибитка* — крытая повозка.

Прощание Гринева с Машей.
С рисунка П. Соколова.

погребец¹ с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь мое здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами.

В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился в трактире. Савельич с утра отправился по лавкам. Соскуча глядеть из окна на грязный переулок, я пошел бродить по всем комнатам. Вошел в биллиардную, увидел я высокого барина, лет тридцати пяти, с длинными черными усами, в халате, с кием² в руке и с трубкой в зубах. Он играл с маркером³, который при выигрыше выпивал рюмку водки, а при проигрыше должен был лезть под биллиард на четверинках. Я стал смотреть на их игру. Чем далее она продолжалась, тем прогулки на четверинках становились чаще, пока наконец маркер остался под биллиардом. Барин произнес над ним несколько сильных выражений в виде надгробного слова и предложил мне сыграть партию. Я отказался по неумению. Это показалось ему, по-видимому, странным. Он поглядел на меня как бы с сожалением; однако мы разговорились. Я узнал, что его зовут Иваном Ивановичем Зуриным, что он ротмистр⁴ гусарского полка и находится в Симбирске при приеме рекрут⁵, а стоит в трактире. Зурин пригласил меня

¹ *Погребёц* (устар.) — дорожный сундучок для посуды и съестных припасов.

² *Кий* — палка, употребляемая в биллиардной игре.

³ *Маркёр* (франц.) — лицо, прислуживающее при билльярде.

⁴ *Ротмистр* — офицерский чин в кавалерии (соответствовал чину капитана в пехоте).

⁵ *Рекрут* (устар.) — солдат-новобранец, лицо, только что призванное на военную службу. Здесь употреблена устарелая форма родительного падежа множественного числа (вместо *рекрутов*).

отобедать с ним вместе чем бог послал, по-солдатски. Я с охотою согласился. Мы сели за стол. Зурин пил много и потчевал и меня, говоря, что надобно привыкать к службе; он рассказывал мне армейские анекдоты, от которых я со смеху чуть не валялся, и мы встали из-за стола совершенными приятелями. Тут вызвался он выучить меня играть на биллиарде. «Это, — говорил он, — необходимо для нашего брата служивого. В походе, например, придешь в местечко — чем прикажешь заняться?.. Поневоле пойдешь в трактир и станешь играть на биллиарде; а для того надобно уметь играть!» Я совершенно был убежден и с большим прилежанием принялся за учение. Зурин громко ободрял

Емельян Пугачев. Портрет, приложенный Пушкиным к «Истории Пугачева».

меня, дивился моим быстрым успехам и после нескольких уроков предложил мне играть в деньги, по одному грошу¹, не для выигрыша, а так, чтобы только не играть даром, что, по его словам, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зурин велел подать пуншу² и уговорил меня попробовать, повторяя, что к службе надобно мне привыкать; а без пуншу что и служба! Я послушался его. Между тем игра наша продолжалась. Чем чаще прихлебывал я от моего стакана, тем становился отважнее. Шары поминутно летали у меня через борт; я горячился, бранил маркера, который считал бог ведает как, час от часу умножал игру, словом, — вел себя как мальчишка, вырвавшийся на волю. Между тем время прошло незаметно. Зурин взглянул на часы, положил кий и объявил мне, что я проиграл сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я стал извиняться. Зурин меня прервал: «Помилуй! Не изволь и беспокоиться. Я могу и подождать, а покамест поедем к Аринушке».

Что прикажете? День я кончил так же беспутно, как и начал. Мы отужинали у Аринушки. Зурин поминутно мне подливал, повторяя, что надобно к службе привыкать. Встав из-за стола,

¹ Грош — полкопейки.

² Пунш — напиток из рома, вскипяченного с сахаром, водой и фруктовыми приправами.

С рисунка С. Герасимова.

я чуть держался на ногах; в полночь Зурин отвез меня в трактир.

Савельич встретил нас на крыльце. Он ахнул, увидя несомненные признаки моего усердия к службе. «Что это, сударь, с тобою сделалось? — сказал он жалким голосом, — где ты это нагрузился? Ахти, господи! отроду такого греха не бывало!» — «Молчи, хрыч! — отвечал я ему, запинаясь, — ты, верно, пьян, пошел спать и уложи меня».

На другой день я проснулся с головною болью, смутно припоминая себе вчерашние происшествия. Размышления мои прерваны были Савельичем, вошедшим ко мне с чашкою чая. «Рано, Петр Андреич, — сказал он мне, качая головою, — рано начинаешь гулять. И в кого ты пошел? Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме кваса, в рот ничего не изволила брать. А кто всему виноват? Проклятый мусье. То и дело, бывало, к Антипьевне забежит: «Мадам, же ву при¹, водкю!» Вот тебе и же ву при. Нечего сказать: добру наставил, собачий сын. И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей!»

Мне было стыдно. Я отвернулся и сказал ему: «Поди вон, Савельич; я чаю не хочу». Но Савельича мудрено было унять, когда бывало примется за проповедь. «Вот видишь ли, Петр Андреич, какво подгуливать. И головке-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человек пьющий ни на что не годен... Выпей-ка огуречного рассолу с медом, а всего лучше опохмелиться полстаканчиком настойки. Не прикажешь ли?»

В это время мальчик вошел и подал мне записку от И. И. Зурина. Я развернул ее и прочел следующие строки:

«Любезный Петр Андреевич, пожалуйста, пришли мне с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл. Мне крайняя нужда в деньгах.

Готовый к услугам
Иван Зурин».

Делать было нечего. Я взял на себя вид равнодушный и, обратясь к Савельичу, который был *и денег, и белья, и дел моих рачитель*², приказал отдать мальчику сто рублей. «Как! за чем?» — спросил изумленный Савельич. — «Я их ему должен» — отвечал я со всевозможной холодностию. — «Должен! — возразил Савельич, час от часу приведенный в большее изумление, — да когда же, сударь, успел ты ему задолжать? Дело что-то неладно. Воля твоя, сударь, а денег я не выдам».

¹ Сударыня, я вас прошу (франц.).

² «И денег, и белья, и дел моих рачитель» — цитата из стихотворного «Послания к слугам моим» Д. И. Фонвизина. *Рачитель* (книжн., устар.) — человек, заботящийся о чем-либо, ведающий чем-либо.

Я подумал, что если в сию¹ решительную минуту не переспорю упрямого старика, то уж в последствии времени трудно будет мне освободиться от его опеки, и, взглянув на него гордо, сказал: «Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать и делать то, что тебе приказывают».

Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остолбенел. «Что же ты стоишь!» — закричал я сердито. Савельич заплакал. «Батюшка Петр Андреич, — произнес он дрожащим голосом, — не умори меня с печали. Свет ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутил, что у нас и денег-то таких не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебе родители крепко-накрепко заказали не играть, кроме как в орехи...» — «Полно врать, — прервал я строго, — подавай сюда деньги, или я тебя взащеи прогоню».

Савельич поглядел на меня с глубокой горестью и пошел за моим долгом. Мне было жаль бедного старика; но я хотел вырваться на волю и доказать, что уж я не ребенок. Деньги были доставлены Зурину. Савельич поспешил вывезти меня из проклятого трактира. Он явился с известием, что лошади готовы. С беспокойной совестью и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска, не простясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидеться.

Глава II ВОЖАТЫЙ

*Сторона ль моя, сторонюшка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не добрый ли да меня конь завез:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая,
И хмелинушка кабацкая.*

Старинная песня.

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаться в душе, что поведение мое в симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Все это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке², отвернувшись от меня, и молчал, изредка только покрывая. Я непременно хотел с ним помириться и не знал, с чего начать. Наконец я сказал ему:

¹ Сей, сия, сие (устар.) — этот, эта, это.

² Облучок — сиденье для кучера в повозке.

— Ну, ну, Савельич! полно, помиримся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперед вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся.

— Эх, батюшка Петр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашел к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только! Как покажусь я на глаза господам? Что скажут они, как узнают, что дитя пьет и играет.

Чтобы утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя все еще изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дело!»

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал:

— Барин, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачем?

— Время ненадежно; ветер слегка подымается; — вишь, как он сметает порошу¹.

— Что ж за беда!

— А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

— А вон — вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Я слышал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно с мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силен; я надеялся добраться заблаговременно до следующей станции² и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но все поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!»...

¹ *Порбша* — только что выпавший снег.

² *Станция* — пункт остановки и смены лошадей на больших дорогах, почтовых трактах.

Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали.

— Что же ты не едешь? — спросил я ямщика с нетерпением.

— Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка, — невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом.

Я стал было его бранить. Савельич за него заступился.

— И охота было не слушаться, — говорил он сердито, — воротился бы на постоянный двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда съездем? Добро бы на свадьбу! — Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила¹ или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то черное.

— Эй, ямщик! — закричал я, — смотри: что там такое чернеется?

Ямщик стал всматриваться.

— А бог знает, барин, — сказал он, садясь на свое место, — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек.

Я приказал ехать на знакомый предмет, который тотчас и стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поравнялись с человеком.

— Гей, добрый человек! — закричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорога?

— Дорога-то здесь; я стою на твердой полосе, — отвечал дорожный, — да что толку?

— Послушай, мужичок, — сказал я ему, — знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?

— Сторона мне знакомая, — отвечал дорожный, — слава богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперек. Да, вишь, какая погода: как раз собьешься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдем дорогу по звездам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уже решился, предав себя божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай».

— А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. — Ямщик казался мне прав.

---

¹ Жило (устар.) — жилье.

«В самом деле, — сказал я, — почему думаешь ты, что жило недалече?» — «А потому, что ветер оттоле потянул, — отвечал дорожный, — и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил циновку¹, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю² с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда существенность³, уступая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран еще свирепствовал и мы еще блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтоб батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почел бы его умышленным слушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, — говорит она мне, — отец болен при смерти и желает с тобою проститься». Пораженный страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постели, матушка приподнимает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал: он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего, вижу в постели лежит мужик с черной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» — «Все равно, Петруша, — отвечала мне матушка, — это твой посажёный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны.

Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах...

¹ *Циновка* — здесь: занавеска из плетеной рогожи.

² *Соображаю* — здесь: сопоставляю, согласую.

³ *Существенность* (устар.) — действительность, окружающий мир, явь.

Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под мое благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич держал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

— Куда приехали? — спросил я, протирая глаза.

— На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран еще продолжался, хотя с меньшей силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввел меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала ее. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий¹ казак, казался мужик лет шестидесяти, еще свежий и бодрый. Савельич внес за мною погребец, потребовал огня, чтобы готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошел хлопотать.

— Где же вожатый? — спросил я у Савельича.

— Здесь, ваше благородие,² — отвечал мне голос сверху.

Я взглянул на полати и увидел черную бороду и два сверкающих глаза.

— Что, брат, прозяб?

— Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? заложил вечер у целовальника², мороз показался не велик.

В эту минуту хозяин вошел с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна. Он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднес ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питье». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца³ штоф⁴ и стакан, подошел к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, — сказал он, — опять ты в нашем краю! Отколе бог принес?» — Вожатый мой мигнул значительно и ответил поговоркою: «В огороде летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?»

¹ *Яицкий* — живущий на реке Яик (после Пугачевского восстания Яик был переименован Екатериной II в Урал, чтобы само название реки не напоминало о Пугачеве).

² *Целовальник* (устар.) — продавец вина в питейных домах, кабаках.

³ *Ставец* (устар.) — невысокий шкаф для посуды.

⁴ *Штоф* — бутыл (объемом 1/10 ведра).

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне¹ звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте².

— Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье! — При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и вошел на полати.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмиренного после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, *умет*, находился в стороне, в степи, далеке от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань³. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лег на лавку. Савельич решил убраться на печь; хозяин лег на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помощь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился.

— Полтину на водку! — сказал он, — за что это? За то, что ты же изволил подвести его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придется голодать.

Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно, однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения.

— Хорошо, — сказал я хладнокровно, — если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп.

— Помилуй, батюшка Петр Андреич! — сказал Савельич. — Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке.

¹ *Вечёрня* — вечернее церковное богослужение.

² *Погост* — кладбище.

³ *Пристань* — здесь: приставище, приют, убежище.

— Это, старинушка, уж не твоя печаль, — сказал мой бродяга, — пропью ли я или нет. Его благородие мне жалуется¹ шубу с своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дело не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойник! — отвечал ему Савельич сердитым голосом. — Ты видишь, что дитя еще не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напялишь его на свои окоянные плечища.

— Прошу не умничать, — сказал я своему дядьке, — сейчас неси сюда тулуп.

— Господи владыко! — простонал мой Савельич. — Заячий тулуп почти новешенький! И добро бы кому, а то пьянице оголелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле, тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». Он пошел в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней выюге, о своем вожатом и о заячем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину роста высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времен Анны Иоанновны², а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от бабушки. При имени его он взглянул на меня быстро. «Поже мой! — сказал он. — Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет; а теперь вот уж какой у него молотец! Ах, время, время!» Он распечатал письмо и стал читать его вполголоса, делая свои замечания: «Милостивый государь Андрей Карлович, надеюсь, что ваше превосходительство»... Это что за серемонии? Фу, как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад³?.. «ваше превосходительство не забыло»... гм... «и... когда... покойным фельдмаршалом⁴ Мин... походе... также и... Каролинку»... Эхе, брудер⁵! так он еще помнит стары наши проказ? «Теперь о деле... К вам моего повесу»... гм... «держать в ежовых рукавицах»... Что такое ешovy рукавиц? Это должно быть русска поговорк... Что такое «держать в ешовых рукавицах»? — повторил он, обращаясь ко мне.

¹ Жаловать (устар.) — награждать, дарить.

² Анна Иоанновна (1693—1740) — русская царица.

³ Друз, товарищ (нем.).

⁴ Фельдмаршал — высший воинский чин в царской армии.

⁵ Брат (нем.).

— Это значит, — отвечал я ему с видом как можно более невинным, — обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах.

— Гм, понимаю... «и не давать ему воли»... нет, видно, ешovy рукавицы значит не то... «При сем... его паспорт»... Где ж он? А, вот... «отписать в Семеновский»... Хорошо, хорошо: все будет сделано... «Позволишь без чинов обнять себя и... старым товарищем и другом» — а! наконец догадался... и прочая и прочая... Ну, батюшка, — сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт, — все будет сделано: ты будешь офицером переведен в*** полк, и чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в команде капитана Миронова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоящей, научись дисциплине. В Оренбурге делать тебе нечего; рассеяние¹ вредно молодому человеку. А сегодня милости просим отобедать у меня.

«Час от часу не легче! — подумал я про себя, — к чему послужило мне то, что почти в утробе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело? В*** полк и в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей²!..» Я отобедал у Андрея Карловича, втроем с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон. На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

Глава III КРЕПОСТЬ

*Мы в фортеции³ живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирושку:
Зарядим картечью пушку.*

Солдатская песня.

Старинные люди, мой батюшка.

«Недоросль».

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река еще не замерзла, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские

¹ *Рассеяние* — здесь: развлечение, приятное времяпрепровождение.

² Степи к востоку от реки Урал. Киргиз-кайсаками в старину называли казахов.

³ *Фортеция* (устар.) — крепость.

степи. Я погрузился в размышления, большею частию печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. Между тем начало смеркаться. Мы ехали довольно скоро.

— Далече ли до крепости? — спросил я у своего ямщика.

— Недалече, — отвечал он. — Вон уж видна.

Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы¹, башни и вал; но ничего не видел, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирда сена, полузанесенные снегом; с другой — скривившаяся мельница, с лубочными² крыльями, лениво опущенными.

— Где же крепость? — спросил я с удивлением.

— Да вот она, — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломой. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошел в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид³, сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зеленого мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войди, батюшка, — отвечал инвалид, — наши дома». Я вошел в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой, на стене висел диплом офицерский⁴ за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки⁵, представляющие взятие Кистрина и Очакова⁶, также выбор невесты и погребение кота. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире.

— Что вам угодно, батюшка? — спросила она, продолжая свое занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мою речь. «Ивана Кузьмича дома нет, —

¹ *Бастион* — один из видов крепостных укреплений.

² *Лубочный* — здесь: лубяной, сделанный из липового лубка, т. е. подкорья.

³ *Инвалид* — здесь (устар.): военнослужащий, состарившийся на службе.

⁴ *Диплом офицерский* — свидетельство о присвоении офицерского звания.

⁵ *Лубочные картинки* — дешевые картинки, отпечатанные с гравировальных липовых досок, лубков.

⁶ *Кистрин* (*Кюстрин*) — прусская крепость, осажденная русскими войсками в 1758 году. *Очаков* — турецкая крепость, взятая русскими в 1737 году.

сказала она, — он пошел в гости в отца¹ Герасиму; да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула девку и велела ей позвать урядника². Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством. «Смею спросить, — сказал он, — вы в каком полку исполнили служить?» Я удовлетворил его любопытству. «А смею спросить, — продолжал он, — зачем изволили вы перейти из гвардии в гарнизон?» Я отвечал, что такова воля начальства. «Чаятельно³, за неприличные гвардии офицеру поступки», — продолжал неутомимый вопрошатель⁴. — «Полно врать⁵ пустяки, — сказала ему капитанша, — ты видишь, молодой человек с дороги устал; ему не до тебя... (держи-ка руки прямее...). А ты, мой батюшка, — продолжала она, обращаясь ко мне, — не печалься, что тебя упекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится. Швабрин Алексей Иванович вот уж пятый год как к нам переведен за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяла с собою шпаги, да и ну друг в друга ширять; а Алексей Иванович заколол поручика, да еще при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет».

В эту минуту вошел урядник, молодой и статный казак. «Максимум! — сказала ему капитанша. — Отведи господину офицеру квартиру, да почище». — «Слушаю, Василиса Егоровна, — отвечал урядник. — Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?» — «Врешь, Максимум, — сказала капитанша, — у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. Отведи господина офицера... как ваше имя и отчество, мой батюшка?» — «Петр Андреич». — «Отведи Петра Андреича к Семену Кузову. Он, мошенник, лошадь свою пустил ко мне в огород. Ну что, Максимум, все ли благополучно?»

— Все, слава богу, тихо, — отвечал казак, — только капрал⁶ Прохоров подрался в бане с Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

— Иван Игнатьич! — сказала капитанша кривому старичку. — Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоим и накажи. Ну, Максимум, ступай себе с богом. Петр Андреич, Максимум отведет вас на вашу квартиру.

Я откланялся. Урядник привел меня в избу, стоявшую на высоком берегу реки, на самом краю крепости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мне. Она со-

¹ Отец — так называли священников.

² Урядник — лицо младшего командного состава в казачьих войсках царской армии.

³ Чаятельно (устар.) — вероятно, по-видимому.

⁴ Вопрошатель (устар.) — спрашивающий, задающий вопрос.

⁵ Врать — здесь (устар.): болтать.

⁶ Капрал — первый после рядового чин в армии XVIII века.

стояла из одной горницы, довольно опрятной, разделенной надвое перегородкой. Савельич стал в ней распоряжаться; я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избышек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем. И вот в какой стороне осужден я был проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошел от окошка и лег спать без ужина, несмотря на увещания Савельича, который повторял с сокрушением: «Господи владыко! Ничего кушать не изволит! Что скажет барыня, коли дитя занеможет?»

На другой день поутру я только что стал одеваться, как дверь отворилась и ко мне вошел молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. «Извините меня, — сказал он мне по-французски, — что я без церемонии прихожу с вами познакомиться. Вчера узнал я о вашем приезде; желание увидеть наконец человеческое лицо так овладело мною, что я не вытерпел. Вы это поймете, когда проживете здесь еще несколько времени». Я догадался, что это был офицер, выписанный¹ из гвардии за поединок. Мы тотчас познакомились. Швабрин был очень не глуп. Разговор его был остер и занимателен. Он с большой веселостью описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смеялся от чистого сердца, как вошел ко мне тот самый инвалид, который чинил мундир в передней коменданта, и от имени Василисы Егоровны позвал меня к ним обедать. Швабрин вызвался идти со мною вместе.

Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фронт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого роста, в колпаке и китайчатом² халате. Увидя нас, он к нам подошел, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать. Мы остановились было смотреть на учение; но он попросил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами.

— А здесь, — прибавил он, — нечего вам смотреть.

Василиса Егоровна приняла нас запросто и радушно и обошлась со мною, как бы век была знакома. Инвалид и Палашка накрывали стол. «Что это мой Иван Кузьмич сегодня так заучился! — сказала комендантша. — Палашка, позови барина обедать. Да где же Маша?» Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на нее с предубежде-

¹ *Выписанный* — здесь: исключенный, вычеркнутый из списков.

² *Китайчатый* — сделанный из китайки — плотной гладкой хлопчатобумажной ткани.

шем Швабрии описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенно дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить. Между тем подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за ним Палашку. «Скажи барину: гости-де ждут, щи простынут; слава богу, учење не уйдет; успеет накричаться». Клинтан вскоре явился, сопровождаемый кривым старичком. «Что это, мой батюшка?» — сказала ему жена. — Кушанье длинам давно подано, а тебя не дозовешься». — «А слышь ты, Василиса Егоровна, — отвечал Иван Кузьмич, — я был занят службой солдатушек учил». — «И, полно! — возразила капитанша. — Только слава, что солдат учишь: ни им служба не дается, ни ты в ней толку не ведаешь. Сидел бы дома да богу молился, так было бы лучше. Дорогие гости, милости просим за стол».

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково их состояние? Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! — сказала она, — ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава богу, живем помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое¹? частый гребень, да вешик, да алтын² денег (прости бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человек; а то сиди себе в девках вековечной невестою». Я взглянул на Марью Ивановну: она вся покраснела, и даже слезы капнули на ее тарелку. Мне стало жаль ее, и я спешил переменить разговор. «Я слышал, — сказал я довольно некстати, — что на вашу крепость собираются напасть башкирцы». — «От кого, батюшка, ты изволил это слышать?» — спросил Иван Кузьмич. — «Мне так сказывали в Оренбурге», — отвечал я. — «Пустяки! — сказал комендант. — У нас давно ничего не слыхать. Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку, что лет на десять угомоню». — «И вам не страшно, — продолжал я, обращаясь к капитанше, — оставаться в крепости, подверженной таким опасностям?» — «Привычка, мой батюшка, — отвечала она. — Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи господи, как я боялась проклятых этих нехристей! Как завизжу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу визг, веришь ли, отец мой, сердце так и замрет! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыщут».

— Василиса Егоровна прехрабрая дама, — заметил важно Швабрии. — Иван Кузьмич может это засвидетельствовать.

— Да, слышь ты, — сказал Иван Кузьмич, — баба-то не робкого десятка.

¹ Приданое — имущество, даваемое родными невесты при выдаче ее замуж.

² Алтын — старинная русская монета (равна трем копейкам).

А Марья Ивановна? — спросил я, — так же ли смела, как и вы?

— Смела ли Маша? — отвечала ее мать. — Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья: так и затрепещется. А как тому два года Иван Кузьмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страху на тот свет не отправилась. С тех пор уже и не палим из проклятой пушки.

Мы встали из-за стола. Капитан с капитаншею отправились спать; а я пошел к Швабрину, с которым и провел целый вечер.

Глава IV ПОЕДИНОК

*— Ин изволь и стань же в позитуру¹.
Посмотришь, проколю как я твою
фигуру!*

Княжнин.

Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною. В доме коменданта был я принят как родной. Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузьмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечностью. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком. Марья Ивановна скоро перестала мною дичиться. Мы познакомились. Я в ней нашел благоразумную и чувствительную девушку. Незаметным образом, я привязался к доброму семейству, даже к Ивану Игнатьевичу, кривому гарнизонному поручику, о котором Швабрин выдумал, будто бы он был в непозволительной связи с Василисой Егоровной, что не имело и тени правдоподобия; но Швабрин о том не беспокоился.

Я был произведен в офицеры. Служба меня не отягощала. В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов. Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат; но еще не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая. У Швабрина было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе. По утрам я читал, упражнялся в переводах, а иногда

¹ *Позитура* — поза, положение, принимаемое при дуэли на шпагах.

и в сочинении стихов. Обедал почти всегда у коменданта, где обыкновенно проводил остаток дня и куда вечером иногда являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной, первую вестовщицею¹ во всем околотке. С А. И. Швабриным, разумеется, виделся я каждый день; но час от часу беседа его становилась для меня менее приятною. Всегдашние шутки его насчет семьи коменданта мне очень не нравились, особенно колкие замечания о Марье Ивановне. Другого общества в крепости не было, но я другого и не желал.

Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван внезапным междоусобием.

Я уже сказывал, что я занимался литературою. Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, а Александр Петрович Сумароков², несколько лет после, очень их похвалял. Однажды удалось мне написать песенку, которой был я доволен. Известно, что сочинители иногда, под видом требования советов, ищут благосклонного слушателя. Итак, переписав мою песенку, я пошел ее к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведение стихотворца. После маленького предисловия вынул я из кармана свою тетрадку и прочел ему следующие стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь³ прекрасную забыть,
И ах, Машу избегая,
Мышлю⁴ вольность получить!

Но глаза, что мя⁵ пленили,
Всемигнута предо мной;
Они дух во мне смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнав мои напасти⁶,
Сжался, Маша, надо мной;
Зря⁷ меня в сей лютой части⁸,
И что я пленен тобой.

— Как ты это находишь? — спросил я Швабрину, ожидая похвалы, как дани, мне непременно следующей. Но, к великой моей досаде, Швабрин, обыкновенно снисходительный, решительно объявил, что песня моя нехороша.

— Почему так? — спросил я его, скрывая свою досаду.

— Потому, — отвечал он, — что такие стихи достойны учите-

¹ Вестовщица (устар.) — любительница рассказывать новости.

² Сумароков А. П. (1717—1777) — русский поэт и драматург.

³ Тщусь (устар.) — напрасно стараюсь.

⁴ Мышлю — мыслю, думаю.

⁵ Мя (устар.) — меня.

⁶ Напасти (разг.) — беды, горе, страдания.

⁷ Зря (устар.) — видя.

⁸ Часть (устар.) — здесь: участь, судьба.

ля моего, Василья Кирилыча Тредьяковского¹, и очень напоминают мне его любовные куплеты².

Тут он взял от меня тетрадку и начал немилосердно разбирать каждый стих и каждое слово, издеваясь надо мной самым колким образом. Я не вытерпел, вырвал из рук его мою тетрадку и сказал, что уж отроду не покажу ему своих сочинений. Швабрин посмеялся и над этой угрозой. «Посмотрим, — сказал он, — выдержишь ли ты свое слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузьмичу графинчик водки перед обедом. А кто эта Маша, перед которой изъясняешься в нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?»

— Не твое дело, — отвечал я нахмуясь, — кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнения, ни твоих догадок.

— Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный любовник! — продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня, — но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками.

— Что это, сударь, значит? Изволь объяснитьсь.

— С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег.

Кровь моя закипела.

— А почему ты об ней такого мнения? — спросил я, с трудом удерживая свое негодование.

— А потому, — отвечал он с адской усмешкою, — что знаю по опыту ее нрав и обычай.

— Ты лжешь, мерзавец! — вскричал я в бешенстве, — ты лжешь самым бесстыдным образом.

Швабрин переменился в лице.

— Это тебе так не пройдет, — сказал он, стиснув мне руку. — Вы мне дадите сатисфакцию³.

— Изволь; когда хочешь! — отвечал я, обрадовавшись. В эту минуту я готов был растерзать его.

Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу и застал его с иглою в руках: по препоручению комендантши он нанизывал грибы для сушенья на зиму. «А, Петр Андреич! — сказал он, увидя меня, — добро пожаловать! Как это вас бог принес? по какому делу, смею спросить?» Я в коротких словах объяснил ему, что поссорился с Алексеем Иванычем, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моим секундантом. Иван Игнатьич выслушал меня со вниманием, вытараща на меня свой единственный глаз. «Вы изволите говорить, — сказал он мне, — что хотите Алексея

¹ Тредьяковский В. К. (1703—1769) — русский поэт, переводчик, теоретик литературы. Нередко подвергался несправедливым обвинениям в бездарности и нападкам со стороны литературных противников.

² Куплет — строфа, часть песни.

³ Сатисфакция — удовлетворение (в данном случае это означает вызов на дуэль).

Иванычи заколоть и желаете, чтоб я при том был свидетелем? Так ли? смею спросить».

Точно так.

Помилуйте, Петр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Иванычем побранились? Велика беда! Брань на ворота не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье — и разойдитесь; а мы вас уж помирим. А то: доброе ли дело заколоть своего ближнего, смею спросить? И добро б уж закололи вы его: бог с ним, — Алексеем Иванычем; я и сам до него не охотник. Ну, а если он вас просверлит? На что это будет похоже? Кто будет в дураках, смею спросить?

Рассуждения благоразумного поручика не поколебали меня. Я остался при своем намерении. «Как вам угодно, — сказал Иван Игнатьич, — делайте как разумеете... Да зачем же мне тут быть свидетелем? К какой стати? Люди дерутся; что за невидальщина, смею спросить? Слава богу, ходил я под шведа и под турку¹: всего насмотрелся».

Я кое-как стал изъяснять ему должность секунданта, но Иван Игнатьич никак не мог меня понять. «Воля ваша, — сказал он. — Коли уж мне и вмешаться в это дело, так разве пойти к Ивану Кузьмичу да донести ему по долгу службы, что в фортеции умышляется злодейство, противное казенному интересу: не благоугодно ли будет господину коменданту принять надлежащие меры...»

Я испугался и стал просить Ивана Игнатьича ничего не скачивать коменданту; насилу его уговорил; он дал мне слово, и я решился от него отступиться.

Вечер провел я, по обыкновению своему, у коменданта. Я старался как-то веселым и равнодушным, дабы² не подать никакого подосерения и избегнуть докучных вопросов; но признаюсь, я не имел того хладнокровия, которым хвалятся почти всегда те, которые находились в моем положении. В этот вечер я расположилась мне более обыкновенного. Мысль, что, может быть, вижу ее в последний раз, придавала ей в моих глазах что-то трогательное. Швабрий явился тут же. Я отвел его в сторону и уведомил его о своем разговоре с Иваном Игнатьичем. «Зачем нам секунданти, — сказал он мне сухо, — без них обойдемся». Мы условились драться за скирдами, что находились подле крепости, и явиться туда на другой день в седьмом часу утра. Мы разговоривали, по-видимому, так дружелюбно, что Иван Игнатьич от радости проболтался. «Давно бы так, — сказал он мне с довольным видом, — худой мир лучше доброй ссоры, а и нечестен, так здоров».

¹ То есть участвовал в войнах со шведами и с турками.

² *Дабы* (устар.) — чтобы.

— Что, что, Иван Игнатьич? — сказала комендантша, которая в углу гадала в карты, — я не вслушалась.

Иван Игнатьич, заметив во мне знаки неудовольствия и вспомнив свое обещание, смутился и не знал, что ответить. Швабрин подоспел к нему на помощь.

— Иван Игнатьич, — сказал он, — одобряет нашу мировую.

— А с кем это, мой батюшка, ты ссорился?

— Мы было поспорили довольно крупно с Петром Андреичем.

— За что так?

— За сущую безделицу: за песенку, Василиса Егоровна.

— Нашли за что ссориться! за песенку!.. да как же это случилось.

— Да вот так: Петр Андреич сочинил недавно песню и сегодня запел ее при мне, а я затаил мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять в полночь.

Вышла разладица. Петр Андреич было и рассердился; но потом рассудил, что всяк волен петь, что кому угодно. Тем дело и кончилось.

Бесстыдство Швабрин чуть меня не взбесило; но никто, кроме меня, не понял грубых его обвиняков¹; по крайней мере, никто не обратил на них внимания. От песенок разговор обратился к стихотворцам, и комендант заметил, что все они люди беспутные и горькие пьяницы, и дружески советовал мне оставить стихотворство, как дело службе противное и ни к чему доброму не доводящее.

Присутствие Швабрин было мне несносно. Я скоро простился с комендантом и его семейством; пришел домой, осмотрел свою шпагу, попробовал ее конец и лег спать, приказав Савельичу разбудить меня в седьмом часу.

На другой день в назначенное время я стоял уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскоре и он явился. «Нас могут застать, — сказал он мне, — надобно поспешить». Мы сняли мундиры, остались в одних камзолах² и обнажили шпаги. В эту минуту из-за скирды вдруг появился Иван Игнатьич и человек пять нивалидов. Он потребовал нас к коменданту. Мы повиновались с досадою; солдаты нас окружили, и мы отправились в крепость вслед за Иваном Игнатьичем, который вел нас в торжестве, шагая с удивительной важностию.

Мы вошли в комендантский дом. Иван Игнатьич отворил двери, провозгласив торжественно: «Привел!» Нас встретила Василиса Егоровна. «Ах, мои батюшки! На что это похоже? как? что? в нашей крепости заводить смертоубийство! Иван Кузьмич, сейчас их под арест! Петр Андреич! Алексей Иваныч! Подавайте

¹ Обиняки — намеки.

² Камзол — короткая мужская одежда без рукавов, вроде жилета.

сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги в чулан. Петр Андреич! Этого я от тебя не ожидала. Как тебе не совестно? Добро Алексей Иваныч: он за душегубство и из гвардии выписан, он и в господа бога не верует; а ты-то что? туда же лезешь?»

Иван Кузьмич вполне соглашался с своею супругою и приговаривал: «А слышь ты, Василиса Егоровна правду говорит. Поединки формально запрещены в воинском артикуле¹». Между тем Палашка взяла у нас наши шпаги и отнесла в чулан. Я не мог не засмеяться. Швабрин сохранил свою важность. «При всем моем уважении к вам, — сказал он ей хладнокровно, — не могу не заметить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая нас вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузьмичу: это его дело». — «Ах, мой батюшка! — возразила комендантша, — да разве муж и жена не один дух и одна плоть? Иван Кузьмич! Что ты зевашь? Сейчас рассади их по разным углам на хлеб да на воду, чтоб у них дурь-то прошла; да пусть отец Герасим наложит на них эпитимию², чтоб молили у бога прощения да каялись перед людьми».

Иван Кузьмич не знал, на что решиться. Марья Ивановна была чрезвычайно бледна. Мало-помалу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила нас друг друга поцеловать. Палашка принесла нам наши шпаги. Мы вышли от коменданта, по-видимому, примиренные. Иван Игнатьич нас сопровождал. «Как вам не стыдно было, — сказал я ему сердито, — доносить на нас коменданту после того, как дали мне слово того не делать?» — «Как бог свят, я Ивану Кузьмичу того не говорил, — отвечал он. — Василиса Егоровна выведала все от меня. Она всем и распорядилась без ведома коменданта. Впрочем, слава богу, что все так кончилось». С этим словом он повернул домой, а Швабрин и я остались наедине. «Наше дело этим кончиться не может», — сказал я ему. «Конечно, — отвечал Швабрин, — вы своею кровью будете отвечать мне за вашу дерзость; но за нами, вероятно, станут присматривать. Несколько дней нам должно будет притворяться. До свидания!» — И мы расстались как ни в чем не бывали.

Возвратясь к коменданту, я, по обыкновению своему, подсел к Марье Ивановне. Ивана Кузьмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйством. Мы разговаривали вполголоса. Марья Ивановна с нежностью выговаривала мне за беспорядок, причиненное всем моею ссорой с Швабриным. «Я так и обмерла, — сказала она, — когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю, верно б, они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнью, но и совестью, и

¹ *Воинский артикул* — сборник законов о воинских обязанностях, преступлениях и наказаниях, действовавший в XVIII — начале XIX века.

² *Эпитимия* — церковное наказание (поклоны, пост, длительные молитвы).

благополучием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно, виноват Алексей Иванович».

— А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

— Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Иваныча. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась. Это меня беспокоило бы страх.

— А как вы думаете, Марья Ивановна? Нравится ли вы ему или нет?

Марья Ивановна заикнулась и покраснела.

— Мне кажется, — сказала она, — я думаю, что нравлюсь.

— Почему же вам так кажется?

— Потому что он за меня сватался.

— Сватался! Он за вас сватался? Когда же?

— В прошлом году. Месяца два до вашего приезда.

— И вы не пошли?

— Как изволите видеть. Алексей Иванович, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!

Слова Марьи Ивановны открыли мне глаза и объяснили мне многое. Я понял упорное злоречие, которым Швабрин ее преследовал. Вероятно, замечал он нашу взаимную склонность и старался отвлечь нас друг от друга. Слова, подавшие повод к нашей ссоре, показались мне еще более гнусными, когда, вместо грубой и непристойной насмешки, увидел я в них обдуманную клевету. Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне еще сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая.

Я дожидался недолго. На другой день, когда сидел я за элегией¹ и грыз перо в ожидании рифмы, Швабрин постучался под моим окошком. Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел. «Зачем откладывает? — сказал мне Швабрин, — за нами не смотрят. Сойдем к реке. Там никто нам не помешает». Мы отправились молча. Спустясь по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и monsieur Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я свое имя, громко произнесенное. Я оглянулся и увидел Савельича, сбегавшего ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже плеча; я упал и лишился чувств.

¹ *Элегия* — стихотворение, проникнутое грустью.

*Ах ты, девка, девка красная!
 Не ходи, девка, молода замуж;
 Ты спроси, девка, отца, матери,
 Отца, матери, роду-племени;
 Накопи, девка, ума-разума,
 Ума-разума, приданова.*

Песня народная.

*Буде¹ лучше меня найдешь,
 позабудешь,
 Если хуже меня найдешь,
 вспомняешь.
 То же.*

Очнувшись, я несколько времени не мог опомниться и не понимал, что со мною сделалось. Я лежал на кровати, в незнакомой горнице, и чувствовал большую слабость. Передо мною стоял Савельич со свечкою в руках. Кто-то бережно разбивал перевязи², которыми грудь и плечо были у меня стянуты. Мало-помалу мысли мои прояснились. Я вспомнил свой поединок и догадался, что был ранен. В эту минуту скрипнула дверь. «Что? какой?» — произнес пошепту голос, от которого я затрепетал. «Все в одном положении, — отвечал Савельич со вздохом, — все без памяти, вот уже пятые сутки». Я хотел оборотиться, но не мог. «Где я? кто здесь?» — сказал я с усилием. Марья Ивановна подошла к моей кровати и наклонилась ко мне. «Что? как вы себя чувствуете?» — сказала она. «Слава богу, — отвечал я слабым голосом. — Это вы, Марья Ивановна? скажите мне...» — я не в силах был продолжать и замолчал. Савельич ахнул. Радость изобразилась на его лице. «Опомнись! опомнись! — повторял он. — Слава тебе, владыко! Ну, батюшка Петр Андреич! напугал ты меня! легко ли? пятые сутки!..» Марья Ивановна прервала его речь. «Не говори с ним много, Савельич, — сказала она. — Он еще слаб». Она вышла и тихонько притворила дверь. Мысли мои волновались. Итак, я был в доме коменданта, Марья Ивановна входила ко мне. Я хотел сделать Савельичу некоторые вопросы, но старик замотал головою и заткнул себе уши. Я с досадою закрыл глаза и вскоре забылся сном.

Проснувшись, подозвал я Савельича и вместо его увидел перед собою Марью Ивановну; ангельский голос ее меня приветствовал. Не могу выразить сладостного чувства, овладевшего мною в эту минуту. Я схватил ее руку и прильнул к ней, обливая слезами миленья. Маша не отрывала ее... и вдруг ее губки

¹ *Буде* (устар.) — если.

² *Перевязь* (устар.) — повязка.

коснулся моей щеки, и я почувствовал их жаркий и свежий поцелуй. Огонь пробежал по мне. «Милая, добрая Марья Ивановна, — сказал я ей, — будь моею женою, согласись на мое счастье». Она опомнилась. «Ради бога успокойтесь, — сказала она, отняв у меня свою руку. — Вы еще в опасности: рана может открыться. Поберегите себя хоть для меня». С этим словом она ушла, оставя меня в упоении восторга. Счастье воскресило меня. Она будет моя! она меня любит! Эта мысль наполняла все мое существование.

С той поры мне час от часу становилось лучше. Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было, и, слава богу, не унывал. Молодость и природа ускорили мое выздоровление. Все семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна от меня не отходила. Разумеется, при первом удобном случае я принялся за прерванное объяснение, и Марья Ивановна выслушала меня терпеливее. Она без всякого жеманства¹ призналась мне в сердечной склонности и сказала, что ее родители, конечно, рады будут ее счастью. «Но подумай хорошенько, — прибавила она, — со стороны твоих родных не будет ли препятствия?»

Я задумался. В нежности матушкиной я не сомневался; но, зная нрав и образ мыслей отца, я чувствовал, что любовь моя не слишком его тронет и что он будет на нее смотреть, как на блажь молодого человека. Я чистосердечно признался в том Марье Ивановне и решился, однако, писать к батюшке как можно красноречивее, прося родительского благословения. Я показал письмо Марье Ивановне, которая нашла его столь убедительным и трогательным, что не сомневалась в успехе его и предалась чувствам нежного своего сердца со всею доверчивостью молодости и любви.

С Швабриным я помирился в первые дни моего выздоровления. Иван Кузьмич, выговаривая мне за поединок, сказал мне: «Эх, Петр Андреич! надлежало бы мне посадить тебя под арест, да ты и без того наказан. А Алексей Иваныч у меня-таки сидит в хлебном магазине под караулом, и шпага его под замком у Василисы Егоровны. Пускай он себе надумается да раскается». Я слишком был счастлив, чтобы хранить в сердце чувство неприязненное. Я стал просить за Швабрину, и добрый комендант, с согласия своей супруги, решился его освободить. Швабрин пришел ко мне; он изъявил глубокое сожаление о том, что случилось между нами; признался, что был кругом виноват, и просил меня забыть о прошедшем. Будучи от природы не злопамятен, я искренно простил ему и нашу ссору и рану, мною от него полученную. В клевете его видел я досаду оскорбленного самолюбия и отвергнутой любви и великодушно извинял своего несчастного соперника.

¹ Жеманство — слащавая изысканность, манерность в обращении.

Вскоре я выздоровел и мог перебраться на мою квартиру. С нетерпением ожидал я ответа на посланное письмо, не смея надеяться и стараясь заглушить печальные предчувствия. С Василисой Егоровной и с ее мужем я еще не объяснялся; но предложение мое не должно было их удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать от них своих чувств, и мы заранее были уж уверены в их согласии.

Наконец однажды утром Савельич вошел ко мне, держа в руках письмо. Я схватил его с трепетом. Адрес был написан рукою батюшки. Это приуготовило меня к чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мне матушка, а он в конце приписывал несколько строк. Долго не распечатывал я пакета и перечитывал торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гриневу, в Оренбургскую губернию, в Белогорскую крепость». Я старался по почерку угадать расположение духа, в котором писано было письмо; наконец решился его распечатать и с первых строк увидел, что все дело пошло к черту. Содержание письма было следующее:

«Сын мой Петр! Письмо твое, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак с Марьей Ивановной дочерью Мироновой, мы получили 15 сего месяца, и не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но еще и собираюсь до тебя добраться да за проказы твои проучить тебя путем, как мальчишку, несмотря на твой офицерский чин: ибо ты доказал, что шагу носить еще не достоин, которая пожалована тебе на защиту отечества, а не для дуэлей с такими же сорванцами, каков ты сам. Немедленно буду писать к Андрею Карловичу, прося его перевести тебя из Белогорской крепости куда-нибудь подальше, где бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнав о твоём поединке и о том, что ты ранен, с горести занемогла и теперь лежит. Что из тебя будет? Молю бога, чтоб ты исправился, хоть и не смею надеяться на его великую милость.

Отец твой А. Г.».

Чтение сего письма возбудило во мне разные чувствования. Жестокое выражения, на которые батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым. Мысль о переведении моем из Белогорской крепости меня ужасала, но всего более огорчило меня известие о болезни матери. Я негодовал на Савельича, не сомневаясь, что поединок мой стал известен родителям через него. Шагая вперед и вперед по тесной моей комнате, я остановился перед ним и склонил, взглянув на него грозно: «Видно тебе не довольно, что я, благодаря тебя, ранен и целый месяц был на краю гроба; ты

и мать мою хочешь уморить». Савельич был поражен как громом. «Помилуй, сударь, — сказал он, чуть не зарыдав, — что это изволишь говорить? Я причина, что ты был ранен! Бог видит, бсжал я заслонить тебя своей грудью от шпаги Алексея Иваныча! Старость проклятая помешала. Да что ж я сделал матушке-то твоей?» — «Что ты сделал? — отвечал я. — Кто просил тебя писать на меня доносы? разве ты приставлен ко мне в шпионы?» — «Я? писал на тебя доносы? — отвечал Савельич со слезами. — Господи царю небесный! Так изволь-ка прочитав, что пишет ко мне барин: увидишь, как я доносил на тебя». Тут он вынул из кармана письмо, и я прочел следующее:

«Стыдно тебе, старый пес, что ты, невзирая на мои строгие приказания, мне не донес о сыне моем Петре Андреевиче и что посторонние принуждены уведомлять меня о его проказах. Как ли исполнишь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, старого пса! пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство¹ к молодому человеку. С получением сего приказываю тебе немедленно отписать ко мне, каково теперь его здоровье, о котором пишут мне, что поправилось; да в какое именно место он ранен и хорошо ли его залечили».

Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упреком и подозрением. Я просил у него прощения; но старик был неутешен. «Вот до чего я дожил, — повторял он, — вот каких милостей дослужился от своих господ! Я и старый пес, и свинопас, да я ж и причина твоей раны? Нет, батюшка Петр Андреич! не я, проклятый мусье всему виноват: он научил тебя тыкаться железными вертелами да притопывать, как будто тыканием да топанием уберешься от злого человека! Нужно было нанимать мусье да тратить лишние деньги!»

Но кто же брал на себя труд уведомить отца моего о моем поведении? Генерал? Но он, казалось, обо мне не слишком заботился; а Иван Кузьмич не почел за нужное рапортовать о моем поединке. Я терялся в догадках. Подозрения мои остановились на Швабрине. Он один имел выгоду в доносе, коего следствием могло быть удаление мое из крепости и разрыв с комендантским семейством. Я пошел объявить обо всем Марье Ивановне. Она встретила меня на крыльце. «Что это с вами сделалось? — сказала она, увидев меня. — Как вы бледны!» — «Все кончено!» — отвечал я и отдал ей батюшкино письмо. Она побледнела в свою очередь. Прочитав, она возвратила мне письмо дрожащею рукою и сказала дрожащим голосом: «Видно, мне не судьба... Родные ваши не хотят меня в свою семью. Буди во всем

---

¹ *Потворство* — поощрение, содействие в чем-либо предосудительном, неподобающем.

воля господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно. Делать нечего, Петр Андреич; будьте хоть вы счастливы...» — «Этому не бывать! — вскричал я, схватив ее за руку, — ты меня любишь; я готов на все. Пойдем, кинемся в ноги к твоим родителям; они люди простые, не жестокосердые гордецы... Они нас благословят; мы обвенчаемся... а там, со временем, я уверен, мы умолим отца моего; матушка будет за нас; он меня простит...»

— Нет, Петр Андреич, — отвечала Маша, — я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет тебе счастья. Покоримся воле божией. Коли найдешь себе суженую¹, коли полюбишь другую — бог с тобою, Петр Андреич, а я за вас обоих...

Тут она заплакала и ушла от меня; я хотел было войти за нею в комнату, но чувствовал, что был не в состоянии владеть самим собою, и воротился домой.

Я сидел погруженный в глубокую задумчивость, как вдруг Савельич прервал мои размышления.

— Вот, сударь, — сказал он, подавая мне исписанный лист бумаги, — посмотри, доносчик ли я на своего барина и стараюсь ли я помутить сына с отцом. — Я взял из рук его бумагу: что был ответ Савельича на полученное им письмо. Вот он от слова до слова:

«Государь Андрей Петрович, отец наш милостивый!

Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь писаться на меня, раба вашего, что-де стыдно мне не исполнить господских приказаний, — а я, не старый пес, а верный ваш слуга, господских приказаний слушаюсь и усердно вам вестям служил и дождал до седых волос. Я ж про рану Петра Андреича ничего к вам не писал, чтоб не испугать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна и так с испугу слегла, и за ее здоровье бога буду молить. А Петр Андреич ранен был под правое плечо, в грудь, под самую косточку, в глубину на полтора вершка, и лежал он в доме коменданта, куда привезли мы его с берега, и лечил его здешний цирюльник Степан Парамонов; и теперь Петр Андреич, слава богу, здоров, и про него, кроме хорошего, нечего и писать. Командиры, слышно, нам почтальны, и у Василисы Егоровны он как родной сын. А что с вами случится такая оказия², то быть молодцу не укора: конь и о четырех ногах, да спотыкается. А изволите вы писать, что consente мне в синней листи, и на то ваша боярская воля. За сим кланюсь в раскати.

Верный холоп ваш *Архин Савельев*».

¹ Суженая — невеста.

² Оказия — здесь: редкий, из ряда вон выходящий случай.

Я не мог несколько раз не улыбнуться, читая грамоту¹ доброго старика. Отвечать батюшке я был не в состоянии; а чтоб успокоить матушку, письмо Савельича мне показалось достаточным.

С той поры положение мое переменилось. Марья Ивановна почти со мной не говорила и всячески старалась избегать меня. Дом коменданта стал для меня постыл. Мало-помалу приучился я сидеть один у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мне пеняла²; но, видя мое упрямство, оставила меня в покое. С Иваном Кузьмичом виделся я только, когда того требовала служба. С Швабриным встречался редко и неохотно, тем более что замечал в нем скрытую к себе неприязнь, что и утверждало меня в моих подозрениях. Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение.

Глава VI ПУГАЧЕВЩИНА

*Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем сказывать.*

Песня.

Прежде нежели приступлю к описанию странных происшествий, коим я был свидетель, я должен сказать несколько слов о положении, в котором находилась Оренбургская губерния в конце 1773 года.

Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших еще недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрестанного надзора для удержания их в повиновении. Крепости выстроены были в местах, признанных удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними обладателями яицких берегов. Но яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства беспокойными и опасными подданными. В 1772 году произошло

¹ *Грамота* — здесь: письмо.

² *Пенять* — укорять, выговаривать кому-нибудь.

возмущение в их главном городке. Причиной тому были строгие меры, предпринятые генерал-майором Траубенбергом, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием было варварское убийство Траубенберга, своевольная перемена в управлении и наконец усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями.

Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость. Все было уже тихо или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые злобствовали втайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков.

Обращаюсь к своему рассказу.

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашел я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкого урядника. В комнате не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал». Тут он надел очки и прочел следующее:

«Господину коменданту Белогорской крепости
капитану Миронову.

По секрету.

Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник¹ Емельян Пугачев, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвел возмущение в яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради, с получением сего, имеете вы², господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно, и к совершенному уничтожению оного³, если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению⁴».

---

¹ *Раскольник* — лицо, не признающее господствующей православной церкви, хотя и не отвергающее религиозных взглядов (*раскол* — религиозное движение, возникшее в России XVII века и направленное против господствующей церкви. См. об этом: Нечкина М. В., Лейбенгруб П. С. История СССР. Учебное пособие для VII класса, § 35, пункт 5). «Пугачев, будучи раскольником, в церковь никогда не ходил» (Пушкин А. С. История Пугачева).

² *Имеете вы* — здесь: должны вы.

³ *Оный* (капц.) — вышеупомянутый.

⁴ *Попечение* — здесь: забота, наблюдение.

— Принять надлежащие меры! — сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу. — Слышь ты, легко сказать. Злодей-то видно силен; а у нас всего сто тридцать человек, не считая казачков, на которых плоха надежда, не в укор буди тебе сказано, Максимыч (урядник усмехнулся). Однако делать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота да выводите солдат. Ты, Максимыч, смотри крепко за своими казаками. Пушку осмотреть да хорошенько вычистить. А пуше всего содержите все это в тайне, чтоб в крепости никто не мог о том узнать преждевременно.

Раздав сии повеления, Иван Кузьмич нас распустил. Я вышел вместе с Швабриным, рассуждая о том, что мы слышали.

«Как ты думаешь, чем это кончится?» — спросил я его. «Бог знает, — отвечал он, — посмотрим. Важного покамест еще ничего не вижу. Если же...» Тут он задумался и в рассеянии стал насвистывать французскую арию.

Несмотря на все наши предосторожности, весть о появлении Пугачева разнеслась по крепости. Иван Кузьмич, хоть и очень уважал свою супругу, но ни за что на свете не открыл бы ей тайны, вверенной ему по службе. Получив письмо от генерала, он довольно искусным образом выпроводил Василису Егоровну, сказав ей, будто бы отец Герасим получил из Оренбурга какие-то чудные известия, которые содержит в великой тайне. Василиса Егоровна тотчас захотела отправиться в гости к попадье и, по совету Ивана Кузьмича, взяла с собою и Машу, чтоб ей не было скучно одной.

Иван Кузьмич, оставшись полным хозяином, тотчас послал за нами, а Палашку запер в чулан, чтоб она не смогла нас подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успев ничего выведать от попадьи, и узнала, что во время ее отсутствия было у Ивана Кузьмича совещание и что Палашка была под замком. Она догадалась, что была обманута мужем, и приступила к нему с допросом. Но Иван Кузьмич приготовился к нападению. Он нимало не смутился и бодро отвечал своей любопытной сожительнице: «А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломой; а как от того может произойти несчастье, то я и отдал строгий приказ впредь соломой бабам печей не топить, а топить хворостом и валежником». — «А для чего ж было тебе запирасть Палашку? — спросила комендантша. — За что бедная девка просидела в чулане, пока мы не воротились?» Иван Кузьмич не был приготовлен к такому вопросу; он запутался и пробормотал что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидела коварство своего мужа; но, зная, что ничего от него не добьется, прекратила свои вопросы и завела речь о соленых огурцах, которые Акулина Памфиловна приготавливала совершенно особенным образом. Во всю ночь Василиса Егоровна не мог-

ли испугать и никак не могла догадаться, что бы такое было в голове ее мужа, о чем бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь от обедни¹, она увидела Ивана Игнатъича, который вытаскивал из пушки тряпочку, камешки, щепки, бабки и сор всякого рода, запиханный в нее ребягишками. «Что бы значили эти военные приготовления? — думала комендантша, — уж не ждут ли нападения от киргизцев? Но неужто Иван Кузьмич стал бы от меня таить такие пустишки?» Она кликнула Ивана Игнатъича с твердым намерением выведать от него тайну, которая мучила ее дамское любопытство.

Василиса Егоровна сделала ему несколько замечаний касательно хозяйства, как судья, начинающий следствие вопросами посторонними, дабы сперва усыпить осторожность ответчика. Потом, помолчав несколько минут, она глубоко вздохнула и сказала, качая головою:

— Господи боже мой! Видишь какие новости! Что из этого будет?

— И, матушка! — отвечал Иван Игнатъич. — Бог милостив: солдат у нас довольно, пороху много, пушку я вычистил. Авось дадим отпор Пугачеву. Господь не выдаст, свинья не съест!

— А что за человек этот Пугачев? — спросила комендантша.

Тут Иван Игнатъич заметил, что проговорился, и закусил язык. Но уже было поздно. Василиса Егоровна принудила его по всем признаться, дав ему слово не рассказывать о том никому.

Василиса Егоровна сдержала свое обещание и никому не сказала ни одного слова, кроме как попадье, и то потому только, что корова ее ходила еще в степи и могла быть захвачена злодеями.

Вскоре все заговорили о Пугачеве. Толки были различны. Комендант послал урядника с поручением разведать хорошенько обо всем по соседним селениям и крепостям. Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи верст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идет неведомая сила. Впрочем, не мог он сказать ничего положительного, потому что ехать далее побоялся.

В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение; во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата. Подосланы были к ним лазутчики². Юлай, крещеный калмык, сделал коменданту важное донесение. Показания урядника, по словам Юлая, были ложны; по возвращении своем лукавый казак объявил своим товарищам, что он был у бунтовщиков, представлялся самому их предводителю, кото-

¹ Обедня — утренняя или ранняя дневная церковная служба.

² Лазутчик — разведчик.

рый допустил его к своей руке и долго с ним разговаривал. Комендант немедленно посадил урядника под караул, а Юлая назначил на его место. Эта новость принята была казаками с явным неудовольствием. Они громко роптали, и Иван Игнатьич, исполнитель комендантского распоряжения, слышал своими ушами, как они говорили: «Вот уж тебе будет, гарнизонная крыса!» Комендант думал в тот же день допросить своего арестанта; но урядник бежал из-под караула, вероятно, при помощи своих единомышленников.

Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с возмутительными листами¹. По сему случаю комендант думал опять собрать своих офицеров и для того хотел опять удалить Василису Егоровну под благовидным предлогом. Но как Иван Кузьмич был человек самый прямодушный и правдивый, то и не нашел другого способа, кроме как единожды уже им употребленного.

«Слышь ты, Василиса Егоровна, — сказал он ей, покашливая. — Отец Герасим получил, говорят, из города...» — «Полно врать, Иван Кузьмич, — прервала комендантша, — ты, знать, хочешь собрать совещание да без меня потолковать об Емельяне Пугачеве; да лих² не проведешь!» Иван Кузьмич вытаращил глаза. «Ну, матушка, — сказал он, — коли ты уже все знаешь, так, пожалуй, оставайся; мы потолкуем и при тебе». — «То-то, батюко мой, — отвечала она, — не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами».

Мы собрались опять. Иван Кузьмич в присутствии жены прочел нам воззвание Пугачева, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своем намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров ущецвал³ не сопротивляться, угрожая казнию в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.

— Каков мошенник! — воскликнула комендантша. — Что смеет еще нам предлагать! Выйти к нему навстречу и положить к ногам его знамена! Ах он собачий сын! Да разве не знает он, что мы уже сорок лет в службе и всего, слава богу, насмотрелись? Неужто нашлись такие командиры, которые послушались разбойника?

— Кажется, не должно бы, — отвечал Иван Кузьмич. — А слышно, злодей завладел уж многими крепостями.

— Видно, он в самом деле силен, — заметил Швабрин.

— А вот сейчас узнаем настоящую его силу, — сказал комендант. — Василиса Егоровна, дай мне ключ от анбара. Иван

¹ *Возмутительные листы* — воззвания, призывающие к бунту, восстанию.

² *Да лих* (устар.) — да вот уж.

³ *Ущецвать* — убеждать.

Игнатьич, приведи-ка башкирца да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

— Постой, Иван Кузьмич, — сказала комендантша, вставая с места. — Дай уведу Машу куда-нибудь из дому; а то услышит крик, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розьска¹. Счастливо оставаться.

Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ², уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности. Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая. В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки, ни судьи, ни подсудимые. Итак, приказание коменданта никого из нас не удивило и не встревожило. Иван Игнатьич отправился за башкирцем, который сидел в анбаре под ключом у комендантши, и через несколько минут невольника привели в переднюю. Комендант велел его к себе представить.

Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого роста, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем. «Эхе! — сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году³. — Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?»

Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмыслия. «Что же ты молчишь? — продолжал Иван Кузьмич, — али бельмес⁴ по-русски не понимаешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослал в нашу крепость?»

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузьмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением и не отвечал ни слова.

¹ *Розьск* — дознание, следствие.

² Имеется в виду указ Александра I об отмене пыток, на практике не выполнившийся.

³ В 1740 году произошло восстание в Башкирии, жестоко подавленное самодержавием. Многим участникам восстания в наказание обрезали носы и уши.

⁴ *Бельмес* — ничего (от татарск. «бильмес» — не знает).

— Якши¹, — сказал комендант, — ты у меня заговоришь. Ребята! снимите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстрочите ему спину. Смотри ж, Юлай: хорошенько его!

Два инвалида стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный детьми. Когда же один из инвалидов взял его руки и, положив их себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся, тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок.

Когда вспомню, что это случилось на моем веку и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений.

Все были поражены.

— Ну, — сказал комендант, — видно, нам от него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца в анбар. А мы, господа, кой о чем еще потолкуем.

Мы стали рассуждать о нашем положении, как вдруг Василиса Егоровна вошла в комнату, задыхаясь и с видом чрезвычайно встревоженным.

— Что это с тобою сделалось? — спросил изумленный комендант.

— Батюшки, беда! — отвечала Василиса Егоровна. — Нижнеозерная взята сегодня утром. Работник отца Герасима сейчас оттуда воротился. Он видел, как ее брали. Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди, злодеи будут сюда.

Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижнеозерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузьмича. Нижнеозерная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти. С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло.

— Послушайте, Иван Кузьмич! — сказал я коменданту. — Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания; об этом и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщин. Отправьте их в Оренбург, если дорога еще свободна, или в отдаленную, более надежную крепость, куда злодеи не успели бы достигнуть.

Иван Кузьмич оборотился к жене и сказал ей:

---

¹ Якши (татарск.) — хорошо.

А слышь ты, матушка, и в самом деле, не отправить ли нас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?

И, пустое! — сказала комендантша. — Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадежна? Слава богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев и киргизцев: авось и от Пугачева отсидимся!

— Ну, матушка, — возразил Иван Кузьмич, — оставайся, поживи, коли ты на крепость нашу надеешься. Да с Машей-то что нам делать? Хорошо, коли отсидимся или дождемся сикурсы¹ ну, а коли злодеи возьмут крепость?

— Ну тогда... — Тут Василиса Егоровна заикнулась и замолчала с видом чрезвычайного волнения.

— Нет, Василиса Егоровна, — продолжал комендант, замечая, что слова его подействовали, может быть, в первый раз в его жизни. — Маше здесь оставаться негоже. Отправим ее в Оренбург к ее крестной матери: там и войска и пушек довольно, и стена каменная. Да и тебе советовал бы с нею туда же отправиться; даром что ты старуха, а посмотри, что с тобою будет, коли возьмут фортецию приступом.

— Добро, — сказала комендантша, — так и быть, отправим Машу. А меня и во сне не проси: не поеду. Нечего мне под старость лет расставаться с тобою да искать одинокой могилы на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать.

— И то дело, — сказал комендант. — Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу в дорогу. Завтра чем свет ее и отправим, да дадим ей и конвой, хоть людей лишних у нас и нет. Да где же Маша?

— У Акулины Памфиловны, — отвечала комендантша. — Ей сделалось дурно, как услышала о взятии Нижнеозерной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать об отъезде дочери. Разговор у коменданта продолжался, но я уже в него не мешался и ничего не слушал. Марья Ивановна явилась к ужину бледная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали из-за стола скорее обыкновенного; простясь со всем семейством, мы отправились по домам. Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовал, что застаю Марью Ивановну одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу. «Прощайте, Петр Андреич! — сказала она мне со слезами. — Меня посылают в Оренбург. Будьте живы и счастливы; может быть, господь приведет нас друг с другом увидеться; если же нет...» Тут она зарыдала. Я обнял ее. «Прощай, ангел мой, — сказал я, — прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» Маша рыдала, прильнув к моей груди. Я с жаром ее поцеловал и поспешно вышел из комнаты.

¹ *Сикурс* (воен. устар.) — помощь.

Глава VII ПРИСТУП

*Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу¹ себе высококого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.*

Народная песня.

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я намерен был отправиться на заре к крепостным воротам, откуда Марья Ивановна должна была выехать, и там проститься с нею в последний раз. Я чувствовал в себе великую перемену: волнение души моей было мне гораздо менее тягостно, нежели то уныние, в котором еще недавно был я погружен. С грустию разлику сливались во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание опасностей, и чувства благородного честолюбия. Ночь прошла незаметно. Я хотел уже выйти из дому, как дверь моя отворилась и ко мне явился капрал с донесением, что наши казаки ночью выступили из крепости, взяв насильно с собою Юлая, и что около крепости разъезжают неведомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успеет выехать, ужаснула меня; я поспешно дал капралу несколько наставлений и тотчас бросился к коменданту.

Уже рассветало. Я летел по улице, как услышал, что зовут меня. Я остановился. «Куда вы? — сказал Иван Игнатьич, догоняя меня. — Иван Кузьмич на валу и послал меня за вами. Пугач пришел». — «Уехала ли Марья Ивановна?» — спросил я с сердечным трепетом. «Не успела, — отвечал Иван Игнатьич, — дорога в Оренбург отрезана, крепость окружена. Плохо, Петр Андреич!»

Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укрепленное частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружье². Пушку туда перетасили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростию необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалось, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысым шапкам и по колчанам. Комен-

¹ Ранг — здесь: чин, звание.

² То есть был в боевой готовности.

лант обошел все свое войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди brave и присяжные!»¹ Солдаты громко изъяснили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Командант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над нами, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас ускакали из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отставать от нее. «Ну, что? — сказала комендантша. — Какое идет баталья? Где же неприятель?» — «Неприятель недалеко, — отвечал Иван Кузьмич. — Бог даст, все будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» — «Нет, папенька, — отвечала Марья Ивановна, — дома одной страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомя, что накануне получил ее из ее рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце мое горело. Я воображал себя ее рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин ее доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооруженных копьями и сайдаками². Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтани, с обнаженной саблею в руке: это был сам Пугачев. Он остановился; его окружили, и, как видно, по его повелению, четыре человека отделились и во весь опор подскакали под самую крепость. Мы в них узнали своих изменников. Один из них держал над шапкою лист бумаги; у другого на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам через частокол. Голова бедного калмыка упала к ногам коменданта. Изменники кричали: «Не стреляйте; выходите вон к государю. Государь здесь!»

«Вот я вас! — закричал Иван Кузьмич. — Ребята! стреляй!» Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади; другие поскакали назад. Я взглянул на Марью Ивановну. Пораженная видом окровавленной головы Юлая, оглушенная залпом, она казалась без памяти. Командант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака. Капрал вышел в поле и возвратился, ведя под уздцы лошадь убитого. Он вручил коменданту письмо. Иван Кузьмич прочел его про себя и разорвал потом в клочки. Между тем мятежники, видимо, приготовлялись к действию. Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткнулись около нас в землю и в частокол. «Василиса Егоровна! — сказал

¹ *Присяжные* — здесь: присягнувшие, принявшие присягу.

² *Сайдак* — лук с кэлчаном и стрелами.

комендант. — Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь: девка ни жива ни мертва».

Василиса Егоровна, присмирившая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: «Иван Кузьмич, в животе и смерти¹ бог волен: благослови Машу. Маша, подойди к отцу».

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузьмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил ее трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись богу: он тебя не оставит. Коли найдется добрый человек, дай бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорее». (Маша кинулась ему на шею и зарыдала.) «Поцелуемся ж и мы, — сказала, заплакав, комендантша. — Прощай, мой Иван Кузьмич. Отпусти мне², коли в чем я тебе досадила!» — «Прощай, прощай, матушка! — сказал комендант, обняв свою старуху. — Ну, довольно! Ступайте, ступайте же домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша с дочерью удалились. Я глядел вослед Марьи Ивановны: она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузьмич оборотился к нам, и все внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, — сказал комендант, — будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечьхватила в самую середину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятились. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблей и, казалось, с жаром их уговаривал. Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, — сказал комендант, — теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята! вперед, на вылазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузьмич. — Умирать так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошел в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот ужо вам будет, государевым ослушникам!» Нас потащили по улицам, жители вы-

¹ В животе и смерти (устар.) — в жизни и смерти.

² Отпусти мне (устар.) — прости меня.

ходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас повалили туда же.

Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красивый казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Капитанские старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачеву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» — спросил самованец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузьмича. Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел прствиться мне, своему государю?» Комендант, ищмогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузьмича, вздернутого на воздух. Тогда привели к Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присядь, — сказал ему Пугачев, — государю Петру Федоровичу!» — «Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачев махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неопisanному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрину, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошел к Пугачеву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» — сказал Пугачев, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, призывая бога искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и мольбу его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! погодите!..» Палачи остановились. Елизау Савельич лежит в ногах у Пугачева. «Отец родной! — говорит белый дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради нели повесить хоть меня старика!» Пугачев дал знак, и меня тотчас распяли и оставили. «Батюшка наш тебя милует», — говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался

способу избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нем и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Петр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачева, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Все это продолжалось около трех часов. Наконец Пугачев встал с кресел и сошел с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в ее душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, белье и всю рухлядь. «Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузьмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! — закричала она в иступлении. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузьмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» — «Унять старую ведьму!» — сказал Пугачев. Тут молодой казак ударил ее саблей по годове, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачев уехал; народ бросился за ним.

Глава VIII

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

*Незванный гость хуже татарина.
Пословица.*

Площадь опустела. Я все стоял на одном месте и не мог привести в порядок мысли, смущенные столь ужасными впечатлениями.

Неизвестность о судьбе Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Где она? что с нею? успела ли спрятаться? надежно ли

то убежище?.. Полный тревожными мыслями, я вошел в комендантский дом... Все было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; все растаскано. Я взбежал по деревянной лестнице, которая вела в светлицу, и в первый раз втроем вошел в комнату Марьи Ивановны. Я увидел ее постелею, перерытую разбойниками; шкаф был разломан и ограблен; лампадки теплилась еще перед опустелым кивотом¹. Уцелело и зеркальце, висевшее в простенке... Где ж была хозяйка этой смиренной девической кельи²? Страшная мысль мелькнула в уме моем: я вообразил ее в руках у разбойников... Сердце мое сжалось... Я горько, горько заплакал и громко произнес имя моей любезной... В эту минуту послышался легкий шум, и из-за шкафа явилась Палаша, бледная и трепещущая.

Ах, Петр Андренч! — сказала она, сплеснув руками. — Какой денек! какие страсти!

А Марья Ивановна? — спросил я нетерпеливо. — Что Марья Ивановна?

Барышня жива, — отвечала Палаша. — Она спрятана у Акулины Памфиловны.

У попадьи! — вскричал я с ужасом. — Боже мой! да там Пугачев!..

Я бросился вон из комнаты, мигом очутился на улице и опротивело побежал в дом священника, ничего не видя и не чувствуя. Там раздавались крики, хохот и песни... Пугачев пировал со своими товарищами. Палаша прибежала туда же за мною. Я почтительно ее вызвал тихонько Акулину Памфиловну. Через минуту попадьа вышла ко мне в сени с пустым штофом в руках.

Ради бога! где Марья Ивановна? — спросил я с неизъяснимым волнением.

Лежит, моя голубушка, у меня на кровати, там за перегородкою, — отвечала попадьа. — Ну, Петр Андренч, чуть было не струсилась беда, да, слава богу, все прошло благополучно: злодей только что уселся обедать, как она, моя бедняжка, очнется и застонет!.. Я так и обмерла. Он услышал: «А кто это у тебя охает, старуха?» Я вору в пояс: «Племянница моя, государь; захворала, лежит, вот уж другая неделя». — «А молодая твоя племянница?» — «Молодая, государь». — «А покажи-ка мне, старуха, свою племянницу». У меня сердце так и екнуло, да нечего делать. «Изволь, государь; только девка-то не может встать и прийти к твоей милости». — «Ничего, старуха, я и сам пойду поглядеть». И ведь пошел окаянный за перегородку; как ты думаешь! ведь отдернул занавес, взглянул ястребиными своими глазами — и ничего... бог вынес! А веришь ли, я и батька мой так уж и приоткрылись к мученической смерти. К счастью, она,

¹ Кивот (киот) — небольшой шкаф, подставка для икон.

² Келья — комната монаха в монастыре. Здесь: небольшая комната уединенно живущего человека.

моя голубушка, не узнала его. Господи владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бедный Иван Кузьмич! кто бы подумал!.. А Василиса-то Егоровна? А Иван-то Игнатич? Его-то за что?.. Как это вас пощадили? А каков Швабрин, Алексей Иваныч? Ведь остригся в кружок и теперь у нас тут же с ними пирует! Проворен, нечего сказать! А как сказала я про больную племянницу, так он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь; однако не выдал, спасибо ему и за то.

В эту минуту раздались пьяные крики гостей и голос отца Герасима. Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу. Гопадья расхлопоталась.

— Ступайте себе домой, Петр Андреич, — сказала она, — теперь не до вас; у злодеев попойка идет. Беда, попадетесь под пьяную руку. Прощайте, Петр Андреич. Что будет, то будет; авось бог не оставит!

Пспадыя ушла. Несколько успокоенный, я отправился к себе на квартиру. Проходя мимо площади, я увидел несколько башкирцев, которые теснились около виселицы и стаскивали сапоги с повешенных; с трудом удержал я порыв негодования, чувствуя бесполезность заступления. По крепости бегали разбойники, грабя офицерские дома. Везде раздавались крики пьянствующих мятежников. Я пришел домой. Савельич встретил меня у порога.

— Слава богу! — вскричал он, увидя меня. — Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Петр Андреич! веришь ли? все у нас разграбили, мошенники: платье, белье, вещи, посуду — ничего не оставили. Да что уж! Слава богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?

— Нет, не узнал: а кто ж он такой?

— Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новешенький; а он, бестия, его так и распорол, напяливая на себя.

Я изумился. В самом деле, сходство Пугачева с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачев и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоянным дворам, осаждал крепости и потрясал государством!

— Не изволишь ли покушать? — спросил Савельич, неизменный в своих привычках. — Дома ничего нет, пойду, пошарю да что-нибудь тебе изготовлю.

Оставшись один, я погрузился в размышления. Что мне было делать? Оставаться в крепости, подвластной злодею, или следовать за его шайкою было неприлично офицеру. Долг требовал, чтоб я явился туда, где служба моя могла еще быть полезна отечеству в настоящих, затруднительных обстоятельствах... Но лю-

боясь, сильно советовала мне оставаться при Марье Ивановне и быть ей защитником и покровителем. Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах, но все же не мог не трепетать, воображая опасность ее положения.

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков, который прибежал с объявлением, «что-де великий государь требует тебя к себе».

- Где же он? — спросил я, готовясь повиноваться.

- В комендантском, — отвечал казак. — После обеда батюшки наш отправился в баню, а теперь отдыхает. Ну, ваше благородие, по всему видно, что персона знатная: за обедом скушать и попил двух жареных поросят, а парится так жарко, что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал веник Фомке Бикбаеву да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: все приемы такие важные... А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на груди: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой персона его.

Я не почел нужным оспаривать мнения казака и с ним вместе отправился в комендантский дом, заранее воображая себе свидание с Пугачевым и стараясь предугадать, чем оно кончится. Читатель легко может себе представить, что я не был совершенно хладнокровен.

Начинало смеркаться, когда пришел я к комендантскому дому. Виселица с своими жертвами страшно чернела. Тело бедной комендантши все еще валялось под крыльцом, у которого два казака стояли на карауле. Казак, приведший меня, отправился про меня доложить и, тотчас же воротившись, ввел меня в ту комнату, где накануне так нежно прощался я с Марьей Ивановной.

Необыкновенная картина мне представилась. За столом, накрытым скатертью и установленным штофами и стаканами, Пугачев и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгоряченные вином, с красными рожами и блестящими глазами. Между ими не было ни Швабина, ни нашего уродливого, новобранного изменника. «А, ваше благородие! — сказал Пугачев, увидя меня. — Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснились. Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся.

С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъявляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофенчем, а иногда величая его дядюшкою. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шел об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый высказывал свои мнения и свободно оспаривал Пугачева.

И на сем-то странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню.

«Ну, братцы, — сказал Пугачев, — затынем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! начинай!» — Сосед мой затянул тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне доброму молодцу думатьи.
Что завтра мне доброму молодцу в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надежа православный царь,
Всеё правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ темная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калены стрелы.
Что возговорит надежа православный царь:
Исполать¹ тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами² высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — все потрясло меня каким-то пиитическим³ ужасом.

Гости выпили еще по стакану, встали изо стола и простились с Пугачевым. Я хотел за ними последовать; но Пугачев сказал мне: «Сиди, я хочу с тобою переговорить». Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной веселостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

— Что, ваше благородие? — сказал он мне. — Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накиннули тебе веревку на шею? Я чаю⁴, небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекла-

¹ *Исполать* (устар.) — хвала, слава.

² *Хоромы* (устар.) — большой, просторный дом.

³ *Пиитический* (устар.) — поэтический.

⁴ *Я чаю* — здесь: я думаю.

дине, если б не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умету, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною виноват, — продолжал он, — но я помиловал тебя за твою добродетель¹, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов. То ли еще увидишь! Так ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

— Чему ты усмехаешься? — спросил он меня нахмурясь. — Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился. Признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя гибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа, и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачев мрачно ждал моего ответа. Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминую эту минуту), чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачеву:

— Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смышленный; ты сам увидел бы, что я лукавствую.

— Кто же я таков, по твоему разумению?

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачев взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев² не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?»

Нет, — отвечал я с твердостью. — Я природный дворянин; и присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачев задумался. «А коли отпущу, — сказал он, — так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нече-

¹ *Добродетель* — добро, стремление к добру.

² *Григорий Отрепьев* — самозванец, ставленник польских панов, под именем Дмитрия, сына Ивана IV, захвативший в 1605 году русский престол. Убит в 1606 году во время народного восстания.

го. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачева. «Так и быть, — сказал он, удара меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрема клонит».

Я оставил Пугачева и вышел на улицу. Ночь была тихая и морозная. Месяц и звезды ярко сияли, освещая площадь и виселицу. В крепости все было спокойно и темно. Только в кабаке светился огонь и раздавались крики запоздалых гуляк. Я взглянул на дом священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, все в нем было тихо.

Я пришел к себе на квартиру и нашел Савельича, горюющего по моему отсутствию. Весть о свободе моей обрадовала его несказанно. «Слава тебе, владыко! — сказал он, перекрестившись. — Чем свет оставим крепость и пойдем, куда глаза глядят. Я тебе кое-что заготовил; покушай-ка, батюшка, да и почивай себе до утра, как у Христа за пазушкой».

Я последовал его совету и, поужинав с большим аппетитом, заснул на голом полу, утомленный душевно и физически.

Глава IX

РАЗЛУКА

*Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.*

Херасков¹.

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошел на сборное место. Там строились уже толпы пугачевские около виселицы, где все еще висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты под ружьем. Знамена развевались. Нескольких пушек, между коих узнал я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Все жители находились тут же, ожидая самозванца. У крыльца комендантского дома казак держал под уздцы прекрасную белую лошадь киргизской породы. Я искал глазами тело комендантши. Оно было отнесено немного в сторону и прикрыто рогожею. Наконец Пугачев вышел из сеней. Народ снял шапки. Пуга-

¹ *Херасков М. М.* (1733—1807) — русский поэт и драматург.

чен остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросался их подбирать, и дело обошлось не без увечья. Пугачева окружили главные из его сообщников. Между ими стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моем он мог прочесть презрение, и он отворотился с выражением искренней злобы и притворной насмешливости. Пугачев, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе. «Слушай, — сказал он мне. — Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присоветуй им встретить меня с детскою любовию и послушанием; не то не избежать им лютой казни. Счастливейший путь, ваше благородие!» Потом обратился он к народу и сказал, указывая на Швабрину: «Вот вам, детушки, новый командир. Слушайтесь его во всем, а он отвечает мне за вас и за крепость». С ужасом услышал я сии слова: Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачев сошел с крыльца. Ему подвели лошадь. Он проворно вскочил в седло, не дождавшись кляжков, которые хотели было посадить его.

В это время из толпы народа, вижу, выступил мой Савельич, подходит к Пугачеву и подает ему лист бумаги. Я не мог придумать, что из того выйдет. «Что это?» — спросил важно Пугачев. «Прочитай, так изволишь увидеть», — отвечал Савельич. Пугачев принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. «Что ты так мудрено пишешь? — сказал он наконец. — Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?»

Молодой малый в капральском мундире проворно подбежал к Пугачеву. «Читай вслух», — сказал самозванец, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву. Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее:

«Два халата, миткалевый² и шелковый полосатый, на шесть рублей».

— Это что значит? — сказал, нахмурясь, Пугачев.

— Прикажи читать далее, — отвечал спокойно Савельич.

Обер-секретарь продолжал:

«Мундир из тонкого зеленого сукна, на семь рублей. Штаны белые суконные, на пять рублей.

Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами, на десять рублей.

Погребец с чайною посудю, на два рубля с полтиною...»

— Что за вранье? — прервал Пугачев. — Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?

¹ Обер-секретарь — главный секретарь.

² Миткаль — дешевая хлопчатобумажная ткань.

Савельич крикнул и стал объясняться. «Это, батюшка, изволишь видеть, реестр¹ барскому добру, раскраденному злодеями...»

— Какими злодеями? — спросил грозно Пугачев.

— Виноват: обмолвился, — отвечал Савельич. — Злодеи не злодеи, а твои ребята таки пошарили да порастаскали. Не гневишь: конь и о четырех ногах да спотыкается. Прикажи уж дочитать.

— Дочитывай, — сказал Пугачев.

Секретарь продолжал:

«Одеяло ситцевое, другое тафтяное², на хлопчатой бумаге, четыре рубля.

Шуба лисья, крытая алым ратином³, 40 рублей.

Еще заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей».

— Это что еще! — вскричал Пугачев, сверкнув огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бедного моего дядьку. Он хотел было пуститься опять в объяснения, но Пугачев его прервал: «Как ты смел лезть ко мне с такими пустяками? — вскричал он, выхватя бумагу из рук секретаря и бросив ее в лицо Савельичу. — Глупый старик! Их обобрали: экая беда! Да ты должен, старый хрыч, вечно бога молить за меня да за моих ребят за то, что ты и с баринном-то своим не висите здесь вместе с моими ослушниками... Заячий тулуп! Я-те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю содрать на тулупы?»

— Как изволишь, — отвечал Савельич, — а я человек подневольный и за барское добро должен отвечать.

Пугачев был, видно, в припадке великодушия. Он отворотился и отъехал, не сказав более ни слова. Швабрин и старшины последовали за ним. Шайка выступила из крепости в порядке. Народ пошел провожать Пугачева. Я остался на площади один с Савельичем. Дядька мой держал в руках свой реестр и рассматривал его с видом глубокого сожаления.

Видя мое доброе согласие с Пугачевым, он думал употребить оное в пользу; но мудрое намерение ему не удалось. Я стал было его бранить за неуместное усердие и не мог удержаться от смеха.

— Смейся, сударь, — отвечал Савельич, — смейся; а как придется нам сызнова заводиться всем хозяйством, так посмотрим, смешно ли будет.

Я спешил в дом священника увидеться с Марьей Ивановной. Попадья встретила меня с печальным известием. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала без памяти и в бреду. Попадья ввела меня в ее комнату. Я тихо подошел

¹ *Реестр* — список, перечень.

² *Тафта* — тонкая глянцевитая шелковая ткань.

³ *Ратин* — шерстяная ткань для верхней одежды.

и ее кровати. Перемена в ее лице поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоял я перед нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утешали. Мрачные мысли волновали меня. Состояние бедной, незащищенной сироты, оставленной посреди злобных мятежников, собственное мое бессилие устрашали меня. Швабрин, Швабрин пуще всего терзал мое воображение. Облеченный властью от самоупица, предводительствуя в крепости, где оставалась несчастная девушка — невинный предмет его ненависти, он мог решиться на все. Что мне было делать? Как подать ей помощь? Как освободить из рук злодея? Оставалось одно средство: я решился тот же час отправиться в Оренбург, дабы торопить освобождение Белогорской крепости и по возможности тому содействовать. Я простился с священником и с Акулиной Памфиловной, с жаром поручая ей ту, которую почитал уже своею женою. Я взял руку бедной девушки и поцеловал ее, орошая слезами. «Прощайте, — говорила мне попадья, провожая меня, — прощайте, Петр Андрееч. Авось увидимся в лучшее время. Не забывайте нас и пишите к нам почаще. Бедная Марья Ивановна, кроме вас, не имеет теперь ни утешения, ни покровителя».

Вышел на площадь, я остановился на минуту, взглянул на висялицу, поклонился ей, вышел из крепости и пошел по Оренбургской дороге, сопровождаемый Савельичем, который от меня не отставал... Я шел, занятый своими размышлениями, как вдруг услышал за собою конский топот. Оглянулся; вижу: из крепости скачет казак, держа башкирскую лошадь в поводья и делая издали мне знаки. Я остановился и вскоре узнал нашего урядника. Он, подскакав, слез с своей лошади и сказал, отдавая мне поводья другой:

— Ваше благородие! Отец наш вам жалует лошадь и шубу с своего плеча (к седлу привязан был овчинный тулуп). Да еще, — прибавил, запинаясь, урядник, — жалует он нам... полтину денег... да я растерял ее дорогою: простите великодушно.

Савельич посмотрел на него косо и проворчал:

— Растерял дорогою! А что же у тебя побрякивает за пазухой? Бессовестный!

— Что у меня за пазухой-то побрякивает? — возразил урядник, нимало не смутясь. — Бог с тобою, старинушка! Это бречит удечка, а не полтина.

— Добро, — сказал я, прерывая спор. — Благодарю от меня того, кто тебя прислал; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратном пути и возьми себе на водку.

— Очень благодарен, ваше благородие, — отвечал он, поворачивая свою лошадь, — вечно за вас буду бога молить.

При сих словах он поскакал назад, держась одной рукою за пазуху, и через минуту скрылся из виду.

Я надел тулуп и сел верхом, посадив за собою Савельича.

— Вот видишь ли, сударь, — сказал старик, — что я недаром подал мошеннику челобитье¹: вору-то стало совестно, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты сам изволил пожаловать; да все же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок.

Глава X ОСАДА ГОРОДА

*Заняв луга и горы,
С вершины, как орел, бросал на град
он взоры.
За станом² повелел соорудить раскат³
И, в нем перуны⁴ скрыв, в ночи⁵
привесть под град.*

Херасков.

Приближаясь к Оренбургу, увидели мы толпу колодников⁶ с обритыми головами, с лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укреплений, под надзором гарнизонных инвалидов. Иные вывозили в тележках сор, наполнявший ров; другие лопатками копали землю; на валу каменщики таскали кирпичи и чинили городскую стену. У ворот часовые остановили нас и потребовали наших паспортов. Как скоро сержант услышал, что я еду из Белогорской крепости, то повел меня прямо в дом генерала.

Я застал его в саду. Он осматривал яблони, обнаженные дыханием осени, и с помощью старого садовника бережно их укутывал теплой соломой. Лицо его изображало спокойствие, здоровье и добродушие. Он мне обрадовался и стал расспрашивать об ужасных происшествиях, коим⁷ я был свидетель. Я рассказал ему все. Старик слушал меня со вниманием и между тем отрезывал сухие ветви. «Бедный Миронов! — сказал он, когда кончил я свою печальную повесть. — Жаль его: хороший был офицер. И мадам Миронов добрая была дама и какая мастерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?» Я отвечал, что она осталась в крепости на руках у попадьи. «Ай, ай, ай! — заметил генерал. — Это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойников никак нельзя положиться. Что будет с бедной девушкою?» Я от-

¹ *Челобитье* (устар.) — прошение (от *бить челом* — кланяться до земли).

² *Стан* — лагерь.

³ *Раскат* — плоская насыпь для установки пушек.

⁴ *Перун* — бог грома в древнеславянской мифологии. Здесь под перунами подразумеваются пушки.

⁵ *В ночи* (устар.) — ночью.

⁶ *Колодник* — арестант, узник в колодках.

⁷ *Кoим* (устар.) — которым.

всичил, что до Белогорской крепости недалеко и что, вероятно, его превосходительство не замедлит выслать войско для освобождения бедных ее жителей. Генерал покачал головою с видом недоверчивости. «Посмотрим, посмотрим, — сказал он. — Об этом мы еще успеем потолковать. Прошу ко мне пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будет военный совет. Ты можешь нам дать верные сведения о бездельнике Пугачеве и об его войске. Теперь покамест поди отдохни».

Я пошел на квартиру, мне отведенную, где Савельич уже хобинничал, и с нетерпением стал ожидать назначенного времени. Читатель легко себе представит, что я не преминул¹ явиться на совет, долженствовавший иметь такое влияние на судьбу мою. В назначенный час я уже был у генерала.

Я застал у него одного из городских чиновников, помнится, директора таможи², толстого и румяного старичка в глазетовом³ кафтане. Он стал расспрашивать меня о судьбе Ивана Кузьмича, которого называл кумом, и часто прерывал мою речь дополнительными вопросами и правоучительными замечаниями, которые, если и не обличали в нем человека сведущего в военном искусстве, то по крайней мере обнаруживали сметливость и природный ум. Между тем собрались и прочие приглашенные. Между ими, кроме самого генерала, не было ни одного военного человека. Когда все уселись и всем разнесли по чашке чаю, генерал изложил весьма ясно и пространно в чем состояло дело: «Генерал, господа, — продолжал он, — надлежит решить, как нам действовать противу мятежников: *наступательно* или *оборонительно*? Каждый из оных способов имеет свою выгоду и невыгоду. Действие наступательное представляет более надежды на скорейшее истребление неприятеля; действие оборонительное более верно и безопасно... Итак, начнем собирать голоса по законному порядку, то есть начиная с младших по чину. Г-н прапорщик⁴! — продолжал он, обращаясь ко мне. — Извольте объяснить нам ваше мнение». Я встал и, в коротких словах описав сперва Пугачева и шайку его, сказал утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильного оружия⁵.

Мнение мое было принято чиновниками с явною неблагожелательностию. Они видели в нем опрометчивость и дерзость молодого человека. Поднялся ропот, и я услышал явственно слово «молокосос», произнесенное кем-то вполголоса. Генерал обратился ко мне и сказал с улыбкою: «Господин прапорщик! Первые голоса на военных советах подаются обыкновенно в пользу движений наступательных: это законный порядок. Теперь станем

¹ Не преминул (устар.) — не забыл.

² Таможня — учреждение для контроля над провозом товаров через границу.

³ Глазет — узорчатая шелковая ткань.

⁴ Прапорщик — младший офицерский чин в царской армии.

⁵ Правильное оружие — здесь: регулярные войска.

продолжать соби́рание голосов. Господин коллежский советник¹, скажите нам ваше мнение!»

Старичок в глазетовом кафтане поспешно допил третью свою чашку, значительно разбавленную ромом, и отвечал генералу: «Я думаю, ваше превосходительство, что не должно действовать ни наступательно, ни оборонительно».

— Как же так, господин коллежский советник? — возразил изумленный генерал. — Других способов тактика² не представляет: движение оборонительное или наступательное...

— Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно.

— Э хе, хе! мнение ваше весьма благоразумно. Движения подкупательные тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашим советом. Можно будет обещать за голову бездельника... рублей семьдесят или даже сто... из секретной суммы...

— И тогда, — прервал таможенный директор, — будь я киргизский баран, а не коллежский советник, если эти воры не выдадут нам своего атамана, скованного по рукам и по ногам.

— Мы еще об этом подумаем и потолкуем, — отвечал генерал. — Однако надлежит во всяком случае предпринять и военные меры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку.

Все мнения оказались противными моему. Все чиновники говорили о ненадежности войск, о неверности удачи, об осторожности и тому подобном. Все полагали, что благоразумнее оставаться под прикрытием пушек за крепкой каменной стеною, нежели на открытом поле испытывать счастье оружия. Наконец генерал, выслушав все мнения, вытряхнул пепел из трубки и произнес следующую речь:

— Государи мои! должен я вам объяснить, что с моей стороны я совершенно с мнением господина прапорщика согласен: ибо мнение сие основано на всех правилах здоровой тактики, которая всегда почти наступательные движения оборонительным предпочитает.

Тут он остановился и стал набивать свою трубку. Самолюбие мое торжествовало. Я гордо посмотрел на чиновников, которые между собою перешептывались с видом неудовольствия и беспокойства.

— Но, государи мои, — продолжал он, выпустив вместе с глубоким вздохом густую струю табачного дыму. — Я не смею взять на себя столь великую ответственность, когда дело идет о безопасности вверенных мне провинций ее императорским величеством, всемиловитвнейшей моею государыней. Итак, я соглашаюсь с большинством голосов, которое решило, что всего благоразумнее и безопаснее внутри города ожидать осады, а нападения неприятеля силой артиллерии и (буде окажется возможным) вылазками — отражать.

¹ Коллежский советник — гражданский чин VI класса (по табели о рангах).

² Тактика — наука о ведении боя.

Чиновники в свою очередь насмешливо поглядели на меня. Совет разошелся. Я не мог не сожалеть о слабости почтенного воина, который, наперекор собственному убеждению, решился следовать мнению людей несведущих и неопытных.

Спустя несколько дней после сего знаменитого совета узнали мы, что Пугачев, верный своему 'обещанию, приближался к Оренбургу. Я увидел войско мятежников с высоты городской стены. Мне показалось, что число их вдвасятеро увеличилось со времени последнего приступа, коему был я свидетель. При них была и артиллерия, взятая Пугачевым в малых крепостях, им уже покоренных. Вспоминая решение совета, я предвидел долготерпеливое заключение в стенах оренбургских и чуть не плакал от досады.

Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным запискам. Скажу вкратце, что осада по неосторожности местного начальства была гибельна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия. Легко можно себе вообразить, что жизнь в Оренбурге была самая несносная. Все с унынием ожидали решения своей участи; все охали от дороговизны, которая в самом деле была ужасна. Жители привыкли к ядрам, залетавшим на их дворы; даже приступы Пугачева уже не привлекали общего любопытства. Я умирал от скуки. Время шло. Писем из Белогорской крепости я не получал. Все дороги были отрезаны. Разлука с Марьей Ивановой становилась мне нестерпима. Неизвестность о ее судьбе меня мучила. Единственное развлечение мое состояло в наездничестве. По милости Пугачева, я имел добрую лошадь, с которой делился скудной пищею и на которой ежедневно выезжал я за город перестреливаться с пугачевскими наездниками. В этих перестрелках перевес был обыкновенно на стороне злодеев, сытых, пьяных и доброконных. Тощая городовая конница не могла их одолеть. Иногда выходила в поле и наша голодная пехота, но глубина снега мешала ей действовать удачно противу рассеянных наездников. Артиллерия тщетно гремела с высоты вала, а в поле вязла и не двигалась по причине изнурения лошадей. Таков был образ наших военных действий! И вот что оренбургские чиновники называли осторожностью и благоразумием!

Однажды, когда удалось нам как-то рассеять и прогнать довольно густую толпу, наехал я на казака, отставшего от своих товарищей: я готов был уже ударить его своею турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал: «Здравствуйте, Петр Андреич! Как вас бог милует?»

Я взглянул и узнал нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. «Здравствуй, Максимыч, — сказал я ему. — Давно ли из Белогорской?»

— Недавно, батюшка Петр Андреич; только вчера воротился. У меня есть к вам письмецо.

— Где ж оно? — вскричал я, весь так и вспыхнув.

— Со мною, — отвечал Максимыч, положив руку за пазуху. — Я обещался Палаше уж как-нибудь да вам доставить. — Тут он подал мне сложенную бумажку и тотчас ускакал. Я развернул ее и с трепетом прочел следующие строки:

«Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам, зная, что вы всегда желали мне добра и что вы всякому человеку готовы помочь. Молю бога, чтоб это письмо как-нибудь до вас дошло! Максимыч обещал вам его доставить. Палаша слышала также от Максимыча, что вас он часто издали видит на вылазках и что вы совсем себя не бережете и не думаете о тех, которые за вас со слезами бога молят. Я долго была больна; а когда выздоровела, Алексей Иванович, который командует у нас на месте покойного батюшки, принудил отца Герасима выдать меня ему, застрашав Пугачевым. Я живу в нашем доме под караулом. Алексей Иванович принуждает меня выйти за него замуж. Он говорит, что спас мне жизнь, потому что прикрыл обман Акулины Памфиловны, которая сказала злодеям, будто бы я ее племянница. А мне легче было бы умереть, нежели сделаться женою такого человека, каков Алексей Иванович. Он обходится со мною очень жестоко и грозитя, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезет меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой¹. Я просила Алексея Ивановича дать мне подумать. Он согласился ждать еще три дня; а коли через три дня за него не выду, так уж никакой пощады не будет. Батюшка Петр Андреич! вы один у меня покровитель, заступитесь за меня, бедную. Упросите генерала и всех командиров прислать к нам поскорее сикурсу да приезжайте сами, если можете. Остаюсь вам покорная бедная сирота

Марья Миронова».

Прочитав это письмо, я чуть с ума не сошел. Я пустился в город, без милосердия прищпоривая бедного моего коня. Дорогою придумывал я и то и другое для избавления бедной девушки и ничего не мог выдумать. Прискакав в город, я отправился прямо к генералу и опрометью к нему вбежал. Генерал ходил взад и вперед по комнате, куря свою пенковую² трубку. Увидя меня, он остановился. Вероятно, вид мой поразил его; он заботливо осведомился о причине моего поспешного прихода.

---

¹ *Лизавета Харлова* — жена коменданта Нижнеозерной крепости, убитая пугачевцами (историческое лицо).

² *Пенковый* — изготовленный из пенки — легкого огнестойкого материала.

— Ваше превосходительство, — сказал я ему, — прибегаю к вам, как к отцу родному; ради бога, не откажите мне в моей просьбе: дело идет о счастье всей моей жизни.

— Что такое, батюшка? — спросил изумленный старик. — Что я могу для тебя сделать? Говори.

— Ваше превосходительство, прикажите взять мне роту солдат и полсотни казаков и пустите меня очистить Белогорскую крепость.

Генерал глядел на меня пристально, полагая, вероятно, что и с ума сошел (в чем почти не ошибался).

— Как это? Очистить Белогорскую крепость? — сказал он наконец.

— Ручаюсь вам за успех, — отвечал я с жаром. — Только отпустите меня.

— Нет, молодой человек, — сказал он, качая головою. — На таком великом расстоянии неприятелю легко будет отрезать нас от коммуникаций¹ с главным стратегическим пунктом² и получить над вами совершенную победу. Пресеченная коммуникация...

Я испугался, увидя его завлеченного в военные рассуждения, и спешил его прервать.

— Дочь капитана Миронова, — сказал я ему, — пишет ко мне письмо; она просит помощи; Швабрин принуждает ее выйти из него замуж.

Неужто? О, этот Швабрин превеликий Schelm³, и если попадется ко мне в руки, то я велю его судить в двадцать четыре часа, и мы расстреляем его на парاپете⁴ крепости! Но покамест надобно взять терпение...

Взять терпение! — вскричал я вне себя. — А он между тем женится на Марье Ивановне!..

О! — возразил генерал. — Это еще не беда; лучше ей быть покамест женою Швабрина; он теперь может оказать ей протекцию⁵, а когда его расстреляем, тогда, бог даст, сыщутся ей и женишки. Миленькие вдовушки в девках не сидят, то есть, хотел я сказать, что вдовушка скорее найдет себе мужа, нежели женщина.

Скорее соглашусь умереть. — сказал я в бешенстве, — нежели уступить ее Швабрину!

Ба, ба, ба, ба! — сказал старик. — Теперь понимаю: ты, видно, и Марью Ивановну влюблен. О, дело другое! Бедный мальчик! Но все же я никак не могу дать тебе роту солдат и пол-

¹ Коммуникация — сообщение, связь; здесь: пути сообщения.

² Стратегический пункт — место, район, имеющие важное военное значение.

³ Шельма — мошенник (нем.).

⁴ Парапёт — здесь: вал, прикрытые от вражеских пуль и ядер.

⁵ Протекция — покровительство, поддержка.

сотни казаков. Эта экспедиция была бы неблагоприятна; я не могу взять ее на свою ответственность.

Я потупил голову; отчаяние мною овладело. Вдруг мысль мелькнула в голове моей: в чем она состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты.

Глава XI МЯТЕЖНАЯ СЛОБОДА

*В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
«Зачем пожаловать изволил в мой вертеп!» —
Спросил он ланково.*

А. Сумароков¹.

Я оставил генерала и поспешил на свою квартиру. Савельич встретил меня с обыкновенным своим увещанием. «Охота тебе, сударь, переводываться³ с пьяными разбойниками! Боярское ли это дело? Не ровен час: ни за что пропадешь. И добро бы уж ходил ты на турку или на шведа, а то грех и сказать на кого».

Я прервал его речь вопросом: «Сколько у меня всего-на-все денег?» — «Будет с тебя, — отвечал он с довольным видом. — Мошенники как там ни шарили, а я все-таки успел утаить». И с этим словом он вынул из кармана длинный вязаный кошелек, полный серебра. «Ну, Савельич, — сказал я ему, — отдай же мне теперь половину; а остальное возьми себе. Я еду в Белогорскую крепость».

— Батюшка Петр Андреич! — сказал добрый дядька дрожащим голосом. — Побойся бога; как тебе пускаться в дорогу в нынешнее время, когда никуда проезду нет от разбойников! Пожалей ты хоть своих родителей, коли сам себя не жалеешь. Куда тебе ехать? Зачем? Погоди маленько: войска придут, переловят мошенников; тогда поезжай себе хоть на все четыре стороны.

Но намерение мое было твердо принято.

— Поздно рассуждать, — отвечал я старику. — Я должен ехать, я не могу не ехать. Не тужи, Савельич: бог милостив; авось увидимся! Смотри же, не совестись и не скупись. Покупай, что тебе будет нужно, хоть втридорога. Деньги эти я тебе дарю. Если через три дня не ворочусь...

— Что ты это, сударь? — прервал меня Савельич. — Чтоб я тебя пустил одного! Да этого и во сне не проси. Коли ты уж

¹ *Вертеп* (старослав.) — пещера.

² Этот эпиграф сочинен Пушкиным и приписан Сумарокову.

³ *Переводываться* — здесь: перестреливаться, выходить на поединок.

решился ехать, то я хоть пешком да пойду за тобой, а тебя не покину. Чтоб я стал без тебя сидеть за каменной стеною! Да разве я с ума сошел? Воля твоя, сударь, а я от тебя не отстану.

Я знал, что с Савельичем спорить было нечего, и позволил ему приготовляться в дорогу. Через полчаса я сел на своего доброго копя, а Савельич на тощую и хромую клячу, которую даром отдал ему один из городских жителей, не имея более средств кормить ее. Мы приехали к городским воротам; караульные нас пропустили; мы выехали из Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шел мимо Бердской слободы, пристанища Пугачевского. Прямая дорога занесена была снегом, но по всей степи видны были конские следы, ежедневно обновляемые. Я ехал крупной рысью. Савельич едва мог следовать за мною издали и кричал мне поминутно: «Потише, сударь, ради бога потише! Проклятая клячонка моя не успевает за твоим долгоногим бесом. Куда спешишь? Добро бы на пир, а то под обух, того и гляди... Петр Андреич... батюшка Петр Андреич!.. Не погуби!.. Господи владыко, пропадет барское дитя!»

Вскоре засверкали Бердские огни. Мы подъехали к оврагам, естественным укреплениям слободы. Савельич от меня не отставал, не прерывая жалобных своих молений. Я надеялся объехать слободу благополучно, как вдруг увидел в сумраке прямо перед собой человек пять мужиков, вооруженных дубинками: это был передовой караул Пугачевского пристанища. Нас окликали. Не зная пароля, я хотел молча проехать мимо их; но они меня тотчас окружили, и один из них схватил лошадь мою за узду. Я выхватил саблю и ударил мужика по голове: шапка сплисла его, однако он зашатался и выпустил из рук узду. Прочие смутились и отбежали; я воспользовался этой минутой, прищипорил лошадь и поскакал.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня от всякой опасности, как вдруг, оглянувшись, увидел я, что Савельича со мною не было. Бедный старик на своей хромой лошади не мог ускакать от разбойников. Что было делать? Подождав его несколько минут и удостоверясь в том, что он задержан, я поворотил лошадь и отправился его выручать.

Подъезжая к оврагу, услышал я издали шум, крики и голос моего Савельича. Я поехал скорее и вскоре очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня несколько минут тому назад. Савельич находился между ими. Они стащили старика с его клячи и готовились вязать. Прибытие мое их обрадовало. Они с криком бросились на меня и мигом стащили с лошади. Один из них, по-видимому, главный, объявил нам, что он сейчас поведет нас к государю. «А наш батюшка, — прибавил он, — волен приказать: сейчас ли вас повесить, али дожидаться свету божия». Я не противился; Савельич последовал моему примеру, и караульные повели нас с торжеством.

Мы перебрались через овраг и вступили в слободу. Во всех избах горели огни. Шум и крики раздавались везде. На улице я встретил множество народу; но никто в темноте нас не заметил и не узнал во мне оренбургского офицера. Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки. «Вот и дворец, — сказал один из мужиков, — сейчас об вас доложим». Он вошел в избу. Я взглянул на Савельича; старик крестился, читая про себя молитву. Я дождался долго; наконец мужик воротился и сказал мне: «Ступай; наш батюшка велел впустить офицера».

Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток¹, уставленный горшками, — все было как в обыкновенной избе. Пугачев сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачев узнал меня с первого взгляда. Поддельная важность его вдруг исчезла. «А, ваше благородие! — сказал он мне с живостию. — Как поживаешь? Зачем тебя бог принес?» Я отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили. «А по какому делу?» — спросил он меня. Я не знал, что отвечать. Пугачев, полагая, что я не хочу объясняться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выйти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них, — сказал мне Пугачев, — от них я ничего не таю». Я взглянул наискосок на наперсников² самозванца. Один из них, тщедушный и сгорбленный старичок с седою бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой чрез плечо³ по серому армяку. Но ввек не забуду его товарища. Он был высокого росту, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому, широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах. Первый (как узнал я после) был беглый капрал Белобородов; второй — Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей⁴), ссыльный преступник, три раза бежавший из сибирских рудников.

¹ Шесток — площадка в передней части русской печи.

² Наперсник (устар.) — любимец, человек, пользующийся особым доверием.

³ Пугачев выдавал своих приближенных за царских вельмож. Голубую ленту через плечо носили награжденные высшим орденом — Андреем Первозванного.

⁴ Белобородов и Хлопуша — видные участники Пугачевского восстания (исторические лица).

Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшие, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображение. Но Пугачев привел меня в себя своим вопросом: «Говори: по какому же делу выехал ты из Оренбурга?»

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение¹, вторично приведшее меня к Пугачеву, подавало мне случай привести в действие мое намерение. Я решился им воспользоваться, и не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачева:

Я сехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают.

Глази у Пугачева засверкали. «Кто из моих людей смеет обижать сироту? — закричал он. — Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдет. Говори: кто виноватый?»

Швабрин виноватый, — отвечал я. — Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел, больную, у попадьи, и насильно хочет на ней жениться.

— Я проучу Швабрину, — сказал Пугачев. — Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу.

— Прикажи слово молвить, — сказал Хлопуша хриплым голосом. — Ты поторопился назначить Швабрину в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уж оскорбил казиков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору².

— Нечего их ни жалеть, ни жаловать! — сказал старичок в голубой ленте. — Швабрину казнить не беда; а не худо и господина офицера допросить порядком: зачем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признает, так нечего у тебя и управы искать; а коли признает, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами³? Не прикажешь ли свести его в приказную⁴ да запалить там огоньку: мне сдается, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров.

Логика старого злодея показалась мне довольно убедительной. Мороз пробежал по всему моему телу при мысли, в чьих руках я находился. Пугачев заметил мое смущение. «Ась, ваше благородие? — сказал он мне, подмигивая. — Фельдмаршал мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?»

Насмешка Пугачева возвратила мне бодрость. Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною, как ему будет угодно.

¹ *Провидение* — высшая божественная сила, судьба (по поверьям религиозных людей).

² *Наговор* — поклеп, клевета.

³ *Супостат* (устар.) — враг.

⁴ *Приказная* (*приказная изба*) — помещение, где допрашивали арестованных.

— Добро, — сказал Пугачев. — Теперь скажи, в каком состоянии ваш город.

— Слава богу, — отвечал я, — все благополучно.

— Благополучно? — повторил Пугачев. — А народ мрет с голоду!

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что все это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов.

— Ты видишь, — подхватил старичок, — что он тебя в глаза обманывает. Все беглецы согласно показывают, что в Оренбурге голод и мор, что там едят мертвечину, и то за честь; а его милость уверяет, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же виселице повесь и этого молодца, чтоб никому не было завидно.

Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачева. К счастью, Хлопуша, стал противоречить своему товарищу.

— Полно, Наумыч, — сказал он ему. — Тебе бы все души да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чем душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?

— Да ты что за угодник¹? — возразил Белобородов. — У тебя-то откуда жалость взялась?

— Конечно, — отвечал Хлопуша, — и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костлявый кулак и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутье да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем² и обухом, а не бабьим наговором.

Старик отворотился и проворчал слова: «Рваные ноздри!..»

— Что ты там шепчешь, старый хрыч? — закричал Хлопуша. — Я тебе дам рваные ноздри; погоди, придет и твое время; бог даст, и ты щипцов понюхаешь... А покамест смотри, чтоб я тебе бородинки не вырвал!

— Господа енералы! — провозгласил важно Пугачев. — Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладиной: беда, если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, помиритесь.

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова и мрачно смотрели друг на друга. Я увидел необходимость переменить разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным образом, и, обратясь к Пугачеву, сказал ему с веселым видом: «Ах! я было и забыл благодарить тебя за лошадь и за тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замерз бы на дороге».

---

¹ Угодник — так верующие называли некоторых «святых» (буквально: человек, угодивший богу).

² Кистень — старинное ручное оружие (тяжелый набалдашник на короткой рукоятке).

Уловка моя удалась. Пугачев развеселился. «Долг платежом красен, — сказал он, мигая и прищуриваясь. — Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба¹ ли сердцу молодецкому? а?»

— Она невеста моя, — отвечал я Пугачеву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину.

— Твоя невеста! — закричал Пугачев. — Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем! — Потом, обращаясь к Белобородову: — Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да поужинаем; утро вечера мудренее. Завтра посмотрим, что с ним сделаем.

Я рад был отказаться от предлагаемой чести; но делать было нечего. Две молодые казачки, дочери хозяина избы, накрыли стол белой скатертью, принесли хлеба, ухи и несколько штофов с вином и пивом, и я вторично очутился за одною трапезою с Пугачевым, и с его страшными товарищами.

Оргия², коей я был невольным свидетелем, продолжалась до глубокой ночи. Наконец хмель начал одолевать собеседников. Пугачев задремал, сидя на своем месте; товарищи его встали и дали мне знак оставить его. Я вышел вместе с ними. По распоряжению Хлопуши, караульный отвел меня в приказную избу, где я нашел и Савельича и где меня оставили с ним взаперти. Дядька был в таком изумлении при виде всего, что происходило, что не сделал мне никакого вопроса. Он улегся в темноте и долго вздыхал и охал; наконец захрапел, а я предался размышлениям, которые во всю ночь ни на одну минуту не дали мне задремать.

Поутру пришли меня звать от имени Пугачева. Я пошел к нему. У ворот его стояла кибитка, запряженная тройкою татарских лошадей. Народ толпился на улице. В сенях встретил я Пугачева: он был одет по-дорожному, в шубе и в киргизской шапке. Вчерашние собеседники окружали его, приняв на себя вид подобострастия, который сильно противоречил всему, чему я был свидетелем накануне. Пугачев весело со мною поздоровался и велел мне садиться с ним в кибитку.

Мы уселись. «В Белогорскую крепость!» — сказал Пугачев широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою. Сердце мое сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела...

— «Стой! Стой!» — раздался голос, слишком мне знакомый, — и я увидел Савельича, бежавшего нам навстречу. Пугачев велел остановиться. «Батюшка Петр Андреич! — кричал дядька. — Не покинь меня на старости лет посреди этих мошен...» — «А, старый хрыч! — сказал ему Пугачев. — Опять бог дал свидеться. Ну, садись на облучок».

¹ *Зазноба* (народн.) — любимая, возлюбленная.

² *Оргия* — попойка, шумная пирушка.

— Спасибо, государь, спасибо, отец родной! — говорил Савельич, усаживаясь. — Дай бог тебе сто лет здравствовать за то, что меня старика призрил¹ и успокоил. Век за тебя буду бога молить, а о заячем тулупе и упоминать уж не стану.

Этот заячий тулуп мог наконец не на шутку рассердить Пугачева. К счастью, самозванец или не расслышал, или пренебрег неуместным намеком. Лошади поскакали; народ на улице останавливался и кланялся в пояс. Пугачев кивал головою на обе стороны. Через минуту мы выехали из слободы и помчались по гладкой дороге.

Легко можно себе представить, что чувствовал я в эту минуту. Через несколько часов должен я был увидеться с той, которую почитал уже для меня потерянною. Я воображал себе минуту нашего соединения... Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспоминал об опрометчивой жестокости, о кровожадных привычках того, кто вызывался быть избавителем моей любезной! Пугачев не знал, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабрин мог открыть ему все; Пугачев мог проведать истину и другим образом... Тогда что станется с Марьей Ивановной? Холод пробегал по моему телу, и волосы становились дыбом. Вдруг Пугачев прервал мои размышления, обратясь ко мне с вопросом:

— О чем, ваше благородие, изволил задуматься?

— Как не задуматься, — отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя.

— Что ж? — спросил Пугачев. — Страшно тебе?

Я отвечал, что, быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты прав, ей-богу прав! — сказал самозванец. — Ты видел, что мои ребята смотрели на тебя косо; а старик и сегодня настаивал на том, что ты шпион и что надобно тебя пытать и повесить; но я не согласился, — прибавил он, понизив голос, чтоб Савельич и татарин не могли его услышать, — помня твой стакан вина и заячий тулуп. Ты видишь, что я не такой еще кровопийца, как говорит об мне ваша братья.

Я вспомнил взятие Белогорской крепости, но не почел нужным его оспаривать и не отвечал ни слова.

— Что говорят обо мне в Оренбурге? — спросил Пугачев, помолчав немного.

— Да говорят, что с тобою сладить трудновато; нечего сказать: дал ты себя знать.

¹ Призреть (устар. *призрите*) — позаботиться. взять под свою опеку.

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбие. «Да! — сказал он с веселым видом. — Я воюю хоть куда. Знают ли у вас в Оренбурге о сражении под Юзеевой? Сорок енеровалов убито, четыре армии взято в полон. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?»

Хвастливость разбойника показалась мне забавна.

— Сам как ты думаешь? — сказал я ему, — управился ли бы ты с Фридериком¹?

— С Федором Федоровичем? А как же нет? С вашими енералами ведь я же управляюсь; а они его бивали. Доселе оружие мое было счастливо. Дай срок, то ли еще будет, как пойду на Москву.

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса:

— Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою.

— То-то! — сказал я Пугачеву. — Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?

Пугачев горько усмехнулся. «Нет, — отвечал он, — поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать, как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою».

— А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

† Слушай, — сказал Пугачев с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего на-все только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст! — Какова калмыцкая сказка?

— Затейлива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину.

Пугачев посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погружаясь каждый в свои размышле-

---

¹ Фридерик («Федор Федорович») — Фридрих II (1712—1786), прусский король, армия которого в середине XVIII века была разгромлена русскими войсками.

ния. Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремля, качался на облучке. Кибитка летела по гладкому зимнему пути... Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней — и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость.

Глава XII

СИРОТА

*Как у нашей у яблоньки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то ее некому,
Благословить-то ее некому.*

Свадебная песня.

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачева и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачеву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъявляя свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился, но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» — Я отворотился от него и ничего не отвечал.

Сердце мое заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел еще диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия¹ прошедшему времени. Пугачев сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузьмич, усыпленный ворчанием своей супруги. Швабрин сам поднес ему водки. Пугачев выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Попотчуй и его благородие». Швабрин подошел ко мне с своим подносом; но я вторично от него отворотился. Он казался сам не свой. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачев был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверчивостью. Пугачев осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном и вдруг спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне ее».

Швабрин побледнел как мертвый. «Государь, — сказал он дрожащим голосом... — Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит».

«Веди ж меня к ней», — сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повел Пугачева в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал.

¹ *Эпитафия* — надгробная, надмогильная надпись.

Швабрин остановился на лестнице. «Государь! — сказал он. — Вы властны требовать от меня, что вам угодно, но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей».

Я затрепетал. «Так ты женат!» — сказал я Швабрину, готовясь его растерзать.

— Тише! — прервал меня Пугачев. — Это мое дело. А ты, — продолжал он, обращаясь к Швабрину, — не умничай и не лмайся: жена ли она тебе или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною.

У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: «Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке и третий день как бредит без умолку».

— Отворяй! — сказал Пугачев.

Швабрин стал искать у себя в карманах и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачев толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянул и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье, сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрепанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню.

Пугачев посмотрел на Швабрину и сказал с горькой усмешкою: «Хорош у тебя лазарет!» Потом, подошед к Марье Ивановне: «Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? в чем ты перед ним провинилась?»

— Мой муж! — повторила она. — Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решила умереть, и умру, если меня не избавят.

Пугачев взглянул грозно на Швабрину: «И ты смел меня обманывать! — сказал он ему. — Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?»

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачев смягчился. «Милую тебя на сей раз, — сказал он Швабрину, — но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта». Потом обратился он к Марье Ивановне и сказал ей ласково: «Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь».

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца ее родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней; но в эту минуту очень смело в комнату втерлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачев вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

— Что, ваше благородие? — сказал, смеясь, Пугачев. — Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду

посаженым отцом, Швабрин дружкой¹; закутим, запьем — и ворота запрем!

Чего я опасался, то и случилось. Швабрин, услыша предложение Пугачева, вышел из себя. «Государь! — закричал он в исступлении. — Я виноват, я вам солгал; но и Гринев вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнен при взятии здешней крепости».

Пугачев устремил на меня огненные свои глаза. «Это что еще?» — спросил он меня с недоумением.

— Швабрин сказал тебе правду, — отвечал я с твердостью.

— Ты мне этого не сказал, — заметил Пугачев, у коего лицо омрачилось.

— Сам ты рассуди, — отвечал я ему, — можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто ее бы не спасло!

— И то правда, — сказал, смеясь, Пугачев. — Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их.

— Слушай, — продолжал я, видя его доброе расположение. — Как тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу... Но бог видит, что жизнь мою рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши, как начал: отпусти меня с бедною сиротою, куда нам бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачева была тронута. «Ин быть по-твоему! — сказал он. — Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези ее куда хочешь, и дай вам бог любовь да совет!»

Тут он обратился к Швабрину и велел ему выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остолбенелый. Пугачев отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовлений к отъезду.

Я побежал в светлицу. Двери были заперты. Я постучался. «Кто там?» — спросила Палаша. Я назвалса. Милый голосок Марьи Ивановны раздался из-за дверей. «Погодите, Петр Андреевич. Я переодеваюсь. Ступайте к Акулине Памфиловне; я сейчас туда же буду». Я повиновался и пошел в дом отца Герасима. И он и попадья выбежали ко мне навстречу. Савельич их уже предупредил. «Здравствуйте, Петр Андреевич, — говорила попадья. — Привел бог опять увидеться. Как поживаете? А мы-то про вас каждый день поминали. А Марья Ивановна всего натерпелась без вас, моя голубушка!.. Да скажите, мой отец, как это

¹ Дружка — распорядитель на свадьбе.

вы с Пугачевым-то поладили! Как он это вас не укокошил? Добро, спасибо злодею и за это». — «Полно старуха, — прервал отец Герасим. — Не все то ври¹, что знаешь. Несть спасения во многом глаголании². Батюшка Петр Андреич! войдите, милости просим. Давно, давно не видались».

Попадья стала угощать меня чем бог послал. А между тем говорила без умолку. Она рассказала мне, каким образом Швабрин принудил их выдать ему Марью Ивановну; как Марья Ивановна плакала и не хотела с ними расставаться; как Марья Ивановна имела с нею всегдашние сношения через Палашку (девку бойкую, которая и урядника заставляет плясать по своей дудке); как она присоветовала Марье Ивановне написать ко мне письмо и прочее. Я в свою очередь рассказал ей вкратце свою историю. Поп и попадья крестились, услыша, что Пугачеву известен их обман. «С нами сила крестная! — говорила Акулина Памфиловна. — Промчи бог тучу мимо. Ай да Алексей Иваныч, нечего сказать: хорош гусь!» В самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла с улыбкою на бледном лице. Она оставила свое крестьянское платье и одета была по-прежнему, просто и мило.

Я схватил ее руку и долго не мог вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали от полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что нам было не до них, и оставили нас. Мы остались одни. Все было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мне все, что с нею случилось с самого взятия крепости; описала мне весь ужас ее положения, все испытания, которым подвергал ее гнусный Швабрин. Мы вспомнили и прежнее счастливое время... Оба мы плакали... Наконец я стал объяснять ей мои предположения. Оставаться ей в крепости, подвластной Пугачеву и управляемой Швабриным, было невозможно. Нельзя было думать и об Оренбурге, претерпеваемом все бедствия осады. У ней не было на свете ни одного родного человека. Я предложил ей ехать в деревню к моим родителям. Она сначала колебалась: известное ей неблагоприятное положение отца моего ее пугало. Я ее успокоил. Я знал, что отец почтет за счастье и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество. «Милая Марья Ивановна! — сказал я наконец. — Я почитаю тебя своею женою. Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно: ничто на свете не может нас разлучить». Марья Ивановна выслушала меня просто, без притворной застенчивости, без затейливых отговорок. Она чувствовала, что судьба ее соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женою, как с согласия моих родителей. Я ей и не противоречил. Мы поцеловались горячо, искренно — и таким образом все было между нами решено.

¹ См. примечание 5 на с. 31.

² Многословие не даст спасения (старослав.).

Через час урядник принес мне пропуск, подписанный каракульками Пугачева, и позвал меня к нему от его имени. Я нашел его готового пуститься в дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока еще было время. Швабрин и народ, толпящийся около нас, помешали мне высказать все, чем исполнено было мое сердце.

Мы расстались дружески. Пугачев, увидя в толпе Акулину Памфиловну, погрозил пальцем и мигнул значительно; потом сел в кибитку, велел ехать в Берду, и когда лошади тронулись, то он еще раз высунулся из кибитки и закричал мне: «Прощай, ваше благородие! Авось увидимся когда-нибудь». — Мы точно с ним увиделись, но в каких обстоятельствах!..

Пугачев уехал. Я долго смотрел на белую степь, по которой неслась его тройка. Народ разошелся. Швабрин скрылся. Я воротился в дом священника. Все было готово к нашему отъезду; я не хотел более медлить. Добро наше все было уложено в старую комендантскую повозку. Ямщики мигом заложили лошадей. Марья Ивановна пошла проститься с могилами своих родителей, похороненных за церковью. Я хотел ее проводить, но она просила меня оставить ее одну. Через несколько минут она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отец Герасим и жена его вышли на крыльцо. Мы сели в кибитку втроем: Марья Ивановна с Палашей и я. Савельич забрался на облучок. «Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! Прощайте, Петр Андреич, сокол наш ясный! — говорила добрая попадьа. — Счастливый путь, и дай бог вам обоим счастья!» Мы поехали. У окошка комендантского дома я увидел стоящего Швабрину. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотел торжествовать над уничтоженным врагом и обратил глаза в другую сторону. Наконец мы выехали из крепостных ворот и навек оставили Белогорскую крепость.

Глава XIII

АРЕСТ

*Не гневайтесь, сударь: по долгу моему
Я должен сей же час отправить вас в тюрьму.
— Извольте, я готов; но я в такой надежде,
Что дело объяснить дозволите мне прежде.*

Княжнин.

Соединенный так нечаянно с милой девушкой, о которой еще утром я так мучительно беспокоился, я не верил самому себе и воображал, что все со мною случившееся было пустое сновидение. Марья Ивановна глядела с задумчивостью то на меня, то на

дорогу и, казалось, не успела еще опомниться и прийти в себя. Мы молчали. Сердца наши слишком были утомлены.

Неприметным образом часа через два очутились мы в ближней крепости, также подвластной Пугачеву. Здесь мы переменили лошадей. По скорости, с какой их запрягали, по торопливой услужливости брадатого казака, поставленного Пугачевым в коменданты, я увидел, что, благодаря болтливости ямщика в нас привезшего, меня принимали как придворного временщика¹.

Мы отправились далее. Стало смеркаться. Мы приближались к городку, где, по словам бородатого коменданта, находился сильный отряд, идущий на соединение к самозванцу. Мы были остановлены караульными. На вопрос: кто едет? — ямщик отвечал громогласно: «Государев кум со своею хозяйюшкою». Вдруг толпа гусаров окружила нас с ужасною бранью. «Выходи, бесов кум! — сказал мне усатый вахмистр². — Вот уже тебе будет баня, и с твоею хозяйюшкою!»

Я вышел из кибитки и требовал, чтоб отвели меня к их начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистр повел меня к майору. Савельнич от меня не отставал, поговаривая про себя: «Вот тебе и государев кум! Из огня да в полымя... Господи владыко! чем это все кончится?» Кибитка шагом поехала за нами.

Через пять минут мы пришли к домику, ярко освещенному. Вахмистр оставил меня при карауле и пошел обо мне доложить. Он тотчас же воротился, объявив мне, что его высокоблагородию некогда меня принять, а что он велел отвести меня в острог³, а хозяйюшку к себе привести.

— Что это значит? — закричал я в бешенстве. — Да разве он с ума сошел?

— Не могу знать, ваше благородие, — отвечал вахмистр. — Только его высокоблагородие приказал ваше благородие отвести в острог, а ее благородие приказано привести к его высокоблагородию, ваше благородие!

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбежал в комнату, где человек шесть гусарских офицеров играли в банк⁴. Майор метал⁵. Каково было мое изумление, когда, взглянув на него, узнал я Ивана Ивановича Зурина, некогда обыгравшего меня в симбирском трактире!

— Возможно ли? — вскричал я. — Иван Иванович! ты ли?

— Ба, ба, ба, Петр Андреич! Какими судьбами? Откуда ты? Здорово, брат. Не хочешь ли поставить карточку⁶?

— Благодарен. Прикажи-ка лучше отвести мне квартиру.

¹ *Временщик* — человек, достигший большой власти вследствие близости к царю или царице.

² *Вахмистр* — унтер-офицер в кавалерии.

³ *Острог* — тюрьма.

⁴ *Банк* — карточная азартная игра.

⁵ *Метать* — здесь: держать банк, т. е. вести игру, поставить деньги на кон.

⁶ *Поставить карту* — здесь: принять участие в карточной игре.

— Какую тебе квартиру? Оставайся у меня.
— Не могу: я не один.
— Ну, подавай сюда и товарища.
— Я не с товарищем; я... с дамою.
— С дамою? Где же ты ее подцепил? Эге, брат! (При сих словах Зурин засвистел так выразительно, что все захохотали, а я совершенно смутился.)

— Ну, — продолжал Зурин, — так и быть. Будет тебе квартира. А жаль... Мы бы попирировали по-старинному... Гей! малой! Да что ж сюда не ведут кумушку-то Пугачева? или она упрямится? Сказать ей, чтоб она не боялась: барин-де прекрасный, ничем не обидит, да хорошенько ее в шею.

— Что ты это? — сказал я Зурину. — Какая кумушка Пугачева? Это дочь покойного капитана Миронова. Я вывез ее из плена и теперь провожаю до деревни бабушкиной, где и оставлю ее.

— Как! Так это о тебе мне сейчас докладывали? Помилуй! что же это значит?

— После все расскажу. А теперь, ради бога, успокой бедную девушку, которую гусары твои перепугали.

Зурин тотчас распорядился. Он сам вышел на улицу извиняться перед Марьей Ивановной в невольном недоразумении и приказал вахмистру отвести ей лучшую квартиру в городе. Я остался ночевать у него.

Мы отужинали, и, когда остались вдвоем, я рассказал ему свои похождения. Зурин слушал меня с большим вниманием. Когда я кончил, он покачал головою и сказал: «Все это, брат, хорошо; одно нехорошо: зачем тебя черт несет жениться? Я, честный офицер, не захочу тебя обманывать; поверь же ты мне, что женитьба блажь. Ну, куда тебе возиться с женою да нянчиться с ребятишками? Эй, плюнь. Послушайся меня: развяжись ты с капитанскою дочкой. Дорога в Симбирск мною очищена и безопасна. Отправь ее завтра ж одну к родителям твоим, а сам оставайся у меня в отряде. В Оренбург возвращаться тебе незачем. Попадешься опять в руки бунтовщикам, так вряд ли от них еще раз отделаешься. Таким образом любовная дурь пройдет сама собою, и все будет ладно».

Хотя я не совсем был с ним согласен, однако ж я чувствовал, что долг чести требовал моего присутствия в войске императрицы.

Я решился последовать совету Зурина: отправить Марью Ивановну в деревню и остаться в его отряде.

Савельич явился меня раздевать; я объявил ему, чтоб на другой же день готов он был ехать в дорогу с Марьей Ивановной. Он было заупрямился. «Что ты, сударь? Как же я тебя-то покину? Кто за тобою будет ходить? Что скажут родители твои?»

Зная упрямство дядки моего, я вознамерился убедить его лаской и искренностию. «Друг ты мой, Архип Савельич! — сказал я ему. — Не откажи, будь мне благодетелем; в прислуге здесь

я нуждаться не стану, а не буду спокоен, если Марья Ивановна поедет в дорогу без тебя. Служа ей, служишь ты и мне, потому что я твердо решил, как скоро обстоятельства дозволят, жениться на ней».

Тут Савельич сплеснул руками с видом изумления неопи-санного. «Жениться! — повторил он. — Дитя хочет жениться! А что скажет батюшка, а матушка-то что подумает?»

— Согласятся, верно согласятся, — отвечал я, — когда узнают Марью Ивановну. Я надеюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебе верят: ты будешь за нас ходатаем¹, не так ли?

Старик был тронут. «Ох, батюшка ты мой Петр Андреич! — отвечал он. — Хоть раненько задумал ты жениться, да зато Марья Ивановна такая добрая барышня, что грех и пропустить оказию. Ин быть по-твоему! Провожу ее, ангела божия, и рабски буду доносить твоим родителям, что такой невесте не надобно и приданого».

Я благодарил Савельича и лег спать в одной комнате с Зуриным. Разгоряченный и взволнованный, я разболтался. Зурин сначала со мною разговаривал охотно; но мало-помалу слова его стали реже и бессвязнее; наконец, вместо ответа на какой-то запрос, он захрапел и присвистнул. Я замолчал и вскоре последовал его примеру.

На другой день утром пришел я к Марье Ивановне. Я сообщил ей свои предположения. Она признала их благоразумие и тотчас со мною согласилась. Отряд Зурина должен был выступить из города в тот же день. Нечего было медлить. Я тут же расстался с Марьей Ивановной, поручив ее Савельичу и дав ей письмо к моим родителям. Марья Ивановна заплакала. «Прощайте, Петр Андреич! — сказала она тихим голосом. — Придется ли нам увидеться или нет, бог один это знает; но век не забуду вас; до могилы ты один останешься в моем сердце». Я ничего не мог отвечать. Люди нас окружали. Я не хотел при них предаваться чувствам, которые меня волновали. Наконец она уехала. Я возвратился к Зурину, грустен и молчалив. Он хотел меня развеселить; я думал себя рассеять; мы провели день шумно и буйно и вечером выступили в поход.

Это было в конце февраля. Зима, затруднявшая военные распоряжения, проходила, и наши генералы готовились к дружному содействию. Пугачев все еще стоял под Оренбургом. Между тем около его отряды соединялись и со всех сторон приближались к злодейскому гнезду. Бунтующие деревни при виде наших войск приходили в повиновение; шайки разбойников везде бежали от нас, и все предвешало скорое и благополучное окончание.

Вскоре князь Голицын, под крепостию Татищевой, разбил Пугачева, рассеял его толпы, освободил Оренбург и, казалось, нанес

¹ *Ходатай* — заступник, защитник.

бунту последний и решительный удар. Зурин был в то же время отряжен противу шайки мятежных башкирцев, которые рассеялись прежде, нежели мы их увидали. Весна осадила нас в татарской деревушке. Речки разлились, и дороги стали непроходимы. Мы утешались в нашем бездействии мыслию о скором прекращении скучной и мелочной войны с разбойниками и дикарями.

Но Пугачев не был пойман. Он явился на сибирских заводах, собрал там новые шайки и снова начал злодействовать. Слух о его успехах снова распространился. Мы узнали о разорении сибирских крепостей. Вскоре весть о взятии Казани и о походе самозванца на Москву встревожила начальников войск, беспечно дремавших в надежде на бессилие презренного бунтовщика. Зурин получил повеление переправиться через Волгу.

Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности. Мы проходили через селения, разоренные бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что успели они спасти. Правление было повсюду прекращено; помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядом самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

Пугачев бежал, преследуемый Иваном Ивановичем Михельсоном¹. Вскоре узнали мы о совершенном его разбитии. Наконец Зурин получил известие о поимке самозванца, а вместе с тем и повеление остановиться. Война была кончена. Наконец мне можно было ехать к моим родителям! Мысль их обнять, увидеть Марью Ивановну, от которой не имел я никакого известия, одушевляла меня восторгом. Я прыгал как ребенок. Зурин смеялся и говорил, пожимая плечами: «Нет, тебе несдобровать! Женишься — ни за что пропадешь!»

Но между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле. «Емеля, Емеля! — думал я с досадою, — зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать». Что прикажете делать? Мысль о нем неразлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавлении моей невесты из рук гнусного Швабрина.

Зурин дал мне отпуск. Через несколько дней должен я был опять очутиться посреди моего семейства, увидеть опять мою Марью Ивановну... Вдруг неожиданная гроза меня поразила.

---

¹ *Михельсон И. И.* (1740—1807) — во времена Пугачевского восстания подполковник, впоследствии генерал. Один из усмирителей Пугачевского восстания.

В день, назначенный для выезда, в самую ту минуту, когда готовился я пуститься в дорогу, Зурин вошел ко мне в избу, держа в руках бумагу, с видом чрезвычайно озабоченным. Что-то кольнуло меня в сердце. Я испугался, сам не зная чего. Он выслал моего денщика и объявил, что имеет до меня дело. «Что такое?» — спросил я с беспокойством. — «Маленькая неприятность, — отвечал он, подавая мне бумагу. — Прочитай, что сейчас я получил». Я стал ее читать: это был секретный приказ ко всем отдельным начальникам арестовать меня, где бы ни попался, и немедленно отправить под караул в Казань, в Следственную комиссию, учрежденную по делу Пугачева.

Бумага чуть не выпала из моих рук. «Делать нечего! — сказал Зурин. — Долг мой повиноваться приказу. Вероятно, слух о твоих дружеских путешествиях с Пугачевым как-нибудь да дошел до правительств. Надеюсь, что дело не будет иметь никаких последствий и что ты оправдаешься перед комиссией. Не унывай и отправляйся». Совесть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкого свидания, может быть, на несколько еще месяцев, устрасала меня. Тележка была готова. Зурин дружески со мною простился. Меня посадили в тележку. Со мною сели два гусара с саблями наголо, и я поехал по большой дороге.

Глава XIV

СУД

*Мирская молва —
Морская волна.*

Пословица.

Я был уверен, что виною всему было самовольное мое отсутствие из Оренбурга. Я легко мог оправдаться: наездничество не только никогда не было запрещено, но еще всеми силами было ободряемо. Я мог быть обвинен в излишней запальчивости, а не в ослушании. Но приятельские сношения мои с Пугачевым могли быть доказаны множеством свидетелей и должны были казаться по крайней мере весьма подозрительными. Во всю дорогу размышляя я о допросах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы и решился перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надежным.

Я приехал в Казань, опустошенную и погорелую. По улицам, вместо домов, лежали груды углей и торчали закоптелые стены без крыши и окон. Таков был след, оставленный Пугачевым! Меня принесли в крепость, уцелевшую посреди сгоревшего города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузнеца. Надели мне на ноги цепи и заковали наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и темной конурке, с од-

ними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решеткою.

Такое начало не предвещало мне ничего доброго. Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, изливаемой из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет.

На другой день тюремный сторож меня разбудил с объявлением, что меня требуют в комиссию. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом, остановились в передней и впустили одного во внутренние комнаты.

Я вошел в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагою, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моем имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринева? И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!» Я спокойно отвечал, что, каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему понравилась. «Ты, брат, востер, — сказал он мне нахмуясь, — но видали мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошел я в службу к Пугачеву и по каким поручениям был я им употреблен?

Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачеву вступать и никаких поручений от него принять не мог.

— Каким же образом, — возразил мой допросчик, — дворянин и офицер один пощажен самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чем она основана, если не на измене или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?

Я был глубоко оскорблен словами гвардейского офицера и с жаром начал свое оправдание. Я рассказал, как началось мое знакомство с Пугачевым в степи, во время бурана; как при взятии Белогорской крепости он меня узнал и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посовестился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я против злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать мое усердие во время бедственной оренбургской осады.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух:

«На запрос вашего превосходительства касательно прапорщика Гринева, якобы замешанного в нынешнем смятении¹ и вошедшего в сношения с злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: оный прапорщик Гринева находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился и с той поры уже в команду мою не являлся. А слышно от перебежчиков, что он был у Пугачева в слободе и с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на службе; что касается до его поведения, то я могу...» Тут он прервал свое чтение и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправдание?»

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и все прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если я назову ее, то комиссия потребует ее к ответу; и мысль впутать ее между гнусными извещениями² злодеев и ее самую привести на очную с ними ставку — эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть *вчерашнего злодея*. Я с живостию обратился к дверям, ожидая появления моего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошел — Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно черные как смоль, совершенно поседел; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я отряжен был от Пугачева в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всем, что делалось в городе; что, наконец, явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, — как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился еще более в моем намерении, и когда судьи спросили, чем могу опровергнуть показания

¹ *Смятѣние* — здесь: смута, мятеж, беспорядок.

² *Извѣст* (устар.) — донос, клевета.

Швабрина, я ответил, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрину, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чем остается мне уведомить читателя; но я так часто слышал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренне привязались, потому что нельзя было ее узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустой блажью; а матушка только того и желала, чтоб ее Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моем аресте поразил все мое семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моем с Пугачевым, что оно не только не беспокоило их, но еще заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачева и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностию и осторожностью.

Прошло несколько недель... Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б**. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного приступа¹ он объявил ему, что подозрения насчет участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастю, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдаленный край Сибири на вечное поселение.

Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твердости, и горечь его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! — повторял он, выходя из себя. — Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже

¹ *Приступ* — здесь: вступление.

праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна: прашур¹ мой умер на лобном месте², отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волинским и Хрущевым³. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..» Испуганная его отчаянием матушка не смела при нем плакать и старалась возратить ему бодрость, говоря о неверности молвы, о шаткости людского мнения. Отец мой был утешен.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницею моего несчастья. Она скрывала от всех свои слезы и страдания и между тем непрерывно думала о средствах, как бы меня спасти.

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевортывая листы Придворного календаря; но мысли его были далеко, и чтение не производило над ним обыкновенного своего действия. Он насвистывал старинный марш. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слезы изредка капали на ее работу. Вдруг Марья Ивановна, тут же сидевшая за работой, объявила, что необходимость ее заставляет ехать в Петербург и что она просит дать ей способ отправить в Петербург. Матушка очень огорчилась. «Зачем тебе в Петербург? — сказала она. — Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты нас покинуть?» Марья Ивановна отвечала, что вся будущая судьба ее зависит от этого путешествия, что она едет искать покровительства и помощи у сильных людей, как дочь человека, пострадавшего за свою верность.

Отец мой потупил голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступление сына, было ему тягостно и казалось колким упреском. «Поезжай, матушка! — сказал он ей со вздохом. — Мы твоему счастью помехи сделать не хотим. Дай бог тебе в женихи доброго человека, не ошельмованного изменника». Он встал и вышел из комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наедине с матушкою, отчасти объяснила ей свои предположения. Матушка со слезами обняла ее и молила бога о благополучном конце замышленного дела. Марью Ивановну снарядили, и через несколько дней она отправилась в дорогу с верной Палашей и с верным Савельичем, который, насильственно разлученный со мною, утешался по крайней мере мыслию, что служит нареченной⁴ моей невесте.

¹ *Прашур* — предок.

² *Лобное место* — возвышение на Красной площади в Москве. Возле него казнили важных государственных преступников.

³ *Волинский А. П., Хрущёв А. Ф.* — видные государственные деятели XVIII века, сторонники ограничения самодержавия; казнены за «государственную измену».

⁴ *Нареченная* — объявленная, признанная всеми

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию¹ и, узнав, что Двор² находился в то время в Царском Селе, решила тут остановиться. Ей отвели уголок за перегородкой. Жена смотрителя тотчас с нею разговорилась, объявила, что она племянница придворного истопника, и посвятила ее во все таинства придворной жизни. Она рассказала, в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофей, прогуливалась; какие вельможи находились в то время при ней; что изволила она вчерашний день говорить у себя за столом, кого принимала вечером, — словом, разговор Анны Власьевны стоил нескольких страниц исторических записок и был бы драгоценен для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманием. Они пошли в сад. Анна Власьевна рассказала историю каждой аллеи и каждого мостика, и, нагулявшись, они возвратились на станцию очень довольные друг другом.

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева³. Вдруг бллая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский глос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на нее смотрела; а Марья Ивановна, с своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть ее с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчание.

— Вы, верно, не здешние? — сказала она.

— Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

— Вы приехали с вашими родными?

— Никак нет-с. Я приехала одна.

— Одна! Но вы так еще молоды.

— У меня нет ни отца, ни матери.

— Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?

— Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

— Вы сирота: вероятно, жалуетесь на несправедливость и обиду?

---

¹ *София* — почтовая станция недалеко от Царского Села под Петербургом.

² *Двор* — царский двор (царь и приближенные к нему лица).

³ *Румянцев П. А.* (1725—1796) — крупный военачальник времен Екатерины II.

- Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.
- Позвольте спросить, кто вы таковы?
- Я дочь капитана Миронова.
- Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?
- Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, — сказала она голосом еще более ласковым, — если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чем состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительнице, которая стала читать про себя.

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг ее лицо переменялось, — и Марья Ивановна, следившая глазами за всеми ее движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

— Вы просите за Гринева? — сказала дама с холодным видом. — Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй.

— Ах, неправда! — воскликнула Марья Ивановна.

— Как неправда! — возразила дама, вся вспыхнув.

— Неправда, ей-богу, неправда! Я знаю все, я все вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. — Тут она с жаром рассказала все, что уже известно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманием. «Где вы остановились?» — спросила она потом; и услыша, что у Анны Власьевны, промолвила с улыбкою: «А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо».

С этим словом она встала и вышла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ее словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар и за чашкою чая только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца и камер-лакей¹ вошел с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, господи! — закричала она. — Государыня требует вас ко двору. Как

¹ Камер-лакэй — придворный слуга.

же это она про вас узнала? Да как же вы, матушка, представитесь к императрице? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умсете. Не проводить ли мне вас? Все-таки я вас хоть в чем-нибудь да могу предостеречь. И как же вам ехать в дорожном платье? Не послать ли к повивальной бабушке за ее желтым роброном¹?» Камер-лакей объявил, что государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна и в том, в чем ее застанут. Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету, и поехала во дворец, сопровождаемая советами и благословениями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала решение нашей судьбы; сердце ее сильно билось и замирало. Через несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед ней отворились настежь. Она прошла длинный ряд пустых великолепных комнат; камер-лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к запертым дверям, он объявил, что сейчас об ней доложит, и оставил ее одну.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так устрашала ее, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную² государыни.

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала ее и сказала с улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вам свое слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свекру³».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплавав, упала к ногам императрицы, которая подняла ее и поцеловала. Государыня разговорилась с нею. «Знаю, что вы не богаты, — сказала она, — но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние».

Обласкав бедную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьева, нетерпеливо ожидавшая ее возвращения, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьева хотя и была недовольна ее беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

---

¹ *Роброн* (устар.) — широкое женское платье.

² *Уборная* — здесь: комната, где одеваются и приводят себя в порядок (от слова *убираться* — украситься, нарядиться).

³ *Свёкор* — отец мужа.

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева. Из семейственных преданий известно, что он был освобожден от заключения в конце 1774 года, по именному повелению¹; что он присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Петр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. В тридцати верстах от*** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать ее особо, приислав к каждой главе приличный² эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Издатель.

19 окт. 1836.

*Вопросы и задания для вступительной беседы
о повести «Капитанская дочка»*

1. В Большой советской энциклопедии сообщаются следующие сведения о Пугачеве:

«29 мая 1773 года Пугачев бежал из Казани вместе с караульным солдатом. В августе 1773 года он появился в завожских степях на постоялом дворе отставного солдата Степана Оболева. С его помощью он встретился с яицкими казаками, которым назвал себя Петром III. Природный ум, смелость, большая энергия, выдающиеся способности организатора в сочетании с жизненным опытом, знанием психологии и настроений угнетенных масс, а также приобретенными в походах знаниями военного, в частности артиллерийского, дела сделали Пугачева вождем крестьянского восстания. Призвав манифестом казаков, калмыков и татар к восстанию, Пугачев начал поход вверх по Яику... Состоявший к середине 1773 года из 80 человек отряд Пугачева быстро вырос до 400 человек, ему без боя сдавались крепости укрепленной линии. После взятия верхнеяицких крепостей войска Пугачева в количестве около 2,5 тысяч человек при 20 пушках осадили в начале октября Оренбург. В декабре 1773 года армия Пугачева насчитывала 30 тысяч бойцов и 86 орудий... Он намеревался взять Оренбург, Яицкий городок, затем идти через Казань на Москву и Петербург и «всем государством завладеть»... В марте 1774 года против восставших действовала большая армия, которая нанесла им сильное поражение под Оренбургом, затем на Урале, под Казанью и преследовала войска Пугачева в Поволжье... Пугачев был схвачен 8 сентября 1774 года на

¹ *Именное повеление* — повеление царя или царицы.

² *Приличный* — здесь (устар.): подходящий, соответствующий.

Узнях, 15 сентября передан властям Яицкого городка... 10 января 1775 года в Москве, на Болотной площади, Пугачев был казнен (четвертованием) вместе со своими соратниками...»

Чем отличается изображение Пугачевского восстания в «Капитанской дочке» от описания его в этой статье?

2. Один из известных критиков¹ XIX века (Н. Н. Страхов) писал: «Капитанская дочка» есть рассказ о том, как Петр Гринев женился на дочери капитана Миронова». И. С. Тургенев считал, что главное в «Капитанской дочке» — изображение «бунта казака Пугачева». Какое из приведенных высказываний вам кажется более правильным? Почему?

ДЕТАЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Рассмотрим иллюстрацию С. В. Герасимова к «Капитанской дочке» (с. 20). Пугачев на «троне». Высокая соболья шапка, красный кафтан, голубая лента через плечо, ковер под ногами. Очевидно желание Пугачева внушить представление о своем царском величии. Но странное дело: соболья шапка надета набекрень, «государь» сидит подбоченясь, придерживая левой рукой саблю, энергично раставив ноги, словно готовый в любую минуту к прыжку. В облике его, в посадке чувствуется казак, кавалерист. Справа от него — степенные и сильные мужики, и лицо Пугачева не многим отличается от их лиц — разве бóльшей силой, выражением воли.

Всмотримся в картину внимательнее.

Некрашенный дощатый пол, низкий потолок, грубый деревянный стол, кадка с ковшом на первом плане — все эти подробности (или, как их называют в искусстве, *детали*), с помощью которых художник показывает, что дело происходит в крестьянской избе, контрастируют² с яркой одеждой Пугачева и богатым ковром. Мы добродушно смеемся над «царскими» замашками Пугачева. И в то же время невольно возникает мысль: насколько чужды ему предметы роскоши, насколько естественнее выглядел бы он или в степи на коне, или даже в этой избе, но в простой казацкой одежде, среди нехитрой крестьянской утвари!

Слева от Пугачева подобострастно изогнулся старичок, он что-то с коварной улыбкой нашептывает «государю», и тот, очевидно под влиянием этого наговора, грозно смотрит на только что вошедшего офицера, — вероятно, Пугачев вспыхив и несдержан в гневе.

Так, вникая в детали, мы словно читаем картину.

Как и в произведениях живописи, детали играют важную роль в произведениях художественной литературы. С их помощью писа-

¹ Критик — литератор, занимающийся истолкованием и оценкой художественных произведений.

² Контрастируют — не соответствуют, находятся в противоположности.

тель изображает внешность героев (детали портрета), обстановку, в которой происходит действие (детали пейзажа, интерьера¹), характеры героев (подробности поведения, мыслей и чувств). И не только изображает, но и оценивает изображаемое. Мы чувствуем мягкую, добрую усмешку Пушкина, когда он рисует коменданта крепости, в колпаке и китайчатом халате «обучающего» солдат, или когда описывает бердский «дворец» Пугачева со стенами, оклеенными золотой бумагой, с двумя сальными свечами, рукомыльником на веревочке, полотенцем на гвозде, ухватом в углу и горшками на шестке.

Обращает на себя внимание такая сцена. Пугачев уезжает из Белогорской крепости. «Ему подвели лошадь. Он проворно вскочил в седло, не дождавшись казаков, которые хотели было посадить его». Несколькими словами показаны и физическая сила, и ловкость Пугачева, и привычка его, казака, обращаться с лошадью, и темперамент² Пугачева, для которого тягостно было соблюдать все правила дворцового этикета.

Всего лишь две фразы позволяют нам догадаться о чувствах Гринева в момент последнего расставания с Пугачевым: «Пугачев уехал. Я долго смотрел на белую степь, по которой неслась его тройка».

Пушкин считал, что точность и краткость — главные достоинства прозы. Поэтому каждая деталь у него особенно емка, насыщена смыслом.

Разбирая повесть «Капитанская дочка», отвечая на вопросы, выполняя задания, возвращайтесь к прочитанному, вдумывайтесь в текст. Помните, что внимательное, сосредоточенное чтение, а иногда неоднократное перечитывание произведения — ключ к постижению духовных богатств, заключенных в художественной литературе.

Вопросы и задания

1. Перечитайте описание бурана в главе II. Приведите примеры краткости и художественной точности пушкинских описаний (изобразительно-выразительная роль глаголов, роль метафор и сравнений).

2. Один из современников Пугачева так говорил о его внешности: «Рост его небольшой, лицо имеет смуглое и сухощавое, нос с горбом... левый глаз шурит и часто им мигает. Волосы на голове черные, борода черная же, но с небольшою сединою. Платье имеет: шубу плюсовую малиновую, да и шаровары такие ж; шапку казачью».

Другой отмечал: «Лицо имеет он смуглое, но чистое, глаза острые и взор страховитый; борода и волосы на голове черные; рост его средний или меньше; в плечах хотя и широк, но в поясище очень тонок». Сравните эти описания с деталями портрета Пугачева в главах VII, VIII, XI «Капитанской дочки». Чем отличаются пушкинские описания от свидетельств современников? Почему, по-вашему, поэт именно такими деталями рисовал портрет Пугачева?

¹ Интерьер — внутренняя часть какого-либо помещения.

² Темперамент — здесь: активность, жизненная сила.

К главам I—V

1. Кратко расскажите о жизни Гринева до начала Пугачевского восстания. В каких условиях воспитывался Петруша? (Для характеристики его родителей привлеките также главу XIV.) Что хорошего и что дурного вынес Гринев из детских и отроческих лет? Какое значение для него имели жизнь в Белогорской крепости, общение с «добрым семейством» Мироновых, занятия литературой, любовь к Марье Ивановне?
2. Над чем и почему добродушно подсмеивается и шутит Гринев, вспоминая свои детские и отроческие годы и жизнь в Белогорской крепости?
3. Почему, прежде чем начать повествование о Пугачеве, Пушкин рассказывает о детстве и юности Гринева?

К главам VI—XII

1. Перечитайте эпизоды встреч Гринева с Пугачевым (включая сцену на постоялом дворе, описанную в главе II). Расскажите об одном из понравившихся вам эпизодов. Какое он имеет значение для раскрытия характера Пугачева? Обратите внимание:
  - на портретные зарисовки Пугачева;
  - на особенности его речи;
  - на его отношение к различным людям;
  - на отношение к нему его сподвижников и простого народа.
2. Сопоставьте картины военных советов в Белогорской крепости (пирושка у Пугачева) и в Оренбурге, отношение генерала и Пугачева к любовному чувству Гринева. Что дает такое сопоставление для понимания характера Пугачева?
3. Почему Пугачев освободил Машу Миронову?
4. Как изменяется отношение Гринева к Пугачеву на протяжении повести (сравните, например, главы VII и XII)?

К главам XIII—XIV

1. Что добавляют заключительные главы повести к нашим представлениям об отношениях Гринева с Пугачевым?
2. Расскажите, как нарисована Маша Миронова в конце повести. Какие стороны ее характера проявляются после ареста Гринева?
3. Придворные поэты называли Екатерину II богиней мудрости и справедливости, «ангелом во плоти», неземным существом. А как изображена Екатерина II в «Капитанской дочке»? Почему неоднократно миловал Гринева и помогал ему, человеку из враждебного лагеря, Пугачев и почему помиловала Гринева Екатерина II?

Ко всей повести

1. Почему, по-вашему, повествование в «Капитанской дочке» ведется не от лица автора, а от лица Гринева?
2. Реакционный историк, современник Пушкина, писал о Пугачеве: «Емелька Пугачев бесспорно принадлежал к редким явлениям, к извергам, вне законов природы рожденным; ибо в естестве его не было и малейшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которые разумное творение от бессмысленного животного отличают.

История сего злодея может изумить порочного и вселить отвращение даже в самих разбойниках и убийцах. Она вместе с тем доказывает, как низко может падать человек и какую адскую злобою может быть преисполнено его сердце». Сравните эту оценку Пугачева с отношением к Пугачеву Гринева.

Что понял верно и чего не понял Гринева в Пугачеве и крестьянском восстании? (Отвечая на этот вопрос, наряду с другими фактами, помните калмыцкую сказку Пугачева и слова Гринева после того, как он ее выслушал.)

3. Почему Швабрин, несмотря на то что он перешел на сторону Пугачева, вызывает наше презрение?

4. Прочитав следующие документы, сделайте вывод о том, что обострило интерес Пушкина к истории Пугачевского восстания: «Времена стоят печальные. В Петербурге свирепствует эпидемия. Народ несколько раз начинал бунтовать. Ходили нелепые слухи. Утверждали, что лскаря отравляют население. Двое из них были убиты свирепевшей чернью¹... на этот раз возмущение было подавлено; но через некоторое время беспорядки возобновились. Возможно, что будут вынуждены прибегнуть к картечи».

(А. С. Пушкин — П. А. Осиповой,
29 июня 1831 г.)

«Я должен сказать вам, господа, что положение дел весьма не хорошо, подобно времени бывшей французской революции. Париж — гнездо злодеяний — разлил яд свой по всей Европе. Не хорошо. Время требует предосторожности».

(Из речи Николая I на приеме депутации
дворянства 22 августа 1831 г.)

«Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя наследника... Вероятно, купечество даст также свой бал. Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?»

(А. С. Пушкин — из дневников
1834 г.)

«...Имя страшного бунтовщика гремит еще в краях, где он свирепствовал. Народ живо еще помнит кровавую пору, которую — так выразительно — прозвал он пугачевщиною».

(А. С. Пушкин. История Пугачева,
1834 г.)

5. Прочитав следующие документы, сделайте вывод, что вызвало повышенное внимание Пушкина к вопросам морали², почему он так горячо защищал благородство, прямоту, верность в любви и т. д.: «Ты зовешь меня к себе прежде августа. Рад бы в рай, да грехи не пускают. Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? что мне весело в нем жить между пасквилями³ и доносами?»

(А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной,
29 мая 1834 г.)

¹ Чернь — здесь: толпа.

² Мораль — правила, нормы, определяющие поведение человека.

³ Пасквили — клевета.

«Московская почта распечатала письмо, писанное мною Наталье Николаевне, и, нашед в нем отчет о присяге великого князя, писанный, видно, слогом не официальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понял... я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю... и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге!¹...»

(А. С. Пушкин. *Запись в дневнике*
10 мая 1834 г.)

«Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь². С самого начала думай о них все самое плохое, что можно вообразить: ты не слишком сильно ошибешься... презирай их самым вежливым образом: это — средство оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей, которые будут причинять тебе неприятности при вступлении твоём в свет».

(А. С. Пушкин — Л. С. Пушкину,
октябрь 1822 г.)

«Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное³ презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние».

(А. С. Пушкин — П. Я. Чаадаеву,
19 октября 1836 г. — в день окончания
переписывания «Капитанской дочки».)

6. Проследите историю отношений Гринева и Марьи Ивановны. Какие качества героев проявляются в любви?
7. Как вы понимаете эпиграф к повести? Что имел в виду поэт, когда говорил о чести? Только ли верность воинской присяге?
8. Почему повесть о далеких событиях XVIII века и теперь читается с неослабевающим интересом?

О ПОВЕСТИ «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Подвиг Пушкина. До начала XIX века имя Пугачева было под запретом. Но и позднее ежегодно в церквях попы провозглашали ему анафему (проклятие). Правда, во времена Пушкина стали появляться исторические сочинения, повести и даже романы о «пугачевщине», однако личность вождя крестьянского восстания в них искажалась до неузнаваемости. О Пугачеве писали не иначе, как о «злодее», «убийце», «враге отечества». Только народ-

¹ *Интрига* — происки, неблагоприятные поступки.

² Пушкин говорит о людях дворянского общества.

³ *Циничный* — вызывающе-пренебрежительный, наглый, бесстыдный.

ные сказания и легенды называли его «красным солнышком» и хранили память о нем как об «отце», заступнике угнетенных масс.

Пушкин первый из литераторов и историков увидел в Пугачеве выдающегося человека из народа. Он показал неизбежность и силу крестьянских восстаний. Он с сочувствием изобразил простых, незнатных людей и осудил деятелей правительственного лагеря (вроде генерала Р.).

В течение всего XIX века ни один писатель не поднялся на ту высоту в освещении личности и значения Пугачева, на которой стоял Пушкин.

Величие подвига поэта станет особенно ясным, если вспомнить, что «Капитанская дочка» написана в страшнейших условиях николаевской России, в эпоху казней, ссылок, доносов, разгула цензуры, расправ с передовыми людьми.

Историческая
правда и вымысел
в повести.

Основу повести Пушкина составляют картины крестьянской войны под руководством Пугачева. Поэт говорит о причинах недовольства казачества, рисует ход восстания, взятие пугачевцами небольших степных крепостей, осаду Оренбурга, изображает действительно живших людей: Пугачева, Хлопушу, Белобородова, Екатерину II.

Как сказано выше (с. 5), создать художественный образ, нарисовать целостную картину жизни нельзя без художественного воображения, вымысла — даже тогда, когда писатель показывает то, что было в действительности. В самом деле, кому известно, что доподлинно говорил в такой-то вечер Пугачев своим приближенным, как был одет, как сидел, как вел себя с окружающими? Кто знает, какие чувства испытал офицер, приговоренный Пугачевым к повешению, а потом пощаженный им (подобный случай произошел на самом деле)?

Художественный вымысел помог поэту оживить картины далекого прошлого.

Рисуя Пугачева, Пушкин не слепо следует за его биографией, не пересказывает ее — день за днем, час за часом.

Великий русский критик Белинский писал: «Поэт не обязан описывать, как герой его романа обедал каждый раз; но поэт может изобразить один из его обедов, если этот обед имел влияние на его жизнь... Если герой романа рыцарь, то поэту не для чего описывать все его поединки и сражения... но поэт может описать важнейшие поединки и сражения своего героя, или даже и один поединок, если только в нем дух рыцарства выразился столь характеристически¹, что новое описание в этом роде ничего не дополнит, или если характер героя обозначился так полно и резко, что мы по одному его поединку знаем уже, как бы он стал сражаться в тысяче других».

Именно так подошел Пушкин к фактам жизни Пугачева.

¹ Характерно.

Исторические деятели изображены в «Капитанской дочке» в окружении вымышленных лиц. Картины исторических событий переплетаются в повести с эпизодами, созданными творческим воображением писателя. Без этих вымышленных героев и событий мы не могли бы ярко представить себе фигуру Пугачева. Фантазия художника не искадила исторической правды. В жизни не было ни Гринева, ни Маши Мироновой, ни Швабрина. Но люди, подобные им, были. Никогда не существовала Белогорская крепость. Но были крепости, похожие на нее. С помощью художественного вымысла Пушкин глубоко правдиво воспроизвел самый дух эпохи, смело проник в характеры, переживания, думы людей XVIII века.

О силе творческого воображения поэта говорит следующий факт.

Во время работы над повестью Пушкин тщетно добивался получить протоколы допросов Пугачева. Многие в поведении и характере героя ему пришлось домысливать. Поэт вложил в уста Пугачева калмыцкую сказку с ее знаменитыми словами: «Чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!»

Уже в советское время были опубликованы протоколы допросов Пугачева. И неожиданно там оказались слова Пугачева, близкие по духу к калмыцкой сказке. Протоколист записывал:

«Что ж до намерения его [Пугачева] идти на Москву и далее, то других видов не имел, как-то: если пройдет в Петербург — там умереть славно, имея всегда в мыслях, что царем быть не мог, а когда не удастся того сделать, то умереть на сражении: «Ведь все равно я смерть заслужил, так похвальней быть со славою убиту...»

Художественный вымысел — одно из средств воссоздания правды жизни в искусстве.

СОВРЕМЕННОКИ ПУШКИНА И СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ О «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ»

Пушкин... написал «Капитанскую дочку», решительно лучшее русское произведение в повествовательном роде... В первый раз выступили истинно русские характеры: простой комендант крепости, капитанша, поручик; сама крепость с единственною пушкою, бестолковщина времени и простое величие простых людей — все не только самая правда, но еще как бы лучше ее.

(Н. В. Гоголь.)

«Капитанская дочка» — нечто вроде «Онегина»¹ в прозе. Поэт изображает в ней нравы русского общества в царствование Екатерины. Многие картины по верности, истине содержания и мастерству

¹ «Евгений Онегин» — роман Пушкина (в стихах).

изложения, — чудо совершенства. Таковы портреты: отца и матери героя, его губернатора-француза и, в особенности, его дядьки из псарей, Савельича... Зурина, Миронова и его жены, их кума Ивана Игнатьевича, наконец, самого Пугачева с его «господами енералами», таковы многие сцены, которых, за их множеством, не находим нужным пересчитывать.

(В. Г. Белинский.)

Пушкин — автор изумительных по силе и страстной нежности чувства лирических стихов, создатель таких эпических и мудрых поэм, каковы «Медный всадник», «Полтава», чудесных по изяществу сказок «Руслан и Людмила», «Русалка»; он изумительно, с блестящим юмором изложил гибким, звонким стихом мудрые сказки русского народа — «Золотой петушок», «О рыбаке и рыбке», «О попе и работнике Балде»; он создал лучшую в русской литературе и до сего дня не превзойденную историческую драму «Борис Годунов»... Как прозаик, он написал исторический роман «Капитанская дочка», где, с проницательностью историка, дал живой образ казака Емельяна Пугачева, организатора одного из наиболее грандиозных восстаний русских крестьян...

(М. Горький.)

Поэтичность Пугачева не только в его безмерном великодушии, не только в том, что он возмущен бесчестьем и мстительностью Швабрина, не только в том, что он морально чист, но и в том, что он широко и крупно мыслит, жаждет подвига, глубоко понимает свое положение и в основном верно оценивает обстановку...

(В. Б. Шкловский.)

А его [Пушкина] «Капитанская дочка»? В обыкновенной... любовной истории безвестного офицера на считанных страницах изобразить такое событие, как Пугачевский бунт! Кому и когда еще удалось такое же?

(С. П. Залыгин.)

ПЕВЕЦ СВОБОДЫ

...Первой моей сознательной любовью в поэзии был Лермонтов. Толстенная книжка в сером потрепанном переплете, с портретом грустного большеглазого гусара, нарисованным «ниточками» (это была гравюра), лежала у меня под подушкой ночью, я не выпускала ее из рук днем, если не надо было штопать чулки или что-нибудь помогать по дому... мне было семь и потом восемь лет...

Красота и человечность лермонтовских стихов, несознаваемые, а потому тем более властные, пленили меня всей силой своею... Я прочла и тут же запомнила стихи об одинокой сосне, о листочке дубовом, об утесе и золотой тучке. Как жалко было сосну, утес, дубовый листок! С тех пор для меня осенью все листья неслись из-за Невской заставы только на юг, и все самые жемчужные облака шли только на юг, и каждому дереву в нашем пыльном и дымном саду снилось другое, далекое, прекрасное, с которым никогда-никогда не увидеться, но почему же все это было и про меня?! Почему — вместе с сосной и утесом — так мучительно жалко себя, почему я одна, со-

всем одна на свете, и так одиноко, что плакать хочется, почему меня никто не любит (все они только притворяются, будто любят меня), что это такое со мной, — чинара, гордая чинара, почему ты не хочешь приютить дубовый листок — меня? Почему?!

(1814—1841)

Засох и увял он
от холода, зноя и горя...

Нет, я не вынесу этого... я не могу больше! Если б умчаться в море, как парус одинокий! В огромное море — одной, одной, ведь в море одной не страшно, ведь парус не боится бури, — я тоже!

О, как сладостно было это мучение, эта тоска о невиданном, желанном друге — прекрасной пальме, мечта о бесстрашии перед бурей — перед гибелью, как я счастлива, что еще на рассвете сознания мне дано было изведать это упоение, это пленение, эту власть поэзии, это приобщение ко всему миру через ее волшебные, непостижимые умом напевы, как счастлива я, что до сих пор она сильнее всего владычит над сердцем и над жизнью моею...

То был Лермонтов детства. Потом был Лермонтов недолгого

отрочества и внезапной, ранней юности, когда стихи его властно и просто сливались с жаждой подвига во имя Революции, питали бурное отрицание бога — Демон! — рождали первые мечты о будущей, обязательно необыкновенной и страшной любви — вновь Демон! — а решение стать настоящим, профессиональным революционером-поэтом уверенно опиралось на образ лермонтовского поэта-свободолюбца-кинжала-колокола. О, главное — колокола! Несмотря на первое упоминание безбожием, строки о «божьем духе» ничуть не смущали — чудился не бог, а ветер, буря, стихия.

Твой стих, как божий дух, носился
над толпой.
И, отзвук мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне
вечевой
Ез дни торжеств и бед народных.

И стыдно было даже думать об этом, но все-таки и эти стихи, как стихи о парусе, утесе и дубовом листке, тоже были про меня — но про меня такую, какой я должна была стать, вступая в Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи...¹

(Ольга Берггольц.
Дневные звезды.)

Самые первые, а потому и самые прочные его впечатления — это скромный, прелестный пейзаж Пензенской губер-

¹ В отрывке из книги Ольги Берггольц упоминаются стихотворения Лермонтова: «На севере диком стоит одиноко...», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...», «Утес», «Парус», «Поэт» и поэма «Демон».

нии: дубовые рощи, обрывистые берега степных рек, непыльные проселочные дороги, кое-где березы, белеющие среди желтых полей, и далеко-далеко, как волны, синеют холмы.

Здесь, среди этих русских просторов, прошли первые тринадцать лет его жизни. Здесь, в Тарханах, слышал он народные песни, неторопливые рассказы об Иване Грозном, о волжских разбойниках, об атамане Разине, о Емельяне Пугачеве. Пугачева хорошо помнили многие старики: он шел через Пензу, а в Тарханах побывали его казаки...

Зимой на замерзшем пруду устраивались кулачные потехи: молодые ребята — дворян и деревенские — сходились стенка на стенку. Под трицу¹ дворовые девушки отправлялись в лес ломать молодые березки, плели венки, водили хороводы. И Миша Лермонтов с ними. У народа учился он чистой русской речи. Надо ли удивляться тому, что именно он написал потом единственную в своем роде «Песню про царя Ивана Васильевича...»...

Вокруг дома — аллеи старинного сада, за садом — спящий пруд, затянутый сетью трав, а напротив усадьбы — в два ряда дымные, черные избы и белая церковь — село Тарханы. Живут в этом селе крепостные Арсеньевой², многие из них недавно возвратились из заграничного похода, рассказывают, как били Наполеона, как бежал

¹ *Трица* — религиозный праздник в начале лета.

² Бабушка Лермонтова.

без оглядки «непобедимый», иные помнят про день Бородинна. А вернулись домой эти герои — и по-прежнему они бесправные, безответные рабы, товар, барская собственность. По-прежнему розги и кнут заменяют человеческие слова. То же и у соседей. И с малых лет стоят в глазах Лермонтова картины насилия и несправедливости, горького, унижительного рабства и безудержного произвола.

(Ираклий Андроников.
Судьба Лермонтова.)

Первые годы, последовавшие за 1825-м¹, были ужасны. Понадобилось не менее десятка лет, чтобы человек мог опомниться в своем горестном положении поработанного и гонимого существа. Людьями овладело глубокое отчаяние и всеобщее уныние. Высшее общество с подлым и низким рвением спешило отречься от всех человеческих чувств, от всех гуманных² мыслей...

Он [Лермонтов] полностью принадлежит к нашему поколению. Все мы были слишком юны, чтобы принять участие в 14 декабря. Разбуженные этим великим днем, мы увидели лишь казни и изгнания. Вынужденные молчать, сдерживая слезы, мы научились, замыкаясь в себе, вынашивать свои мысли — и какие мысли!.. — то были сомнения, отрицания, мысли, полные ярости.

(А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России.)

¹ Речь идет о восстании декабристов (14 декабря 1825 года).

² Гуманный — человеколюбивый.

...Имя его оставалось неизвестно большинству публики, когда в январе 1837 года мы все были внезапно поражены слухом о смерти Пушкина. Современники помнят, какое потрясение это известие произвело в Петербурге. Лермонтов не был лично знаком с Пушкиным, но мог и умел ценить его. Под свежим еще влиянием истинного горя и негодования, возбужденного в нем этим святотатственным убийством, он, в один присест, написал несколько строф, разнесшихся в два дня по всему городу. С тех пор всем, кому дорого русское слово, стало известно имя Лермонтова...

Нетрудно представить себе, какое впечатление строфы «На смерть Пушкина»¹ произвели в публике, но они имели и другое действие. Лермонтова посадили под арест в одну из комнат верхнего этажа здания Главного штаба, откуда он отправился на Кавказ прапорщиком в Нижегородский драгунский полк...

(А. П. Шан-Гирей.
Воспоминания.)

...Из ссылки Лермонтов привез в Петербург эпическую поэму, написанную в духе народных былин: «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»...

Каждое новое стихотворение Лермонтова... свидетельствовало о том, что в лице Лермонтова в русскую литературу вступил продолжатель традиций вольнолюбивой русской поэзии.

¹ Имеется в виду стихотворение «Смерть Поэта».

Правительство Николая I опасалось все возрастающей славы молодого поэта. Оно сознавало значение Лермонтова и видело в нем выразителя общественного протеста. И тогда возобновилась борьба, которая началась еще в дни гибели Пушкина...

[В 1840 году] царь распорядился снова сослать Лермонтова на Кавказ, в армейский полк, воевавший в самом отдаленном и опасном пункте Кавказской линии. Как раз в те дни Николаю I стало известно, что Тенгинский пехотный полк оказался в бедственном положении и несет жесточайшие потери. Вот и это-то полк он и решил отпустить Лермонтова — почти на верную гибель...

Пока Лермонтов воевал на Кавказе, в Петербурге появилась в свет книга его стихотворений. Мало кто вступал в литературу с таким стихотворным сборником, в котором не было ни одной хотя бы относительно слабой вещи. Лермонтов включил в книгу два с половиной десятка стихотворений, «Песню про царя Ивана Васильевича...» и «Мцыри»...

Отношение к поэту в кругу пятигорской знати становилось все хуже и хуже. Враги искусно вели интригу, старались натравить на Лермонтова кого-нибудь из его знакомых...

Те, кому было поручено уничтожить поэта, остановились наконец на Мартынове. Человек самовлюбленный, обидчивый, ограниченный, Мартынов быстро поверил клеветническим слухам. Что именно говорили ему

в эти дни об отношении Лермонтова к нему или его семье, в точности неизвестно. Но цель была достигнута: Мартынов пришел в бешенство и затаил злобу.

Вечером 13 июля, выходя из гостей, Мартынов остановил Лермонтова и, придравшись к тому, что Лермонтов рисовал на него карикатуры, вызвал его на дуэль.

15 июля 1841 года¹ на склоне Машука, недалеко от Пятигорска, Лермонтов был убит...

(Ираклий Андроников.
Судьба Лермонтова.)

Ослепительным метеором промелькнул гений Лермонтова на сумрачном небе тридцатых годов. В шестнадцать лет он писал стихи, которые могли поставить его близко к вершине русской поэзии, в двадцать восемь его уже не было. Но наша молодежь должна знать подлинного Лермонтова и должна чтить его, ибо он ее родной старший брат: он всю жизнь был молод, но молодость его кипела страстью, протестом и тоской...

(А. В. Луначарский.
М. Ю. Лермонтов.)

Вопросы

1. В чем сходство судьбы Лермонтова с судьбой Пушкина? Чем вы объясняете это сходство?
2. Вспомните и прочитайте наизусть знакомые вам стихотворения Лермонтова.

¹ 27 июля по новому стилю.

ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА¹,
МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА² И УДАЛОГО
КУПЦА КАЛАШНИКОВА

Ох ты гой еси³, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твою любимого опричника
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный лад,
Мы певали ее под гуслирный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного⁴,
А боярыня его белолица
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенце новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи
И всё слушали — не наслушались.

I

Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят стольники⁵,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу божию,
В удовольствие свое и веселие.

---

¹ *Иван Васильевич* — Иван IV (Грозный) (1530—1584), русский царь.

² *Опричник* — дворянин, состоявший в опрочине — войске, созданном Иваном IV для борьбы с боярами. Опричники отличались крайней жестокостью. (Подробнее об опрочине см. в учебном пособии по истории, § 27, пункт 4.)

³ *Гой еси* (устар., народно-поэтич.) — приветственный, ободрительный возглас.

⁴ *Мед пённый* — здесь: легкий спиртной напиток.

⁵ *Стольник* — придворный, прислуживавший за царским столом.

Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
— И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На младого голубя сизокрылого, —
Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником —
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
Вот промолвил царь слово грозное —
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую¹?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
Когда всходит месяц — звезды радуются,
Что светлей им гулять по поднёбесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушаться;
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малютиной²!..»

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную — не запотчеваты!

¹ *Нечестивый* (устар.) — грешный, оскорбительный.

² *Малюта Скуратов* — один из руководителей опричнины, игравший видную роль при Иване Грозном.

А прогневал я тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатырские,
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чем тебе, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевóй кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Иль конь захромал, худо кованный?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая;
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.

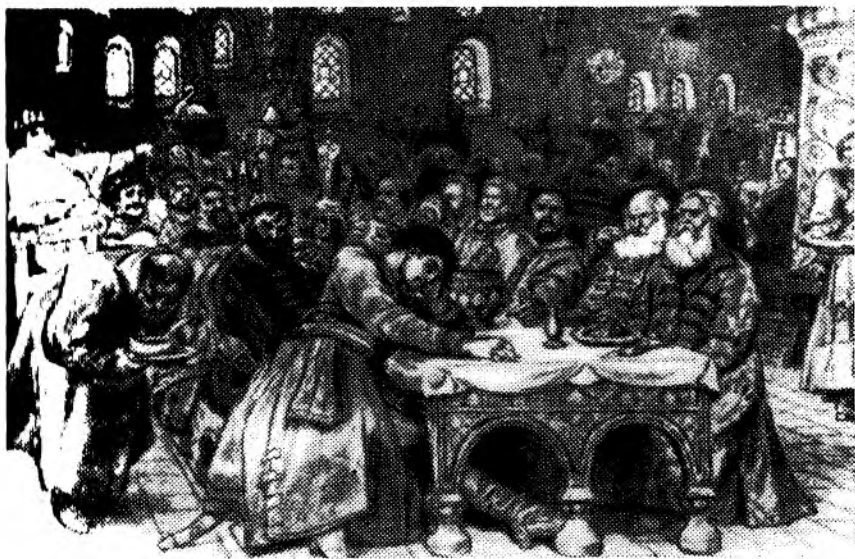
Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покатайся,
Кушачком подтянуся шелковым,
Заломлю набочок шапку бархатную,
Черным соболем отороченную¹, —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки
И любятся, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядит, не любитесь,
Полосатой фатой² закрывается...

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы;
Ходит плавно — будто лебедушка;
Смотрит сладко — как голубушка;
Молвит слово — соловей поет;
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе божием;

---

¹ *Отороченный* — обшитый по краям.

² *Фата* — легкое покрывало.

Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою цалуются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.

Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачатся очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчовые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удалство свое?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?
Отпусти меня в степи приволжские,
На житье на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую

И седельце браное¹ черкасское.
Мои очи слезные коршун выклюет,
Мои кости сырые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенок ты мой яхонтовый²
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе³ смышленной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитриевне:
Как полюбишься — праздную свадебку,
Не полюбишься — не прогневайся».

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,

¹ *Браное* (устар.) — узорное, нарядное.

² *Яхонтовый* — от *Яхонт*: старинное название рубина или сапфира (драгоценный камень).

³ *Сваха* (устар.) — здесь: посредница между женихом и невестой при заключении брака.

Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому...

*

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумейте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлем горит заря туманная;
Набегают тучки на небо, —
Гонит их метелица распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор¹.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовую
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошел он домой, призадумавшись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.

И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится.
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилася
В такой поздний час Алена Дмитревна?»

---

¹ Гостиный двор — торговые ряды.

А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»

«Господин ты мой, Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алена Дмитриевна;
Вот уж поп прошел с молодой попадѣй,
Засветили свечу, сели ужинать, —
А по сю пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви¹ не вернулася.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачем плачут, всё не унимаются».

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу —
А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;
Обернулся, глядит — сила крестная! —
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая²,
Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шаталася?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежда твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пиновала ты,
Чай, с сынками все боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялися!..
Как запру я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету божьего ты не видела,
Мое имя честное не порочила...»

---

¹ *Приходская церковь* — местная церковь.

² *Простоволосая* — с непокрытой головой, с распущенными волосами.

И, услышав то, Алена Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютыя¹,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинешенька.
И послышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки
И сказал мне так тихим шепотом:
«Что пужаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...»
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня целовать-ласкать
И, цалуя, все приговаривал:
«Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней али цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»

И ласкал он меня, цаловал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...

---

¹ *Лютыя* — лютой (устаревшее окончание родительного падежа женского рода).

А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показывали...

Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бросилась;
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок, твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную, —
И что скажут злые соседушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам¹ в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка,
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонушке пропал без вести,
А меньшей мой брат — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алена Дмитриевна,
Горючьми слезами заливалася.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш брат,
Что с тобой случилось, приключилось,
Что послал ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилася:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,

---

¹ Охульник (от *хулд* — порицание, осуждение) — человек, который порицает, порочит другого.

И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до последних сил;
А побьет он меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежей силою,
На вас меньше грехов накопилось,
Так авось господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются:
Ты наш старший брат, нам второй отец;
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родного, не выдадим».

*

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.

И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,

И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в двадцать пять сажень,
Для охотничьего¹ бою, одиночного.
И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь наградит,
А кто будет побит, тому бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидаёт с могучих плеч шубу бархатную,
Подпершился в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небось, призадумались!
Так и быть, обещаюсь, для праздника,
Отпущу живого с покаянием²,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников.
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому,
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,

¹ Охотничий — добровольный, для желающих.

² Отпущу с миром.

Ты какого роду-племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду¹ служить,
Чтобы было чем и похвастаться».

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца.
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,
И не позже как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын, —
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И, услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

Вот молча оба расходятся, —
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами² из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

¹ *Панихида* — церковная служба по умершему.

² *Мощи* — высохшие останки человеческого тела, выдававшиеся церковниками за останки «святых». Религиозные люди верили в чудодейственную силу «святых» мощей.

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И, увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалова купца
И привести его пред лицо свое.

Как возгóворил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя
Ты убил насмерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебе,
Скажу только богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей милостью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному

Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором наостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене Дмитриевне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная¹
Во крови на плаху покатилая.

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трех дорог:
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют песенку.

*

Гей вы, ребята удалые,
Гусяры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.
Тороватому² боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому слава!

Напеч. в 1838 г.

¹ *Бесталанный* (от народн. *талан* — счастье) — несчастный, обездоленный.

² *Тороватый* (устар.) — щедрый.

1. Восстановите в памяти картины жизни и быта Руси XVI века, нарисованные в «Песне про купца Калашникова»:
  - а) В царских палатах и у Москвы-реки. Каким изображен в главах I и III поэмы Иван Грозный? Какие сравнения и эпитеты употребляют гусяры для характеристики царя? Какие художественные детали, по вашему, особенно выразительны? Можно ли назвать Ивана Грозного мудрым и справедливым?
  - б) В купеческом Замоскворечье. Почему удивился Калашников, не застав дома жены? Почему Алена Дмитриевна называет Калашникова своим «государем» и умоляет его отомстить обидчику? Почему, решая выйти на поединок с Кирибеевичем, Калашников посылает за своими младшими братьями, а они поддерживают его, целиком полагаясь на его волю?
2. Какое значение имеют картины сурового быта XVI века для раскрытия характера Калашникова? Какими качествами, по вашему, должен был обладать человек, чтобы в этих условиях отважиться на защиту своей чести перед всем народом?
3. Сравните Кирибеевича и Калашникова:
  - а) Их внешность. Как она помогает постичь характеры героев?
  - б) Зачем каждый из них вышел на поединок? Почему, готовясь к бою, Кирибеевич клянется только царю, а Калашников — и всему народу русскому?
  - в) Какое значение для понимания замысла автора имеет спор между Кирибеевичем и Калашниковым перед боем? Кто и почему выходит из него победителем?
  - г) Что можно сказать о Кирибеевиче на основании его ответа царю во время пира (глава I) и что — о Калашникове на основании его ответа царю после кулачного боя?
4. Перечитайте стихи о смерти Кирибеевича в главе III. Каким чувством проникнуты они? Чем вы объясните это чувство? Почему гусяры, в одном месте называя Кирибеевича «лукавым рабом», в другом говорят о нем как об «удалом бойце», «добром молодце»?
5. На чьей стороне симпатии гусяров и народа? Как они выражены? Почему народ сохранил память о Калашникове?
6. «Капитанская дочка» Пушкина, «Бородино» и «Песня про купца Калашникова» Лермонтова, «Тарас Бульба» Гоголя написаны приблизительно в одно и то же время. Какие события и характеры привлекали передовых русских писателей в историческом прошлом?
7. Какие эпизоды «Песни про купца Калашникова» проиллюстрированы художником В. М. Васнецовым (с. 115—116)?

«ПЕСНЯ ПРО КУПЦА КАЛАШНИКОВА» И УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Русские писатели часто обращались к устному народному творчеству как источнику мудрости и поэтической красоты. Вспомним басни Крылова, столь близкие своими образами и языком к народной сказке; произведения Гоголя из народной жизни; сказки Пушкина, его повесть «Капитанская дочка», на страницах которой щедро рассыпаны песни, пословицы, поговорки; поэму Некрасова «Мороз, Красный нос», написанную о народе и для народа.

Не удивительно, что, выступая против деспотизма, в защиту прав человека, Лермонтов тоже обратился к устному народному творчеству, которое он глубоко любил и знал. Но, как и другие великие русские писатели, Лермонтов не подражал устной народной поэзии: он проникся ее духом и, опираясь на ее особенности, создал своеобразное, оригинальное произведение. Каждый образ, каждая сцена поэмы отмечены могучим лермонтовским талантом.

Вопросы и задания

1. Вспомните важнейшие особенности народных былин (герои, построение, стих, язык). Как отразились они в «Песне про купца Калашникова»?
2. Почему «Песню про купца Калашникова» называют поэмой? Почему, по-вашему, Лермонтов избрал для поэмы форму песни, близкой к былине и исполняемой народными певцами-гуслирами?
3. В одной из народных песен о Степане Разине содержалось следующее завещание героя:

Схороните меня, братцы, между трех дорог:
Меж Казанской, Астраханской, славной Киевской;
В головах моих поставьте животворный крест,
Во ногах моих положите саблю вострую.
Буде старый человек пойдет — помолится...
Буде млад человек пойдет — в гусли наиграется...

Сравните этот отрывок с концовкой «Песни про купца Калашникова». В чем сходство? В чем разница? Чем, по-вашему, объясняются они?

МЦЫРИ¹

Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю.
1-я Книга Царств².

1	И башни, и церковный свод;
Пемного лет тому назад,	Но не курится уж под ним
Там, где, сливаясь, шумят,	Кадильниц ³ благовонный дым,
Обнявшись, будто две сестры,	Не слышно пенье в поздний
Струи Арагвы и Куры,	час
Был монастырь. Из-за горы	Молящих иноков ⁴ за нас.
И нынче видит пешеход	Теперь один старик седой,
Столбы обрубенных ворот,	Развалин страж полуживой,

¹ *Мцъри* — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». (Прим. Лермонтова.) *Послушник* — человек, живущий в монастыре и готовящийся принять монашество.

² «*Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю*» — я попробовал немного меду, и вот я умираю. Слова из церковной книги — Библии. Смысл эпитафия: не много радостей пришлось испытать герою, и вот он должен умереть.

³ *Кадильница* — сосуд для благовонных курений во время церковной службы.

⁴ *Инок* — монах.

Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год
Вручал России свой народ.

И божья благодать сошла
На Грузию! она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов¹ далекого пути;
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской

По стороне своей родной.
Но после и плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет²,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель³ принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днем приметно

вял.

И близок стал его конец;
Тогда пришел к нему чернец⁴
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать, —
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы
власть,

¹ *Труды* — здесь: трудности, мучения.

² *Обет* — обещание религиозного характера. Изречь монашеский обет — принять монашество, стать монахом,

³ *Обитель* — монастырь.

⁴ *Чернец* — монах.

Одну — по пламенную страсть
Она, как червь, во мне жила,
Ирызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и

битв,

Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
И эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одиноч,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой — дитя, судьбой —

монах.

Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и
«мать».

Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, —
Напрасно: звук их был

рожден

Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей,
родных,

А у себя не находил
Не только милых душ —
могил!

Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди
другой,

Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться

мне.

Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живею
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный

свет

Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил,

старик!

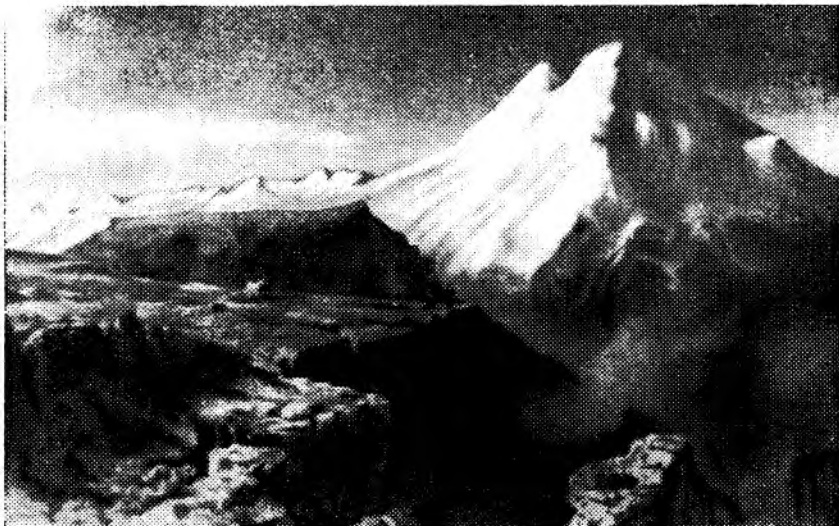
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы
жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежеею толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было выше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объятья каменные их,
И жаждут встречи каждый

миг;

Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтись никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,

Эльбрус. С картины М. Ю. Лермонтова.

Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних
стран!

Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой незабываемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул;

Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и как

сон

Все это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? Он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток.
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,

Игра́ть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождем
Волны касались крылом
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долги́е о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышной.

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я

Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре¹,
Вы ниц² лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что среди этих

стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

¹ *Алтарь* — главная часть церкви, отделенная иконостасом (стеной с иконами) от общего помещения.

² *Ниц* — ничком.

9

Бежал я долго — где, куда?
Не знаю! Ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ушелли шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души

моей:

Я сам, как зверь, был чужд
людей
И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудью камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню,
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю;

Мне стало страшно; на краю
Грозищей бездны я лежал,
Где выл, крутятся, сердитый
вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним
шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез¹.

11

Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерёв
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый
рой.
И снова я к земле припал
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным
голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Все, что я чувствовал тогда,
Те думы — им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно,
опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы
мог;
Он так прозрачно был глубок,

Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах² вился
столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных
вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг — голос — легкий шум
шагов...
Мгновенно скрывшись меж
кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе все звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух ее поёт.

¹ Имеется в виду легенда об ангеле, согрешившем перед богом и за это низвергнутом с небес.

² Прах (устар.) — здесь: пыль.

Держа кувшин над головой,
 Грузинка узкою тропой
 Сходила к берегу. Порой
 Она скользила меж камней,
 Смеясь неловкости своей.
 И беден был ее наряд;
 И шла она легко, назад
 Изгибы длинные чадры¹
 Откинув. Летние жары
 Покрыли тенью золотой
 Лицо и грудь ее; и зной
 Дышал от уст ее и щек.
 И мрак очей был так глубок,
 Так полон тайнами любви,
 Что думы пылкие мои
 Смутились. Помню только я
 Кувшина звон, — когда струя
 Вливалась медленно в него,
 И шорох... больше ничего.
 Когда же я очнулся вновь
 И отлила от сердца кровь,
 Она была уж далеко;
 И шла, хоть тише, — но легко,
 Стройна под ношею своей,
 Как тополь, царь ее полей!
 Недалеко, в прохладной мгле,
 Казалось, приросли к скале
 Две сакли дружною четой;
 Над плоской кровлею одной
 Дымок струился голубой.
 Я вижу будто бы теперь,
 Как отперлась тихонько

дверь...

И затворилася опять!..
 Тебе, я знаю, не понять
 Мою тоску, мою печаль;
 И если б мог, — мне было б
 жаль:
 Воспоминанья тех минут
 Во мне, со мной пускай
 умрут.

Трудами ночи изнурен,
 Я лег в тени. Отрадный сон
 Сомкнул глаза невольно мне...
 И снова видел я во сне
 Грузинки образ молодой.
 И странной, сладкою тоскою
 Опять моя заныла грудь.
 Я долго силился вздохнуть —
 И пробудился. Уж луна
 Вверху сияла, и одна
 Лишь тучка кралася за ней,
 Как за добычею своей,
 Объяты жадные раскрыв.
 Мир темен был и молчалив;
 Лишь серебристой бахромой
 Вершины цепи снеговой
 Вдали сверкали предо мной
 Да в берега плескал поток.
 В знакомой сакле огонек
 То трепетал, то снова гас:
 На небесах в полночный час
 Так гаснет яркая звезда!
 Хотелось мне... но я туда
 Взойти не смел. Я цель одну —
 Пройти в родимую страну —
 Имел в душе и превозмог
 Страданье голода, как мог.
 И вот дорогою прямой
 Пустился, робкий и немой.
 Но скоро в глубине лесной
 Из виду горы потерял
 И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве порой
 Я рвал отчаянной рукой
 Терновник², спутанный
 плющом:
 Все лес был, вечный лес кругом,
 Страшней и гуще каждый час;

¹ Чадра — легкая ткань, которой женщины-мусульманки укрывали голову, лицо и фигуру.

² Терновник — низкий колючий кустарник.

И миллионом черных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
И стал влезать на дерева;
Но даже на краю небес
Все тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал,
И в испуге рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
В все горячею росой...

Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь

степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь,
старик,
И б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь темный
лес
Да месяц, плывший средь
небес!

Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним
прыжком

Из чаши выскочил и лег,
Играя, павзничь на песок.
То был пустыни вечный
гость —

Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нем

Шерсть отливалась серебром
Я ждал, схватив рогатый сук
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удалцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как
стон
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег.
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертию

грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух
друзей,

Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и

дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден

В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом
к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И вновь, собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я
с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с
ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне
знаком.

И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И все зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал — это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут все ясно стало мне...
О! я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седека,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий
путь...
Что я пред ним? Напрасно
грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма

Оставила... Таков цветок
 Темничный: вырос одинок
 И бледен он меж плит сырых,
 И долго листьев молодых
 Не распускал, все ждал лучей
 Живительных. И много дней
 Прошло, и добрая рука
 Печалью тронулась цветка,
 И был он в сад перенесен,
 В соседство роз. Со всех

сторон

Дышала сладость бытия...
 Но что ж? Едва взошла заря,
 Палящий луч ее обжег
 В тюрьме воспитанный

цветок...

22

И как его, палил меня
 Огонь безжалостного дня.
 Напрасно прятал я в траву
 Мою усталую главу:
 Иссохший лист ее венцом
 Терновым над моим челом
 Свивался, и в лицо огнем
 Сама земля дышала мне.
 Сверкая быстро в вышине,
 Кружились искры; с белых

скал

Струился пар. Мир божий спал
 В оцепенении глухом
 Отчаянья тяжелым сном.
 Хотя бы крикнул коростель,
 Иль стрекозы живая трель
 Послышалась, или ручья
 Ребячий лепет... Лишь змея,
 Сухим бурьяном шелестя,
 Сверкая желтою спиной,
 Как будто надпись златой
 Покрытый донизу клинок,
 Браздя рассыпчатый песок,
 Скользила бережно; потом,
 Играя, нежась на нем,
 Тройным свивалась кольцом;
 То, будто вдруг обожжена,
 Металась, прыгала она
 И в дальних пряталась

кустах...

И было все на небесах
 Светло и тихо. Сквозь пары
 Вдали чернели две горы.
 Наш монастырь из-за одной
 Сверкал зубчатою стеной.
 Внизу Арагва и Кура,
 Обвив каймой из серебра
 Подошвы свежих островов,
 По корням шепчущих кустов
 Бежали дружно и легко...
 До них мне было далеко!
 Хотел я встать — передо мной
 Все закружилось с быстротой:
 Хотел кричать — язык сухой
 Беззвучен и недвижим был...
 Я умирал. Меня томил
 Предсмертный бред.

Казалось мне,

Что я лежу на влажном дне
 Глубокой речки — и была
 Кругом таинственная мгла.
 И, жажду вечную поя,
 Как лед холодная струя,
 Журча, вливалась мне

в грудь...

И я боялся лишь заснуть, —
 Так было сладко, любо мне...
 А надо мною в вышине
 Волна теснилась к волне
 И солнце сквозь хрусталь

волны

Сияло сладостней луны...
 И рыбок пестрые стада
 В лучах играли иногда.
 И помню я одну из них:
 Она приветливей других
 Ко мне ласкалась. Чешуей
 Была покрыта золотой
 Ее спина. Она вилась
 Над головой моей не раз,
 И взор ее зеленых глаз
 Был грустно нежен и глубок...
 И надивиться я не мог:
 Ее серебристый голосок
 Мне речи странные шептал,
 И пел, и снова замолкал.

Он говорил: «Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой.»

*

Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

*

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

*

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...»

*

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливалась тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне все равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Внимание скорбное ничье
На имя темное мое.

25

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных
дней,

Таясь, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожест свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай

в раю,

В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе уют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где
цвели

Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упыюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне

пришлет,

Пришлет с прохладным
ветерком...

И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо
мной,

Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

1839 г.

1. Понравилась ли вам поэма? Если понравилась, то чем? Какие эпизоды поэмы следовало бы, по-вашему, иллюстрировать?
2. Просмотрите еще раз текст поэмы и определите, как она построена. Что дает для понимания характера Мцыри 2-я глава? Почему, по-вашему, повествование в последующих главах передано герою?
3. Слово *исповедь* имеет следующие значения: покаяние в грехах перед священником; откровенное признание в чем-нибудь, сообщение своих мыслей, взглядов. В каком значении, по-вашему, употреблено это слово в поэме?
4. На основании текста поэмы покажите, что Мцыри спорит с монахом. Какие взгляды монаха Мцыри решительно отвергает?
5. В главе 8-й Мцыри говорит:

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил...

Что значило жить для Мцыри? Почему он называет монастырь тюрьмой? Почему истории всей его жизни посвящена лишь одна глава, а трем дням, проведенным на воле, — почти вся поэма?

6. Что поразило Мцыри за стенами монастыря и вызвало подъем его душевных сил? Какие эпизоды трехдневных скитаний Мцыри вы считаете особенно важными? Почему?
7. Как связаны картины кавказской природы с чувствами и переживаниями Мцыри (сравните, например, пейзажи в главах 11-й и 22-й, обратив внимание на роль и характер эпитетов, сравнений, олицетворений)?
8. Почему погиб Мцыри? Раскаялся ли он перед смертью в своих стремлениях и поступках? Почему, несмотря на гибель героя, мы не воспринимаем поэму как произведение мрачное, исполненное отчаяния и безнадежности?
9. Подготовьте для выразительного чтения в классе отрывок из поэмы. Выучите его наизусть.
10. Каким увидел Мцыри художник Ф. Константинов (с. 131—132)? Озаглавьте его иллюстрации словами из поэмы.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ О ПОЭМЕ «МЦЫРИ»

О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

Уже из этих слов вы видите, что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри! Это любимый идеал¹ нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всем, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью...

¹ *Идеал* — высшая цель стремлений, самый совершенный образец. Здесь: герой, воплощающий мечты и стремления поэта.

Можно сказать без преувеличения, что поэт брал цвета у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, грохот у громов, гул у ветров, — что вся природа сама несла и подавала ему материалы, когда писал он эту поэму... Этот четырехстопный ямб с одними мужескими окончаниями... звучит и отрывисто падает, как удар меча, поражающего свою жертву. Упругость, энергия и звучное, однообразное падение его удивительно гармонируют с сосредоточенным чувством, несокрушимую силою могучей природы и трагическим положением героя поэмы. А между тем какое разнообразие картин, образов и чувств! Тут и бури духа, и умиление сердца, и вопли отчаяния, и тихие жалобы, и гордое ожесточение, и кроткая грусть, и мрак ночи, и торжественное величие утра, и блеск полудня, и таинственное обаяние¹ вечера!.. Многие положения изумляют своею верностию: таково место, где Мцыри описывает свое замирание подле монастыря, когда грудь его пылала предсмертным огнем, когда над усталою головою уже веяли ускоительные сны смерти и носились ее фантастические видения. Картины природы обличают кисть великого мастера: они дышат грандиозностию и роскошным блеском фантастического Кавказа.

Вопросы и задания

1. Объясните смысл выражений Белинского, характеризующих Мцыри: «сосредоточенное чувство», «несокрушимая сила», «могучая натура». На основании текста поэмы подтвердите их справедливость.
2. Почему Белинский говорил, что Мцыри — это любимый идеал Лермонтова, что «это отражение в поэзии тени его собственной личности»?
3. Каким стихотворным размером написана поэма? На каком месте стоят ударения в рифмующихся словах? Почему Белинский писал о звучном и однообразном падении ямба в поэме Лермонтова?

НАШИ СОВРЕМЕННИКИ О ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЕРМОНТОВА

Это было на Западном фронте в начале войны, в июле, где-то в деревне под Рославлем. Мы сделали привал днем, потому что измучились, двое суток не спали, и, улегшись прямо возле своего пикапа², на солнцепеке, заснули. А проснулся я оттого, что кто-то, как мне показалось, бубнит над моим ухом. Я открыл глаза и увидел мальчика лет двенадцати, а может, и меньше. Он сидел возле нашего пикапа и, держа на коленях книгу, что-то читал полувслух, полупшепотом. Когда я прислушался, то понял, что он читает «Песню про купца Калашникова».

— Читаешь «купца Калашникова»? — спросил я, хотя это было и так очевидно.

¹ Обаяние — очарование.

² Вид автомашины.

— Учю, — сказал он. — Нам на лето задали.

Через полчаса я разбудил товарищей, и мы уехали, но эти слова «на лето задали» долго не выходили у меня из головы. Это был июль сорок первого, Западный фронт, кругом было такое, что и вспомнить-то страшно, а жизнь все-таки продолжалась. И эта книжка — «Песня про купца Калашникова» — в руках этого мальчика тоже была продолжением жизни...

Разное люди читали в войну. Не только «Как закалялась сталь», и песни, и затрепанные пушкинские томики, и «Капитанскую дочку», и сказки Андерсена, и тургеневские «Записки охотника»...

Разные книги помогали людям жить на войне, самые разные, помогали жить и оставаться людьми. И люди это сами чувствовали и ценили...

Книги — наши друзья, а друзья — это всегда хорошо. Но самые дорогие друзья — это те, которые оставались друзьями, когда тебе было особенно трудно.

(К. Симонов.)

...И вот, когда я уже занимался во втором классе, научился читать и писать и даже рифмовать и заносить зарифмованное в тайную тетрадку, состоялась моя вторая по счету встреча с Лермонтовым. На сей раз свела нас и подружила живая, бурная, как горный поток, речь поэта — его «Мцыри». Не знаю, в какой мере я был бы пленен этой поэмой, если бы родился на Кавказе и меня в это время окружала бы родная природа, но здесь, в тени школьных акаций, далеко от экзотических¹ для меня мест, я был охвачен каким-то непонятно-волшебным волнением, я весь пылал, как в жару, — музыка и пламенный огонь стиха горячили мою кровь... Когда я дочитывал поэму, из глаз потоком лились слезы, и я не в силах был сдержать их. Судьба ли бездомного юноши, силой заключенного в монастырь, красота ли мира и поэзии, открывшиеся мне вдруг, могучая природа горной страны, которую я уже горячо и на всю жизнь успел полюбить, или все это вместе взятое потрясло мое воображение. Буквы мелькали, мельтешили перед глазами, и я никак не мог дочитать до конца памятные строки:

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа...

Был май. И надо мной тоже цвели белые акации, а мне казалось, что я далеко-далеко от родных мест...

(Аркадий Кулешов.)

¹ Экзотический — непривычный, диковинный, причудливый.

Второе столетие проходит через зенит, а Лермонтов становится поэтом все более современным. И причина этому — глубочайший общественный пафос¹ его поэзии, ибо он первый из русских писателей с такой силой поставил, по слову Белинского, «вопрос о судьбе и правах человеческой личности» — вопрос, который призваны решить окончательно вы — новые поколения советского общества!

(Ираклий Андроников.)

ТЕМА И ИДЕЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В каждом художественном произведении писатель рисует определенный круг событий или жизненных явлений: Бородинскую битву 1812 года или крестьянское восстание под предводительством Пугачева, бесправное положение крепостного раба или героизм советского человека, силой духа побеждающего недуги и возвращающегося в строй.

Эти стороны и явления жизни, которые по-своему изображает и оценивает писатель, называются темой произведения. Иными словами, тема — это то, о чем пишет автор.

Но правильно определить тему еще не значит глубоко и верно разобратся в произведении художника. О Пугачевском восстании, например, написано много книг и статей. По-своему изображали Пугачева реакционные писатели и историки (отрывок из статьи такого историка напечатан выше, на с. 102—103). Иначе, с противоположных позиций, нарисовал его Пушкин.

Следовательно, важно не только то, что изображает художник, о чем пишет, но и то, как относится к изображаемому, как оценивает его, какие чувства и мысли делает достоянием читателя.

Отношение писателя к изображаемым им явлениям, событиям, людям, мысль о них называется идеей художественного произведения. Эта мысль всегда слита с чувством, несет на себе печать личности автора, она выношена и выстрадана им. И обращена идея художника не только к нашему разуму, но и к сердцу (в этом ее отличие от идеи ученого — математика, физика и др.).

«Мужественная, печальная мысль всегда лежит на его челе, она всегда сквозит во всех его стихах, — говорил о Лермонтове великий русский революционер и писатель А. И. Герцен. — Это не отвлеченная мысль, стремящаяся украсить себя цветами поэзии; нет, раздумье Лермонтова — его поэзия, его мученье, его сила».

Высоко оценивая «Песню про купца Калашникова», размышляя над ее идеей, выдающийся советский общественный деятель и литературный критик А. В. Луначарский отмечал, что «Песня...» проникнута чувством протеста против самовластия, несет в себе «заряд гигантского мятежа».

¹ Пафос — здесь: мысль, страсть, которая пронизывает творчество писателя.

Художественная идея — не заранее заданная мысль, которую писатель иллюстрирует и подтверждает примерами. Она живет только в образах, она движет действие и развивается в нем. И постичь ее нелегко — особенно в эпических и драматических произведениях, где автор выражает свои мысли, переживания не в прямых высказываниях, а в картинах жизни, в столкновениях героев. Если даже писатель сам говорит об идее своего произведения или намечает на нее с помощью эпиграфа, он, по существу, только делает вывод, подготовленный всем ходом повествования, движением, сцеплением художественных образов. Такой вывод, конечно, далеко не исчерпывает всего богатства чувств и мыслей, заключенных в произведении.

Глубоко воспринять идею писателя можно, лишь следуя за ним по страницам его книги, переживая вместе с его героями радости, беды, несчастья, успехи, вдумываясь в каждую сцену, в каждый диалог, в каждое описание, оценивая значение важнейших художественных деталей.

Вопросы

1. Какова, по-вашему, основная тема «Песни про купца Калашникова»?
2. Первоначально эпиграфом к поэме «Мцыри» Лермонтов хотел избрать французское изречение «Родина бывает только одна». Как вы думаете, почему поэт отказался от такого эпиграфа?
3. Какая мысль, какое чувство роднит стихотворение Лермонтова «Парус» с поэмой «Мцыри»?

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

ВЕЛИКИЙ САТИРИК О СЕБЕ

...В те годы, когда я стал задумываться о моем будущем (а задумываться о будущем я начал рано, в те поры, когда все мои сверстники думали еще об играх), мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий и что я сделаю даже что-то для общего добра. Я думал просто, что я выслужусь и все это доставит служба государственная. От этого страсть служить была у меня в юности очень сильна... Первые мои опыты, первые упражненья в сочинениях, в которых я получил навык в последнее время пребывания моего в школе, были почти все в лирическом и серьезном роде. Ни я сам, ни сотоварищи мои... не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим, хотя... на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками... Говорили, что я умею не то что передразнить, но угадать человека, то есть угадать, что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержаньем самого

склада и образа его мыслей и речей. Но все это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думал о том, что сделаю со временем из этого употребление.

(1809—1852)

Причина той веселости, которую заметили в первых сочинениях моих, пока завшихся в печати, заключалась в некоторой душевной потребности...

Чтобы развлекать себя самогo, я придумывал себе все смешное, что только мог выду-

мать... Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и, наконец, один раз, после того как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто грех!» Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано... и в заключение всего отдал мне свой

собственный сюжет¹, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых душ»². (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему.) На этот раз я и сам уже надумался серьезно, — тем более, что стали приближаться такие года, когда сам собой приходит запрос всякому по-ступку: зачем и для чего его делаешь?..

Если смеяться, так уж лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеянья всеобщего. В «Ревизоре» я решил собрать в одну кучу все дурное в России, какое и тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем. Но это, как известно, произвело потрясающее действие. Сквозь смех, который никогда еще во мне не появлялся в такой силе, читатель услышал грусть...

(Н. В. Гоголь. Авторская исповедь.)

Вопросы

Какие произведения Гоголя вам знакомы? Каких его литературных героев помните? Чем они привлекают ваше внимание?

¹ Сюжет — здесь: мысль, тема и основные события произведения (более точное определение понятия сюжет см. на с. 209).

² «Мертвые души» — знаменитое произведение Гоголя.

Н. В. ГОГОЛЬ О ТЕАТРЕ

Бросьте долгий взгляд во всю длину и ширину животрепещущего населения нашей раздольной страны — сколько есть у нас добрых людей, но сколько есть и плевел¹, от которых житья нет добрым и за которыми не в силах следить никакой закон. На сцену их! Пусть видит их весь народ! Пусть посмеется им! О, смех великое дело! Ничего более не боится человек так, как смеха. Он не отнимает ни жизни, ни имени у виновного; но он ему силы связывает, и, боясь смеха, человек удержится от того, от чего бы не удержала его никакая сила...

Театр — великая школа, глубоко его назначение: он целой толпе, целой тысяче народа за одним разом читает живой полезный урок и при блеске торжественного освещения, при громе музыки показывает смешное привычек и пороков или высокотрогательное достоинств и возвышенных чувств человека.

(Н. В. Гоголь. Петербургская сцена в 1835/36 г.)

Н. В. ГОГОЛЬ ЧИТАЕТ «РЕВИЗОРА»

Дня через два происходило чтение «Ревизора» в одной из зал того дома, где проживал Гоголь. Я выпросил позволение присутствовать на этом чтении... В этот день он смотрел точно больным человеком. Он принял

¹ Плевел — сорная трава. Здесь: дурные люди.

ся читать — и понемногу оживился. Щеки покрасились легкой краской; глаза расширились и просветлели. Читал Гоголь превосходно... Гоголь... поразил меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и в то же время наивной искренностью, которой словно и дела нет — есть ли тут слушатели и что они думают. Казалось, Гоголь только и заботился о том, как бы вникнуть в предмет, для него самого новый, и как бы вернее передать собственное впечатление. Эффект¹ выходил необычайный — особенно в комических, юмористических местах: не было возможности не смеяться — хорошим, здоровым смехом; а виновник

всей этой потехи продолжал, не смущаясь общей веселостью и как бы внутренне дивясь ей, все более и более погружаться в самое дело — и лишь изредка, на губах и около глаз, чуть заметно трепетала лукавая усмешка мастера. С каким недоумением, с каким изумлением Гоголь произнес знаменитую фразу городничего о двух крысах (в самом начале пьесы): «Пришли, понюхали и ушли прочь!» — Он даже медленно оглянул нас, как бы спрашивая объяснения такого удивительного происшествия... Я сидел, погруженный в радостное умиление: это был для меня настоящий пир и праздник.

---

¹ Эффект — результат, впечатление.

(И. С. Тургенев. Литературные и житейские воспоминания.)

РЕВИЗОР

Комедия в пяти действиях

(В сокращении)

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Народная поговорка.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий¹.
Анна Андреевна, жена его.
Марья Антоновна, дочь его.
Лука Лукич Хлопов, смотритель² училищ.
Жена его.
Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья.
Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений³.
Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер⁴.
Петр Иванович Бобчинский } городские помещики.
Петр Иванович Добчинский }
Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.
Осип, его слуга.
Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.
Федор Андреевич Люлюков } отставные чиновники,
Иван Лазаревич Растаковский } почтенные лица в городе.
Степан Иванович Коробкин }
Степан Ильич Уховертов, частный пристав⁵.

¹ *Городничий* — начальник уездного города (должность, существовавшая до середины XIX века).

² *Смотритель* — должностное лицо, которому поручался надзор за каким-нибудь учреждением.

³ *Богоугодные заведения* — больницы, приюты, дома для престарелых (создавались частными лицами, чтобы «угодить богу»). *Попечитель* — должностное лицо, руководившее сетью учреждений какого-нибудь ведомства на местах.

⁴ *Почтмейстер* — начальник почтовой конторы (ведал пересылкой почты и перевозкой пассажиров).

⁵ *Частный пристав* — полицейский чиновник, в ведении которого находилась одна из частей города.

Свистунов	}	полицейские.
Пуговицын		
Держиморда		
Абдулин, купец.		
Февронья Петровна		Пошлепкина, слесарша.
Жена унтер-офицера.		
Мишка, слуга городничего.		
Слуга трактирный.		
Гости и гости, купцы, мещане, просители.		

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

Замечания для господ актеров

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно; довольно серьезен, несколько даже резонер¹; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, как у всякого начавшего тяжелую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своем мундире с петлицами и в ботфортах² со шпорами. Волоса на нем стриженные, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, еще не совсем пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девицкой³. Очень любопытна и при случае высказывает тщеславие. Берет иногда власть над мужем потому только, что он не находится, что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмешках. Она четыре раза передевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трех, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове⁴, — один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит серьезно; смотрит несколько вниз, резонер и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с бариним принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина, и потому скорее догадывается, но не любит много говорить, и молча плут. Костюм его — серый или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные и чрезвычайно похожи друг на друга. Оба с небольшими брюшками, оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и серьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каж-

¹ *Резонер* — человек, любящий вести пространные рассуждения нравоучительного характера.

² *Ботфорты* — высокие сапоги с раструбами выше колен.

³ *Девицья* — комната для девушек-служанок.

⁴ *Без царя в голове* — для понимания этого выражения сравните его с пословицей: «Свой ум — царь в голове».

дому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит басом, с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом, как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всем том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы¹ их всегда почти находятся перед глазами.

Господа актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесенное слово должно произзвуть электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения этих замечаний может исчезнуть весь эффект.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. К нам едет ревизор.

Аммос Федорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито². И еще с секретным предписанием.

Аммос Федорович. Вот-те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи боже! еще и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель» (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*)... «и уведомить тебя». А! вот! «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что

¹ *Оригинал* — здесь: подлинник, прототип.

² *Инкогнито* — тайно.

Александринский театр в Петербурге. 30-е годы XIX в. Впервые «Ревизор» был поставлен в этом театре.

за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки...» (остановясь), ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кирилловна приехала к нам с своим мужем, Иван Кириллович очень потолстел и все играет на скрипке...» — и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство.

Аммос Федорович. Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! (Вздыхнув.) До сих пор, благодарение богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Федорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то¹, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эх куда хватили! Еще и умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да

¹ *Министёрия* — здесь: правительство.

отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не до-едешь.

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром, что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредил¹. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряжения сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуйста, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по-латыни или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь, когда кто заболел, которого дня и числа... Не хорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача.

¹ *Предупредить* — предупредить.

Хлестаков.

Городничий.

Артемий Филиппович. О! Насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре¹, тем лучше; лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет он и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издает звук, отчасти похожий на букву *и* и несколько на *е*.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места². У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводить ся всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал.

Аммос Федорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь, и над самым шкапом с бу-

¹ *Нату́ра* — природа.

² *Присутственное место* — помещение, где происходил прием посетителей.

Ляпкин-Тяпкин.

Земляника.

магами охотничий арапник¹. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, — это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах. Можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издает тот же звук.

Аммос Федорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою.

Городничий. Да я так только заметил вам. Насчет же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить. Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим богом устроено, и волтерьянцы² напрасно против этого говорят.

¹ *Арапник* — ременный кнут.

² *Волтерьянцы* (правильно: *вольтерьянцы*) — последователи великого французского писателя и философа Вольтера, борца против феодального строя. «Волтерьянцами» невежды и реакционеры называли всех свободомыслящих людей, критически относившихся к церкви и властям.

Почтмейстер.

Осип.

Аммсс Федорович. Что же вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками или чем другим — всё взятки.

Аммос Федорович. Ну, нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Городничий. Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы в бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Федорович. Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде: а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях¹,

¹ Коллегия — здесь: высшее учебное заведение.

Бобчинский и Добчинский.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

но имеют очень странные поступки, натурально¹ неразлучные с ученым званием. Один из них, например вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак (*делает гримасу*), и потом начинает рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить, но вы посудите сами, если он сделает это посетителю — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого черт знает что может произойти.

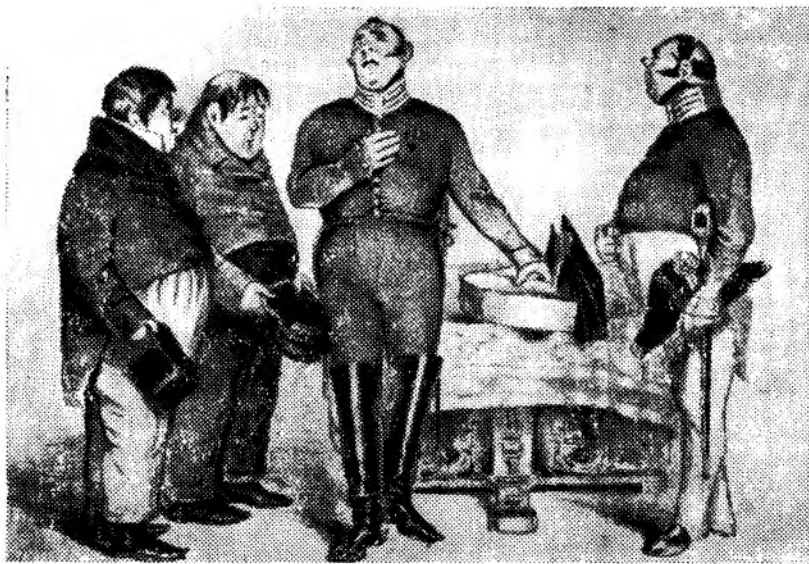
Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель², он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сдела-

¹ *Натурально* (устар.) — естественно.

² *Предводитель* — здесь: предводитель дворянства — выборный представитель дворян, ведавший их сословными делами.

лось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и, что силы есть, хватъ стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек — или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи бог служить по ученой части, всего боишься. Всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы еще ничего. Инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпкин». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, какой чиновник едет?

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это все француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Городничий. Да что я? Страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство¹ меня смущает. Говорят, что я им солоно пришелся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. Я даже думаю (*берет его под руку и отводит в сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же, в самом деле, к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитывать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или

¹ Гражданство (устар.) — население.

«Ревизор». Немая сцена. С рисунка неизвестного художника. 30-е годы XIX в.

просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение: иное письмо с наслаждением прочтешь: так описываются разные пассажи¹... а назидательность² какая... Лучше чем в «Московских ведомостях»³!

Городничий. Ну что ж, скажите: ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем. Есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю, и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течет, говорит, в эмпириях⁴: барышень много, музыка играет, штандарт⁵ скачет...» С большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

¹ Пассаж — случай, происшествие.

² Назидательность — поучительность.

³ «Московские ведомости» — газета, издававшаяся Московским университетом.

⁴ В эмпириях — в блаженстве (эмпирей в древнегреч. мифологии — самая высокая часть неба, местопребывание богов).

⁵ Штандарт (устар.) — военное знамя. Здесь имеется в виду штандарт-юнкер (унтер-офицер из дворян), носивший знамя.

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадется жалоба или доносение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Федорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если б вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Федорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шел было к вам, Антон Антонович, с тем, чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждешь, что вот отворится дверь и — шась!...

Я В Л Е Н И Е   П И И

Те же, Добчинский и Бобчинский,
оба входят запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожиданное известие!

Все. Что? что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Бобчинский (*перебивая*). Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу...

Добчинский (*перебивая*). Э, позвольте же, Петр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слова такого не имеете...

Добчинский. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобчинский. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Петр Иванович не мешал.

Городничий. Да говорите, ради бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петр Иванович, вот вам стул!

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что, что такое?

Бобчинский. Позвольте, позвольте; я все по порядку. Как только имел я удовольствие выйти от вас после того, как вы из-

* Шась (простореч.) — внезапно войдет.

волили смутиться полученным письмом, да-с,— так я тогда же забежал... уж, пожалуйста, не перебивайте, Петр Иванович! Я уж все, все, все знаю-с. — Так, я, вот изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Добчинский (перебивая). Возле будки, где продаются пироги.

Бобчинский. Возле будки, где продаются пироги. Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: «Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?» А Петр Иванович уже услышали об этом от ключницы¹ вашей Авдотьи, которая не знаю за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву...

Добчинский (перебивая). За бочонком для французской водки.

Бобчинский (отводя его руки). За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву... Уж вы, Петр Иванович... энтото... не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Петр Иванович говорит: «Зайдем, говорит, в трактир. В желудке-то у меня... с утра я ничего не ел, так желудочное трясение...» — да-с, в желудке-то у Петра Ивановича. «А в трактир, говорит, привезли теперь свежей семги, так мы закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Добчинский (перебивая). Недурной наружности, в партикулярном² платье...

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит эдак по комнате, и в лице эдакое рассуждение... физиономия... поступки, и здесь (*вертит рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Петр-то Иванович уж мигнули пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщица Власа; у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Петр Иванович и спроси его потихоньку: «Кто, говорит, этот молодой человек?» — а Влас и отвечай на это: «Это», — говорит... Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста, не перебивайте. Вы не расскажете, ей-богу, не расскажете! вы пришепетьваете; у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом... «Это, говорит, молодой человек, чиновник, — да-с, — едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует³: другую уж неделю живет,

¹ *Ключница* — служанка, ведавшая съестными припасами семьи.

² *Партикулярный* — штатский, невоенный.

³ *Аттестует* — здесь: обнаруживает свой характер, ведет себя.

из трактира не едет, забирает все на счет и ни копейки не хочет платить». Как сказал он мне это, а меня тут вот свыше и вразумило. «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Петр Иванович, это я сказал: «Э!»

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э!» — сказали мы с Петром Ивановичем. — А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию? Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник.

Городничий. Кто, какой чиновник?

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получить notiцию¹, — ревизор.

Городничий (*в страхе*). Что вы, господь с вами! это не он.

Добчинский. Он! и денег не платит, и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная² прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей-богу, он... Такой наблюдательный: все обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели семгу, — больше потому, что Петр Иванович насчет своего желудка... да, так он и в тарелки к нам заглянул. Меня так и проняло страхом.

Городничий. Господи, помилуй нас, грешных! Где же он там живет?

Добчинский. В пятом номере, под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого³ года подрались проезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина³.

Городничий. Две недели! (*В сторону.*) Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена⁴! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! поношенье! (*Хватается за голову.*)

Артемиий Филиппович. Что ж, Антон Антонович, ехать парадом в гостиницу.

Аммос Федорович. Нет, нет! Вперед пустить голову⁵, духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»⁶...

---

¹ *Notiция* — письменное извещение.

² *Подорожная* — документ о маршруте и праве пассажира пользоваться определенным количеством почтовых лошадей.

³ *Василий Египтянин* — имя выдуманного Гоголем «святого». Праздники «святых» приходились на определенные дни года, и потому употребление имен «святых» нередко имело календарное значение.

⁴ Телесные наказания жен унтер-офицеров были запрещены.

⁵ *Голова* — городской голова — выборное лицо, ведавшее городским самоуправлением.

⁶ *Иоанн Масон* — английский религиозный писатель.

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, еще даже и спасибо получал; авось бог вынесет и теперь. (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Вы говорите, он молодой человек?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трех или четырех с небольшим.

Городничий. Тем лучше: молодого скорее пронюхает. Беда, если старый черт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам, или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно¹, для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Свистунов!

Свистунов. Что угодно?

Городничий. Ступай сейчас за частным приставом; или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда.

Квартальный бежит впопыхах.

Артемий Филиппович. Идем, идем, Аммос Федорович! В самом деле может случиться беда.

Аммос Федорович. Да вам чего бояться? Колпаки чистые надел на больных, да и концы в воду.

Артемий Филиппович. Какое колпаки! Больным велено габерсуп² давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос.

Аммос Федорович. А я на этот счет спокоен. В самом деле, кто зайдет в уездный суд? А если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уже пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку — а! только рукой махну. Сам Соломон³ не разрешит, что в ней правда, а что неправда.

Судья, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ и почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимся квартальным.

Я В Л Е Н И Е I V

Городничий, Бобчинский, Добчинский и квартальный.

Городничий. Что, дрожки⁴ там стоят?

Квартальный. Стоят.

Городничий. Ступай на улицу... или нет, постой! Ступай принеси... Да другие-то где? неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтоб и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

¹ *Приватно* — частным образом.

² *Габерсуп* — овсяный суп

³ *Соломон* — иудейский царь, отличавшийся, по библейским преданиям, высокой мудростью.

⁴ *Дрожки* — легкий четырехколесный экипаж.

Квартальный. Прохоров в частном доме¹, да только к делу не может быть употреблен.

Городничий. Как так?

Квартальный. Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий (*хватаясь за голову*). Ах, боже мой, боже мой! Ступай скорее на улицу! или нет — беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петр Иванович, поедем!

Бобчинский. И я, и я... позвольте и мне, Антон Антонович!

Городничий. Нет, нет, Петр Иванович, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожках не поместимся.

Бобчинский. Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне бы только немножко в щелочку-та, в дверь этак посмотреть, как у него эти поступки...

Городничий (*принимая шпагу, к квартальному*). Беги сейчас, возьми десятских², да пусть каждый из них возьмет... Эх шпага как исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулин — видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О лукавый народ! А так, мошенники, я думаю, там уж просьбы изпод полы и готовят. Пусть каждый возьмет в руки по улице... черт возьми, по улице! — по метле! и вымели бы всю улицу, что идет к трактиру, и вымели бы чисто. Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься³, да крадешь в ботфорты серебряные ложечки: смотри, у меня ухо остро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым, а? Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берешь! Ступай!

Я В Л Е Н И Е V

Те же и частный пристав.

Городничий. А, Степан Ильич! Скажите, ради бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный пристав. Я был тут сейчас за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Частный пристав. Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

¹ Частный дом — помещение полицейской части (участка).

² Десятский — служитель при полиции; выбирался из городских жителей (от князья десяти домов).

³ Куматься — от глагола куматься — водиться, знаться, вступать в приятельские отношения.

Частный пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе¹.

Городничий. А Прохоров пьян?

Частный пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это так допустили?

Частный пристав. Да бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, — поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте ж, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную вежу, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя. Ах, боже мой! я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город: только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает откудова и нанесут всякой дряни! (*Вздыхает.*) Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу², довольны ли? — чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие»; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, х! грешен, во многом грешен. (*Берет вместо шляпы футляр.*) Дай только, боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О боже мой, боже мой! Едем, Петр Иванович! (*Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.*)

Частный пристав. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Городничий (*бросает ее*). Коробка так коробка. Черт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована³ сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он для порядка всем ставит фонари под глазами: и правому и виноватому. Едем, едем, Петр Иванович! (*Уходит и возвращается.*) Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарнизона⁴ наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Все уходят.

¹ *Пожарная труба* — пожарная машина, главную часть которой составляла «заливная труба», т. е. насос.

² *Служба* — здесь: солдаты и низшие полицейские чины.

³ *Ассигновать* — выделить (деньги).

⁴ *Гарнизона* — гарнизонные солдаты.

ЯВЛЕНИЕ VI

Анна Андреевна и Марья Антоновна вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, боже мой!.. (Отворяя дверь.) Муж! Антоша! Антон! (Говорит скоро.) А всё ты, и всё за тобой. И пошла копать: «Я булавочку, я косынку»... (Подбегает к окну и кричит.) Антон, куда, куда? Что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Голос городничего. После, после, матушка!

Анна Андреевна. После? Вот новости, после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А? (С пренебрежением.) Уехал! Я тебе вспомню это! А все эта: «Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас». Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! А все проклятое кокетство: услышала, что почтмейстер здесь, и давай перед зеркалом жеманиться: и с той стороны, и с этой стороны подойдет. Воображает, что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да что ж делать, маменька? Все равно через два часа мы всё узнаем.

Анна Андреевна. Через два часа! покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом! Как ты не догадалась сказать, что чрез месяц еще лучше можно узнать! (Свешивается в окно.) Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машет руками? Пусть машет, а ты все бы таки его расспросила. Не могла этого узнать! В голове чепуха, всё женихи сидят. А? Скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас! Слышишь, побегни, расспроси: куда поехали, да расспроси хорошенько, что за приезжий, каков он, слышишь? Подсмотри в щелку и узнай все, и глаза какие: черные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь? Скорее, скорее, скорее, скорее! (Кричит до тех пор, пока не опускается занавес. Так занавес и закрывает их обеих, стоящих у окна.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

ЯВЛЕНИЕ I

Осип лежит на барской постели.

Черт побери, есть так хочется, и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот, не доедем да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошел, как уже из Питера! Профинтил¹ дорогою денежки, голубчик,

¹ Профинтить (разг.) — истратить зря.

теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны¹; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! (*Дразнит его.*) «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка² простой! С проезжающим знакомится, а потом в картишки, — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности³, да и заботности меньше, возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полотах, да ешь пироги. Ну кто ж спорит, конечно, если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная⁴: кеатры, собаки тебе танцуют, и все что хочешь. Разговаривают всё на тонкой деликатности, что разве только дворянство уступит; пойдешь на Шукин⁵ — купцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер⁶ расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони все видишь. Старуха офицерша забредет; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! (*Усмехается и трясет головою.*) Галантерейное⁷, черт возьми, обхождение! Невежливое слова никогда не услышишь; всякой тебе говорит «вы». Наскучило идти — береш извозчика и сидишь себе, как барин; а не хочешь заплатить ему, — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А все он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлет денежки; чем бы их попридержать — и куды!.. пошел кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеатр билет, а там через неделю, глядь — и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз все до последней рубашки спустит, так что на нем всего останется сертучишка да шинелишка, ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублей полтора-раста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего — нипочем идут. А отчего? оттого, что делом не занимается: вместо того, чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту⁸, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что

¹ *Прогбны* — плата за проезд на почтовых лошадях.

² *Елистратишка* — искаженное *регистратор*. Имеется в виду коллежский регистратор — низший гражданский чин в царской России (XIV класса).

³ *Публичность* (устар.) — наличие публики, общества.

⁴ *Политичный* (простореч.) — вежливый, обходительный.

⁵ *Шукин (двор)* — один из петербургских рынков.

⁶ *Кавалёр* — здесь: бывалый солдат.

⁷ *Галантерейный* (разг.) — галантный, любезный, вежливый.

⁸ *Прешпект* — искаженное слово *проспект*.

ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почесывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? (*Со вздохом.*) Ах, боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится: верно, это он идет. (*Поспешно схватывается с постели.*)

ЯВЛЕНИЕ II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это. (*Отдает фуражку и тросточку.*) А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врешь, валялся; видишь, вся склочена!

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков (*ходит по комнате*). Посмотри там в картузе¹ — табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку? Вы четвертого дня последнее выкурили.

Хлестаков (*ходит и разнообразно сжимает свои губы. Наконец говорит громким и решительным голосом*). Послушай, эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков (*громко, но не столь решительным голосом*). Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков (*голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе*). Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак?

Осип. Да так, все равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать? Вот еще вздор!

Осип. «Еще, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не платит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой плут. Мы-де, говорит, таких шаромыжников² и подлецов видали».

Хлестаков. А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне все это.

¹ *Картуз* — здесь: бумажный мешочек для табака.

² *Шаромыжник* (правильно: *шаромыжник*) — человек, живущий на чужой счет.

О с и п. Говорит: «Этак всякий приедет, обживется, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтоб на съезжую¹ да в тюрьму».

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

О с и п. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

О с и п. Да, право, сударь...

Хлестаков. Ну ступай, черт с тобой! позови хозяина.

О с и п уходит.

Я В Л Е Н И Е   I I I

Хлестаков один.

Ужасно как хочется есть! Так немножко прошелся, думал, не пройдет ли аппетит, — нет, черт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня, штосы удивительно, бестия, срезывает². Всего каких-нибудь четверть часа посидел и всё обобрал. А при всем том страх хотелось бы с ним еще раз сразиться, случай только не привел встретиться — на все нужно случай. Какой скверный городишко! В овошенных лавках³ ничего не дают в долг. Это уж просто подло. (*Насвистывает сначала из «Роберта»⁴, потом: «Не шей ты мне, матушка», а наконец ни си ни то.*) Никто не хочет идти.

Я В Л Е Н И Е   I V

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.

С л у г а. Хозяин приказал спросить, что вам угодно?

Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

С л у г а. Слава богу.

Хлестаков. Ну, что, как у вас в гостинице? хорошо ли все идет?

С л у г а. Да, слава богу, все хорошо.

Хлестаков. Много проезжающих?

С л у г а. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, видишь, мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

С л у г а. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

¹ Съезжая — помещение при полиции для арестованных.

² Штосы срезывать — выигрывать в карты (*штос* — азартная карточная игра).

³ Овощенная лавка — мелочная лавка.

⁴ «Роберт-Дьявол» — название оперы французского композитора Мейербэра.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак могу я совсем отощать. Мне очень есть хочется, я не шутя это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил: «Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее». Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

Хлестаков. Ты растолкуй ему сурьезно, что мне нужно есть. Деньги сами собою... Он думает, что, как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков один.

Эко скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как еще никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме. Жаль, что Иохим¹ не дал напрокат кареты, а хорошо бы, черт побери, приехать домой в карете, подкатить таким чертом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади, одеть в ливрею². Как бы, я воображаю, все переполошились: «Кто такой, что такое?» А лакей входит (*вытягиваясь и представляя лакея*): «Иван Александрович Хлестаков, из Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи³, и не знают, что такое значит «прикажете принять». К ним если приедет какой-нибудь гусь-помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой полойдешь: «Сударыня, как я...» (*Потирает руки и подшаркивает ножкой.*) Тьфу! (*плюст*) даже тошнит, так есть хочется...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский.
Городничий, вошел, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий (*немного оправившись и протянув руки по швам*). Желаю здравствовать!

Хлестаков (*кланяется*). Мое почтение!..

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего.

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника

---

¹ *Иохим* (правильно: *Ибахим*) — известный в Петербурге каретный мастер и домовладелец.

² *Ливре́я* — форменная парадная одежда для лакеев, швейцаров, кучеров.

³ *Пэнтюх* (дростореч.) — неуклюжий, грубоватый человек.

здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков (*сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко*). Да что ж делать?.. я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как бревно; а суп — он черт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морит голодом по целым дням... чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Городничий (*робея*). Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?.. Да вот я... Я служу в Петербурге. (*Бодрится.*) Я, я, я...

Городничий (*в сторону*). О, господи ты боже, какой сердитый! Всё узнал, всё рассказали проклятые купцы!

Хлестаков (*храбрясь*). Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду Я прямо к министру! (*Стучит кулаками по столу.*) Что вы? Что вы?

Городничий (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человеком.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот еще! мне какое дело. Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (*дрожа*). По неопытности, ей-богу, по неопытности. Недостаточность состояния. Сами извольте посудить. Казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь, да на пару платьев. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу, клевета. Это выдумали злодеи мои, это такой народ, что на жизнь мою готовы покушаться.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них. (*В размышлении.*) Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко... Вот еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги,

но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий (*в сторону*). О, тонкая штука! Эх куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет. Не знаешь, с какой стороны и приняться. Ну да уж попробовать, не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. (*Вслух.*) Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне взаймы, я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий (*поднося бумажки*). Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (*принимая деньги*). Покорнейше благодарю; я вам тотчас пришлю их из деревни, у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий (*в сторону*). Ну, слава богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я-таки ему, вместо двухсот, четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

О с и п входит.

Позови сюда трактирного слугу! (*К городничему и Добчинскому.*) А что ж вы стоите? Сделайте милость, садитесь. (*Добчинскому.*) Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... (*Добчинскому.*) Садитесь!

Городничий и Добчинский садятся.

Бобчинский выглядывает
в дверь и прислушивается.

Городничий (*в сторону*). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турысы¹: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (*Вслух.*) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, еще по христианскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший прием — и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

¹. *Турсы* — выдумка, вранье.

Городничий (*в сторону*). Да, рассказывай! не знал, чем заплатить. (*Вслух.*) Осмелюсь ли спросить, куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий (*в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение*). В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с ним нужно ухо остро! (*Вслух.*) Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчет задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлечение для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует; рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал, да сейчас тебе Владимира в петлицу¹ и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Городничий (*в сторону*). Прошу посмотреть, какие пули отливает! и старика отца приплел! (*Вслух.*) И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Городничий (*в сторону*). Славно завязал узелок! Врет, врет — и нигде не оборвется. А ведь какой невзрачный, низенький, кажется — ногтем бы придавил его. Ну да постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! (*Вслух.*) Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно еще когда будет. (*Окидывает глазами комнату.*) Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки, кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещенный гость и терпит, от кого же? от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно, хозяин завел обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придет фантазия сочинить что-нибудь, — не могу: темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я не достоин.

---

¹ Владимир в петлице — орден Владимира 4-й степени, который носили на груди.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет! не достоин, не достоин!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь. Ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием, мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уже такой нрав: гостеприимство с самого детства; особенно если гость просвещенный человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести. Нет, не имею этого порока, от полноты души выражаю.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже, я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уважение, уважение и преданность...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пилестерем на носу; городничий указывает квартальным на полу бумажку — они бегут и снимают ее, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим все в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе; а здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием¹ и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович (*подбегая*). Лабардан-с².

¹ *Благочиние* — здесь: соблюдение приличий, порядка.

² *Лабардан* — свежепросоленная треска.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше, а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все, как мухи, выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наименьший человек пришел бы в загрождение, но, благодарение богу, все идет благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но верите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: «Господи боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность¹ и было довольно...» Наградит ли оно или нет, конечно, в его воле, по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всем порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью всё прах и суета.

Артемий Филиппович (*в сторону*). Эка, бездельник, как расписывает! Дал же бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стихи выкинутся.

Бобчинский (*Добчинскому*). Справедливо, все справедливо, Петр Иванович! Замечания такие... видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста: нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий (*в сторону*). Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (*Вслух.*) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно, и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение упадет, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними, как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

¹ Ревность — здесь: старание.

Лука Лукич (*в сторону*). А у меня, подлец, выпонтировал¹ вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно, однако же... Все зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь², тогда как нужно гнуть от трех углов³... ну, тогда конечно... Нет не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

Я В Л Е Н И Е VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаков (*раскланиваясь*). Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам еще более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (*рисуюсь*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уж непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сию возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счет... Я думаю, вам после столицы вояжировка⁴ показала очень неприятно.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, comparez vous⁵, в свете и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества... Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... (*посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней*) так вознаграждал за все...

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с, вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

¹ Выпонттировать — выиграть в карточной игре.

² Забастовать — здесь: перестать увеличивать ставку в игре в банк.

³ Гнуть от трех углов — втрое увеличивать ставку в карточной игре.

⁴ Вояжировка — путешествие.

⁵ Comparez vous (франц.).

Хлестаков. Да, деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю: нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент¹, с тем только, чтобы сказать: «это вот так, это вот так!», а там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только — тр, тр... пошел писать. Хотели было даже меня коллежским асессором² сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит еще на лестнице за мною со щеткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». (*Городничему.*) Что вы, господа, стоите? пожалуйте, садитесь!

Вместе { Городничий. Чин такой, что еще можно по-
стоять.
Артемий Филиппович. Мы постоим.
Лука Лукич. Не извольте беспокоиться!

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Я не люблю церемонии. Напротив, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идет!» А один раз меня приняли даже за главнокомандующего. Солдаты выскочили из гауптвахты³ и сделали ружьем. После уж офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите, как!

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики⁴... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну, что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то все...» Большой оригинал⁵.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений. «Женитьба Фигаро»⁶, «Роберт-Дьявол», «Норма»⁷. Уж и названий даже не помню. И все случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, все написал, всех изу-

¹ Департамент — отдел министерства.

² Коллежский асессор — гражданский чин VIII класса.

³ Гауптвахта — помещение для караула.

⁴ Водевиль — небольшая комическая пьеса с пеннем куплетов.

⁵ Оригина́л — здесь: своеобразный, ни на кого не похожий человек.

⁶ «Женитьба Фигаро» — комедия французского драматурга Бомарше.

⁷ «Норма» — опера итальянского композитора Беллини.

мл. У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбёуса¹, «Фрегат Надежды»² и «Московский телеграф»³... все это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус? Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин⁴ дает за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский»⁵ ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот я и знала, что даже здесь будет спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда, это, точно, Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (Обращаясь ко всем.) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолением даются балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа, откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист⁶ свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как избежишь по лестнице к себе на четвертый этаж, скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...» Что ж я вру — я и понаблюд, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся. Графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Городничий и прочие с робостью встают со своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «Ваше превосходительство»⁷.

¹ Барон Брамбёус — псевдоним русского журналиста О. И. Сенковского.

² Фрегат «Надежда» — повесть Марлинского (А. А. Бестужева).

³ «Московский телеграф» — журнал, издававшийся в 1825—1834 годах.

⁴ Смирдин А. Ф. — известный петербургский книгопродавец и издатель.

⁵ «Юрий Милославский» — роман М. Н. Загоскина.

⁶ Вист — карточная игра между четырьмя партнерами.

⁷ Ваше превосходительство — обращение в царской России к высшим чинам (III—IV классов) генерал-лейтенантам, генерал-майорам или тайным советникам и действительным статским советникам).

Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал — куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь — просто черт возьми; после видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! каково положение — я спрашиваю? «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате, хотел отказаться, но думаю, дойдет до государя; ну да и послужный список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни! Уж у меня ухо остро! уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент — просто землетрясение, все дрожит и трясется, как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха, Хлестаков горячится сильнее.

О! я шутить не люблю; я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет¹ боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам». Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на пол, но с почтеньем поддерживается чиновниками.)*

Городничий *(подходя и трясясь всем телом, силится выговорить)*. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(быстрым отрывистым голосом)*. Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(таким же голосом)*. Не разберу ничего, всё вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вот и комната, и все, что нужно.

Хлестаков. Вздор — отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... я доволен, я доволен. *(С декламацией.)* Лабардан! лабардан! *(Входит в боковую комнату, за ним городничий.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, кроме Хлестакова и городничего.

Бобчинский *(Добчинскому)*. Вот это, Петр Иванович, человек-то. Вот оно, что значит человек! В жисть не был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер со страху. Как вы думаете, Петр Иванович, кто он такой в рассуждении чина?

¹ Государственный совет — высший законосовещательный орган в России XIX века.

Добчинский. Я думаю, чуть ли не генерал.

Бобчинский. А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: государственный-то совет как прижал? Пойдем расскажем поскорее Аммосу Федоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинский. Прощайте, кумушка!

Оба уходят.

Артемий Филиппович (*Луке Лукичу*). Страшно просто; а отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундирах. Ну что как проспится да в Петербург махнет донесенье? (*Уходит в задумчивости вместе с зрителем училищ, произнося:*) Прощайте, сударыня.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ах, какой приятный!

Марья Антоновна. Ах, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приемы и все это такое... Ах, как хорошо! я страх люблю таких молодых людей! и просто без памяти. Я однако ж ему очень понравилась: я заметила — все на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маменька, он на меня глядел!

Анна Андреевна. Пожалуйста, с своим вздором пойдешь! Это здесь вовсе неуместно.

Марья Антоновна. Нет, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно! Где ему смотреть на тебя? и с какой стати ему смотреть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, все смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

Анна Андреевна. Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. «А, — говорит себе, — дай уж посмотрю на нее!»

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и городничий.

Городничий (*входит на цыпочках*). Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничий. И не рад, что напоил. Ну что если хоть один половиниш из того, что он говорил, правда? (*Задумывает*...)

ся.) Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек все несет наружу: что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного. Да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... черт его знает, не знаешь, что и делается в голове, просто как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видела в нем образованного, светского, высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Городничий. Ну, уж вы — женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вам все — финтирлюшки¹! Вдруг брякнут ни из того, ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай, как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

Анна Андреевна. Об этом я уж советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое... (*Посматривает на дочь.*)

Городничий (*один*). Ну, уж с вами говорить!.. Эка, в самом деле, оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. (*Отворяет дверь и говорит в дверь.*) Мишка! позови квартальных, Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. (*После небольшого молчания.*) Чудно все завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенький, тоненький — как его узнаешь, кто он! Еще военный все-таки кажет из себя, а как наденет фрачишку — ну точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давеча в трактире, заламливал такие аллегории и екивоки², что, кажись, век бы не добился толку. А вот наконец и подался. Да еще и наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин; даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится такая жизнь.

¹ Финтирлюшка (*финтифлюшка*) — глупость, пустяк.

² Екивоки (*экивоки*) — двусмысленность, намек.

Хлестаков и Аммос Федорович.

Аммос Федорович (*входя и останавливаясь, про себя*). Боже, боже! вынеси благополучно! так вот коленки и ломает. (*Вдох, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.*) Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский асессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Федорович. С восемьсот шестнадцатого был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно, однако же, быть судьей?

Аммос Федорович. За три трехлетия представлен к Владимиру четвертой степени с одобрения со стороны начальства. (*В сторону.*) А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени¹ уже не так.

Аммос Федорович (*высовывая понемногу вперед сжатый кулак. В сторону.*) Господи боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Федорович (*потерявшись и роняя на пол ассигнации*). Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Федорович (*дрожа всем телом*). Никак нет-с. (*В сторону.*) О боже! вот уж и я под судом! и тележку подвели схватить меня!

Хлестаков (*подымая*). Да, это деньги.

Аммос Федорович (*в сторону*). Ну, все кончено — пропал! пропал!

Хлестаков. Знаете ли что? дайте их мне взаймы.

Аммос Федорович (*поспешно*). Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. (*В сторону.*) Ну смелее, смелее! Выпозн, пресвятая матерь!

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да се... Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Федорович. Помилуйте! как можно! и без того что такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... постараюсь заслужить... (*Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.*) Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

¹ Анна 3-й степени — низшая степень гражданского ордена святой Анны.

Аммос Федорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нем надобности; нет, ничего. Покорнейше благодарю.

Аммос Федорович (*раскланиваясь и уходя, в сторону*). Ну, город наш!

Хлестаков (*по уходе его*). Судья — хороший человек!

Я В Л Е Н И Е   I V

Хлестаков и почтмейстер, входит вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник¹ Шпекин.

Хлестаков. А, милости просим! Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Ведь вы здесь всегда живете?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно — ну что ж! Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бонтон², и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (*В сторону.*) А он, однако ж, ничуть не горд: обо всем расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно, — не правда ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. (*Глядя в глаза ему, говорит про себя.*) А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы. (*Вслух.*) Какой странный со мной случай: в дороге совершенно издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Почтмейстер. Почему же? почту за величайшее счастье. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (*Встает, вытягивается и придерживает шпагу.*) Не смею долее беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

¹ Надворный советник — гражданский чин VII класса.

² Хороший тон, светская учтивость (от франц. bon ton).

Хлестаков. Нет, ничего.

Почтмейстер раскланивается и уходит.

(*Раскуривая сигарку.*) Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек; по крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей.

Я В Л Е Н И Е V

Хлестаков и Лука Лукич, который почти выталкивается из дверей. Сзади его слышен голос почти вслух: «Чего робеешь?»

Лука Лукич (*вытягиваясь не без трепета и придерживая шапку*). Имею честь представиться: смотритель училищ титулярный советник¹ Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим! Садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? (*Подает ему сигару.*)

Лука Лукич (*про себя, в нерешимости*). Вот тебе раз! Уж этого я никак не предполагал. Брать или не брать?

Хлестаков. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я куривал сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, — просто ручки себе потом поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите. (*Подает ему свечу.*)

Лука Лукич пробует закурить и весь дрожит.

Да не с того конца!

Лука Лукич (*от испуга выронил сигару, плюнул и, махнув рукою, про себя*). Черт побери все! сгубила проклятая робость!

Хлестаков. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот еще насчет женского полу, никак не могут быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся, брюнетки или блондинки?

Лука Лукич находится в совершенном недоумении, что сказать.

Нет, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

Лука Лукич. Не смею знать.

Хлестаков. Нет, нет, не отговаривайтесь. Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Лука Лукич. Осмелюсь доложить... (*В сторону.*) Ну и сам не знаю, что говорю!

Хлестаков. А! а! не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую загвоздочку. Признаться, сделала?

Лука Лукич молчит.

А! а! покраснели, видите! видите! Отчего ж вы не говорите?

¹ Титулярный советник — гражданский чин IX класса.

Лука Лукич. Оробел, ваше бла... преос... сият... (В сторону.) Продал проклятый язык! продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах, точно, есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере, я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать, не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей **взаимы**?

Лука Лукич (хватаясь за карманы, про себя). Вот те штука, если нет? Есть, есть! (Вынимает и подает, дрожа, ассигнации.)

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич (вытягиваясь и придерживая шпагу). Не смею долее беспокоить присутствием...

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич (летит вон почти бегом и говорит в сторону). Ну, слава богу! авось не заглянет в классы!

Я В Л Е Н И Е VI

Хлестаков и Артемий Филиппович, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да, помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я — признаюсь, это моя слабость — люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. (Помолчав.) Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. (Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.) Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, — если признать перед вами, — конечно, для пользы отечества я должен

это сделать, хотя он мне родня и приятель, — поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть, и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж, и сидит у жены его, и присягнуть готов... и нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского; но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья,

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища. Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность. Он хуже, чем якобинец¹, и такие внушает юношеству неблагоприятные правила, что даже выразить трудно. Не прикижете ли, я все это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? Я все позабываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да! Земляника. И что же, скажите, пожалуйста, есть у вас детки?

Артемий Филиппович. Как же-с! пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите: взрослых! А как они... как они того?..

Артемий Филиппович. То есть, не изволили ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артемий Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать времени, определенного на священные обязанности... *(Раскланивается, в тем чтобы уйти.)*

Хлестаков *(провожая)*. Нет, ничего. Это все смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время... Я это очень люблю. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.)* Эй вы! как вас! я все позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай, в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег займа рублей четыреста?

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

¹ Якобинец — революционер времен Великой французской буржуазной революции XVIII века; здесь: вольнодумец, политически неблагонадежный человек.

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Петр Иванов сын Бобчинский.

Добчинский. Помещик Петр Иванов сын Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали; что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава богу! не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад... (*Вдруг и отрывисто.*) Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков. Взаимы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения¹.

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский (*шаря в карманах*). У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? у меня всего сорок ассигнациями.

Добчинский (*смотря в бумажник*). Двадцать пять рублей всего.

Бобчинский. Да вы поищите-то получше, Петр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Добчинский. Нет, право, и в прорехе нет.

Хлестаков. Ну все равно... Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей... это все равно. (*Принимает деньги.*)

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Хлестаков. А что это?

Добчинский. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рожден мною еще до брака...

Хлестаков. Да?

Добчинский. То есть, оно так только говорится, а рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и все это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтобы он теперь уже был совсем, то есть, законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно.

¹ Приказ общественного призрения — учреждение, ведавшее больницами, приютами, а также производившее некоторые денежные операции.

Добчинский. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчет способностей. Мальчишка-то этакой... большие надежды подает: низусть стихи разные расскажет и, если где попадет ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Петр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо: я об этом постараюсь, я буду говорить... я надеюсь... все это будет сделано, да, да... (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чем?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам¹ и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, или превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего! Мне очень приятно. (*Выпроваживает их.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всем в Петербург к Тряпичкину. Он пописывает статейки, пусть-ка он их общелкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

Осип выглянул из дверей, произнесши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадет на зубок, — берегись, отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали займы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьбы триста. Это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот, какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот... Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка теперь, канитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь. Посмотрим, кто кого!

¹ *Сенатор* — член сената, высшего судебно-административного органа царской России.

Хлестаков и Осип с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? *(Начинает писать.)*

Осип. Да, слава богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков. А что?

Осип. Уезжайте отсюда! Ей-богу, уже пора.

Хлестаков *(пишет)*. Вот вздор! зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька, ну — и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! не ровен час: какой-нибудь другой наедет... Ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные; так бы закатали!..

Хлестаков *(пишет)*. Нет, мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедем, Иван Александрович! Оно хоть и большая честь вам, да все, знаете, лучше уехать скорее. Ведь вас, право, за кого-то другого приняли, и батюшка будет гневаться, что так замешкались. Так бы, право, закатали славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков *(пишет)*. Ну хорошо. Отнеси только наперед это письмо, пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтобы лошади хорошие были. Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря¹, катили! и песни бы пели!.. *(Продолжает писать.)* Воображаю, Тряпичкин умрет со смеху...

Осип. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтобы не прошло понапрасну время.

Хлестаков *(пишет)*. Хорошо. Принеси только свечу.

Осип *(выходит и говорит за сценой)*. Эй, послушай, брат! отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег, да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит: прогон, мол, скажи казенный. Да чтоб все живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаков *(продолжает писать)*. Любопытно знать, где он теперь живет — в Почтамтской или Гороховой? Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры и недоплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую. *(Свертывает и надписывает.)*

Осип приносит свечу. Хлестаков печатает. В это время слышен голос Держиморды: «Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено пускать».

(Дает Осипу письмо.) На, отнеси.

¹ *Фельдъегерь* — правительственный или военный курьер.

Голоса купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Пошел, пошел! Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Хлестаков. Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

Осип (*глядя в окно*). Купцы какие-то хотят войти, да не пускает квартальный. Машут бумагами: верно, вас хотят видеть.

Хлестаков (*подходя к окну*). А что вы, любезные?

Голоса купцов. К твоей милости прибегаем. Прикажи, государь, просьбу принять.

Хлестаков. Впустите их, впустите! пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут.

Осип уходит.

(*Принимает из окна просьбы, разворачивает одну из них и читает:*) «Его высокоблагородному Светлости Господину Финансову от купца Абдулина...» Черт знает что: и чина такого нет!

Я В Л Е Н И Е   Х

Хлестаков и купцы с кузовом вина и сахарными головами.

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьем вашей милости.

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не погуби, государы! Обижательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да все от городничего здешнего. Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем¹ совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: «Ах ты, татарин!» Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего мало. Ей-ей! придет в лавку и, что ни попадет, все берет. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, что хорошее суконце: снеси-ка его ко мне». Ну и несешь, а в штуке то будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: черносливу такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня

¹ *Постой* - расквартирование военнослужащих в частных домах.

сиделец¹ не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается. Нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несешь.

Хлестаков. Да это просто разбойник!

Купцы. Ей-ей. А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целый полк на стой. А если что, велит запереть двери. «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селедки!»

Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его — все будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгуй, отец наш, хлебом и солью. Кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте; я не беру совсем никаких взяток. Вот, если бы вы, например, предложили мне займы рублей триста, — ну тогда совсем другое дело, займы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш! (*Вынимают деньги.*) Да что триста! уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте — займы я ни слова: я возьму.

Купцы (*подносят ему на серебряном подносе деньги*). Уж, пожалуйста, и подносик вместе возьмите.

Хлестаков. Ну и подносик можно.

Купцы (*кланяясь*). Так уж возьмите одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О нет: я взяток никаких...

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берете? Возьмите! в дороге все пригодится. Давай суды головы и кулек! Давай все, все пойдет впрок. Что там? веревочка? давай и веревочку! — и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство! Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно! Я постараюсь.

Купцы уходят. Слышен голос женщины: «Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!»

Кто там? (*Подходит к окну.*) А что ты, матушка?

Голоса двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! Повели, государь, выслушать!

Хлестаков (*в окно*). Пропустить ее.

¹ Сиделец (устар.) — приказчик в магазине, лавке.

Хлестаков, слесарша и унтер-офицерша.

Слесарша (*кланяясь в ноги*). Милости прошу...

Унтер-офицерша. Милости прошу...

Хлестаков. Да что вы за женщины?

Унтер-офицерша. Унтер-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здешняя мещанка, Февронья Петровна Пошлепкина, отец мой...

Хлестаков. Стой, говори прежде одна. Что тебе нужно?

Слесарша. Милости прошу, на городничего челом бью! Пошли ему бог всякое зло! Чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни теткам его ни в чем никакого прибутку не было!

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты¹, и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатый.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

Слесарша. Сделал мошенник, сделал; побей бог его и на том и на этом свете! Чтобы ему, если и тетка есть, то и тетке всякая пакость, и отец если жив у него, то чтоб и он, каналья околел или поперхнулся навеки, мошенник такой! Следовало вить сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подслала к супруге полотна три штуки; так он ко мне. «На что, говорит, тебе муж, он уж тебе не годится». Да я-то знаю: годится или не годится, это мое дело, мошенник такой! «Он, говорит, вор; хоть он теперь и не украл, да все равно, говорит, он украдет, его и без того на следующий год возьмут в рекруты». Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! Я слабый человек, подлец ты такой! чтоб всей родне твоей не довелось видеть света божьего! А если есть теща, то чтоб и теще...

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? (*Выпроставивает старуху.*)

Слесарша (*уходя*). Не забудь, отец наш! Будь милостив!

Унтер-офицерша. На городничего, батюшка, пришла...

Хлестаков. Ну да что, зачем? говори в коротких словах.

Унтер-офицерша. Высек, батюшка!

Хлестаков. Как?

Унтер-офицерша. По ошибке, отец мой! Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела, да и схвати меня. Да так отапортовали: два дни сидеть не могла.

Хлестаков. Так что ж теперь делать?

¹ Забрить лоб и солдаты — сдать в солдаты.

Унтер-офицерша. Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафт. Мне от своего счастья неча отказываться, а деньги бы мне теперь очень пригодились.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! Ступайте, ступайте! я распоряжусь.

В окно высовываются руки с просьбами.

Да кто там еще? (*Подходит к окну.*) Не хочу, не хочу! не нужно, не нужно! (*Отходя.*) Надоели, черт возьми! не впускай, Осип!

Осип (*кричит в окно*). Пошли, пошли! Не время, завтра приходите!

Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой¹ шинели, с бритой бородою, раздутою губою и перевязанною щекою; за ней в перспективе показывается несколько других.

Пошел, пошел! чего лезешь? (*Упирается первому руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков (*рисуетя*). Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который.. Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маменька...

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков (*рисуетя*). А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать; никаким образом не можете; напротив того, вы можете принести удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? Но нет, вам должно не стул, а трон.

¹ Фриз — толстая, грубая ткань.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно было идти. *(Села.)*

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чем вы говорите: какой-то платочек... Сегодня какая странная погода!

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы все эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, все, что хотите. Требуйте, какие стихи вам.

Марья Антоновна. Какие-нибудь эдакие — хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить? я и без того их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: «О ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек!»¹. Ну и другие... теперь не могу припомнить; впрочем, это все ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда... *(Придвигая стул.)*

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... и никогда и не знала, что за любовь... *(Отдвигает стул.)*

Хлестаков *(придвигая стул)* Отчего ж вы отдвигаете свой стул? нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна *(отдвигаясь)*. Для чего ж близко? все равно и далеко.

Хлестаков *(придвигаясь)*. Отчего ж далеко: все равно и близко.

Марья Антоновна *(отдвигается)*. Да к чему ж это?

Хлестаков *(придвигаясь)*. Да ведь это вам кажется только, что близко: а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна *(смотрит в окно)*. Что это там, как будто бы, полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков *(целует ее в плечо и смотрит в окно)*. Это сорока.

¹ Начальные строки стихотворения М. В. Ломоносова.

Марья Антоновна (*встает в негодовании*). Нет, это уж слишком... Наглость такая!..

Хлестаков (*удерживая ее*). Простите, сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку... (*Силится уйти.*)

Хлестаков (*продолжая удерживать ее*). Из любви, право из любви. Я так только, пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках у вас просить прощения. (*Падает на колени.*) Простите же, простите. Вы видите, я на коленях.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна (*увидя Хлестакова на коленях*). Ах, какой пассаж!

Хлестаков (*вставая*). А, черт возьми!

Анна Андреевна (*дочери*). Это что значит, сударыня? Это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь: прочь, прочь! и не смей показываться на глаза.

Марья Антоновна уходит в слезах.

Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление...

Хлестаков (*в сторону*). А она тоже очень аппетитна, очень недурна. (*Бросается на колени.*) Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте, здесь пол совсем нечист.

Хлестаков. Нет, на коленях, непременно на коленях, я хочу знать, что такое мне суждено, жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я еще не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию¹ насчет моей дочери.

Хлестаков. Нет, я влюблен в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

Хлестаков. Это ничего. Для любви нет различия, и Карамзин сказал: «Законы осуждают»². Мы удалимся под сень струй... Руки вашей, руки прошу!

¹ Декларация — здесь: предложение.

² Карамзин Н. М. (1766—1826) — русский писатель. «Законы осуждают предмет моей любви» — строчки из песни в его повести «Остров Борнгольм».

Те же и Марья Антоновна, вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказал, чтобы вы... (*Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.*) Ах, какой пас-саж!

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за нетрениость такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного? Ну что тебе вздумалось? право, как дитя какое-нибудь трехлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнее, когда ты будешь вести себя, как прилично благовоспитанной девице; когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Марья Антоновна (*сквозь слезы*). Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове, ты берешь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них, не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие: перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать.

Хлестаков (*схватывая за руку дочь*). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (*с изумлением*). Так вы в нее?

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь: из-за тебя, этакой дряни, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала, как сумасшедшая. Ну вот, право, стоит, чтобы и нарочно отказала, как недостойна такого счастья.

Марья Антоновна. Не буду, маменька, право, вперед не буду.

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша шлагала нам, будто бы я ее высек, она врет, ей-богу врет. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша — мне не до нее.

Городничий. Не верьте, не верьте! это такие лгуны... им вот этакой ребенок не поверит. Они уж и по всему городу извест-

ны за лгунов. А насчет мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство, она немного с придурию, такова же была и мать ее.

Хлестаков. Да. Я, точно, прошу руки. Я влюблен.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, недостойн такой чести.

Хлестаков. Да. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я черт знает что готов...

Городничий. Не могу верить: извольте шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! ну, когда тебе толкуют.

Городничий. Не могу верить!

Хлестаков. Отдайте, отдайте — я отчаянный человек, я решусь на все: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом! Не извольте гневаться! извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким еще никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит вас бог, а я не виноват!

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной. Городничий смотрит на них.

Что за черт! в самом деле! *(Протирает глаза.)* Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених. *(Вскрикивает, подпрыгивая от радости.)* Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! вона как дело-то пошло.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо... я сейчас.

Городничий. Как-с? Извольте ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть... Вы изволили сами на-мекнуть насчет, кажется, свадьбы?

Хлестаков. А это на одну минуту только, на один день к дяде — богатый старик; а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя... нет, просто не могу выразить. Прощайте, душенька! (*Целует ее ручку.*)

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Хлестаков. О нет, к чему это? (*Немного подумав.*) А впрочем, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста: я не хочу воспользоваться вашей ошибкою, — так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Сейчас! (*Вынимает из бумажника.*) Еще, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаков. А, да! (*Берет и рассматривает ассигнации.*) Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками?

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Прощайте, Антон Антонович! очень обязан за наше гостеприимство. Я признаюсь от всего сердца, мне нигде не было такого хорошего приема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна!

Выходят...

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же комната.

явление I

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь: об этом? экой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось — просто из какой-нибудь городничихи и вдруг... Фу ты, канальство!.. с каким дьяволом породнилась!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек, никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна, какие мы с тобой теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна! Высокого полета, черт побери! Постой же, теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы! Эй, кто там?

Входит квартальный.

А, это ты, Иван Карпович! Призови-ка сюда, брат, купцов. Вот я их, каналов! Так жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый иудейский народ! Пойдите же, голубчики! Прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дескать, какую честь бог послал городничему, что выдает дочь свою — не то чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого, что и на свете еще не было, что может все сделать, все, все, все! Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, черт возьми! уж когда торжество, так торжество!

Квартальный уходит.

Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

Анна Андреевна. Естественно, в Петербурге. Как можно здесь оставаться?

Городничий. Ну, в Питере так в Питере; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь я думаю, уже городничество тогда к черту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Естественно, что за городничество!

Городничий. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит; так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно.

Городничий. А, черт возьми, славно быть генералом! Кавалерию¹ повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна. Уж конечно, голубую лучше.

Городничий. Э? вишь, чего захотела! хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? — потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: «Лошадей!» И там на станциях никому не дадут, все дожидаются: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь. Обедает где-нибудь у губернатора, а там: стой, городничий! Хе, хе, хе! (*Заливается и помирает со смеху.*) Вот что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебе все такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то, что какой-нибудь судья-собачник, с кото-

¹ *Кавалерия* — здесь: широкая орденская лента, которую носили через плечо при самых высоких орденах (красную — при Станиславе и Анне 1-й степени, голубую — при Анндре Первозванном).

рым ты едешь травить зайцев, или Земляника; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские... только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Городничий. Что ж? Ведь слово не вредит.

Анна Андреевна. Да хорошо, когда ты был городничим; а там ведь жизнь совершенно другая.

Городничий. Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть.

Анна Андреевна. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и чтоб у меня в комнате такое было амбре¹, чтоб нельзя было войти, и нужно бы только этак зажмурить глаза. (*Зажмуривает глаза и нюхает.*) Ах, как хорошо!

Я В Л Е Н И Е   П

Т е ж е и к у п ц ы .

Городничий. А! здорово, соколики!

Купцы (*кланяясь*). Здравия желаем, батюшка!

Городничий. Что, голубчики, как поживаете? как товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы морские! жаловаться? Что? много взяли? Вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, ссмы чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

Анна Андреевна. Ах, боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь!..

Городничий (*с неудовольствием*). А, не до слов теперы! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я вас!.. у!.. Обманываете народ... Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе еще награду за это? Да если б знали, как бы тебе... И брюхо сует вперед: он купец; его не тронь. «Мы, говорит, и дворянам не уступим». Да дворянин... ах ты, рожал! дворянин учится наукам; его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? начинаешь плутнями, тебя хозяин бьет за то, что не умеешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче наша»² не знаешь, а уж обмериваешь; а как разопрет тебе брюхо да набьешь себе карман, так и заважничал! Фу ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (*кланяясь*). Вины ваты, Антон Антонович!

¹ Амбре — благоухание.

² «Отче наш» — молитва, которую заучивали еще в детстве.

Городничий. Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это? Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также провадить в Сибирь. Что скажешь? а?

Один из купцов. Богу виноваты, Антон Антонович. Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневишь только!

Городничий. Не гневишь! вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? оттого, что мое взяло, а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втоптал в самую грязь, еще бы и бревном сверху навалил.

Купцы (*кланяются в ноги*). Не погуби, Антон Антонович!

Городничий. «Не погуби!» Теперь: «не погуби!», а прежде что? Я бы вас... (*Махнув рукой.*) Ну, да бог простит! полно! Я не памятозlobен; только теперь, смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина. Чтоб поздравление было... понимаешь? не то чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару... Ну, ступай с богом!

Купцы уходят.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Аммос Федорович, Артемий Филиппович,
потом Растаковский.

Аммос Федорович (*еще в дверях*). Верить ли слухам, Антон Антонович? к вам привалило необыкновенное счастье?

Артемий Филиппович. Имею честь поздравить с необыкновенным счастьем. Я душевно обрадовался, когда услышал. (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Марьи Антоновны.*) Марья Антоновна!

Растаковский (*входит*). Антона Антоновича поздравляю. Да продлит бог жизнь вашу и новой четы и даст вам потомство многочисленное, внучат и правнучат! Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходит к ручке Марьи Антоновны.*)...

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, частный пристав и квартальные.

Частный пристав. Имею честь поздравить вас, ваше высокоблагородие, и пожелать благоденствия на многие лета!

Городничий. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа!

Гости усаживаются.

Аммос Федорович. Но скажите, пожалуйста, Антон Антонович, каким образом все это началось: постепенный ход всего дела.

Городничий. Ход дела чрезвычайный: изволил собственлично сделать предложение.

Анна Андреевна. Очень почтительным и самым тонким образом. Все чрезвычайно хорошо говорил. Говорит: «Я, Анна Андреевна, из одного только уважения к вашим достоинствам...» И такой прекрасный, воспитанный человек, самых благороднейших правил! «Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь — копейка, я только потому, что уважаю ваши редкие качества».

Марья Антоновна. Ах, маменька! Ведь это он мне говорил.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не в свое дело не мешайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь...» В таких лестных рассыпался словах... И когда я хотела сказать: «Мы никак не смеем надеяться на такую честь», — он вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: «Анна Андреевна, не сделайте меня несчастнейшим! согласитесь отвечать моим чувствам, не то я смертью окончу жизнь свою».

Марья Антоновна. Право, маменька, он обо мне это говорил.

Анна Андреевна. Да, конечно... и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

Городничий. И так даже напугал: говорил, что застрелится. «Застрелюсь, застрелюсь!» — говорит.

Многие из гостей. Скажите пожалуйста!

Аммос Федорович. Экая штука!

Лука Лукич. Вот подлинно, судьба уж так вела.

Артемий Филиппович. Не судьба, батюшка, судьба — индейка, заслуги привели к тому. *(В сторону.)* Этакой свинье лезет всегда в рот счастье!

Аммос Федорович. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Городничий. Нет, мне теперь не до кобельков.

Аммос Федорович. Ну, не хотите, на другой собаке сойдемся.

Жена Коробкина. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастью! вы не можете себе представить.

Коробкин. Где ж теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышал, что он уехал зачем-то.

Городничий. Да, он отправился на один день по весьма важному делу.

Анна Андреевна. К своему дяде, чтоб испросить благословения.

Городничий. Испросить благословения; но завтра же... *(Чихает.)*

Много благодарен! Но завтра же и назад... (*Чихает.*)

Поздравительный гул; слышнее других голоса:

Частного пристава. Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

Бобчинского. Сто лет и куль червонцев!

Добчинского. Продли бог на сорок сороков!

Артемия Филипповича. Чтоб ты пропал!

Жены Коробкина. Черт тебя поберет!

Городничий. Покорнейше благодарю! И вам того же желаю.

Анна Андреевна. Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь признаюсь, такой воздух... деревенский уж слышком!.. признаюсь, большая неприятность... Вот и муж мой: он там получит генеральский чин.

Городничий. Да, признаюсь, господа, я, черт возьми, очень хочу быть генералом.

Лука Лукич. И дай бог получить.

Растаковский. От человека невозможно, а от бога все возможно.

Аммос Федорович. Большому кораблю— большое плаванье.

Артемий Филиппович. По заслугам и честь.

Аммос Федорович (*в сторону*). Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, нет, до этого еще далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор еще не генералы.

Артемий Филиппович (*в сторону*). Эка, черт возьми, уж и в генералы лезет! Чего доброго, может, и будет генералом. Ведь у него важности, лукавый не взял бы его, довольно. (*Обращаясь к нему.*) Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

Аммос Федорович. И если что случится: например, какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительства!

Коробкин. В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так, сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке.

Городничий. Я готов с своей стороны, готов стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно и с какой стати себя обременять такими обещаниями?

Городничий. Почему ж, душа моя: иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да ведь не всякой же мелюзге оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, как она трактует¹ нас? Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за стол, она и ноги свои...

Я В Л Е Н И Е VIII

Те же и почтмейстер впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, я узнал это из письма...

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес — вижу: «в Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну, — думаю себе, — верно, нашел беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю: неестественная сила побудила. Призвал было уж курьера с тем, чтобы отправить его с эстафетой²; но любопытство такое одолело, какого еще никогда не чувствовал. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадешь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И как придавил сургуч — во жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу мороз. И руки дрожат, и все помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни се ни то; черт знает что такое!

Городничий (*запальчиво*). Как ни се ни то? Как вы смеете называть его ни тем ни сем, да еще черт знает чем? Я вас под арест...

Почтмейстер. Кто? вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу.

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

¹ *Трактовать* — здесь: оценивать (жена Коробкина употребляет это слово, чтобы подчеркнуть свою «образованность»).

² *Эстафети* (искажен. *эстафета*) — здесь: срочная почта.

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер (*читает*). «Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую¹, волочусь напрапалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать; думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали на ширамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счет доходов аглицкого короля; теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. Не может быть! там нет этого.

Почтмейстер (*показывает письмо*). Читайте сами.

Городничий (*читает*). «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукнич. Читайте!

Почтмейстер (*продолжая читать*). «Городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. О, черт возьми! нужно еще повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер (*продолжая читать*). Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» (*Оставляя читать*.) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, черт возьми, когда уж читать так читать! Читайте всё!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. (*Надевает очки и читает*.) «Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев, должно быть, также, подлец, пьет горькую».

Почтмейстер (*к зрителям*). Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь: больше ничего!

Артемий Филиппович (*продолжая читать*). «Надзиратель над богоугодным заведе...и...и...» (*Заикается*.)

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечеткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. (*Берет письмо*.)

¹ *Жуировать* — развлекаться, вести веселую жизнь.

Артемий Филиппович (*не давая письма*). Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю: далее, право, все разборчиво.

Почтмейстер. Нет, все читайте! ведь прежде все читаю.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! (*Коробкину.*) Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. (*Отдает письмо.*) Вот, позвольте... (*Закрывает пальцем.*) Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, все читайте!

Коробкин (*читая*). «Надзиратель за богоугодным заведением Земляника — совершенная свинья в ермолке».

Артемий Филиппович (*к зрителям*). И не остроумно! свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?

Коробкин (*продолжая читать*). «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Лука Лукич (*к зрителям*). Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Федорович (*в сторону*). Слава богу, хоть, по крайней мере, обо мне нет!

Коробкин (*читает*). «Судья...»

Аммос Федорович. Вот тебе на... (*Вслух.*) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и черт ли в нем: дрянь этакую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артемий Филиппович. Нет, уж читайте!

Коробкин (*продолжает*). «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон!...» (*Останавливается.*) Должно быть, французское слово.

Аммос Федорович. А черт его знает, что оно значит! Еще хорошо, если только мошенник, а может быть, и того еще хуже.

Коробкин (*продолжая читать*). «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить, хочется наконец пищи для души. Вижу: точно, нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, и оттуда в деревню Подкатиловку. (*Переворачивает письмо и читает адрес.*) Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-Петербурге, в Почтамтскую ули-

¹ Здесь: человек дурного тона (от франц. mauvais ton).

цу, в доме под номером девяносто седьмым, поворота на двор, в третьем этаже, направо».

Одна из дам. Какой реприманд¹ неожиданный!

Городничий. Вот когда зарезал так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свинные рылы вместо лиц, а больше ничего... Воротить, воротить его! (*Машет рукою.*)

Почтмейстер. Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; черт угораздил дать и вперед предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

Аммос Федорович. Однако ж, черт возьми, господа! он у меня взял триста рублей взаймы.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер (*вздыхает*). Ох! и у меня триста рублей.

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

Аммос Федорович (*в недоумении расставляет руки*). Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Городничий (*бьет себя по лбу*). Как я?.. нет, как я, старый дурак! Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести, мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трех губернаторов обманул!.. что губернаторов! (*махнув рукою*) нечего и говорить про губернаторов...

Анна Андреевна. Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...

Городничий (*в сердцах*). Обручился! Кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обручением!.. (*В исступлении.*) Вот смотрите, смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозит себе самому кулаком.*) Эх, ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесет по всему свету историю; мало того, что пойдешь в посмешище... найдется щелкопер², бумагомарака, в комедию тебя вставит, вот что обидно, чины, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеетесь? над собой смеетесь!.. Эх, вы!.. (*Стучит со злости ногами об пол.*) Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкоперы, либералы³ проклятые! чертово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех, да черту в подкладку! в шапку туды ему!.. (*Сует кулаком и бьет каблуком в пол. После некоторого молчания.*) До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если бог

¹ Здесь: неприятность (от франц. réprimande — буквально: выговор).

² Щелкопёр (устар.) — бумагомаратель, писак, враль.

³ Либерал — здесь: свободомыслящий человек.

хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе¹ похожего на ревизора? ничего не было! Вот просто ни на полмизинца не было похожего — и вдруг все: ревизор, ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте!

Артемий Филиппович (*расставляя руки*). Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, черт попутал.

Аммос Федорович. Да кто выпустил! — вот кто выпустил: эти молодцы! (*Показывает на Добчинского и Бобчинского.*)

Бобчинский. Ей-ей, не я, и не думал...

Добчинский. Я ничего, совсем ничего...

Артемий Филиппович. Конечно, вы!

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали, как сумасшедшие, из трактира: «Приехал, приехал и денег не плотит...» Нашли важную птицу!

Городничий. Естественно, вы! сплетники городские, лгуны проклятые!

Артемий Филиппович. Чтоб вас черт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Городничий. Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

Аммос Федорович. Пачкуны проклятые!

Лука Лукич. Колпаки!

Артемий Филиппович. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

Бобчинский. Ей-богу, это не я, это Петр Иванович.

Добчинский. Э, нет, Петр Иванович, вы ведь первые того...

Бобчинский. А вот и нет; первые-то были вы.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесенные слова поражают, как громом, всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменявши положение, остается в окаменении.

¹ *Вертопрах* — легкомысленный, ветреный человек.

Городничий посередине в виде столба с распростертыми руками и закинутою назад головою. По правую сторону его жена и дочь, с устремившимся к нему движением всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям; за ним Лука Лукнич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выражением лиц, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движение губами, как бы хотел посвистать или произнестъ: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего; за ним, у самого края, Добчинский и Бобчинский, с устремившимся друг к другу движением рук, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение.

Занавес опускается.

1836—1842 гг.

Вопросы и задания для вступительной беседы о комедии «Ревизор»

1. Вспомните, какие произведения называются драматическими и к какому виду драматических произведений можно отнести «Ревизора». Почему? (Для справки см. с. 387 хрестоматии.)
2. Расскажите коротко о том, как развиваются события, изображенные в «Ревизоре».
3. Какова главная тема «Ревизора»? Кто его главные герои?
4. Когда происходит действие комедии? (Для ответа на этот вопрос сопоставьте слова Аммоса Федоровича о прохождении им службы в III явлении первого действия и в III явлении четвертого действия.)
Что вы знаете об этом времени на основании знакомства с жизнью Пушкина и Лермонтова?

СЮЖЕТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Читая пьесу, вы, конечно, обратили внимание на то, что ее основу составляют события, связанные с ожиданием и приемом ревизора (в роли которого, по нелепой случайности, до поры до времени выступает Хлестаков). В смешных похождениях Хлестакова, в попытках насмерть перепуганных чиновников предотвратить катастрофу, в их поступках, в действии выявляются их характеры, раскрывается отношение драматурга к изображаемой им жизни. По мере того как разворачивается действие, все отчетливее, резче проступают пустота и легкомыслие Хлестакова, трусость и раболепие чиновников, все более грозно и беспощадно звучит смех Гоголя. Неожиданно, как удар грома, повергая всех в изумление и ужас, раздаются слова жандарма о том, что приехавший по именному повелению из Петер-

бурга ревизор требует городничего к себе. Эти слова завершают действие, полностью обнажая ничтожество чиновников и комизм их бесплодных усилий.

Именно события, в которых обнаруживаются, сталкиваются, изменяются характеры, взгляды, интересы, стремления действующих лиц, составляют основу драматического (так же как и эпического) произведения.

«В художественном произведении нет ничего произвольного и случайного, но все необходимо... вытекает из его идеи», — писал В. Г. Белинский.

Связанные между собой и последовательно развивающиеся события, изображаемые в художественном произведении, называются сюжетом.

Вступительная часть сюжета, показывающая обстановку, в которой будут происходить события, рисующая положение и характеры действующих лиц до начала действия, называется экспозицией. Событие, с которого начинается действие, — завязка; событие, завершающее действие, — развязка. Часть сюжета между завязкой и развязкой называется развитием действия, высшая точка в развитии действия — кульминацией.

Не разобравшись в сюжете, не оценив значения его элементов (экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка), нельзя понять эпическое и драматическое произведение, нельзя проникнуть в замысел писателя.

Вопросы и задания для разбора комедии

1. Какие сцены комедии можно считать экспозицией? Что мы узнаем из них о чиновниках и городе, в котором происходит действие? Почему чиновники боятся ревизора?
2. По каким признакам Добчинский и Бобчинский приняли Хлестакова за ревизора? Почему чиновники поверили им? Как завязка комедии характеризует чиновников и городских обывателей?
3. Почему перед тем, как вывести на сцену Хлестакова, Гоголь включает в комедию монолог Осипа? Что дает этот монолог для понимания характера Хлестакова?
4. Как характеризует Хлестакова и городничего сцена их встречи в трактире? Почему городничий, «очень не глупый по-своему человек», как говорит о нем Гоголь, не замечает испуга и жалкого вида Хлестакова? Почему эта сцена производит комическое впечатление?
5. Что можно сказать о жизненных целях и характере Хлестакова на основании его монолога в V явлении второго действия?
6. Почему VI явление третьего действия считают кульминационной сценой комедии? Чем рассказы Хлестакова о петербургской жизни связаны с его желанием играть роль значительного лица (см. V явление второго действия)? Как реплики¹ и поведение слушателей подогревают и усиливают ложь Хлестакова? Почему слушатели верят Хлестакову?

¹ Реплика — замечание одного собеседника на слова другого.

7. Почему и как возрастает развязность Хлестакова в сценах «приема» чиновников и других городских жителей (действие четвертое, явления III—VII)?
8. Как характеризуют Хлестакова сцены «объяснения в любви» (действие четвертое, явления XII—XV)?
9. Каковы жизненные цели и стремления городничего (действие пятое, явление I)? Покажите, что Гоголь был прав, когда писал: «Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым»; что роднит городничего с Хлестаковым?
10. Сопоставьте речь Хлестакова, обращенную к Осипу (действие второе, явление II), к трактирному слуге (действие второе, явление IV) и к Анне Андреевне (действие третье, явление VI). Сравните слова, с которыми городничий обращается к квартальному (действие первое, явление IV) и к частному приставу (действие первое, явление V). Обратите внимание на авторские ремарки. Как в речи действующих лиц выражаются некоторые особенности их характеров?
11. В какой сцене происходит развязка комедии? Оправдана ли она, по-вашему, замыслом и всем ходом комедии или носит случайный характер?
12. Можно ли назвать Хлестакова лжецом, сознательно выдающим себя за «государственного человека»? Почему чиновники приняли его за ревизора?
13. «...Мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе, — писал Гоголь. — Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во все продолжение ее. Это честное, благородное лицо был — смех». Как вы понимаете эти слова Гоголя? Что, по-вашему, смешно в «Ревизоре»?
14. Разбирая пьесу, подготовьте для выразительного чтения по ролям несколько явлений четвертого действия.
15. Подготовьте устную характеристику городничего и Хлестакова.
16. Какие качества героев комедии отражены в рисунках художника П. Боклевского? Подберите из текста комедии подписи к рисункам, изображающим отдельные сцены «Ревизора» (с. 151—157).

НИКОЛАЕВСКАЯ РОССИЯ ВО ВРЕМЕНА ГОГОЛЯ

Свидетельства современников

ПРИСУТСТВЕННЫЕ МЕСТА

Не было в помещении большинства присутственных мест чистоты и порядка... на столах канцелярии вместо чернильниц и песочниц¹ стояли помадные банки. Чиновники и канцелярские служители², случалось, сидели вместо стульев на круглых поленьях. С другой стороны, между делами и за ними помещались полуштофы с приличною закускою. Недаром городничий говорит в «Ревизоре» о заседателе: «От него такой запах, как будто он сейчас вышел из винокуренного завода».

¹ *Песочница* — прибор для посыпания песком написанного чернилами (употреблялся вместо промокательной бумаги).

² *Канцелярский служитель* — низший служащий, не имевший чина.

В Петербургский уездный суд заглянул ненароком министр юстиции. Он встретил там человека в исподнем платье, с метлой в руках. На вопрос министра, где судья, человек отвечал, что судьи нет, а на вопрос, где заседатель, отвечал: «Я — заседатель». Министр, потрясенный, пробормотал: «Вы... ты...» — и ушел, не сказав ни слова.

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Немощные улицы Саратова в летнее время покрыты на четверть пылью, а весной и осенью жидкой грязью на пол-аршина, второстепенные улицы зарастали густою травой. Главные улицы имели узенькие деревянные тротуары и изредка стоявшие фонари, тускло освещавшиеся конопляным маслом.

Ревизор, приехавший в Пензу неожиданно вечером, сел на извозчика и велел себя везти на набережную. — На какую набережную? — спросил извозчик. — Как на какую? — отвечал ревизор. — Разве у вас их много? Ведь одна только и есть. — Да никакой нет! — воскликнул извозчик.

Оказалось, что на бумаге набережная строилась уже два года и что на нее истрачено было несколько десятков тысяч рублей, а ее и не начинали.

ПРОИЗВОЛ ВЛАСТЕЙ. НРАВЫ ЧИНОВНИКОВ

Казанский полицмейстер¹ Поль истязал людей совершенно невинных. Полицейским чинам стоило взять совершенно не причастного ни к какому проступку человека и донести на другой день полицмейстеру... Поль, без всякой проверки донесения, тотчас же приказывал его при себе растянуть и высечь. Этой участи подвергались не только простолюдины, но даже и мелкие чиновники.

Генерал-губернатор Западной Сибири... завел открытый, систематический грабеж во всем крае... Ни одно письмо не переходило границы нераспечатанное, и горе человеку, который осмелился бы написать что-нибудь о его управлении. Он купцов первой гильдии держал по году в тюрьме, в цепях, он их пытал.

«Вскрытие корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции и притом самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты империи».

(Указание начальника Третьего отделения императорской канцелярии Бенкендорфа.)

¹ *Полицмейстер* — начальник полиции в крупном городе.

[Взятки] брали деньгами и продуктами, брали через жен, секретарей и других подставных лиц: брали губернаторы, председатели губернских правлений, гражданских и уголовных палат¹, профессора при экзамене на звание чиновников.

Все это узаконилось, вошло в обычай, и проситель никогда не приходил в присутственные места с пустыми руками. Если он был беден, то и тогда приносил полотенце, чашку меда, большой пряник, а иногда и просто хлеб.

В одной из... губерний, и не отдаленной, был действительно случай, подобный описанному в «Ревизоре». По сходству фамилии принял одного молодого проезжего за известного государственного чиновника. Все городское начальство засуетилось и приехало к молодому человеку являться. Не знаем, случилась ли ему тогда нужда в деньгах, как проигравшемуся Хлестакову, но, вероятно, нашлись бы работодатели.

(П. А. Вяземский.)

Несколько подобных случаев знал Пушкин. Самого поэта, отправившегося собирать сведения о Пугачеве, в Нижнем Новгороде приняли за тайно путешествующего ревизора. Вероятно, об этих фактах Пушкин рассказал Гоголю.

Вопросы

1. Николай I заявил после первого представления «Ревизора»: «Ну и пьеска! Всем досталось, а мне более всех!» В Перми полиция потребовала прекратить спектакль, а городничий в Ростове-на-Дону грозил упрятать актеров в тюрьму. Гоголь писал о постановке комедии: «Действие, произведенное ею, было большое и шумное. Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня...» Почему возмущались и чего так испугались царь, чиновники и купцы?

2. Как вы понимаете эпитафию к пьесе?

3. Какую роль в воссоздании правдивой картины жизни сыграл художественный вымысел? Можно ли образы героев комедии Гоголя рассматривать как точное воспроизведение характеров действительно живших людей, а сюжет комедии — как верное во всех деталях изображение двух-трех жизненных случаев?

4. Почти 150 лет комедия «Ревизор» не сходит со сцены. Ее ставили и ставят крупнейшие театры страны — Московский Малый, Московский Художественный. Она идет на многочисленных любительских самодельных сценах. Она экранизирована, издается миллионными тиражами. А между тем общественные условия, изображенные Гоголем, отошли в далекое прошлое. Почему же комедия и в наши дни пользуется неизменным успехом?

---

¹ Губернское правление — учреждение, осуществлявшее полицейский надзор в губернии. Гражданская и уголовная палаты — судебные учреждения в царской России.

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ О ТВОРЧЕСТВЕ ГОГОЛЯ

Карающая сатира Гоголя питала жгучую ненависть народа к своим поработителям и укрепляла силы революционных борцов. Она расшатывала вековые устои мертвящего деспотизма. Грозный суд народа над своими угнетателями и палачами имел в лице Гоголя страшного свидетеля и прокурора. Каждая страница его книг — потрясающий обвинительный акт против правящей шайки злодеев, тюремщиков, мракобесов, душителей свободной мысли и творческой воли.

Гоголь сопутствовал нам в нашей революционной борьбе; он всюду, на каждом шагу напоминал нам, что Держиморда — вездесущ: он не сводит с нас недремлющего ока и на улице, и на работе, и в нашем жилье, он залезает в душу, контролирует мысли и чувства человека, чтобы загнать его в застенки и накинуть петлю на шею... Гоголь был нашим союзником: он воспитывал в нас своими художественными созданиями гордость за русский народ, за его выносливость, за величие духа, за его героизм, трудолюбие, талантливость и здоровый оптимизм¹...

Еще встречаются и в нашей советской действительности и тупой бюрократизм, и своекорыстие... и хлестаковщина, и карьеризм. В этом отношении Гоголь живет среди нас как обличитель недостатков и пережитков, как призыв к строгой самокритике и самопроверке.

Гоголь — наш современник.

(Ф. В. Гладков.)

Гоголь! Вечный спутник отрока, юноши, мужчины и женщины, школьника, недавно овладевшего грамотой, и старца, умудренного знанием жизни.

Раз проникнув в нашу душу, Гоголь уже никогда не покидает ее, а поселяется в сознании нашем и в сердце навсегда и живет там, как дома. — удивительно смело, непринужденно, уютно...

Ни один другой писатель не закрепил после себя навечно такого числа ходячих героев, как Гоголь.

И что за разнообразие! От широчайшей природы богатыря и неустрашимого патриота Тараса до прижимистой Коробочки. От простодушного Хомя Брута²... до Хлестакова, который решительно не нуждается ни в каком эпитете, потому что сам сделался непревзойденным эпитетом для всяческих свистунов, бахвальщиков, пуштовозов, не брезгующих и смошенничать и словчить...

Мы одарили Гоголя нашей жаркой, нашей страстной любовью к нему, к его потрясающим творениям. Он живет с нами, он среди нас. И мы не разлучаемся с ним никогда.

(К. А. Фелин.)

¹ Оптимизм — здесь: вера в торжество справедливости, в победу добра.

² Коробочка — одно из действующих лиц поэмы Гоголя «Мертвые души». Хомя Брут — герой повести Гоголя «Вий».

Николай Алексеевич НЕКРАСОВ

ПОЭТ ПЕЧАЛИ И ГНЕВА НАРОДНОГО

Некрасов еще при жизни был поэтом своего народа, глашатаем его чаяний. И вершина его гения — рядом с вершинами Пушкина и Лермонтова. Но у некрасовской поэзии своя собственная красота, свое озарение, своя ни на чью не похожая песня, своя любовь и ненависть, своя вера и мечта, и доколе будет жить на земле и удивлять людские души пленительное русское слово, не померкнет слава одного из его прекрасных мастеров...

Некрасов знал свой народ, знал не понаслышке, а по разделенной судьбе. Он с полным правом мог сказать о своей подвижнической жизни: «Я лиру посвятил народу свезему»...

Никто, пожалуй, в русской поэзии не отдал такой трогательной дани женщине, как Некрасов. Созданные им образы прекрасны. Они деятельны и вдохновенны, любовь их благородна и светла, красота их скромна и величественна.

В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет, — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Он подарил нам «Орину, мать солдатскую», образы декабристов, разделивших со своими

мужьями их трагическую судьбу... Сколько песен создано на певучие стихи Некрасова, сколько их сейчас еще звучит — песен, поднимающих человеческую душу, очищающих ее, как это и положено песням!..

Кто из нас не восхищался «Генералом Топтыгиным», кто из нас не плакал над страницами поэмы «Мороз, Красный нос», лишенный возможности разбудить замерзающую в лесу Дарью?!

Кто из нас не был признателен дедушке Мазаю, кто из нас не застывал в восхищении перед картинами родной природы, с такой теплотой и проникновенностью написанными Некрасовым?!

И здесь, в этих стихах, посвященных детям, поэт оставался верен себе. Он воспитывал чувство любви к Родине, чувства благородства и гордости, он звал юных к действию, к деятельности, потому что сам знал и сладость пота, и цену хлеба...

(Михаил Дудин.
Подвиг поэта.)

Я хочу рассказать о книге, сохранившейся у меня с тех лет, когда я был в возрасте читателей «Пионерской правды».

(1821—1878)

Это книга стихотворений Некрасова. Она много потерпела на своем веку: богатый красный переплет ее поистерся, корешок едва держится, золото из тиснения осыпалось...

А я помню ее совсем новой, с ярким переплетом и пахнувшей — даже не типографской краской..., а какими-то духами. Отец привез ее примерно в 20-м году с базара в Смоленске, куда она попала, должно быть, из какой-нибудь барской библиотеки... Эта книга была огромным, значительнейшим событием тех лет моей жизни и наравне с одноклассниками Пушкина и Лермонтова, еще ранее приобретенными отцом, составляла для меня самую большую радость и гордость, основу моих ребяческих интересов и заветных мечтаний. По этой книге я познакомился с биографией Некрасова. Из нее я впервые узнал о детских годах Некрасова, омраченных впечатлениями жизни крепостных, тяжелого труда бурлаков; о его петербургской юности, полной лишений; о его встрече с В. Г. Белинским, когда великий критик, прочитав стихотворение «В дороге», обнял

поэта и со слезами на глазах воскликнул:

— Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?!..

И у меня к ней [этой книге] особое чувство. Это память родного дома, и память невозвратимой поры, когда я впервые с этих страниц воспринял глубоко взволновавшее меня слово великого поэта. Не этому ли волнению обязан я счастьем своей жизни, счастьем служить в меру своих сил делу родной советской литературы?

Заветная, самая дорогая моя книга.

(А. Т. Твардовский.
Заветная книга.)

Некрасов нес свою благородную службу певца народного горя и гнева, говоря с народом на том языке, который был создан для нашей поэзии Пушкиным, и вслед за Пушкиным наполнял свое искусство живую жизнью и страстью сердца...

(А. Т. Твардовский.
Пушкин.)

Задание

Прочитайте наизусть одно из знакомых вам стихотворений Некрасова.

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
 Одержимый холопским недугом,
 Целый город с каким-то испугом
 Подъезжает к заветным дверям;
 Записав свое имя и званье¹,
 Разъезжаются гости домой,
 Так глубоко довольны собой,
 Что подумаешь — в том их призванье!
 А в обычные дни этот пышный подъезд
 Осаждают убогие лица:
 Прожектеры², искатели мест,
 И преклонный старик, и вдовица.
 От него и к нему, то и знай, по утрам
 Всё курьеры с бумагами скачут.
 Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
 А иные просители плачут.

Раз я видел, сюда мужики подошли,
 Деревенские русские люди,
 Помолились на церковь и стали вдали,
 Свесив русые головы к груди;
 Показался швейцар. «Допусти», — говорят
 С выраженьем надежды и муки.
 Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
 Загорелые лица и руки,
 Армячишка худой на плечах,
 По котомке на спинах согнутых,
 Крест на шее и кровь на ногах,
 В самодельные лапти обутых
 (Знать, брели-то долгонько они
 Из каких-нибудь дальних губерний).
 Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
 Наш не любит оборванной черни!»
 И захлопнулась дверь. Постояв,
 Развязали кошли пилигримы³,
 Но швейцар не пустил, скудной лепты⁴ не взяв,

---

¹ Поздравляя вышестоящих чиновников с праздником, их подчиненные, которых часто не пускали дальше передней, расписывались в специальной книге.

² *Прожектёр* — составитель неосновательных проектов.

³ *Пилигрим* — здесь: странник, путник.

⁴ *Лепта* — здесь: мелкая монета.

И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдную,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! В тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.

И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии¹
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золота, —
Убаюканный ласковым пенисом
Средиземной волны, — как дитя,
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

---

¹ *Идиллия* — здесь: безмятежно-мирная, счастливая жизнь. По древнегреческой мифологии такую жизнь якобы вели жители Аркадии — пастухи и пастушки.

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... Да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой,
Все пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель¹,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевою!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля,—
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

1858 г.

---

¹ *Обитель* — здесь: место.

1. Какие картины последовательно возникают перед вами при чтении стихотворения Некрасова?
2. Какие чувства и как выражает поэт, рисуя различных людей перед парадным подъездом в торжественные и «обычные» дни?
3. Перечитайте сцену с крестьянами-ходаками. На какие выводы о крестьянах натакаивают их внешность, речь, поведение? Как выражено отношение к ним поэта?
4. Каким чувством проникнуты строки, обращенные к вельможе? Как постепенно изменяется и нарастает это чувство?
5. Подтвердите, основываясь на тексте стихотворения, что случай у парадного подъезда не был в крепостнической России единичным.
6. Резкое противопоставление понятий или явлений называется антитезой. Покажите, что стихотворение Некрасова построено на антитезе. В чем ее смысл?
7. Перечитайте последние строки стихотворения от слов «Назови мне такую обитель...». Как средствами поэтической речи (подбор слов, построение фраз, интонация) Некрасов добивается ораторского звучания этих строк? Почему, по-вашему, они стали гимном революционно настроенной молодежи прошлого века?
8. Как вы думаете, почему цензура не пропускала стихотворение в печать, а Герцен, опубликовавший его в своем журнале за границей, писал: «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить»? Чем привлекли «Размышления у парадного подъезда» великого русского революционера и писателя?
9. Каким размером написаны «Размышления...»? Выучите отрывок из них наизусть.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

(Посвящается детям)

В а н я (в кучерском армячке).
Папаша! Кто строил эту дорогу?
П а п а ш а (в пальто на красной подкладке)¹.
Граф Петр Андреевич Клейнмихель², душенька!

Разговор в вагоне.

I

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

¹ Пальто на красной подкладке носили генералы. Кучерской армячок Вани — деталь, намекающая на показное народолюбие его отца — генерала.

² Клейнмихель П. А. — вельможа, поставленный царем во главе строительства железной дороги между Москвой и Петербургом, казнокрад и деспот.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Все хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

Добрый папаша! К чему в обаянии¹
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.

---

¹ *Обаяние* — здесь: состояние человека, находящегося под влиянием какого-то внушения, обмана.

Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотеи-десятники ¹,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божины ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки-Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун ² в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему. Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...

---

¹ Десятник — ставший над группой рабочих

² Колтун — болезнь волос на голове, когда они образуют слипшуюся густую массу.

Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что господь ни пошлет!

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

III

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный, —
Ваня сказал: — тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились — и он мне сказал:
«Вот они — нашей дороги строители!..»
Захотел генерал!

«Был я недавно в стенах Ватикана ¹,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана ²,
Что же... все это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский ³
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы ⁴ и бани,
Чудо искусства — он всё растаскал!» —
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

«Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,

¹ *Ватикан* — местопребывание папы римского. В музеях и дворцах Ватикана собраны выдающиеся произведения искусства.

² *Святой Стефан* — старинный собор в Вене, памятник архитектуры.

³ *Аполлон Бельведёрский* — выдающееся произведение античной скульптуры, изображающее бога солнца и света. (древнеримская копия хранится в Бельведере — одном из помещений Ватикана).

⁴ *Термы* — бани в Древнем Риме. Имели обычно спортивные залы, библиотеки. Играли роль своеобразных клубов.

Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...» —

IV

Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот, поди ты!..» Махнули рукой!..

В синем кафтане — почтенный лабазник¹,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик² по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..

С богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!) —
Бочку рабочим вина выставляю
И — *недоимку дарю!*..»

---

¹ *Лабазник* — купец, владелец *лабазы* — помещения для торговли зерном, мукой.

² *Подрядчик* — купец или промышленник, взявший у государства или частного лица заказ на выполнение какой-либо работы.

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отградней картину
Нарисовать, генерал?..

1864 г.

Вопросы и задания

1. Почему диалог генерала с Ваней как бы изъят из текста стихотворения и вынесен в эпиграф?
2. Какое настроение у читателя создает зарисовка «славной осени» в 1-й части стихотворения? Как и почему изменяется пейзаж во 2-й части?
3. Возражая генералу, поэт просит разрешения «показать» Ване правду. Почему не «рассказать», а «показать»? Как дальнейшим повествованием оправдано употребление этого слова?
4. Какие две стороны народного труда показаны в «Железной дороге»? Почему изможденные, измученные «дороги строители» гордо заявляют: «Любо нам видеть свой труд»?
5. Как от картин строительства Петербургско-Московской железной дороги Некрасов поднимается к мысли о роли трудового народа во всемирной истории (сравните слова поэта о труде народа во 2-й части стихотворения с «размышлениями» генерала о Колизее, Ватикане, святом Стефане — в 3-й)? Что дает основание Некрасову выразить твердую веру в будущее народа?
6. Как рисует Некрасов угнетателей народа? Чем напоминает генерал вельможу из «Размышлений у парадного подъезда», двух генералов из «Повести...» Салтыкова-Щедрина? Какими художественными средствами изображен подрядчик?
7. Против каких темных сторон народной жизни направлена 4-я часть стихотворения (сцена с подрядчиком)? Почему ею завершается стихотворение? Чем она перекликается с заключительными строками «Размышлений у парадного подъезда»?
8. Как в «Железной дороге» сочетается сатира (в изображении угнетателей народа) с печалью и революционной страстью (в изображении народа) (приведите примеры)?
9. Почему, споря с генералом, поэт замечает: «Я говорю не для вас, а для Вани...»? Почему стихотворение посвящено детям, а привычка к труду названа «благородною»?
10. Каким размером написано стихотворение? Выучите отрывок из «Железной дороги» наизусть.

О ЗНАЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА НЕКРАСОВА

(ОЦЕНКИ И ВОСПОМИНАНИЯ)

Ленин с какой-то особенной заинтересованностью говорил о том, что надо знать и ценить лучших представителей русской дореволюционной культуры. Он рассказал, как сам он любит Пушкина и

ценит Некрасова. «Ведь на Некрасове целое поколение революционеров училось», — сказал Владимир Ильич.

(И. А. Арманд.)

Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтовое учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейнгауз¹ за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!» Эти слова, произнесенные украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память; я вспоминал их потом всякий раз, когда мне приходилось перечитывать «Железную дорогу».

(Г. В. Плеханов.)

...Я видела его, или, вернее слышала, в первый раз на литературном вечере... Он читал на этом вечере свое знаменитое стихотворение «Размышления у парадного подъезда», и, когда он начал певуче декламировать своим характерным хриплым и глухим голосом:

Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!.. —

вся зала, казалось, замерла, а у меня потекли безмолвные слезы, и я почувствовала в эту минуту, как зазвучали все струны моего юного шестнадцатилетнего сердца... Некрасов... сумел заставить нас понять и полюбить всех этих Власов, школьников, Арин-солдаток, всех этих баб, замерзающих в поле, ребят, возящих дрова из лесу в шестилетнем возрасте, и, полюбив их, мы горячо привязались и к поэту, который открыл перед нами этот до тех пор почти неведомый для нас мир...

(А. Г. Степанова-Бородина.)

Для нас Некрасов — один из самых величайших поэтов мира, один из самых проникновенных художников русского слова, создавший высокопоэтические образы простых людей — великих тружеников и подвижников...

Поэзия Некрасова в моем понимании — это голос совести народной. И так же, как народная совесть, она бессмертна.

(Н. И. Рыленков.)

¹ Цейнгауз — военный склад.

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ

ГЕНИАЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК. ВЕЛИКИЙ ПРОТЕСТАНТ¹

По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России, — он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь.

(В. И. Ленин. Л. Н. Толстой и современное рабочее движение. 1910 г.)

Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь

¹ Протестант — человек, решительно выступающий против каких-нибудь явлений или чьих-либо действий. Гениальным художником, горячим протестантом называл Л. Н. Толстого В. И. Ленин.

и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей. Простой трудовой народ вокруг меня был русский народ, и я обратился к нему и к тому смыслу, который он придает жизни.

(Л. Н. Толстой. Исповедь.)

(1828—1910)

60 лет звучал суровый и правдивый голос, обличавший всех и всё; он рассказал нам о русской жизни почти столько же, как вся остальная наша литература.

Историческое значение работы Толстого уже теперь понимается как итог всего пережитого русским обществом за весь XIX век, и книги его останутся в веках, как памятник упорного труда, сделанного гением...

Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком.

(М. Горький. История русской литературы.)

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что все дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что все дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более, что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да, — сказал он. — Вся жизнь переменялась от одной ночи, или, скорее, утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблен. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое, у нее уже дочери замужем... Это была Б., да, Варенька Б. — Иван Васильевич назвал фамилию. — Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная¹ и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо — как будто не могла иначе, — откинув немного назад голову, и это давало ей, с ее красотой и высоким ростом, несмотря на ее худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от нее, если бы не ласковая,

¹ Грациозная — изящная.

всегда веселая улыбка и рта, и прелестных блестящих глаз, и всего ее милого, молодого существа.

— Каково Иван Васильевич расписывает.

— Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень веселый и бойкий малый, да еще и богатый. Был у меня иноходец¹ лихой, катался с гор с барышнями (коньки еще не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег — ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же мое удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна из собеседниц. — Мы ведь знаем ваш еще дагерротипный² портрет. Не то, что не безобразен, а вы были красавец.

— Красавец, так красавец, да не в этом дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день масленицы на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера³. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его, в бархатном пюсовом⁴ платье, в бриллиантовой фероньерке⁵ на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны⁶. Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами⁷ музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду — танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных⁸ башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный ин-

¹ *Иноходец* — лошадь, которая бежит иноходью — сначала выносит обе правые, затем обе левые ноги.

² *Дагерротипный* — от *дагерротип* — старинная фотография, выполненная на металлической пластинке

³ *Камергёр* — почетное придворное звание.

⁴ *Пюсовый* (устар.) — темно-коричневый.

⁵ *Фероньерка* — женское украшение с драгоценными камнями, надеваемое на лоб

⁶ *Елизавета* (старинное произношение *Елисавета*) *Петровна* (1709—1761) — русская царица.

⁷ *Хоры* — открытая галерея, балкон в верхней части зала.

⁸ *Атласный* — сделанный из атласа — шелковой гладкой блестящей ткани.

С иллюстрации (обложка)
работы Б. М. Кустодиева.

Бал
С иллюстрации В. Ф. Гильберта

женер Анисимов — я до сих пор не могу простить это ему — пригласил ее, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на нее, а видел только высокую, стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, ее сияющее, зарумянившееся, с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на нее и любовались ею, любовались и мужчины, и женщины, несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти все время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества¹, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею,

¹ *Качество* — двое молодых людей задумывали названия предметов или разные качества характера (гордость, нежность и т. д.) — каждый свое. Девушка должна была отгадать задуманное. Тот, качество которого было угадано, становился в пару. Точно так же избирали себе дам кавалеры.

Сквозь строй. С иллюстрации Ф. Кардовского.

и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «encore»¹. И я вальсировал еще и еще и не чувствовал своего тела...

— Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали все тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаши и мамыши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я еще раз выбрал ее, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

— Так после ужина кадрили моя? — сказал я ей, отводя ее к ее месту.

— Разумеется, если меня не увезут, — сказала она, улыбаясь.

— Я не дам, — сказал я.

— Дайте же веер, — сказала она.

— Жалко отдавать, — сказал я, подавая ей белый дешевенький веер.

— Так вот вам, чтоб вы не жалели, — сказала она, оторвала перышко от веера и дала мне.

Я взял перышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то не-

¹ Еще (франц.).

земное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал перышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от нее.

— Смотрите, папá просят танцевать, — сказала она мне, указывая на высокую, статную фигуру ее отца полковника с серебряными эполетами¹, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елисаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

— Уговорите, та chère², отца пройтись с вами. Ну, пожалуйста, Петр Владиславович, — обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми, à la Nicolas I³ подвитыми усами, белыми же, подведенными к усам бакенбардами и с зачесанными вперед височками, и та же ласковая радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными, стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки, николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но все-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупей⁴, отдал ее услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, — «надо всё по закону», — улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигурка Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких, белых, атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умидили меня его сапоги, обтянутые штрипками⁵, — хорошие опойковые⁶ сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с чет-

¹ Эполеты — парадные офицерские погоны.

² Моя милая (франц.).

³ Как у Николая I.

⁴ Портупейя — ременная перевязь, перекинутая через плечо, для ношения холодного оружия.

⁵ Штрипка — тесьма, пришитая к концу брюк и охватывающая ступню под башмаком.

⁶ Опойковые сапоги — сапоги из опойка — тонкой кожи, выделанной из шкуры молодых телят.

вероугольными носками и без каблуков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит до модельные», — думал я, и эти четвероугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделывать. Но он все-таки ловко прошел два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвел ее ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я е кавалер.

— Ну все равно, пройдитеесь теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в португую.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое ее выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с ее елисаветинским бюстом, и ее мужа, и ее гостей, и ее лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же ее, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на нее улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и ее увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадрили, и, не смотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье мое все росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни ее, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил ее. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидел, что это совершенно невозможно. У меня в руке было перышко от ее веера и целая ее перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда садилась в карету и я подсаживал ее мать и потом ее. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел ее перед собой то в ту минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает мое качество, и слышу ее милый голос, когда она говорит: «Гордость? да?» — и радостно подает мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу ее в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя и за него взглядывает

на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и ее в одном нежном, умиленном чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену¹ и вел самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица с спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошел в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло еще часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девический институт². Я прошел наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы и ломовые³ с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянцевитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рожжками извозчики, шлепавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, — все было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, черное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня все время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жесткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» — подумал я и по проезженной по середине поля, скользкой дороге пошел по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много черных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», — подумал я и вместе с кузнцом в засаленном полушубке и фартуке, несшим что-то и шедшим передо мной, подошел ближе. Солдаты в черных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья

¹ *Кандидатский экзамен* — здесь: экзамен на степень кандидата, присуждающийся выпускникам университета.

² *Девический институт* — институт благородных девиц — закрытое учебно-воспитательное учреждение для дочерей дворян.

³ *Ломовые* — ломовые извозчики (занимавшиеся перевозкой тяжестей).

к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголенный по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шел высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дергаясь всем телом, шлепая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперед, то падая наперед — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И, не отставая от него, шел твердой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был ее отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только, когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперед и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлепнул ею по спине татарина. Татарин дернулся вперед, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шел подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щеки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О, господи, — проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, все так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и все так же били барабаны и свистела флейта, и все так же твердым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым.

Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу, — услышал я его гневный голос. — Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпицрутенов¹! — крикнул он, оглядываясь, и увидел меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличен в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то была барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошел в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лег. Но только стал засыпать, услышал и увидел опять все и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошел к приятелю и напилсь с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали, что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

— Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, — сказал один из нас. — Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

— Ну, это уж совсем глупости, — с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

— Ну, а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... — закончил он.

Ясная Поляна. 20 августа 1903 г.

¹ *Шпицрутены* — прутья или палки, которыми били наказываемых.

1. Какие иллюстрации вы хотели бы нарисовать к рассказу?
2. Почему рассказ, большая часть которого посвящена изображению бала, называется «После бала»?
3. Сравните поведение и внешность полковника на балу и после бала. Почему полковник, как будто любящий, внимательный отец, оказался жестоким по отношению к солдатам? Был ли он двуличным человеком, лицемером?
4. Какими эпитетами рисует рассказчик залу, губернского предводителя, его жену, Вареньку в первой части рассказа и какими — солдат и наказываемого татарина во второй части? Какими словами передает свои чувства на балу и какими — во время и после истязания солдата?
5. Почему Толстой противопоставляет друг другу две части рассказа и в описаниях употребляет контрастные краски?
6. Восстановите историю жизни Ивана Васильевича. Почему Иван Васильевич, перед которым раскрывались широкие возможности сделать карьеру, отказался от государственной службы? Прав ли он был, по вашему? В чем вы согласны с Иваном Васильевичем, в чем не согласны? Почему?

ЖИЗНЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ РАССКАЗА «ПОСЛЕ БАЛА»

Варвара Андреевна Корейш... была дочерью воинского начальника в Казани Андрея Петровича Корейша. Лев Николаевич знал и ее, и ее отца. Чувство Сергея Николаевича [брата Л. Н. Толстого] к этой девушке угасло после того, как он, весело танцевавший с ней на бале мазурку, на другое утро увидел, как ее отец распорядился прогнанием сквозь строй бежавшего из казармы солдата. Случай этот, без сомнения, тогда же стал известен Льву Николаевичу, который через пятьдесят с лишним лет (в 1903 году) воспользовался им для своего рассказа «После бала»...

(Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой.)

В 1866 году недалеко от Ясной Поляны, имения Л. Н. Толстого, был казнен солдат, ударивший офицера, постоянно издевавшегося над ним. Л. Н. Толстой взял на себя защиту солдата перед судом, но ничего не смог добиться. Суд над солдатом и казнь произвели на писателя тягостное впечатление.

«Случай этот, — писал впоследствии Л. Н. Толстой, — имел на всю мою жизнь гораздо более влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неуспехи в литературе, даже потеря близких людей».

Мы ночевали у 95-летнего солдата. Он служил при Александре I и Николае.

— Что, умереть хочешь?

— Умереть? Еще как хочу. Прежде боялся, а теперь об одном

бога прошу: только бы покаяться, причаститься привел бог. А то грехов много.

— Какие же грехи?

— Как какие? Ведь я когда служил? При Николае; тогда разве такая, как нынче, служба была! Тогда что было? У! Вспоминать так ужась берет. Я еще Александра застал. Александра того хвалили солдаты, говорили — милостив был.

Я вспомнил последние времена царствования Александра, когда из 100—20 человек забивали насмерть. Хорош же был Николай, когда в сравнении с ним Александр казался милостивым.

— А мне довелось при Николае служить, — сказал старик. И тотчас же оживился и стал рассказывать.

— Тогда что было, — заговорил он. — Тогда на 50 палок и порток не снимали; а 150, 200, 300... насмерть запарывали...

А уж палками — недели не проходило, чтобы не забивали насмерть человека или двух из полка. Нынче уж и не знают, что такое палки, а тогда это словечко со рта не сходило. Палки, палки!.. У нас и солдаты Николая Палкиным прозвали. Николай Павлыч, а они говорят Николай Палкин. Так и пошло ему прозвище... Унтер-офицерá до смерти убивали солдат молодых. Прикладом или кулаком свиснет в какое место нужно: в грудь или в голову, он и помрет. И никогда взыску не было. Помрет от убоя, а начальство пишет: «Властию божиею помре». И крышка...

Он рассказал о том, как водят несчастного взад и вперед между рядами, как тянется и падает забиваемый человек на штыки, как сначала видны кровяные рубцы, как они перекрещиваются, как понемногу рубцы сливаются, выступает и брызжет кровь, как клочьями летит окровавленное мясо, как оголяются кости, как сначала еще кричит несчастный и как потом только охает глухо с каждым шагом и с каждым ударом, как потом затихает и как доктор, для этого приставленный, подходит и щупает пульс, оглядывает и решает, можно ли еще бить человека или надо погодить и отложить до другого раза, когда заживет, чтобы можно было начать мученье сначала и добавить то количество ударов, которое какие-то звери, с Палкиным во главе, решили, что надо дать ему...

Мы говорим: зачем поминать?.. те страшные дела: палки, сквозь строй и другие — прошли уже; зачем поминать старое? Теперь уж этого нет больше. Был Николай Палкин. Зачем это вспоминать?.. Палки и сквозь строй — все это уже прошло...

Прошло? Изменило форму, но не прошло...

Триста тысяч человек в острогах и арестантских ротах сидят, запертые в тесные, вонючие помещения, и умирают медленной телесной и нравственной смертью. Жены и дети их брошены без пропитания... Тысячи сидят по крепостям или убиваются тайно начальниками тюрем, или сводятся с ума одиночными заключениями. Миллионы народа гибнут физически и нравственно в рабстве у фабрикантов... Царь русский не может выехать никуда без того, чтобы вокруг него не была цепь явная сотен тысяч солдат, на 50 шагов

друг от друга расставленная по дороге, и тайная цепь, следящая за ним повсюду. Король собирает подати и строит башни, и на башне делает пруд, и в пруду, выкрашенном синей краской, и с машинами, представляющими бурю, катается на лодке. А народ мрет на фабриках: и в Ирландии, и во Франции, и в Бельгии.

Не нужно иметь особой проницательности, чтобы видеть, что в наше время всё то же и что наше время полно теми же ужасами, теми же пытками, которые для следующих поколений будут так же удивительны по своей жестокости и нелепости.

(Л. Н. Толстой. Николай Палкин.)

Вопросы

1. В какое время происходит действие рассказа «После бала»? Что вы знаете об этом времени из других, ранее прочитанных и изученных произведений?

2. Почему, по-вашему, в 900-е годы Толстой вспомнил случай, происшедший в далекие годы юности, и положил его в основу рассказа «После бала»?

КОМПОЗИЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Создавая художественное произведение, писатель стремится не только выразить нахлынувшие на него мысли и чувства, но выразить их так, чтобы, обретя изящную форму, они с наибольшей силой воздействовали на читателя.

Художественное произведение не хаотическое собрание эпизодов, описаний, монологов и диалогов. Каждая часть, каждый эпизод произведения, их расположение, их связь друг с другом способствуют раскрытию идеи писателя и помогают воспринять произведение как единое целое.

Обратимся к рассказу Л. Н. Толстого «После бала».

Его сюжет не сложен: молодой человек охладел к любимой девушке после того, как увидел ее отца, полковника, распоряжающимся жестоким наказанием солдата. Но как построен рассказ?

Повествование ведется от лица Ивана Васильевича, пожилого человека, вспоминающего прошлое. Из короткого вступления мы узнаем, что этот человек уважаем всеми, что «рассказывал он очень искренно и правдиво», что он, очевидно, обладает богатым жизненным опытом, — благодаря этим замечаниям у читателя возникает особое доверие к герою. А обещание Ивана Васильевича поведать об одном утра, от которого переменялась вся его жизнь, заставляет читателя с интересом и напряженным вниманием следить за дальнейшим повествованием.

В центре произведения, на первом плане, — событие, сыгравшее решающую роль в судьбе Ивана Васильевича. Рассказ строится как последовательное и контрастное изображение двух эпизодов: бала у губернского предводителя и наказания солдата. Противопоставленные друг другу, эти эпизоды органически друг с другом связаны, так как развивают единую художественную идею. Легко пред-

ставить себе, что без эпизода истязания солдата картина бала, хотя и блестяще нарисованная писателем, потеряла бы всякий смысл. Точно так же сцена наказания солдата не выглядела бы столь ужасной, а отчаяние молодого студента не было бы так глубоко объяснено, если бы этой сцене не предшествовала картина бала. Контрастно противопоставляя две сцены, Толстой как бы срывает маску с внешне благополучной и даже нарядной действительности. Чем более праздничным, роскошным представлял себе окружающий мир студент вначале, тем неожиданнее, трагичнее, горше оказалось его прозрение. Писатель вскрывает противоречия жизни в царской России и в то же время показывает силу переживаний Ивана Васильевича, увидевшего мир с неожиданной стороны.

Так отдельные эпизоды, зарисовки, штрихи сливаются в единое художественное целое.

Каждое произведение, в зависимости от его идеи, темы, задач, которые ставит перед собой писатель, строится по-своему. В основе эпических произведений («Нахаленок» Шолохова), лиро-эпических («Мороз, Красный нос» Некрасова), драматических («Ревизор» Гоголя) обычно лежит сюжет. Причем элементы сюжета (завязка, развитие действия, кульминация, развязка) могут сочетаться самыми разнообразными способами: например, последовательность хода событий в поэме «Мороз, Красный нос» нарушается воспоминаниями и снами героини: «Детство» М. Горького не имеет кульминации. Лирические произведения, как правило, лишены сюжета вообще. Но каждое истинно художественное произведение — сюжетное или бессюжетное — создается по определенным законам композиции. Его можно уподобить живому организму: все его части сочленены, все события и герои взаимосвязаны.

Построение произведения, расположение и взаимосвязь его частей, порядок изложения событий называется композицией (от латинского compositio — составление, соединение, связь).

Вопросы и задания

1. Припомните композицию «Капитанской дочки» Пушкина. Почему рассказу о жизни Гринёва в Белогорской крепости до ее падения, охватывающему около года (главы III—V), Пушкин уделяет столько же места, как и эпизодам встреч Гринёва с Пугачёвым после покорения крепости восставшими, хотя эти встречи происходят всего в течение суток (главы VII—IX)?

2. Белинский писал о «Песне про купца Калашникова»: «...нельзя довольно надвинуть поэту: он является здесь опытным, гениальным архитектором, который умеет так согласить между собою части здания, что ни одна подробность в украшениях не кажется лишнею, но представляется необходимою и равно важною с самыми существенными частями здания...»

Подтвердите мысль Белинского, указав, какую роль в развитии поэтической мысли поэмы играют сцены в царских палатах и в Замоскворечье (в доме купца Калашникова).

3. Как оправдано композицией название стихотворения Некрасова «Размышления у парадного подъезда»?

Алексей Максимович ГОРЬКИЙ

БУРЕВЕСТНИК РЕВОЛЮЦИИ

Облик Максима Горького навеки запечатлен в сердце народа русского, как одно из самых кровных и самых великих воплощений русского национального гения. В развитии русской литературы, которую Горький во времена дореволюционные называл «лучшим из того, что создано нами как нацией», сам он занимает место наряду с такими гигантами, как Пушкин, Гоголь, Толстой, а по своему непосредственному влиянию на жизнь народа нашего он не имеет себе равных.

«Я трижды Волгу-мать вымерял: от Симбирска до Рыбинска, от Саратова доюдова, да от Астрахани до Макарьева, до ярмарки, — в этом многие тысячи верст!» — так рассказывал маленькому Алеше Пешкову его дед, ходивший бурлаком. Максим Горький превзошел своего деда. Он не только прошел мать русских рек Волгу, он прошел всю Среднюю Россию и Украину, Приазовье, Кубань и Черноморье, он вымерял Россию не только ногами, а всем своим сердцем и разумом.

Он не только увидел, но испытал на себе безмерные страда-

ния народа под гнетом больших и малых эксплуататоров, но он постиг огромные творческие силы нашего народа, всю меру и силу народного труда, которым украшается русская земля...

Сам — гениальное воплощение лучших сторон русского народа, гигантскими усилиями воли и труда он поднялся до вершин человеческого образования, и свет его мысли и таланта распространился за пределы родной

далеко
земли...

(А. А. Фадеев. Великий писатель-патриот Максим Горький.)

Горького выдвинула и подняла из глубочайших низов старая трудовая Россия. Это произошло в период подготовки в нашей стране величайшей из революций, в период первых битв на подступах к этой революции, когда руководящей силой в борьбе уже стал рабочий класс России. Величайшая из революций, выдвинувшая своего вождя-титана — Ленина, она породила и великого писателя — буреветника революции, с сердцем, вместившим все страдания угнетенных масс, их страстный

(1868—1936)

порыв к счастью и справедливости, их веру в возможность лучшей жизни на земле.

(А. А. Фадеев. Наш Горький.)

ГОРЬКИЙ В ГОДЫ ПЕРЕД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

В марте 1901 г. М. Горький возвращается из Москвы в Нижний Новгород. Революционная жизнь в городе, на некоторое время затихшая, снова начинает бить ключом. Все, что было революционного в Нижнем, дышит и живет только Горьким.

Горький ведет пропаганду среди сормовских рабочих и учащихся нижегородских средних учебных заведений, агитирует за то, чтобы 1 Мая было отмечено как революционный праздник.

17 апреля Горький заключен в тюрьму. Революционная молодежь выступает в защиту писателя. Л. Н. Толстой обращается к влиятельным лицам с просьбой о его освобождении.

17 мая тюремное заключение было заменено Горькому домашним арестом.

(По Летописи жизни и творчества А. М. Горького, т. I. М., 1958.)

7 ноября вечером уезжал из Нижнего на Москву Максим Горький, высылаемый полицией...

...Горький шел в вагон, за ним плотная толпа с песнями и напутствиями. До отхода поезда осталось не меньше получаса. Провожавшие пели песни: «Отречемся от старого мира», «Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою», «Дубинуш-

ку»., «Вы жертвою пали борьбы роковой», «Назови мне такую обитель», «Из страны, страны далекой» и др. Слышались возгласы: «Да здравствует М. Горький! Да здравствует свободное слово! Да погибнет деспотизм! Проклятие темным силам!» и многое другое в этом роде...

(«Искра», 20 декабря 1901 г.)

В Нижнем небольшая, но удачно сошедшая демонстрация 7-го ноября была вызвана проводами Максима Горького. Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло — как справедливо выразился оратор нижегородской демонстрации — в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города. Башибузуки¹ обвиняют его в дурном влиянии на нас, — говорил оратор от имени всех русских людей, в ком есть хоть капля стремления к свету и свободе, — а мы заявляем, что это было хорошее влияние... Демонстрация, в которой участвовали и рабочие, закончилась торжественной декламацией студента: «падет произвол, и восстанет народ, могучий, свободный и сильный!»

(В. И. Ленин. Начало демонстраций. 1901 г.)

Вопрос

С какими произведениями М. Горького вы знакомы? Что вы знаете о его жизни?

¹ Башибузу́к (турецк.) — здесь: разбойник.

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

Море огромное, лениво вздыхающее у берега, — уснуло и неподвижно в дали, облитой голубым сиянием луны. Мягкое и серебристое, оно слилось там с синим южным небом и крепко спит, отражая в себе прозрачную ткань перистых облаков, неподвижных и не скрывающих собою золотых узоров звезд. Кажется, что небо все ниже наклоняется над морем, желая понять то, о чем шепчут неугомонные волны, сонно всползая на берег.

Горы, поросшие деревьями, уродливо изогнутыми норд-остом, резкими взмахами подняли свои вершины в синюю пустыню над ними, суровые контуры их округлились, одетые теплой и ласковой мглой южной ночи.

Горы важно задумчивы. С них на пышные зеленоватые гребни волн упали черные тени и одевают их, как бы желая остановить единственное движение, заглушить немолчный плеск воды и вздохи пены, — все звуки, которые нарушают тайную тишину, разлитую вокруг вместе с голубым серебром сияния луны, еще скрытой за горными вершинами.

— А-ала-ах-а-акбар!.. — тихо вздыхает Надыр-Рагим-Оглы, старый крымский чабан¹, высокий, седой, сожженный южным солнцем, сухой и мудрый старик.

Мы с ним лежим на песке у громадного камня, оторвавшегося от родной горы, одетого тенью, поросшего мхом, — у камня печального, хмурого. На тот бок его, который обращен к морю, волны набросали тины, водорослей, и обвешанный ими камень кажется привязанным к узкой песчаной полоске, отделяющей море от гор. Пламя нашего костра освещает его со стороны, обращенной к горе, оно вздрагивает, и по старому камню, изрезанному частой сетью глубоких трещин, бегают тени.

Мы с Рагимом варим уху из только что наловленной рыбы и оба находимся в том настроении, когда все кажется прозрачным, одухотворенным, позволяющим проникать в себя, когда на сердце так чисто, легко и нет иных желаний, кроме желания думать.

А море ластится к берегу, и волны звучат так ласково, точно просят пустить их погреться к костру. Иногда в общей гармо-

¹ Чабан — пастух.

нии плеска слышится более повышенная и шаловливая нота — это одна из волн, посмелее, подползла ближе к нам.

Рагим лежит грудью на песке, головой к морю, и вдумчиво смотрит в мутную даль, опершись локтями и положив голову на ладони. Мохнатая баранья шапка съехала ему на затылок, с моря веет свежестью в его высокий лоб, весь в мелких морщинах. Он философствует, не справляясь, слушаю ли я его, точно он говорит с морем:

— Верный богу человек идет в рай. А который не служит богу и прорёку? Может, он — вот в этой пене... И те серебряные пятна на воде, может, он же... кто знает?

Темное, могуче размахнувшееся море светлеет, местами на нем появляются небрежно брошенные блики луны. Она уже выплыла из-за мохнатых вершин гор и теперь задумчиво льет свой свет на море, тихо вздыхающее ей навстречу, на берег и камень, у которого мы лежим.

— Рагим!.. Расскажи сказку... — прошу я старика.

— Зачем? — спрашивает Рагим, не оборачиваясь ко мне.

— Так! Я люблю твои сказки.

— Я тебе все уж рассказал... Больше не знаю... — Это он хочет, чтобы я попросил его. Я прошу.

— Хочешь, я расскажу тебе песню? — соглашается Рагим.

Я хочу слышать старую песню, и унылым речитативом¹, стараясь сохранить своеобразную мелодию песни, он рассказывает.

I

«Высоко в горы вполз Уж и лег там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море.

Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень...

А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями...

Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито воя.

Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бесильном гневе о твердый камень...

Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

Подполз он ближе к разбитой птице и прошипел он ей прямо в очи:

— Что, умираешь?

— Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх ты, бедняга!

¹ Речитатив — напевная речь.

«Песня о Соколе». С гравюры А. Гончарова.

ТОВАРИЩИ.

„О славный совет, в борьбе ты
прогонишь врагов твоих!“ ...

В тефлинской тюрьме застрелили Владимира Книжанина (Лазо). Подробности этого печального убийства пока не известны. В личное убийство наша партия потеряла одного из самых видных и горячих борцов за дело рабочего класса.

Владимир вступил в ряды борцов в самое тяжелое время, когда весь русский рабочий класс, казался, спал непробудным сном и борьба с правительством велась лишь отдельными лицами из рабочих и интеллигенции. Это было десять лет тому назад. Тогда Владимир, совсем еще юный, был исключен из Тефлинской Семинарии за участие в беспорядках. Он уехал из России, где и провел около двух лет. В этот период окончательно и прочно сложился усталый уклад Владимира: борьба, борьба, бессонные ночи, произвол и глумление самодержавных правительств. Первые стычки рабочих с правительством и капиталистами заставили радостно забиться его сердце. В них он слышал раскаты надвигающейся бури, которая сметет гнет и беззаконие.

И он терпится на родину, где так нужны борцы, так необходимо пробуждение взыр из плесени гнета и рабского чужды.

Тефлис его порадовал. Вместо ученика-бездельника интеллигентом, которую он оставил, оказался сестра и тихий мужественный боец из рабочего класса. И не робкая малочисленная группа, собиравшаяся в полдень по гудению заводных труб Тефлиса, увидела он здесь, в гонимой армии рабочих, себя и по знакомству в рукоять на личном опыте и уличных заглаживаниях свои требования на неповиновенную жизнь. Со всей страстью своей благожелательной и боевой натурой отдался Владимир своему и великому делу борьбы. Но скоро он был захвачен армией и принужден был перейти на нелегальное положение, жить под чужим именем.

Шесть лет он прожил таинно, обречен на Кавказ, скрываясь под разными именами в Тефлисе, в Баку, в Эрзурум, то во всем, кабы глухой вернувшись. За эти вре-

мя он не знал личной жизни. Не знал усталости и отдыха. Владимир (или Лазо, как его называли) провел это время в напряженной работе и неустанной борьбе за интересы трудящихся. То он боролся в кружках рабочих, то организовал огромную стачку в Тефлисе, то где нибудь в глуши Озургетского уезда призывает крестьян сбросить с себя ярмо господского деспотизма и примкнуть к борющейся пролетариату, то, наконец, при самых неимоверных усилиях работает дни и ночи за вальными телеграфными станками, печатая книги для рабочих и крестьян.

Много, товарищи, мы могли бы рассказать вам об изумительной деятельности этого благородного бойца, но должны отложить это до более счастливого времени. Слишком много еще и интереса к нему связано и подорожной размышлении о его жизни повредило бы тому делу, за которое Лазо отдал свою жизнь.

Но одно должно сказать вам: наш рабочий класс выжил одного из сильнейших и смелейших работников, человека, отдавшего дорогому делу все, что может отдать человек: свое счастье, свою силу, свою жизнь.

И лучшим памятником и наградой такому борцу является отчаянная борьба с тем самодержавием, которое его убило, с тем диким произволом, который отнимает у нас наших лучших друзей.

Мы надеемся, товарищи, что воспоминание об убитом друге будет прочно в нашей памяти. И это еще больше укрепит нашу веру в близкое торжество святого дела, веру, что:

**СЪ КАЖДОЙ СМЕРТЮ ВЕЛИКОГО БОРЦА
ПРИБЛИЖАЕМСЯ КЪ ЦЕЛИ ЖЕЛАННОЙ!**

ДОЛОЙ ПАЛАЧЕЙ И ИНКВИЗИТОРОВ!

ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ!

20 августа 1903 г.

Бак. Комитетъ Кавказск. Соц.-Дем. Раб. Союз.
ТИПОГРАФИЯ БАКИНСКАГО КОМИТЕТА.

Прокламация Бакинського Комитета РСДРП, изданная в 1903 г. Обратите внимание на эфирграф к прокламации.

— Ну что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

И так подумал: «Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, все прахом будет...»

Но Сокол смелый вдруг встрепенулся, привстал немного и по ущелью повел очами.

Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущелье темном и пахло гнилью.

И крикнул Сокол с тоской и болью, собрав все силы:

— О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!..

А Уж подумал: «Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!..»

И предложил он свободной птице: «А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся. Быть может, крылья тебя поднимут и проживешь еще немного в твоей стихии.»

И дрогнул Сокол и, гордо крикнув, пошел к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

И подошел он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и — вниз скатился.

И сам, как камень, скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

Волна потока его схватила и, кровь оmyвши, одела в пену, умчала в море.

А волны моря с печальным ревом о камень бились... И труп птицы не видно было в морском пространстве...

II

В ущелье лежа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу.

И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

— А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полетам в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнать все это, взлетевши в небо хоть ненадолго.

Сказал и — сделал. В кольцо свернувшись, он прынул¹ в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

Рожденный ползать — летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убилися, а рассмеялся...

— Так вот в чем прелесть полетов в небо! Она — в паденье!.. Смешные птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пу-

¹ *Прыгнуть* — метнуться, прыгнуть.

сто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укоры? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою негодность для дела жизни? Смешные птицы!.. Но не обманут теперь уж больше меня их речи! Я сам все знаю! Я — видел небо... Взлетел в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю. Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом. Я знаю правду. И их призывам я не поверю. Земли творенье — землей живу я.

И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою.

Блестело море, все в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

В их лвином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

«Безумству храбрых поем мы славу!

Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

Пусть ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поем мы песню!..»

...Молчит опаловая¹ даль моря, певуче плещут волны на песок, и я молчу, глядя в даль моря. На воде все больше серебряных пятен от лунных лучей... Наш котелок тихо закипает.

Одна из волн игриво вскатывается на берег и, вызывая шумя, ползет к голове Рагима.

— Куда идешь?.. Пшла! — машет на нее Рагим рукой, и она покорно скатывается обратно в море.

Мне нимало не смешна и не страшна выходка Рагима, одушворяющего волны. Все кругом смотрит странно живо, мягко, ласково. Море так внушительно спокойно, и чувствуется, что в свежем дыхании его на горы, еще не остывшие от дневного зноя, скрыто много мощной, сдержанной силы. По темно-синему небу золотым узором звезд написано нечто торжественное, чарующее душу, смущающее ум сладким ожиданием какого-то откровения.

Все дремлет, но дремлет напряженно чутко, и кажется, что вот в следующую секунду все встрепенется и зазвучит в стройной гармонии неизъяснимо сладких звуков. Эти звуки расскажут про тайны мира, разъяснят их уму, а потом погасят его, как призрачный огонек, и увлекут с собой душу высоко в темно-синюю бездну, откуда навстречу ей трепетные узоры звезд тоже зазвучат дивной музыкой откровения...

1895—1899 гг.

¹ Опáловый — цвета опала, прозрачного минерала молочно-голубоватого или желто-белого цвета с радужным отливом.

1. Нарисуйте устно картины, которые вы представляете себе, читая «Песню о Соколе».
2. Рассмотрите композицию «Песни о Соколе». Как вступительный и заключительный пейзажи связаны с основной частью «Песни...»? Почему песня Рагима разделена на две главы? Как построена первая глава? Что дает вторая глава для понимания идеи произведения?
3. В толковом словаре так определяется значение слова *гордый*: а) исполненный чувства собственного достоинства, сознающий свое превосходство; б) высокомерный, презрительно относящийся к другим; в) торжественный, величавый. В каких значениях слово *гордый* (и производные от него слова) употребляется в следующих отрывках: «И дрогнул Сокол и, гордо крикнув, пошел к обрыву, скользя когтями по слизи камня». «Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!» «И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою!» (об Уже)?
4. В «Песне о Соколе» много кратких и выразительных изречений (афоризмов). Какими афоризмами писатель характеризует Сокола, какими — Ужа? Какой афоризм, по-вашему, особенно важен для понимания поэтической идеи «Песни...»?
5. Почему произведение, в котором большое место занимает образ Ужа, называется «Песней о Соколе»?
6. Каких людей в наше время уподобляют Соколу, каких — Ужу?
7. Первый вариант «Песни о Соколе» был создан в 1895 году. В 1899 году Горький переработал «Песню...». Сравните два варианта. Как Горький исправил текст? Почему?

Вариант 1895 года

Блестело море, все в южном солнце, и с шумом волны о берег бились. В их тихом шуме звучала песня о смелой птице, любившей небо. О смелый сокол! Ты, живший в небе, бескрайнем небе, любимец солнца! О смелый сокол, нашедший в море, безмерном море, себе могилу! Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь купаться в небе, свободном небе, где нет помехи размаху крыльев свободной птицы, летящей кверху!..

Вариант 1899 года

Блестело море, все в ярком свете, и грозно волны о берег бились. В их львином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни: «Безумству храбрых поем мы славу! Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света! Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету! Безумству храбрых поем мы песню!..»

8. В ответ на просьбу собеседника рассказать сказку Рагим обещает «рассказать песню». Почему свою сказку Рагим называет песней? Как следует читать «Песню...»? Приготовьтесь к ее выразительному чтению в классе. Выучите отрывок из «Песни о Соколе» наизусть.

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный. То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Всё мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объёмом крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады!

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневном грома, — чуткий демон, — он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

1901 г.

Вопросы и задания

1. В каких сменяющих друг друга картинах Горький рисует приближение и нарастание бури? Как показывает изменение настроения Буревестника?

2. Прочтите описание морской бури (из рассказа А. Серафимовича «В бурю»):

«Море все покрылось темными пятнами ряби, перемежающимися со светлой поверхностью, по которой с неуловимой быстротой бежали тени облаков... И вдруг оно почернело на необозримом пространстве, от

«Песня о Буревестнике». С гравюры А. Гончарова.

края до края... До самого неба, по которому торопливо и низко бежали серые всклокоченные, как грязная вата, тучи, стоял все заполняющий шум, из-за которого нельзя было различить ни скрипа подававшейся во всех пазах лодки, ни звука человеческого голоса». Чем язык этого описания отличается от языка «Песни о Буревестнике»? Чем вы объясните различие? Найдите в «Песне о Буревестнике» сравнения, метафоры, олицетворения, с помощью которых Горький рисует величественные картины морской бури.

3. Сравните «Песню о Буревестнике» с «Песней о Соколе» (темы, идеи, настроение, герои, язык, аллегорический смысл). В чем сходство? В чем различие? Чем можно объяснить это различие? Для ответа на последний вопрос сопоставьте даты написания той и другой «Песни...» и прочтите следующие высказывания В. И. Ленина о развитии революционного движения в России: «1891-ый год — участие петербургских рабочих в демонстрации... политические речи на петербургской маевке. Перед нами социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения. 1896-ой год: петербургская стачка нескольких десятков тысяч рабочих... Стаечному движению по всей России положено прочное основание... 1901-ый год... Начинается демонстрационное движение. Пролетариат выносит на улицу свой клич: долой самодержавие!.. 1903-й год... Чувствуется, что мы накануне баррикад...»

4. Припомните стихотворение Лермонтова «Парус». Что сближает с ним «Песню о Буревестнике»? Чем по идее и настроению «Песня о Буревестнике» отличается от него?

5. Выучите «Песню о Буревестнике» наизусть.

СИЛА СЛОВА ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

(ВОСПОМИНАНИЯ И ОЦЕНКИ)

Владимир Ильич очень ценил Алексея Максимовича Горького как писателя... Нравились ему песни о Соколе и Буревестнике, их настрой...

(Н. К. Крупская.)

Наступила ночь. Я тихо лежал на нарах, бок о бок со спящими товарищами. В полубреду мой мозг болезненно работал. Тяжкая смерть от жажды, около воды, меня так же мало пугала, как и «праздничная», легкая смерть на солдатских штыках, как еще более легкая смерть на виселице. Я хотел победы.

В моем мозгу звучала песня о соколе, — самая моя любимая песня из всех, какие я знал. Я хотел упасть с высокого неба и разбиться, как смелый сокол. Я понимал, я чувствовал счастье битвы и наслаждался этим. Мне казалось, что такие, как я, побеждают и ведут к победе других. Долгая, нудно-спокойная жизнь, без порывов, без борьбы за идеи коммунизма, казалась мне ужасной, нестерпимой, казалась не жизнью, а медленным тлением, смертью.

Петр Заломов (революционер, друг Горького. В своих воспоминаниях он рассказывает о переживаниях в тюрьме, куда был заключен за участие в революционной демонстрации).

1900—1901 годы были годами дальнейшего подъема революционного движения по всей России... «Буревестник» Горького как бы обобщил настроение, желание бороться с самодержавием, с его порядками.

(М. И. Калинин.)

...Особенно большое значение имел «Буревестник» Горького — эта боевая песнь революции. Вряд ли в нашей литературе можно найти произведение, которое выдержало бы столько изданий, как «Буревестник» Горького. Его перепечатывали в каждом городе, он распространялся в экземплярах, отпечатанных на гектографе¹ и на пишущей машинке, его переписывали от руки, его читали и перечитывали в рабочих кружках и в кружках учащихся. Вероятно тираж «Буревестника» в те годы равнялся нескольким миллионам...

...Воззвания Горького и его пламенные боевые песни — «Буревестник», его «Песнь о Соколе» — имели не меньшее революционное воздействие на массы, чем прокламации² отдельных революционных комитетов партийной организации; да и сами партийные организации нередко издавали горьковские воззвания и распространяли их широко в массах.

(Ем. Ярославский.)

Я люблю жизнь, я еще молод. Но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик. Пусть они знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце.

Пусть я умру, но в памяти моего народа патриоты бессмертны.

«Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!»

Это мое любимое произведение Горького. Пусть чаще читает его наша молодежь.

(Из письма Героя Советского Союза
Н. И. Кузнецова, 24 июля 1943 г.)

---

¹ Гектограф — копировальный прибор.

² Прокламация — печатный или рукописный листок политического содержания, распространяемый с целью агитации; листовка.

Владимир Владимирович

МАЯКОВСКИЙ

ПОЭТ РЕВОЛЮЦИИ

Без Маяковского невозможно представить себе существование советской поэзии, социалистической культуры... Его известность давно перешагнула за рубежи Советского Союза.

Все было необычным в том явлении, которое носит имя Владимир Маяковский. Он был как будто специально создан для эпохи великой ломки человеческих отношений, для эпохи Великой Октябрьской революции.

Такого соединения беспредельной творческой энергии, революционной страсти, неповторимого таланта, высокой идейности, социальной устремленности, духа изобретательства и новаторства, горячего патриотизма, ненависти к врагам революции и ко всем силам прошлого, интернациональной широты, лиричности и пафоса, сатиры и трагизма мы не найдем на всем протяжении истории мировой литературы.

Он был необычен уже своим, только ему свойственным построением стиха, многообразием которого позволяло ему, при огромных силах его таланта, то восходить на высоту нового эпоса, создавая прекрасные поэмы, то нисходить до подписей к плакатам,

сливать лирическое с грозной сатирой. Ничего подобного, более естественного и удивительного мы не нашли бы в мировой истории. Он был рупором класса, который воспевал с беззаветной верностью...

(1893—1930)

Перед слушателем появлялся человек богатырского вида, снимал пиджак, вешал его на спинку стула, как будто был мастером особого цеха, который сейчас приступит к работе.

И он приступал, весь полный веселым вдохновением, уверенный, готовый к любой дискуссии, ошеломляющий громовым голосом, и не было никого, кто мог бы ответить ему на таком же высоком, богатырском, удивительном стихе, с такой же ясной целенаправленностью. Уж если он нападал, удары его строки были бичом, со свистом резавшим воздух; если он восхвалял достижения революции или говорил о настоящих, больших чувствах — искренность его убеждающих строк доходила до самого неискушенного слушателя...

Он видел будущее. Недаром он был головой выше многих и голос его был создан для площадей, улиц, цехов.

«Революцией мобилизован-

ный и призванный», он все свои творческие силы отдавал великому делу строительства коммунизма.

И этот неутраченный, славный, тяжелый труд поэта понят родной страной. Так естественно, что в центре нашей столицы —

Москвы, на площади, носящей имя поэта, высится он сам, смотрящий на поток машин и людей, на новую Москву, на метро, станция которого носит его имя.

(Николай Тихонов.
Великий советский поэт.)

КАК ЧИТАТЬ СТИХОТВОРЕНИЯ МАЯКОВСКОГО

На следующих страницах напечатаны стихи Маяковского. Даже не читая их, легко заметить необычное строение и расположение строк: они то сбегают «лесенкой», то разрастаются почти в половину ширины страницы, то сжимаются до одного короткого слова. Почему?

Маяковский писал стихи не для чтения «про себя», а для исполнения вслух, в большой аудитории, на митингах, на праздниках молодежи, в заводских и фабричных цехах. В них звучат то ораторские интонации (обращения, восклицания, вопросы), то интонации живой, разговорной речи. Поэт придавал повышенное значение каждому слову в стихе. Наиболее весомые слова и словосочетания он выносил в отдельные строки (или «ступеньки» строк), указывая тем самым, что при чтении их следует выделять, а между ними соблюдать паузу. «Для того и разбивал он строку на ступеньки, — писал Лев Кассиль, — чтобы оратору, чтецу были ясны все смысловые и интонационные переходы, которых не установить обычной пунктуацией». Например:

А за деревню — (пауза; читатель настораживается, ждет следующих слов) дыра, (пауза)
и в ту дыру, наверно, (пауза; внимание читателя нарастает) спускалось
солнце каждый раз, (пауза)
медленно и верно.

(«Необычайное приключение...»)

При этом пауза между отдельными стихами несколько больше, чем между частями стихотворных строк («ступеньками»).

Маяковский всегда имел в виду читателя, к которому он обращался с поэтическим словом. Самые задушевные чувства, самые глубокие мысли — о Родине, о Партии, о Революции — он стремился сделать живыми и доступными для масс. Поэтому слова «высокого», торжественного стиля сочетаются в его стихах с обыденными, иногда просторечными словами и оборотами. Так, полусутоливо, в тоне дружеской беседы, Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин» (отрывок из нее под названием «Партия и Ленин...» помещен в хрестоматии) говорит о бессилии «одинок» («единиц»). И рядом с этими строками — по контрасту с ними — возникают размеренные, величавые стихи, прославляющие мощь партийного коллектива, пар-

тии, в которой расцветает и становится значительным каждый из ее членов. Грубовато-простодушный диалог поэта с солнцем («Необычайное приключение...») сменяется чеканным призывом:

Пойдем, поэт,
взорим,
вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить свое,
а ты — свое
стихами.

Некоторые думают, что исполнение стихов Маяковского требует крика, напряжения голоса. Это неверно. Сам поэт, по воспоминаниям людей, слышавших его, читая, например, «Необычайное приключение...», избегал крика. Даже слово «слазь» («В упор я крикнул солнцу: «Слазь!») он произносил негромко, тоном чуть пренебрежительным. Лишь подчеркнуто торжественно звучала концовка стихотворения. Стихи Маяковского нужно читать неторопливо, — там, где необходимо, просто и доверительно, там, где нужно, слегка выделяя голосом приподнятые, торжественные строки, но всегда учитывая ритм стихотворения. Правильно уловить ритм стихотворения и, следовательно, верно прочесть его помогает умение увидеть рифмующиеся слова. До Маяковского поэты обычно пользовались точной рифмой: *певца — лица, недаром — пожаром, грозные — морозные*. В этих рифмах совпадают ударные гласные и следующие за ними слоги или — если рифма мужская (*певца — лица*) — слоги конечные. Но в устной речи созвучны и такие слова, в которых не все звуки «накладываются» друг на друга: *показать — глаза, погоди — заходить*. Именно подобные рифмы часто употреблял Маяковский (они называются неточными). Он иногда рифмовал два-три слова одной строки (*в карте я — партия, облака ты — плакаты*). Вместе с тем Маяковский не отказывался и от традиционной точной рифмы.

ПАРТИЯ И ЛЕНИН...

(Из поэмы «Владимир Ильич Ленин»)

Слова
у нас
до важного самого
в привычку входят,
ветшают, как платье.
Хочу
сиять заставить заново
величественнейшее слово
«ПАРТИЯ».
Единица!
Кому она нужна?!
Голос единицы
тоньше писка.
Кто ее услышит? —
Разве жена!
И то
если не на базаре,
а близко.
Партия —
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихий и тонких,
от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
от пушек
перепонки.
Плохо человеку,
когда он один.
Горе одному,
один не воин —
каждый дюжий
ему господин
и даже слабые,
если двое.

А если
     в партию
                     сгрудились малые —
 сдайся, враг,
     замри
                     и ляг!

Партия —
     рука миллионопалая,
 сжатая
     в один
                     громящий кулак.

Единица — вздор,
                     единица — ноль,
 один —
     даже если
                     очень важный —
 не подымет
     простое
                     пятивершковое бревно,
 тем более
     дом пятиэтажный.

Партия —
     это
                     миллионов плечи,
 друг к другу
     прижатые туго.

Партией
     стройки
                     в небо взмечем,
 держа
     и вздымая друг друга.

Партия —
     спинной хребет рабочего класса.

Партия —
     бессмертие нашего дела.

Партия — единственное,
                     что мне не изменит.

Сегодня приказчик,
     а завтра
                     царства стираю в карте я.

Мозг класса,
     дело класса,
                     сила класса,
                     слава класса —
                     вот что такое партия.

Партия и Ленин —
     близнецы-братья —

кто более
 матери-истории ценен?
 Мы говорим Ленин,
 подразумеваем — партия,
 мы говорим партия,
 подразумеваем — Ленин.

1924 г.

Вопросы и задания

1. Как следует, по-вашему, понимать стихи:

Партия —
 это миллионов плечи,
 друг к другу
 прижатые туго?

2. Раскройте глубокий смысл метафоры:

Партия —
 бессмертие нашего дела.

3. Какие строки и как доносят до читателя мысль, что человек обретает в партии силу и великую жизненную цель?

4. Как Маяковский говорит о нерасторжимом единстве Ленина и партии?

5. На внутренней стороне обложки партийного билета напечатаны следующие слова В. И. Ленина: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи». Как переключается отрывок из поэмы Маяковского с этим высказыванием В. И. Ленина?

6. Подготовьтесь к выразительному чтению отрывка наизусть.

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ, БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ ЛЕТОМ НА ДАЧЕ

(Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева, 27 верст по Ярославской жел. дор.)

В сто сорок солнц закат пылал,
 в июль катилось лето,
 была жара,
 жара плыла —
 на даче было это.
 Пригорок Пушкино горбил
 Акуловой горою,
 а низ горы —
 деревней был,
 кривился крыш корою.

А за деревней —
 дыра,
 и в ту дыру, наверно,
 спускалось солнце каждый раз,
 медленно и верно.
 А завтра
 снова
 мир залить
 вставало солнце ёло.
 И день за днем

ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
что в страхе все поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
«Слазь!
довольно шляться в пекло!»
Я крикнул солнцу:
«Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»¹
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать —
и ретируюсь² задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось;
дух переведа,
заговорило басом:
«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чай гони,

гони, поэт, варенье!»
Слеза из глаз у самого —
жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
«Ну что ж,
садись, светило!»
Черт дернул дерзости мои
орать ему, —
skonфужен,
я сел на уголок скамьи,
боюсь — не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь
струилась, —
и степенность³
забыв,
сичу, разговорясь
с светилом постепенно.
Про то,
про это говорю,
что-де заела Роста,
а солнце:
«Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне, ты думаешь,
светить
легко?
— Поди, попробуй! —
А вот идешь —
взялось идти,
идешь — и светишь в оба!»
Болтали так до темноты —
до бывшей ночи то есть.
Какая тьма уж тут?
На «ты»
мы с ним, совсем освоюсь.
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
«Ты да я,
нас, товарищ, двое!

¹ В период гражданской войны, работая в РОСТА (Российское телеграфное агентство), Маяковский рисовал много агитационных плакатов (так называемых «Окон РОСТА»).

² Ретируюсь — отступаю.

³ Степенность — рассудительность, серьезность.

Пойдем, поэт,
 взорим,
 воспоем
 у мира в сером хламе.
 Я буду солнце лить свое,
 а ты — свое,
 стихами».

Стена теней,
 ночей тюрьма
 под солнц двустволкой пала.
 Стихов и света кутерьма —
 сияй во что попало!
 Устанет то,

и хочет ночь
 прилечь,
 тупая сонница.
 Вдруг — я
 во всю светаю мочь —
 и снова день трезвонится.
 Светить всегда,
 светить везде,
 до дней последних донца,
 светить —
 и никаких гвоздей!
 Вот лозунг мой —
 и солнца!

1920 г.

Вопросы и задания

1. Какую метафору из повседневной, разговорной речи Маяковский положил в основу стихотворения?
2. Как веселое описание фантастического происшествия и шуточный разговор поэта с солнцем готовят серьезный вывод о роли поэзии в жизни? Почему, по-вашему, размышляя о значении поэзии, Маяковский избрал сюжетом стихотворения встречу с солнцем?
3. Объясните значение неологизмов: *влатолобо*, *ваорим*, *воспоем*, *ясь*.
4. Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения.

РАССКАЗ О КУЗНЕЦКСТРОЕ И О ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА

К этому месту будет подвезено в пятилетку 1 000 000 вагонов строительных материалов. Здесь будет гигант металлургии, угольный гигант и город в сотни тысяч людей.

Из разговора.

По небу
 тучи бегают,
 дождями
 сумрак сжат,
 под старую
 телегою
 рабочие лежат.
 И слышит
 шепот гордый

вода
 и под
 и над:
 «Через четыре
 года
 здесь
 будет
 город-сад!»
 Темно свинцовоночие¹,

¹ Неологизм, созданный Маяковским по типу: *полнолуние*, *новогодие* и т. д.

«Рассказ о Кузнецкстрое». С рисунка А. Мизина.

и дождик
толст, как жгут,
сидят
в грязи
сидят,
лучину жгут.
Сливеют
губы
с холода,
но губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Свела
промоглость
неважный
мокр
сидят
впотьмах
рабочие,

подмокший
хлеб
жуют.
Но шепот
громче голода —
он кроет
капель
спад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!
Здесь
взрывы закудахтают
в разгон
медвежьих банд,
и взроет
недра
шахтою
стоугольный
«Гигант».
Здесь
встанут
стройки
стенами.

Гудками,
 пар,
 сипи.
 Мы
 в сотню солнц
 мартенами
 воспламеним
 Сибирь.
 Здесь дом
 дадут
 хороший нам
 и ситный¹
 без пайка,
 аж за Байкал
 отброшенная
 попятится тайга.
 Рос
 шепоток рабочего

над тенью
 тучных стад,
 а дальше
 неразборчиво,
 лишь слышно —
 «город-сад».
 Я знаю —
 город
 будет,
 я знаю —
 саду
 цвествь,
 когда
 такие люди
 в стране
 в советской
 есть!

1929 г.

Стихотворение «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» написано в то время, когда наша страна делала первые шаги в строительстве современной тяжелой промышленности. Рабочие жили нелегко, работали вручную, но шли на любые жертвы, потому что их согревала мечта о будущем. Академик И. П. Бардин, в 1929 году технический руководитель строительства Кузнецкого металлургического комбината, вспоминал:

«...Поэт Маяковский в самые, быть может, тяжелые времена жизни Кузнецкстроя... написал свой «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», заканчивавшийся словами:

Я знаю —
 город
 будет,
 я знаю —
 саду
 цвествь,
 когда
 такие люди
 в стране
 в советской
 есть!

Этим он поддержал наш дух, и мы продолжали начатое дело и считали его самым главным в осуществлении нашей мечты. Этой мечтой мы жили в течение многих, многих лет, и лишь при Советской власти нам удалось осуществить ее, построив собственными руками в далекой Сибири металлургический завод-гигант».

¹ Ситный — хлеб из просеянной пшеничной муки.

Вопросы и задания

- 1.** Какими образами Маяковский рисует лишения и трудности, переживаемые первостроителями Кузнецкого комбината, и какими — будущее, возникающее в их сознании? Почему, рисуя картины будущего, он прибегает к гиперболам?
- 2.** Какие качества видит поэт в строителях Кузнецкого комбината? Как в стихотворении подготавливается конечный вывод о неизбежной победе рабочих?
- 3.** Почему стихотворение Маяковского можно рассматривать не только как рассказ о людях Кузнецка, но и как произведение о советских людях вообще?
- 4.** Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения.

Александр Александрович ФАДЕЕВ

ПИСАТЕЛЬ-КОММУНИСТ

Фадеев был певцом отважных, мужественных, богатых душою людей, потому что и сам был отважен, мужествен, богат душой, был Большевиком с большой буквы. Именно это и придает всему его литературному наследству — и романам, и повестям, и критическим заметкам, и, наконец, множеству писем, написанным им разным людям в разные годы, — неувядающую прелесть. Его роман «Молодая гвардия» кажется мне энциклопедией характеров советской молодежи, характеров, выхваченных из гуши жизни и очерченных со снайперской точностью большого художника...

Во множестве писем, которые он посылал разным людям, в особенности писателям, раскрывается его необычный характер. Все эти письма проникнуты, я бы сказал, отеческой заботой о советской литературе и культуре, заботой о писателях, об их труде, об их судьбах...

По горло занятый партийными и общественными делами, член ЦК Коммунистической партии Советского Союза, депутат Верховного Совета, руководитель Союза писателей, один из активнейших деятелей мирового

движения сторонников мира, он непрерывно держал чуткую руку на пульсе всей нашей культурной жизни. Даже в больнице он много и жадно читал, и из-под пера его продолжали выходить письма, в которых часто в разных вариациях повторялась его, я бы сказал, ведущая мысль: нам нужно великое искусство, сочетающее глубокую идейность с высокой художественной формой.

(1901—1956)

Он любил и нашу литературу, и своих собратьев по перу. И те отвечали ему тем же.

Мне никогда не забыть, как в день своего пятидесятилетия Фадеев, отвечая на приветственные слова, звучавшие в его адрес, сказал:

— Вся моя сознательная жизнь прошла в рядах партии. На все лучшее, что я сделал, вдохновила меня наша партия. Я горжусь тем, что состою в нашей великой Коммунистической партии и считаю это огромной честью для себя.

Таким он был. Таким он предстает из своих книг. Таким он навсегда и останется в нашей литературе.

(Борис Полевой.
Вдохновленный революцией.)

СТРАНИЦЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Детство и юность А. А. Фадеева прошли на Дальнем Востоке. В 1910 году он поступил учиться во Владивостокское коммерческое училище. Там у будущего писателя появились друзья: Гриша Билименко, Петр Нерезов, Саша Бородкин. Их называли «мушкетерами».

...Если Вы читали «Молодую гвардию», то в лирическом отступлении, начинающемся словами: «Друг мой! Друг мой!..», я писал именно о Грише Билименко, как о друге, который ждал меня, чтобы нам вместе добираться до училища. Друг этот — образ собирательный, но это место — о нем, о Грише Билименко, и обо мне...

...Летом [1918 года]... в крае установилась белая власть. Когда я с большим опозданием из-за уссурийского фронта, не дававшего мне проехать, — опозданием к началу учебного года, — приехал во Владивосток, мой двоюродный брат Всеволод Сибирцев сидел в заключении на чешской гауптвахте. Другой двоюродный брат, Игорь Сибирцев, работал в большевистском подполье...

Мы обрели новую большевистскую среду и, продолжая учиться в 8-м классе, тесно служились с рабочей молодежью военного пошта, железнодорожных мастерских, типографии и пр.

(Из писем А. А. Фадеева.)

[В 1918 году] состоялось мое знакомство с ребятами, которых мы потом с такой любовью и лаской называли «соколятами»...

Через нас, членов партии, многие поручения партийной организации с лета 1918 года получали наши «соколята»...

Расклейка по городу листовок производилась почти исключительно «соколятами».

Помню, однажды Саша Фадеев и Саня Бородкин, вернувшись из очередного рейда, с восторгом рассказывали, как им удалось наклеить листовки «под носом» у часовых на их будках, в подъездах особняков местной буржуазии, на стенах здания коменданта крепости... Кроме листовок, «соколята» распространяли газету «Красное знамя».

На квартиры некоторых из них (в частности, на квартиру Сани Бородкина) «соколята» уносили добытые нами гранаты, похищенный в типографиях шрифт, бланки паспортов и различных удостоверений и хранили их там.

Саша Фадеев был самый младший в группе «соколят», но по своему развитию, остроумию, веселости он выгодно выделялся среди них.

(Из воспоминаний
З. Станковой.)

В 1919—1920 годах Фадеев сражался в рядах Особого коммунистического отряда.

Несмотря на тяжесть перехода, «Особый коммунистический» взял с собой всех своих раненых. Их несли на носилках через реки и болота, иногда по шею в холодной, ледяной воде. Я тоже был ранен в этом бою... Нас несли бережно, прикрывая шинелями. Часто, приподнимая, несли над головами, потому что люди брели иногда по горло в

воде. Каждый чувствовал эти сильные руки, поддерживающие нас. Над нами склонялись на привалах улыбающиеся лица товарищей; все самое необходимое, что может иметь боец в тяжелом походе, все это в первую очередь предоставлялось нам. Я должен сказать, что нет более великого чувства, чем дружба сильных, смелых людей во

ставать, хотя уже, по чести говоря, еле таскаем ноги...

Замечаем, что он [Фадеев] тоже устает, но до всего, что касается душ человеческих, он по-прежнему необыкновенно жаден...

Иногда мы... выбившись из сил, объявляем забастовку и на денек оседаем в чьем-нибудь шалаше.

Ф. П. Лютиков.

Н. П. Бараков.

И. Туркенич.

время опасности, когда каждый верит своему товарищу, когда каждый может отдать за него свою жизнь и знать, что товарищ не пощадит своей. Именно это чувство согревало нас всех во время этого необыкновенного похода.

(Из воспоминаний
А. А. Фадеева.)

Во время Великой Отечественной войны А. А. Фадеев — на фронте. В 1942 году он некоторое время провел в действующей армии под Ржевом. Вместе с ним был и писатель Б. Полевой.

Фадееву не сидится. Он все время бродит от артиллеристов к саперам, от саперов к пехоте. Мы тоже стараемся не от-

— Поражаюсь вашему любопытству, — говорит Фадеев и уходит один, высокий, прямой, широко шагающий, в валенках, которые ему почему-то страшно не идут...

В избе полкового комиссара Юсима Фадеев говорил:

...Чудовищно!.. Вы, товарищ Юсим, понимаете: столько времени носить на теле брезентовые вериги¹ и держать в пришитых к ним кармашках всякую валюту, награбленную в разных странах, а в самых нижних, что

¹ Вериги — оковы, цепи, надеваемые некоторыми религиозными людьми с целью самоистязания (здесь: в переносном смысле).

на животе, золотые коронки, сорванные с зубов, какие-то жалкие золотые сережки, вырванные из чьих-то ушей, пу-
стяковые брелочки, перстеньки... Да, да, да. Вы подумайте, во сколько же ртов залез этот мерзавец, чтобы набить несколько мешочков коронками!

Мы знаем, о ком он говорит. Мы видели этого приземистого,

материал мог бы камень расплавить! И я поехал в Краснодон...

Я... опросил большое число людей. Побывал в семьях молодогвардейцев, беседовал с их товарищами по школе, с учителями и, таким образом, дополнил материал, предоставленный мне комиссией. Кроме того, я ознакомился с материалом до-

О. Кошевой.

И. Земнухов.

У. Громова.

длиннорукого, рыжего эсэсовца, с которого при обыске стащили эти пропахшие потом брезентовые вериги. Мы втроем допрашивали его, и до сих пор, вспоминая это, несколько содрогаешься от омерзения.

(Б. Полевой.
Дорогой товарищ.)

В 1943 году писатель познакомился с материалами о деятельности «Молодой гвардии».

Мне показали материал о подпольной организации комсомольцев Краснодона в период оккупации и спросили: не напишу ли я книжку? Я, пока материал мне не был знаком, ответил, что трудно писать по заказу, а потом согласился. Такой

проса предателя Кулешова, служившего при немцах, помогавшего в расправах над членами «Молодой гвардии». Этот предатель в конце концов попал в руки советского правосудия.

Я встречался с рядом партизан и подпольных работников не только Краснодона, но и других районов Ворошиловградской области.

(Из выступлений
А. А. Фадеева.)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА РОМАНА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Летом 1942 года в числе других городов и населенных пунктов Донбасса фашистские

войска захватили небольшой шахтерский город Краснодон. Началась беспримерная героическая борьба большевистского подполья против фашистов. В эту борьбу были вовлечены лучшие из краснодонских комсомольцев. Арестами и казнями враги пытались сломить волю и мужество советских людей. В темную сентябрьскую ночь 1942

подпольщиков, Анатолий Попов, еще учась в X классе, в своем сочинении за два месяца до захвата Краснодона фашистами писал:

«Советский народ знает цену свободы, кровью, огромными жертвами завоеванной в 1917 году, и предпочитает умереть стоя, чем жить на коленях. Такова воля моего народа и тако-

С. Тюленин.

Л. Шевцова.

В. Третьякевич.

года живьем были закопаны в землю тридцать два краснодонских шахтера, среди них — начальник шахты Валько; они умерли с пением «Интернационала».

Борьба продолжалась. Ее возглавляли коммунисты Лютиков и Бараков. Центром подпольной деятельности партийной организации Краснодона стали электромеханические мастерские. По инициативе коммунистов в сентябре 1942 года была создана тайная комсомольская организация «Молодая гвардия». В нее вступили те, кто готов был отдать жизнь за Родину, за освобождение родной земли. Один из будущих юных

ва моя воля, и, когда нужно будет принести себя в жертву Родине, я, не задумываясь, отдаю свою жизнь».

Такие мысли и чувства испытывали и другие юные патриоты. Видную роль в работе «Молодой гвардии» сыграли комсомольцы Олег Кошевой, Иван Земнухов, Виктор Третьякевич и другие. Командиром подпольной организации был лейтенант Советской Армии Иван Туркенич.

Около полугода комсомольцы активно боролись против фашистских захватчиков: устраивали поджоги, распространяли листовки, освобождали военнопленных, вели подготовку к во-

оруженному восстанию; накануне 25-й годовщины Октября молодогвардейцы развешали в городе красные флаги.

Незадолго до вступления частей Советской Армии в Краснодар герои-молодогвардейцы были выданы фашистской полиции провокатором, проникшим в подпольную комсомольскую организацию. После страшных пыток и мучений, несломленные, гордые, они были казнены. До конца жизни они сохранили веру в правоту своего дела, любовь к Родине.

На стене тюремной камеры Уля Громова накануне казни написала:

Мой брат любимый, я погибаю,
Крепче стой за Родину свою!

Пятерым руководителям «Молодой гвардии»: Олегу Кошевому, Сергею Тюленину, Ивану Земнухову, Ульяне Громовой и Любови Шевцовой — посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Виктор Третьякевич, тоже посмертно, награжден орденом Отечественной войны I степени.

Некоторые члены «Молодой гвардии»: Валерия Борц, Нина и Ольга Иванцовы и другие — остались в живых. Они сейчас работают в различных учреждениях или служат в Советской Армии. Георгий Арутюнянц умер в 1973, Радий Юркин — в 1975 году.

В Краснодаре создан музей молодогвардейцев. Со всех концов земли сюда приезжают люди почтить светлую память героев.

В основе романа Фадеева «Молодая гвардия» лежат события, действительно происходившие в 1942—1943 годах. Под своими именами изображены Филипп Петрович Лютиков, Баракон, Олег Кошевой, Сергей Тюленин, Иван Земнухов, Ульяна Громова, Любовь Шевцова. Валя Борц, Жора Арутюнянц, сестры Иванцовы, Иван Туркенич и многие другие. И все же перед нами не исторически-документальное, а художественное произведение. Рядом с действительно жившими людьми в нем нарисованы вымышленные герои. В частности, силой творческого воображения писателя создан образ Евгения Стаховича. Из огромного количества фактов деятельности молодогвардейцев Фадеев выбрал лишь такие, которые позволили особенно убедительно раскрыть взгляды, чувства, характеры героев.

К художественному вымыслу (без которого вообще невозможно ни одно художественное произведение) писатель прибегал отчасти и потому, что некоторые стороны деятельности краснодонской молодежной организации во время работы над романом были недостаточно выяснены. Так, уже после смерти Фадеева в результате дополнительной тщательной проверки мы узнали об истинной роли Третьякевича в подпольной организации. (В годы войны он был оклеветан врагами.)

Таким образом, действительные факты жизни послужили только основой для художественного произведения.

О ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА ПИСАТЕЛЮ А. А. ФАДЕЕВУ

Отмечая выдающиеся заслуги перед Ленинским комсомолом, огромный вклад в дело коммунистического воспитания советской молодежи, бюро ЦК ВЛКСМ постановляет присудить премию Ленинского комсомола:

Фадееву Александру Александровичу, писателю (посмертно) — за роман «Молодая гвардия».

(«Комсомольская правда», 23 мая 1970 г.)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

(Главы из романа)

*Вперед, заре навстречу, товарищи в борьбе!
Штыками и картечью проложим путь себе...
Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял,
В бой, молодая гвардия рабочих и крестьян!*

Песня молодежи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ

Со времени великого переселения народов не видела донецкая степь такого движения масс людей, как в эти июльские дни 1942 года.

По шоссейным, грунтовым дорогам и прямо по степи под палящим солнцем шли со своими обозами, артиллерией, танками отступающие части Красной Армии, детские дома и сады, стада скота, грузовики, беженцы — то колоннами, то вразброд, толкая перед собой тачки с вещами и с детьми на узлах.

Они шли, топча созревающие и уже созревшие хлеба, и никому уже не было жаль этого хлеба — ни тем, кто топтал, ни тем, кто сеял, — они стали ничьими, эти хлеба: они оставались немцам. Колхозные и совхозные картофельные поля и огороды были открыты для всех. Беженцы копали картофель и пекли его в золе костров, разведенных из соломы или станичных плетней, — у всех, кто шел или ехал, можно было видеть в руках огурцы, помидоры, сочащийся ломоть кавуна или дыни. И такая пыль стояла над степью, что можно было, не мигая, смотреть на солнце.

То, что поверхностному взгляду отдельного человека, как пешинка вовлеченного в поток отступления и отражающего скорее то, что происходит в душе его, чем то, что совершается вокруг него могло показаться случайным и бессмысленным, было на самом деле невиданным по масштабу движением огромных масс людей и материальных ценностей, приведенных в действие сложным, организованным, движущимся по воле сотен и тысяч больших и малых людей, государственным механизмом войны.

Но, как это бывает в вынужденном быстром отступлении, кроме главных, больших, хотя и трудных, но осмысленных движений

масс войск и гражданского населения, по всем дорогам и прямо по степи в направлении на восток и юго-восток шли беженцы, мелкие учреждения и коллективы, разрозненные команды и обозы войск, разбитых в боях, потерявших связь, сбившихся с пути, группы военных, отставших по болезни или ранению, по недостатку транспорта. Эти то бóльшие, то меньшие группы, не имевшие никакого представления о том, что же в действительности происходит на фронте, шли, куда им казалось вернее и выгоднее, забивали все поры и вены главного движения и прежде всего забивали переправы через Донец, где у паромов и понтонных¹ мостов, подвергаясь вражеской бомбардировке с воздуха, в течение суток крутились целые таборы людей, машин, подвод.

Как ни бессмысленно для гражданских людей было движение на Каменск в условиях, когда немецкие части уже вышли далеко по ту сторону Донца, на Морозовский, значительная часть беженцев из Краснодона устремилась именно в этом направлении, потому что в этом направлении двигались только что миновавшие Краснодон головные части дивизии, перебрасываемой на подкрепление нашей обороны на Донце южнее Миллерова. И именно в этот поток попала запряженная двумя добрыми гнедыми конями селянская² телега, на которой ехали Уля Громова, Анатолий Попов, Виктор Петров и его отец.

Едва скрылись из глаз последние хуторские строения, когда подвода среди других подвод и машин уже перевалила на пологий съезд с холма, из глубины неба внезапно вырвался чудовищный рев мотора, и снова низко над головами, застав солнце, промчались немецкие пикировщики, ударили по шоссé из пулеметов.

Отец Виктора, энергичный большой мужчина в кожаной фуражке, с мясистым лицом и сильным голосом, вдруг побелел.

— В степь! Ложись! — крикнул он ужасным голосом.

Но ребята уже соскочили с телеги и бросились в пшеницу. Отец Виктора, опустив вожжи, тоже соскочил с телеги и тут же на месте исчез, будто испарился, будто это был не мужик — лесничий в тяжелых сапогах, а дух бесплотный. Одна Уля осталась на возу — она сама не знала, почему она не побежала. Но в то же мгновение испуганные кони рванули так, что едва не выкинули ее из телеги.

Уля попыталась поймать вожжи, но не смогла дотянуться: кони, едва не налегав грудью на бричку впереди, взмыли на дыбы и рванули в сторону, чуть не оборвав построжки. Устойчивая, длинная, вместительная телега было опрокинулась, но снова стала на колеса. Уля, уцепившись одной рукой за край телеги, а другой за какой-то тяжелый чувал³, напрягала все силы, чтобы

---

¹ *Понто́н* — плоскодонная лодка для переправ через реки. На таких лодках иногда настилаются временные мосты.

² *Селя́нская* — сельская, деревенская.

³ *Чува́л* — большой мешок.

не выпасть: ее тут же задавили бы бесновавшиеся вокруг лошади других подвод.

Громадные гнедые кони, обезумев, рвались по вытопанному хлебу среди людей и подвод, вздымаясь на дыбы, храпя и брызгая пеной. Вдруг с брички впереди соскочил высокий, широкоплечий, светловолосый юноша с непокрытой головой и кинулся, казалось, под самых коней.

Уля не сразу сообразила, что произошло, но через мгновение она увидела меж конских голов с взметенными гривами и оскаленными пастями его очень юное, свежее, сверкающее глазами, с выражением необычайного напряжения и силы, с румянцем на щеках, скуластое лицо.

Схватив сильной рукой одного храпящего коня за вожжу у самых удил, юноша стоял между конем и дышлом, больше напирая на коня, чтобы не быть шибленным дышлом. Юноша стоял, рослый, аккуратный, в хорошо выглаженной серой паре¹ с темно-красным галстуком и выглядывавшим из карманчика пиджака белым костяным наконечником складной ручки. Другой рукой он поверх дышла пытался поймать за вожжу другого коня. Только по вздувшемуся под серым пиджаком бугру мускулов и по резко обозначившимся жилам у загорелой кисти руки, которой он держал коня, видно было, каких усилий это ему стоило.

— Тпру... тпру... — говорил он не очень громко, но повелительно.

И в тот момент, как ему удалось схватить за вожжу другого коня, оба коня вдруг сразу присмирели в его руках. Они еще встряхивали гривами, косясь на него звериными очами, но он не отпуская их, пока они вовсе не притихли.

Юноша выпустил вожжи из рук, и первое, что он сделал, к немалому удивлению Ули, — он большими ладонями аккуратно пригладил свои почти не растрепавшиеся, расчесанные на косяй пророб светло-русые волосы. Потом он поднял на Улю совершенно мокрое от пота скуластое лицо мальчика с большими глазами в длинных темных золотистых ресницах и широко, простодушно и весело улыбнулся.

Добрые к-кони, могли разнести, — сказал он, чуть заикаясь, глядя с этой своей широкой улыбкой на Улю, которая, все еще держась за край телеги и за чувал, чуть раздувая ноздри, с удивлением смотрела на него черными глазами.

Люди возвращались на шоссе, ища свои подводы и машины. В этих местах, должно быть, возле убитых и раненых, гуделись женщины: оттуда доносились стоны и причитания.

— Я так боялся, что они собьют тебя дышлом! — сказала Уля, чуть подрагивая поздрами от волнения.

— Я сам того боялся. Да кони не злые, холощенные, — наивно сказал он и большой загорелой рукой с длинными пальцами не-

¹ Пара — мужской костюм.

бресно потрепал по потной глянцевиной шее коня, ближе к которому стоял.

Вдали, где-то уже на Донце, послышались глухие и одновременно резкие удары бомбежки.

— Очень людей жалко, — сказала Уля, оглядываясь вокруг.

Подводы и люди уже шли мимо с обеих сторон, куда хватал глаз, будто большая шумливая река катилась.

— Да, жалко. А особенно матерей наших. Что они переживают! И что им еще предстоит пережить! — сказал юноша, и лицо его сразу стало серьезным, и на лбу его собрались, не по возрасту, резкие продольные морщины.

— Да, да... — беззвучно сказала Уля, сразу представив мать свою, как она лежала, маленькая, распластавшись на выжженной земле.

Отец Виктора Петрова так же внезапно, как и исчез, возник возле коней и с преувеличенным вниманием стал ощупывать постромки, шлеи, вожжи. За ним, посмеиваясь и виновато крутя головой в узбекской шапочке и все же не теряя обычного серьезного выражения, показался Анатолий Попов, за ним Виктор, тоже немного сконфуженный.

— Гитара-то моя цела? — быстро спросил Виктор, озабоченно оглянув воз. И увидев обернутую в стеганое одеяло, заложенную между узлов гитару, взглянул на Улю своими смелыми грустными глазами и рассмеялся.

Юноша, все еще стоявший между конями, поднырнул под дышло и под шею коню и, свободно и легко неся на широких плечах непокрытую голову со светлыми волосами, подошел к возу.

— Анатолий! — радостно воскликнул он.

— Олег!

Они крепко взяли друг друга за руки повыше локтей, и в то же время Олег покосился на Улю.

— Кошевой, — назвал он себя и протянул ей руку.

Одно плечо, левое, было у него чуть выше другого. Он был очень юн, совсем еще мальчик, но от его загорелого лица, высокой легкой фигуры, даже от одежды, хорошо проглаженной, с этим темно-красным галстуком и белым наконечником складной ручки, от всей его манеры двигаться, говорить с легким заиканием исходило такое ощущение свежести, силы, доброты, душевной ясности, что Уля сразу почувствовала доверие к нему.

А он с невольной наблюдательностью юноши мгновенно охватил глазами ее облеченный в белую кофту и темную юбку стройный стан с гибкой и сильной талией деревенской девушки, привычной к полевой страде, черные глаза, направленные на него, волнистые косы, ноздри причудливого выреза, длинные, стройные загорелые ноги, едва ниже колен прикрытые темной юбкой, вспыхнул, резко повернулся к Виктору и, смущенный, подал ему руку.

Серезжа слышал биение своего сердца...

Флаги над Краснодоном.

Рисунки В. Щеглова.

Олег Кошевой учился в самой крупной краснодонской школе — имени Горького, — расположенной в городском парке. Улю и Виктора он видел впервые, а с Анатолием он был связан той беспечной дружбой, которая нередко возникает между активными комсомольцами, дружбой от одного комсомольского совещания до другого.

— Да, вот где привелось встретиться, — сказал Анатолий. — А помнишь, еще третьего дня мы заходили к тебе всем гамузом воды напиться, и ты нас всех познакомил... со своей бабушкой! — засмеялся он. — Она что, с тобой едет?

— Нет, б-бабка осталась. И мама осталась, — сказал Олег, и на лбу его снова собрались продольные морщины. — Нас пятеро; Коля, мамин брат, — никак язык не повернется назвать его дядей! — улыбнулся он. — Жинка его, да их мальчишка, да д-дед, что нас везет. — И он кивком головы указал на бричку впереди, откуда его уже несколько раз окликали.

Бричка, запряженная низкорослым, притким на ноги буланым коньком, теперь все время катилась впереди, а гнедые кони так напирали сзади, что их влажные ноздри обдавали жаром шеи и уши сидящих в бричке.

Дядя Олега Кошевого, Николай Коростылев, или дядя Коля, инженер-геолог треста «Краснодонуголь», в синей пиджачной па-

*Прекрасная моя! Прекрасная моя..
Ты же все, все понимаешь...*

*Люба не стала на колени
и приняла пулю в лицо.*

Рисунки В. Щеглова.

ре, красивый, чернобровый, кареглазый и флегматичный молодой человек, старше племянника всего лет на семь, друживший с ним, как с равным, поддразнивал его Улей.

— Этого, брат, упускать нельзя, — бубнил дядя Коля скучным голосом, не глядя на племянника, — шутка сказать, девку какую мало от смерти не спас! Здесь, брат, дело не обойдется без сватов. Верно, Марина?

— А ну вас к богу! Я так злякалась!¹

— А правда, хороша? — спрашивал Олег у своей молоденькой тетушки. — Просто чудо, как хороша!

— А Леночка?.. Ах ты, Олежка-дролетка! — так и пронзив его черненькими глазками, сказала тетушка.

Тетушка Марина была из прехорошеньких тетушек-хохлушек, которые, кажется, сошли с лубочной картинки, — в вышитой украинской кофте, в монистах, черненькая, белозубая, с пышными волосами, пушистым облаком стоящими вокруг головы, — даже внезапные сборы в дорогу не помешали ей убраться к лицу.

Она придерживала рукой трехлетнего толстого мальчика, необыкновенно жизнерадостно отзывавшегося на все, что он видел вокруг, и не подозревавшего, в какой ужасный мир он попал.

¹ *Злякаться* (укр.) — испугаться.

— Нет, я так скажу: Леночка, она, правда, пара нашему Олегу, а эта хоть и хорошенькая, а она нашего Олега никак не полюбит, бо Олег ще мальчик, а вона вже дивчина дай боже, — быстро говорила тетушка Марина, беспокойно поводя черными глазками вокруг и то и дело поглядывая на небо. — Это коли жинка уже старая, так ей нравятся мальчики, а коли вона ще молоденькая, то ей николи не полюбится моложе ее, то я по себе скажу, — говорила она такой скороговоркой, которая показывала, что тетушка действительно «злякалась».

Лена Позднышева была девушка-одноклассница, оставшаяся в Краснодаре, с которой Олег дружил, в которую был влюблен и которой были посвящены многие страницы его дневника. Может быть, он, Олег, и вправду поступил нехорошо по отношению к ней, так восторженно отозвавшись об Уле? Но что же в этом может быть нехорошего? Леночка — это навсегда в душе его, это уже никогда не может уйти, а Уля... И он снова видел перед собой Улю, и этих коней, и снова чувствовал, как конь слева дышал на него. И неужели после всего этого Марина может быть права, то есть эта девушка может не полюбить его оттого, что он еще мальчик! «Ах ты, Олежка-дролетка!..» Он был влюбчив и сам знал это за собой.

Обе подводы, бричка и селянская телега с косыми решетками, долго еще маневрировали по степи, стараясь обогнать колонну, но были еще сотни и тысячи людей, стремившихся также пробиться вперед, и везде, куда ни хватал глаз, был все тот же поток людей, машин и подвод.

И постепенно образы Ули и Леночки покинули Олега, и все заслонил этот непрерывный поток людей, в котором, как утлые лодки в море, покачивались бричка, запряженная буланым коньком, и телега с гнедыми конями.

Степь без конца и края тянулась на все концы света, тучные дымы пожаров вставали на горизонте, и только далеко-далеко на востоке необыкновенно чистые, ясные, витые облака кучились в голубом небе, и не было бы ничего удивительного, если бы вылетели из этих облаков белые ангелы с серебряными трубами.

И вспомнилась Олегу мама с мягкими, добрыми руками...

«...Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете. За лето их всегда покрывал загар, он уже не отходил и зимой, — он был такой нежный, ровный, только чуть-чуть темнее на жилочках. А может быть, они были и грубее, руки твои, — ведь им столько выпало работы в жизни, — но они всегда казались мне такими нежными и я так любил целовать их прямо в темные жилочки.

Да, с того самого мгновения, как я стал сознавать себя, и до последней минуты, когда ты в изнеможении, тихо в последний раз положила мне голову на грудь, провозжая в тяжелый путь жизни, я всегда помню руки твои в работе. Я помню, как они сновали в мыльной пене, стирая мой простынки, когда эти простынки были

еще так малы, что походили на пеленки, и помню, как ты в тулупчике, зимой, несла ведра на коромысле, положив спереди на коромысло маленькую руку в рукавичке, сама такая маленькая и пушистая, как рукавичка. Я вижу твои с чуть утолщенными суставами пальцы на букваре, и я повторяю за тобой: «бе-а-ба, ба-ба». Я вижу, как сильной рукой своей ты подводишь серп под жито, сломленное жменью¹ другой руки, прямо на серп, вижу неуловимое сверканье серпа и потом это мгновенное плавное, такое женственное движение рук и серпа, откидывающее колосья в пучке так, чтобы не поломать сжатых стеблей.

Я помню твои руки, несгибающиеся, красные, залубеневшие от студеной воды в проруби, где ты полоскала белье, когда мы жили одни, — казалось, совсем одни на свете, — и помню, как незаметно могли руки твои вынуть занозу из пальца у сына и как они мгновенно продевали нитку в иголку, когда ты шила и пела — пела только для себя и для меня. Потому что нет ничего на свете, чего бы не сумели руки твои, что было бы им не под силу, чего бы они погнушались! Я видел, как они месили глину с коровьим пометом, чтобы обмазать хату, и я видел руку твою, выглядывающую из шелка, с кольцом на пальце, когда ты подняла стакан с красным молдавским вином. А с какой покорной нежностью полная и белая выше локтя рука твоя обвилась вокруг шеи отчима, когда он, играя с тобой, поднял тебя на руки, — отчим, которого ты научила любить меня и которого я чтил, как родного, уже за одно то, что ты любила его.

Но больше всего, на веки вечные запомнил я, как нежно гладили они, руки твои, чуть шершавые и такие теплые и прохладные, как они гладили мои волосы, и шею, и грудь, когда я в полусознании лежал в постели. И, когда бы я ни открыл глаза, ты была всегда возле меня, и ночник горел в комнате, и ты глядела на меня своими запавшими очами, будто из тьмы, сама вся тихая и светлая, будто в ризах. Я целую чистые, святые руки твои!

Ты проводила на войну сыновей, — если не ты, так другая, такая же, как ты, — иных ты уже не дождешься вовеки, а если эта чаша миновала тебя, так она не миновала другую, такую же, как ты. Но если и в дни войны у людей есть кусок хлеба и есть одежда на теле, и если стоят скирды на поле, и бегут по рельсам поезда, и вишни цветут в саду, и пламя бушует в доме, и чья-то незримая сила подымает война с земли или с постели, когда он заболел или ранен, — все это сделали руки матери моей — моей, и его, и его.

Оглянись же и ты, юноша, мой друг, оглянись, как я, и скажи, кого ты обижал в жизни больше, чем мать, — не от меня ли, не от тебя, не от него, не от наших ли неудач, ошибок и не от нашего ли горя сидят наши матери? А ведь придет час, когда му-

---

¹ Жмень — горсть.

читательным упреком сердцу обернется все это у материнской могилы.

Мама, мама!.. Прости меня, потому что ты одна, только ты одна на свете можешь прощать, положи на голову руки, как в детстве, и прости...»

Такие мысли и чувства теснились в душе Олега. Он уже не мог забыть того, что мать его осталась «там» и бабушка Вера, «подруга дней моих суровых», которая тоже была мамой, мамой его матери и дяди Коли, тоже осталась «там».

И лицо Олега стало серьезным, неподвижным, большие глаза в темно-золотистых ресницах заволоклись влажной пеленой. Он сидел, ссутулившись, свесив ноги, сцепив длинные сильные пальцы больших рук, и резкие продольные морщины легли у него на лбу.

Притихли и дядя Коля, и Марина, и даже их маленький сынишка, и такая же тишина установилась на подводе, следовавшей за ними. Потом и буланый конек, и добрые гнедые кони в этой страшной жаре и толчее притомились, и обе подводы незаметно снова выбились на шоссе, по которому все катился и катился поток людей, машин и подвод.

И что бы ни делали, ни думали, ни говорили люди в этом великом потоке людского горя — шутили ли они, придремывали, кормили детей, заводили знакомства, поили лошадей у редких колодцев, — за всем этим и надо всем незримо простиралась черная тень, надвигавшаяся из-за спины, простершая крылья уже где-то на севере и на юге, распространявшаяся по степи еще быстрее, чем этот поток.

И ощущение того, что они вынужденно покидают родную землю, близких людей, бегут в неизвестность и что сила, бросающая эту черную тень, может настичь и раздавить их, — тяжестью лежало на сердце у каждого.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Как бы ты повел себя в жизни, читатель, если у тебя орлиное сердце, преисполненное отваги, дерзости, жажды подвига, но сам ты еще мал, бегаешь босиком, на ногах у тебя цыпки, и во всем, решительно во всем, к чему рвется твоя душа, человечество еще не поняло тебя?

Сережка Тюленин был самым младшим в семье и рос, как трава в степи. Отец его, родом из Тулы, вышел на заработки в Донбасс еще мальчишкой и за сорок лет шахтерского труда обрел те черты наивной, самолюбивой, деспотической гордости своей профессией, которые ни одной из профессий не свойственны в такой степени, как морякам и шахтерам. Даже после того, как он вовсе перестал быть работником, он все еще думал, Гаврила Петрович, что он главный в доме. По утрам он будил

всех в доме, потому что по старой шахтерской привычке просыпался еще затемно и ему было скучно одному. А если бы ему и не было скучно, он все равно будил бы всех оттого, что его начинал душить кашель. Кашлял он с момента пробуждения не менее часа, он задыхался от кашля, харкал, отплевывался, и что-то страшно хрипело, свистело и дудело в его груди, как в испорченной фисгармонии.

А после того он весь день сидел, опершись плечом на свою обитую кожей рогатую клюшку, костлявый и тощий, с длинным носом горбинкой, который когда-то был большим и мясистым, а теперь стал таким острым, что им можно было бы разрезать книги, с впалыми щеками, поросшими жесткой седоватой щетиной, с могучими прямыми, воинственными усами, которые, храня первозданную пышность под ноздрями, постепенно сходили до предельной упругой тонкости одного волоса и торчали в разные стороны, как пикн, с глазами, выцветшими и пронзительными под сильно кустистыми бровями.

Так он сидел то у себя на койке, то на порожке мазанки, то на чурке у сарайчика, опершись на свою клюшку, и всеми командовал, всех поучал, резко, отрывисто, грозно, заходясь в кашле так, что хрип, свист и дудение разносились по всему «Шанхаю»¹.

Когда человек в еще не старые годы лишается трудоспособности более чем наполовину, а потом и вовсе впадает вот в такое положение, попробуйте вырастить, научить профессии и пустить в дело трех парней и восемь девок, а всего одиннадцать душ!

И вряд ли то было под силу Гавриле Петровичу, когда бы не Александра Васильевна, жена его, могучая женщина из орловских крестьянок, из тех, кого называют на Руси «бой-баба», — истинная Марфа Посадница². Была она еще и сейчас нерушимо крепка и не знала болезней. Не знала она, правда, и грамоты, но, если надо было, могла быть и грозна, и хитра, и молчалива, и речиста, и зла, и добра, и льстива, и бойка, и въедлива, и, если кто-нибудь по неопытности ввязывался с ней в свару³, очень быстро узнавал, почем фунт лиха.

И вот все десять старших уже были при деле, а Сережка, младший, хотя и учился, а рос, как трава в степи: не знал своей одежды и обуви — все это передельвалось, перешивалось в десятый раз после старших, и был он закален на всех солнцах и встрах, и дождях и морозах, и кожа у него на ступнях залубенела, как у верблюда, и какие бы увечья и ранения ни наноси-

¹ Так в шутку краснодонцы называли один из районов своего города, возникший вокруг домика китайца Ли Фан-чи.

² *Марфа Посадница* — жена новгородского посадника (правителя) Борецкого, проявившая большую активность и смелость в борьбе за независимость Новгорода (XV век).

³ *Свара* (простореч.) — шумная перебранка, ссора.

ла ему жизнь, все на нем зарастало вмиг, как у сказочного богатыря.

И отец, который хрипел, свистел и дудел на него больше, чем на кого-либо из детей своих, любил его больше, чем кого-либо из остальных.

— Отчаянный какой, а? — с удовольствием говорил он, поглаживая страшный ус свой. — Правда, Шурка? — Шурка — это была шестидесятилетняя подруга его жизни, Александра Васильевна. — Смотри, пожалуйста, а? Никакого бою не боится! Совсем как я мальцом был, а? Кха-кха-кхара-кха... — И он снова кашлял и дудел до умопомрачения.

У тебя орлиное сердце, но ты мал, плохо одет, на ногах у тебя цыпки. Как бы ты повел себя в жизни, читатель? Конечно, ты прежде всего совершил бы подвиг? Но кто же в детстве не мечтает о подвиге, — не всегда удается его совершить.

Если ты ученик четвертого класса и выпускаешь на уроке арифметики из-под парты воробьев, это не может принести тебе славы. Директор — в который уж раз! — вызывает родителей, то есть маму Шурку, шестидесяти лет. «Дед», Гаврила Петрович, — с легкой руки Александры Васильевны все дети зовут его «дедом», — хрипит и дудит и рад бы дать тебе подзатыльник, да не может дотянуться и только яростно стучит клюшкой, которой он даже не может пустить в тебя, поскольку она поддерживает его иссохшее тело. Но мама Шурка, вернувшись из школы, отвешивает тебе полнокровную затрещину, которая горит на щеке и ухе несколько суток, — с годами сила мамы Шурки только прибывает.

А товарищи? Что товарищи? Слава, недаром говорят, — дым. Назавтра твой подвиг с воробьями уже забыт.

В свободное время лета можно добиться того, чтобы ты стал чернее всех, лучше всех нырял и плавал и ловчее всех ловил руками личьков под корягами. Можно, заведев идущую вдоль берега стайку девочек, разогнаться с берега, с силой оттолкнуться от обрывистого края, смуглой ласточкой пролететь над водой, нырнуть и в тот момент, когда девочки, делая вид, что им все равно, с любопытством ожидают, когда ты вынырнешь на поверхность, прислушаться под водой труссы и неожиданно всплыть вверх попки, белой румяной попки, единственным незагоревшим местом на всем теле.

Ты испытываешь множественное удовольствие, увидев мелькающие розовые пятки и рашеванющиеся платяцца словно сдуnutых с берега девочек, прыскающих на бегу в ладошки. Ты получаешь возможность небрежно принять восторг ребят-сверстников, катающихся вместе с тобой на песке. Ты на все времена знаешь поклонение совсем миленьких мальчишек, которые будут ходить за тобой стаями, во всем подражать тебе и повиноваться каждому твоему слову или движению пальца. Давно

уже прошли времена римских цезарей, но мальчишки тебя обожают.

Но этого тебе, конечно, мало. И в один из дней, ничем как будто не отличных от других дней твоей жизни, ты внезапно выпрыгиваешь со второго этажа школы во двор, где все ученики школы предаются обычным во время перерыва невинным развлечениям. В полете ты испытываешь краткое, как миг, пронзительное удовольствие — и от самого полета, и от дикого, полного ужаса и, одновременно, желания заявить о себе в мире, визга девчонок в возрасте от первого класса до десятого. Но все остальное несет тебе только разочарования и лишения.

Разговор с директором очень тяжел. Дело явно идет к исключению тебя из школы. Ты вынужден быть грубым с директором оттого, что ты виноват. Впервые директор сам приходит в мазанку твоих родителей на «Шанхае».

— Я хочу знать условия жизни этого мальчика. Я хочу, наконец, знать причины всего этого, — говорит он значительно и вежливо. И в голосе его звучит оттенок упрека родителям.

И родители — мать с мягкими, круглыми руками, которые она не знает, куда деть, потому что она только что таскала ими из печи чугуны и руки черны от сажи, а на матери даже нет передника, чтобы обтереть их, и отец, до крайности растерявшийся, примолкший и пытающийся встать перед директором, опираясь на свою клюшку, — родители смотрят на директора так, будто они действительно во всем виноваты.

А когда директор уходит, впервые никто не ругает тебя, от тебя словно бы все отворачиваются. «Дед» сидит, не глядя на тебя, и только изредка побрякивает, и усы у него вовсе не воинственные, а довольно унылые усы человека, сильно побитого жизнью. Мать все хлопчет по дому, шаркает ступнями по земляному полу, стучит то там, то здесь, и вдруг ты видишь, как, склонившись к отверстию русской печки, она украдкой смахивает слезу черной от сажи, прекрасной, старческой круглой рукою своею. И они словно говорят всем видом своим, отец и мать: «Да ты взглядишь в нас, ты взглядишь, взглядишь в нас, кто мы, какие мы!»

И ты впервые замечаешь, что старые родители твои давно уже не имеют что надеть к празднику. В течение почти всей своей жизни они не едят за общим столом с детьми, а едят особняком, чтобы их не было видно, потому что они не едят ничего, кроме черного хлеба, картошки и гречневой каши, лишь бы детей, одного за другим, поднять на ноги, лишь бы теперь ты, младший в семье, стал образованным, стал человеком.

И слезы матери пронзают твое сердце. И лицо отца впервые кажется тебе значительным и печальным. И то, что он хрипит и дудит, это вовсе не смешно — это трагично.

Гнев и презрение дрожат в ноздрях у сестер, когда то одна, то другая вдруг взметнет на тебя взгляд над вязаньем. И ты груб с родителями, груб с сестрами, а ночью ты не можешь спать, тебя гложет одновременно и чувство обиды, и сознание своей преступности, и ты беззвучно утираешь немой ладонью две скупые слезинки, выкатившиеся на твои маленькие жесткие скулы.

А после этой ночи оказывается, что ты повзрослел.

Среди ряда печальных дней всеобщего молчания и осуждения твоему очарованному взору открывается целый мир невысказанных, баснословных подвигов.

Люди проплывают двадцать тысяч лье под водой, открывают новые земли; они попадают на необитаемые острова и все создают себе заново собственными руками; они взбираются на высочайшие вершины мира; люди попадают даже на Луну; они борются со страшными штормами в океанах, карабкаясь на раскачиваемые ветром мачты по марсам и салингам¹; на своих кораблях они проскальзывают над острыми рифами, выливая на бушующие волны бочки ворвани²; люди переплывают океан на плоту, томясь от жажды, ворочая пересошим, распухшим языком свинцовую пулю во рту; они переносят самумы в пустыне, сражаются с удавами, ягуарами, крокодилами, львами, слонами и побеждают их. Люди совершают эти подвиги из-за наживы, или для того, чтобы лучше устроить жизнь свою, или из страсти к приключениям, или из чувства товарищества, верной дружбы, для спасения попавшей в беду любимой девушки, а то и просто совсем бескорыстно — для блага человечества, для славы родины, для того, чтобы вечно сиял на земле свет науки, — Ливингстон, Амундсен, Седов, Невельской.

А какие подвиги совершают люди на войне! Люди воюют тысячи лет, и тысячи людей навеки прославили свои имена в войнах. Повезло же тебе родиться в такое время, когда войны нет. Ты живешь в местах, где порастают седой травой братские могилы воинов, сложивших головы за то, чтобы ты жил счастливо, и до сегодняшних дней шумит слава полководцев тех великих лет. Что-то мужественное и вдохновенное, как песня на походе, звучит в душе твоей, когда ты, забыв о ночном часе, летишь по страницам их биографий. Тебе хочется снова и снова возвращаться к ним, запечатлеть в душе облик этих людей, и ты рисуешь их портреты, — нет, зачем говорить неправду, ты сводишь их портреты при помощи стекла на бумагу, а потом растушевываешь их по своему разумению мягким черным карандашом, намусливая его для большей силы и выразительности так, что к концу работы язык у тебя весь черный и его не оттереть даже немзой. И портреты эти до сей поры висят над твоей постелью.

¹ *Марсы и салинги* (морск.) — площадки на мачтах кораблей.

² *Ворвань* — китовый или тюлений жир.

Дела и подвиги этих людей обеспечили жизнь твоему поколению и останутся навеки в памяти человечества. А между тем это люди такие же простые, как ты. Михаил Фрунзе, Клим Ворошилов, Серго Орджоникидзе, Сергей Киров, Сергей Тюленин... Да, может быть, и его имя, рядового комсомольца, стало бы в ряд с этими именами, если бы он успел проявить себя. Как на самом деле увлекательна и необыкновенна была жизнь этих людей. Они извели царское подполье. Их выселяли, сажали в тюрьмы, высылали на север, в Сибирь, но они бежали снова и снова, и снова вступали в бой... За ними сначала шли единицы, потом сотни, потом сотни тысяч, потом миллионы людей.

Сергей Тюленин родился, когда незачем идти в подполье. Он ниоткуда не бежал, и бежать ему некуда. Он выпрыгнул из окна второго этажа школы, и это было просто глупо, как это теперь окончательно видно. И идет за ним в жизни только один Витька Лукьянченко.

Но нельзя терять надежды. Мощные льды, сковавшие просторы Северного Ледовитого океана, сдавили корпус «Челюскина»¹. И страшен был в ночи этот треск корабля, услышанный всей страной. Но люди не погибли, они высадились на лед. Весь мир следит за тем, будут ли они спасены. И они спасены. Есть на свете люди с орлиным сердцем, полным отваги. Это простые люди, такие же, как ты. Они пробираются на самолетах к пострадавшим сквозь пургу и мороз, они вывозят их, подвязывая к крыльям самолетов, — это первые Герои Советского Союза.

Чкалов! Он такой же простой человек, как и ты, но имя его гремит на весь мир, как вызов. Перелет через Северный полюс в Америку — мечта человечества! Чкалов, Громов². А папанинцы³ на льдине!

Так идет жизнь, полная мечтаний и обыденного труда.

По всей советской земле и в самом Краснодаре немало людей, простых, как и ты, но отмеченных подвигами и славой, — такими, о которых раньше не писали в книгах. В Донбассе, и не только в Донбассе, каждый человек знает имена Никиты Изотова, Стаханова. Любой пионер может сказать, кто такая Паша Ангелина, и кто Кривонос, и кто Макар Мазай⁴. И все люди относятся к ним с уважением. И отец всегда просит читать ему те места в газетах, где говорится об этих людях, и потом долго и непонятно хрипит и дудит, и видно, что ему горько на душе

---

¹ «Челюскин» — пароход, совершивший в 1933—1934 годах сквозное плавание по Северному морскому пути и затертый льдами. Летчики, спасшие челюскинцев, первыми были удостоены звания Героя Советского Союза.

² Чкалов и Громов — знаменитые советские летчики, совершившие в 30-е годы первые перелеты из СССР в США.

³ Папанинцы — участники экспедиции в Центральную Арктику (1937—1938) во главе с И. Д. Папаниным.

⁴ Н. Изотов, А. Стаханов, П. Ангелина, П. Кривонос, М. Мазай — герои труда первых пятилеток.

оттого, что он стар и что его подшибла вагонетка. Да, он много принял на свои плечи труда в жизни, Гаврила Тюлений, «дед», и Сережка понимает, как ему, «деду», тяжело, что он уже не может теперь стать в ряд с этими людьми.

Слава этих людей — это подлинная слава. Но Сережка еще мал, должен учиться. Все это придет к нему когда-нибудь потом, там, во взрослой жизни. А вот для свершения подвигов, подобных подвигам Чкалова или Громова, он вполне созрел, — он чувствует это сердцем, что он для них вполне созрел. Беда в том, что только он один на свете понимает это, и больше никто. Среди человечества он одинок с этим ощущением.

Таким застала его война. Одну за другой делает он попытки поступить в специальную военную школу, — да, он должен стать летчиком. Его не принимают.

Все школьники идут на полевые работы, а он, уязвленный и самое сердце, идет работать на шахту. Через две недели он уже стал в забой и рубил уголь наравне со взрослыми.

Он сам не знал, как многого он достиг во мнении людей. Он выходил из клетки чумазый, только светлые глаза да белые маленькие зубы сверкали на черном лице его; он шел вместе со взрослыми, так же солидно, враскачку, шел под душ, фыркал, кричал, как отец, и неторопливо шел домой уже босой: обутка у него была казенная.

Он возвращался поздно, когда уже все пообедали, — его кормили отдельно. Он был взрослый человек, мужчина, работник.

Александра Васильевна вынимала из печи чугунок с борщом и наливала ему полную миску прямо из чугунка, который она придерживала обеими круглыми руками в тряпице. Пар валил от борща, и никогда еще не казался таким вкусным пшеничный хлеб домашней выпечки. Отец смотрел на сына, поблескивая из-под кустистых бровей своими пронзительными вышешными глазами, пошевеливая усами. Он не дудел и не кашлял, он спокойно разговаривал с сыном, как с работником. Все интересовало отца: как идут дела в шахте, кто сколько вырубил? Отец спрашивал и про инструмент, и про спецодежду. Он говорил о горизонтах, штреках, лавах, забоях, гезенках¹, как о комнатах, углах, чуланчиках собственной квартиры. Старик на самом деле работал чуть ли не на всех шахтах в районе, а когда уже не мог работать, знал обо всем от своих товарищей.

Иная, в каком направлении и сколь успешно движутся выработки, мог, расчерчивая воздух длинным костлявым пальцем, объяснить любому человеку расположение выработок под землей и все, что там, под землей, делается.

¹ Безымянные термины: *горизонт* — уровень, на котором ведутся подземные разработки угля; *штрек* — горизонтальная подземная горная выработка; *лава* — сплошной забой большой протяженности; *забой* — место выработки каменного угля; *гезенк* — вертикальная или наклонная подземная выработка

Зимой, прямо из школы, даже не перекусив, Сережка мчался к какому-нибудь другу — артиллеристу, саперу, или минеру, или летчику; в двенадцатом часу ночи со слипающимися веками готовил уроки, а в пять часов утра уже был на стрельбище, где очередной приятель-сержант учил его вместе со своими бойцами стрелять из винтовки или из ручного пулемета. И он действительно не хуже любого бойца стрелял из винтовки, и из нагана, и маузера, и «ТТ»¹, и дегтяревского ручного, и «максима»², и из «ППШ»³, и метал гранаты и бутылки с зажигательной смесью, и умел окапываться, и сам заряжал мины, мог минировать и разминировать местность, и знал устройство самолетов всех стран света, и мог разрядить авиабомбу, — и все это вместе с ним проделывал и Витька Лукьянченко, которого он всюду таскал за собой и который относился к нему примерно так же, как сам Сережка относился к Серго Орджоникидзе или к Сергею Кирову.

Этой весной он сделал еще одну, самую отчаянную попытку попасть уже не в специальную для юношей, а в настоящую взрослую школу летчиков. И опять потерпел поражение. Ему сказали, что он молод, пусть приходит на следующий год.

Да, это было страшное поражение — вместо школы летчиков идти на строительство оборонительных сооружений перед Ворошиловградом. Но он уже решил, что не вернется домой.

Как он ловчил и изворачивался, чтобы его зачислили в часть! Он не рассказал Наде и сотой доли тех ухищрений и унижений, через которые ему довелось пройти. И теперь он знал, что такое бой, и что такое смерть, и что такое страх.

Сережка спал так крепко, что даже утренний кашель отца не разбудил его. Он проснулся, когда солнце было уже высоко; ставни в горенке были закрыты, но он всегда узнавал время по тому, как располагались на глиняном полу и на предметах в горенке полоски золотистого света из щелей между ставнями. Он проснулся и сразу понял, что немцы еще не пришли.

Он вышел во двор умыться и увидел «деда», сидевшего на приступочке, а немного поодаль от «деда» Витьку Лукьянченко. Мать была уже на огороде, и сестры давно ушли на работу.

— Ага! Здорово, воин! Аника! Кха-кха-кхара-кха... — приветствовал его «дед». — Жив? По нынешним временам это самое главное. Хе-хе! Корешок твой с самой зари ждет, пока проснешься. — И «дед» очень дружелюбно повел усами в сторону Витьки Лукьянченко, неподвижно, покорно и серьезно смотревшего темными бархатными глазами на заспанное, с маленькими скулами и уже полное жажды деятельности лицо своего бедового дру-

---

¹ Марка пистолета.

² Марка станкового пулемета.

³ Марка автоматического оружия (пистолета-пулемета).

га. — То добрый у тебя корешок, — продолжал «дед». — Каждое утро, чуть свет, он уже тут: «Сережка пришел? Сережка вернулся?» Сережка ему... кха-кха... один свет в окошке! — с удовольствием говорил «дед».

Так устами «деда» подтверждалась дружеская верность.

Оба они были на земляных работах под Ворошиловградом, и Витька, находившийся в полном подчинении у своего друга, хотел остаться вместе с ним, чтобы поступить в воинскую часть. Но Сережка заставил его вернуться домой — не потому, что он жалел Витьку, а тем более его родителей, а потому, что был уверен, что им не только не удастся поступить в часть двоим, но присутствие Витьки может помешать поступить в часть ему, Сережке. И Витька, до крайности огорченный и обиженный своим товарищем-деспотом, вынужден был уйти. Он не только вынужден был уйти — он вынужден был поклясться, что он ни своим родителям, ни Сережкиным, вообще никому на свете не расскажет о планах Сережки: этого требовало Сережкино самодушие на случай неудачи.

По тому, что говорил «дед», ясно было, что Витька сдержал слово.

Сережка и Витька Лукьянченко сидели за мазанкой на берегу грязного, поросшего осокой ручья, за которым был выгон для скота, а за выгоном — одинокое большое здание недавно построенной и еще не пушенной в ход горняцкой бани. Они сидели на краю балки, курили и обменивались новостями.

Из их товарищей по школе — оба они учились в школе имени Ворошилова — остались в городе Толя Орлов, Володя Осьмухин и Любка Шевцова, которая, по словам Витьки, вела не свойственный ей образ жизни: никуда не выходила из дому и нигде ее не было видно. Любка Шевцова тоже училась в школе имени Ворошилова, но ушла из школы еще до войны, окончив семь классов: она решила стать артисткой и выступала в театрах и клубах района с пением и танцами. То, что Любка осталась в городе, было особенно приятно Сереже: Любка была отчаянная девка, своя в доску. Любка Шевцова была Сергей Тюленин в юбке.

Еще Витька сообщил Сережке на ухо то, что уже было известно ему: что у Игната Фомина скрывается незнакомый человек и все на «Шанхае» ломают голову над тем, что это за человек, и боятся этого человека. А в районе «Сеняков», там, где находились склады с боеприпасами, в погребе, совершенно открытом, осталось несколько десятков бутылок с зажигательной смесью, брошенных, должно быть, в спешке.

Витька робко намекнул, что неплохо было бы эти бутылки припрятать, но Сережка вдруг вспомнил что-то, посуровел и сказал, что им обоим нужно немедленно идти в военный госпиталь.

(В сокращении)

Серезка Тюленин в день вступления немцев в Краснодар познакомился с Валею Борц. Вместе с ней он проник на чердак школы, находившейся напротив треста «Краснодонуголь», где разместился штаб немцев.

Дома Серезка узнал, что фашисты увезли из больницы раненых советских воинов и убили врача Федора Федоровича.

...Он прошел в горницу и кинулся на кровать в подушку. Мстительное чувство сотрясало все его тело. Серезке трудно было дышать. То, что так томило и мучило его на чердаке школы, теперь нашло выход. «Обождите, пусть только стемнеет!» — думал Серезка, корчась на постели. Никакая сила уже не могла удержатъ его от того, что он задумал.

Спать легли рано, не зажигая света, но все были так возбуждены, что никто не спал. Не было никакой возможности уйти незаметно, — он вышел открыто, будто идет на двор, и шмыгнул в огород. Руками он раскопал одну из ямок, где спрятаны были бутылки с горючей смесью, — ночью опасно было копать лопатой. Он слышал, как звякнула дверь, из хаты вышла сестра Надя и тихо позвала его несколько раз:

— Сереза... Сереза...

Она подождала немного, позвала еще раз, и дверь снова звякнула — сестра ушла.

Он сунул по бутылке в карманы штанов и одну за пазуху и во тьме июльской душной ночи, обходя «шанхайчиками» центр города, снова пробрался в парк.

В парке было тихо, пустынно. Но особенно тихо было в здании школы, куда он проник через окно, выдавленное днем. В здании школы было так тихо, что каждый его шаг, казалось, слышен был не только в здании, но и во всем городе. В высокие проемы окон на лестнице вливался снаружи какой-то смутный свет. И, когда фигура Серезки возникла на фоне одного из этих окон, ему показалось, что кто-то затаившийся в углу во тьме теперь увидит и схватит его. Но он пересилил страх и вскоре очутился на своем наблюдательном пункте на чердаке.

Некоторое время он посидел у оконца, сквозь которое теперь ничего не было видно, посидел просто для того, чтобы перевести дух.

Потом он нащупал пальцами гвоздики, которые держали раму окна, отогнул их и тихо вынул раму. Свежий воздух пахнул на него, на чердаке все еще было душно. После темноты школы и особенно этого чердака он уже мог различать то, что происходило перед ним на улице. Он слышал движение машин по городу и видел движущиеся, приглушенные огни их фар. Непрерывное движение частей от Верхнедудаванной продолжалось и ночью. Там, на всем протяжении дороги, видны были светящиеся в ночи

фары. Некоторые машины двигались на полный свет, он вдруг вырывался из-за холма ввысь, как свет прожектора, далеко прорезая ночное небо или освещая часть степи или деревья в роще с вывернутой белой изнанкой листьев.

У главного входа в здание треста шла военная ночная жизнь. Подъезжали машины, мотоциклетки. Все время входили и выходили офицеры и солдаты, бряцая оружием и шпорами, слышался чуждый, резкий говор. Но окна в здании треста были затемнены.

Все чувства Сережки были так напряжены и так направлены в одну цель, что это новое, непредвиденное обстоятельство — то, что окна были затемнены, — не изменило его решения. Так он просидел возле этого оконца часа два, не меньше. Все уже стихло в городе. Движение возле здания тоже прекратилось, но внутри него еще не спали, — Сережка видел это по полоскам света, выбивавшегося из-за краев черной бумаги. Но вот в двух окнах второго этажа свет потух, и кто-то изнутри отворил одно окно, потом другое. Невидимый, он стоял в темноте комнаты у окна, — Сережка чувствовал это. Потух свет и в некоторых окнах первого этажа, и эти окна тоже распахнулись.

— Wer ist da? ¹ — раздался начальственный голос из окна второго этажа, и Сережка смутно различил силуэты фигуры, пергнувшейся через подоконник. — Кто там? — снова спросил этот голос.

— Лейтенант Мейер, Herr Oberst ², — ответил юношеский голос снизу.

— Я не советовал бы вам открывать окна в нижнем этаже, — сказал голос наверху.

— Ужасная духота, Herr Oberst. Конечно, если вы запрещаете...

— Нет, я совсем не хочу, чтобы вы превратились в духовую говядину. Sie brauchen nicht zum Schmorbraten werden, — смеясь, сказал этот начальственный голос наверху.

Сережка, не понимая, с бьющимся сердцем прислушивался к немецкой речи.

В окнах гасили свет, подымали шторы, и окна открывались одно за другим. Иногда из них доносились обрывки разговора, кто-то насвистывал. Иногда кто-нибудь чиркал спичкой, осветив на мгновение лицо, папиросу, пальцы, и потом огненная точка папиросы долго еще видна была в глубине комнаты.

Какая огромная страна, ей конца нет, da ist ja kein Ende abzusehen, — сказал кто-то у окна, обращаясь, должно быть, к приятелю своему в глубине комнаты.

Немцы ложились спать. Все затихло в здании и в городе. Только со стороны Верхнедуванной, прорезая светом фар ночное небо, еще двигались машины.

¹ Кто там? (нем.)

² Господин полковник (нем.).

Серезжа слышал биение своего сердца, казалось, оно стучит на весь чердак. Здесь было все-таки очень душно, Серезжа весь вспотел.

Здание треста с открытыми окнами, погруженное во тьму и сон, смутно вырисовывалось перед ним. Он видел зияющие тьмой отверстия окон сверху и внизу. Да, это нужно было делать сейчас... Он сделал несколько пробных движений рукой, чтобы вымерить возможный размах и хоть приблизительно прицелиться.

Бутылки, которые он сразу, как пришел сюда, вынул из карманов и из-за пазухи, стояли сбоку от него. Он нащупал одну из них, крепко сжал ее за горлышко, примерился и с силой пустил в нижнее растворенное окно. Ослепительная вспышка озарила все окно и даже часть улочки между зданием треста и зданием школы, и в то же мгновение раздался звон стекла и легкий взрыв, похожий на то, как будто разбилась электрическая лампочка. Из окна вырвалось пламя. В то же мгновение Серезжа бросил в это окно вторую бутылку, она разорвалась в пламени с сильным звуком. Пламя уже бушевало внутри комнаты, горели рамы окна, и языки огня высывались вверх по стене, едва не до второго этажа. Кто-то отчаянно выл и визжал в этой комнате, крики раздались по всему зданию. Серезжа схватил третью бутылку и пустил ее в окно второго этажа напротив.

Он слышал звук, как она разбилась, и видел вспышку, такую сильную, что вся внутренность чердака осветилась, но в это время Серезжа был уже далеко от окна, он был уже у выхода на черную лестницу. Стремглав пронесся он этой черной лестницей, и, не имея уже времени разыскивать в темноте класс, где было выдавлено окно, он вбежал в ближайшую комнату, — кажется, это была учительская, — быстро распахнул окно, выпрыгнул в парк и, пригибаясь, побежал в глубину его.

С того момента, как он бросил третью бутылку, и до того момента, как он осознал, что бежит по парку, он все делал инстинктивно и вряд ли мог бы восстановить в памяти, как все это происходило. Но теперь он понял, что надо упасть на землю и полежать одно мгновение тихо и прислушаться.

Слышно было, как мышка шуршит где-то неподалеку от Серезжи в траве. С того места, где он лежал, он не видел пламени, но оттуда, с улицы, доносились крик и беготня. Он вскочил и пробежал еще дальше, на самый край парка, к террикону¹ выработанной шахты.

Он сделал это на случай, если будут оцеплять парк, — отсюда он уже мог уйти при всех условиях.

Теперь он видел огромное, все более распространявшееся по небу зарево, отбрасывавшее свой багровый отсвет даже на этот далеко отстоящий от очага пожара старинный гигантский террикон и на макушки деревьев парка. Серезжа чувствовал, что

¹ Террикон — отвал породы на поверхности шахты.

сердце его расширяется и летит. Все тело его содрогалось, он едва удерживался, чтобы громко не засмеяться.

— Вот вам! Зетцен зи зих! Шпрехен зи дейч! Габен зи этвас!¹.. — повторял он с неописуемым торжеством в душе этот набор фраз из школьной немецкой грамматики, пришедших ему на память.

Зарево все разрасталось, окрашивая небо над парком, и даже сюда доносилась суматоха, поднявшаяся в центральной части города. Нужно было уходить. Сережка почувствовал неодолимое желание снова очутиться в садике, где он увидел сегодня эту девушку, Валю Борц, — да, он знал теперь, как ее зовут.

Бесшумно скользя в темноте, он выбрался на зады Деревянной улицы, перелез через заборчик в сад и уже собрался калиткой выйти на самую улицу, когда до него донесся приглушенный говор людей возле самой калитки. Пользуясь тем, что немцы еще не заняли Деревянную улицу, жители, осмелев, вышли из домишек посмотреть на пожар. Сережка, обогнув домик с другого края, бесшумно перемахнул через забор и подошел к калитке. Там стояла группа женщин, освещенная заревом. Среди них он узнал Валю.

— Что это горит? — спросил он, чтобы дать ей знать о себе.

— Где-то на Садовой... А может быть, школа, — отвечал взволнованный женский голос.

— Это горит трест, — резким голосом сказала Валя с некоторым даже вызовом. — Мама, я пойду спать, — сказала она, притворно зевнула и вошла в калитку.

Сережка двинулся было за нею, но услышал, как каблучки ее простучали по ступенькам крыльца и дверь за нею захлопнулась.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

(В сокращении)

В доме Кошевых поселился немецкий генерал с адъютантом, поваром и денщиком. Мать и бабушка Олега остались в комнатке рядом с кухней, а Олег, не успевший вместе с другими юношами и девушками эвакуироваться и возвратившийся в Краснодон, кое-как устроился в сарайчике во дворе.

...Мучительное наслаждение доставляло Олегу, вытянувшись на топчане с подложенными под голову руками, когда все спали вокруг и свежий воздух из степи вливался в раскрытую дверь сарая и почти полная луна рассеивала далеко по небу грифельный свет свой и блистающим прямоугольником лежала на земляном полу, у самых ног, — мучительное наслаждение доставляло Олегу думать о том, что здесь же, в городе, живет Лена Подднышсва. Образ ее, смутный, разрозненный, несоединимый,

¹ Сидитесь! Говорите по-немецки! Имеете ли вы что-нибудь?

реял над ним; глаза, как вишни в ночи, с золотыми точками луны, — да, он видел эти глаза весной в парке, а может быть, они приснились ему, — смех, будто издалека, весь из серебряных звучков, как будто даже искусственный, так отделялся каждый звук от другого, будто ложечки перебирали за стеной. Олег томился от сознания ее близости и от разлуки с ней, как томятся только в юности, — без страсти, без укоров совести, — одним представлением ее, одним счастьем видения.

В те часы, когда ни генерала, ни его адъютанта не было дома, Олег и Николай Николаевич заходили в родной дом. В нос им ударял сложный парфюмерный запах, запах заграничного табака и еще тот специфический холостяцкий запах, которого не в силах заглушить ни запахи духов, ни табака и который в равной степени свойствен жилищам генералов и солдат, когда они живут вне семьи.

В один из таких тихих часов Олег вошел в дом проведать мать. Немецкий солдат-повар и бабушка Вера молча стряпали на плите — каждый свое. А в горнице, служившей столовой, развалившись на диване в ботинках и в пилотке, лежал денщик, курил и, видно, очень скучал. Он лежал на том самом диване, на котором раньше обычно спал Олег.

Едва Олег вошел в комнату, ленивые, скучающие глаза денщика остановились на нем.

— Стой! — сказал денщик. — Ты, кажется, начинаешь задирать нос, — да, да, я все больше замечаю это! — сказал он и сел, опустив на пол громадные ступни в ботинках, с толстой подметкой. — Опустив руки по швам и держи вместе пятки: ты разговариваешь с человеком старше тебя! — Он пытался вызвать в себе если не гнев, то раздражение, но духота так разморила его, что у него не было силы на это. — Исполни то, что тебе сказано! Слышишь? Ты!.. — вскричал денщик.

Олег, понимавший то, что говорит денщик, и молча смотревший на его палевые веснушки, вдруг сделал испуганное лицо, быстро присел на корточки, ударил себя по коленкам и вскричал:

— Генерал идет!

В то же мгновение денщик был уже на ногах. На ходу он успел вырвать изо рта сигаретку и смять ее в кулаке. Ленивое лицо его мгновенно приняло подобострастно-тупое выражение. Он щелкнул каблуками и застыл, вытянув руки по швам.

— То-то, холуй! Развалился на диване, пока барина нет... Вот так и стой теперь, — сказал Олег, не повышая голоса, испытывая наслаждение от того, что он может высказать это денщику без опасения, что тот поймет его, и прошел в комнату к матери. Мать, закинув голову, стояла у двери, с бледным лицом, держа в руках шитье: она все слышала.

— Разве так можно, сынок... — начала было она.

Но в это мгновение денщик с ревом ворвался к ним.

— Назад!.. Сюда!..— ревел он вне себя.

Лицо его так побагровело, что не видно стало веснушек.

— Не обращай внимания, мама, на этого ид-диота,— чуть дрожащим голосом сказал Олег, не глядя на денщика, словно его тут не было.

— Сюда!.. Свинья!..— ревел денщик.

Вдруг он ринулся на Олега, схватил его обеими руками за отвороты пиджака и стал бешено трясти Олега, глядя на него совершенно белыми на багровом лице глазами.

— Не надо... не надо! Олелек, ну, уступи, зачем тебе...— говорила Елена Николаевна, пытаясь своими маленькими руками оторвать от груди сына громадные красные руки денщика.

Олег, тоже весь побагровев, обеими руками схватил денщика за ремень под мундиром, и сверкающие глаза его с такой силой ненависти вонзились в лицо денщика, что тот на мгновение смехался.

— П-пусти... Слышишь?— сказал Олег страшным шепотом, с силой подтянув денщика к себе и приходя в тем большую ярость, что на лице денщика появилось выражение не то чтобы страха, но сомнения в том, что он, денщик, поступает достаточно выгодно для себя.

Денщик отпустил его. Они оба стояли друг против друга, тяжело дыша.

— Уйди, сынок... Уйди...— повторяла Елена Николаевна.

— Дикарь... Худший из дикарей,— стараясь вложить презрение в свои слова, говорил денщик пониженным голосом,— всех вас нужно дрессировать хлыстом, как собак!

— Это ты худший из дикарей, потому что ты холуй у дикарей, ты только и умеешь воровать кур, рыться в чемоданах у женщин да стаскивать сапоги с прохожих людей,— с ненавистью глядя прямо в белые глаза его, говорил Олег.

Денщик говорил по-немецки, а Олег по-русски, но все, что они говорили, так ясно выражали их позы и лица, что оба отлично понимали друг друга. При последних словах Олега денщик тяжелой, набрякшей ладонью с такой силой ударил Олега по лицу, что Олег едва не упал.

Никогда, за все шестнадцать с половиной лет жизни, ничья рука — ни по запальчивости, ни ради наказания — не касалась Олега. Самый воздух, которым он дышал с детства и в семье и в школе, был чистый воздух соревнования, где грубое физическое насилие было так же невозможно, как кража, убийство, клятвопреступление. Бешеная кровь хлынула Олегу в голову. Он кинулся на денщика. Денщик отпрыгнул к двери. Мать повисла на плечах у сына.

— Олег! Опомнись!.. Он убьет тебя!..— говорила она, блестя сухими глазами, все крепче прижимаясь к сыну.

На шум прибежали бабушка Вера, Николай Николаевич, повар-немец в поварской шапочке и белом халате поверх сол-

латского мундира. Денщик ревел, как ишак. А бабушка Вера, растопырив сухие руки, с развевающимися на них пестрыми рукавами, кричала и прыгала перед денщиком, как наседка, вытесняя его в столовую.

— Олежек, мальчик, умоляю тебя... Окошко открыто, беги, беги!..— жарко шептала Елена Николаевна на ухо сыну.

— В окошко? Не буду я лазить в окошко в своем доме!— говорил Олег, самолюбиво подрагивая ноздрями и губами. Но он уже пришел в себя. — Не бойся, мама, пусти, — я и так уйду... Я пойду к Лене, — вдруг сказал он.

Он решительными шагами вышел в столовую. Все отступили перед ним.

— И свинья же ты, свинья!— сказал Олег, обернувшись к денщику. — Бьешь, когда знаешь, что тебе нельзя ответить... — И неторопливым шагом вышел из дому.

Щека его горела. Но он чувствовал, что одержал моральную победу: он не только ни в чем не уступил немцу, — немец испугался его. Не хотелось думать о последствиях своего поступка. Все равно! Бабушка права. считаться с их «новым порядком»? К чертовой матери! Он будет поступать так, как ему нужно. Посмотрим еще, кто кого!..

...Семья Позднышевых жила в районе «Сеняков». Она, как и Кошечкины с Коростылевыми, занимала половину стандартного дома. Олег еще издали увидел распахнутые, в старинных тюлевых занавесках окна их квартиры, и до него донеслись звуки пианино и искусственный смех Леночки из этих раздельных серебряных звуков. Кто-то, очень энергичный, сильными пальцами брал первые аккорды романса, знакомого Олегу, и Леночка начинала петь, но тот, кто аккомпанировал ей, тут же сбивался, и Леночка смеялась, а потом показывала голосом, где он ошибся и как надо, и все повторялось снова.

Звук ее голоса и звуки пианино вдруг так взволновали Олега, что он некоторое время не мог заставить себя войти в дом. Они, эти звуки, снова напомнили ему счастливые вечера, здесь же у Лены, в кругу друзей, которых, казалось, было тогда так много... Валя аккомпанировала, а Леночка пела, а Олег смотрел на ее лицо, немного взволнованное, смотрел, очарованный и счастливый ее волнением, звуком ее голоса и этими навек запечатленными в сердце звуками пианино, наполнявшими собой весь мир его юности.

Ах, если бы никогда больше не переступал он порога этого дома! Если бы навеки осталось в сердце это слитное ощущение музыки, юности, неясного волнения первой любви!

Но он уже вошел в сени, а из сеней в кухню. В этой полутемной кухне, находившейся в теневой стороне дома, очень мирно и привычно, как они, очевидно, делали это не первый раз, сидели у маленького кухонного столика сухонькая, в старомодном темном платье и в старомодной прическе буклями, мать Лены

и немецкий солдат с такой же палевой головой, как тот денщик, с которым подрался Олег, но без веснушек, низенький, толстый, — по всем ухваткам тоже денщик. Они сидели на табуретках друг против друга, и немецкий денщик с улыбкой, самодовольной и нежливой, с некоторым даже кокетством во взоре, что-то вынимал из рюкзака, который он держал на коленях, и передавал это что-то в руки матери Лены. А она со своим сухоньким лицом и буклями, с дамским, старушечьим выражением понимания того, что ее задабривают, и одновременно с улыбкой льстивой и угоднической, дрожащими руками принимала что-то и клала себе в колени. Они были так заняты этим несложным, но глубоко захватившим обоих делом, что не расслышали, как Олег вошел. И он смог рассмотреть то, что лежало в коленях у матери Лены: плоская жестяная коробка сардин, плитка шоколада и узкая четырехугольная пол-литровая, с вывинчивающейся пробкой жестяная банка в яркой, желтой с синим, этикетке, — такие банки Олег видел у немцев в своем доме, — это было прованское масло.

Мать Лены заметила Ольга и невольно сделала движение руками, будто хотела прикрыть то, что лежало у нее в коленях, и денщик тоже увидел Олега и с равнодушным вниманием уставился на него, придерживая свой рюкзак.

В то же время в соседней комнате оборвались звуки пианино и пение Леночки, и раздался ее смех, и смех мужчин, и обрывки немецких фраз. И Леночка, отделяя один серебряный звук своего голоса от другого, сказала:

— Нет, нет, я повторяю, *ich wiederhole*, здесь пауза, и еще повтор, и сразу...

И она сама пробежала тонкими пальчиками одной руки по клавишам.

— Это ты, Олежек? Разве ты не уехал? — удивленно подняв редкие брови, говорила мама Лены фальшиво-ласковым голосом. — Ты хочешь видеть Леночку?

С неожиданным проворством она спрятала то, что лежало у нее в коленях, в нижнее помещение кухонного столика, потрогала сухонькими пальцами букли, в порядке ли они, и, втянув в плечи голову и выставив носик и подбородок, прошла в комнату, откуда доносились звуки пианино и голос Леночки.

С отхлынувшей от лица кровью, опустив большие руки, сразу став неуклюжим и угловатым, Олег стоял посреди кухни, под равнодушным взглядом немецкого денщика.

В комнате послышалось восклицание Лены, выразившее удивление и смущение. Она пониженным голосом сказала что-то мужчинам в комнате, будто извиняясь, и ее каблучки бегом протопали через всю комнату. Леночка показалась в двери на кухню в сером, темного рисунка, тяжеловатом на ее тонкой фигуре платье, с голой тонкой шейкой, смуглыми ключицами и голыми смуглыми руками, которыми она схватилась за дверные косяки.

— Олег?..— сказала она, смутившись так, что ее смуглое личико залилось румянцем.— А мы тут...

Но оказалось, что у нее решительно ничего не заготовлено для объяснения того, что «они тут». И она с чисто женской непоследовательностью, неестественно улыбнувшись, подбежала к Олегу, повлекла его за руку за собой, потом отпустила, сказала: «Идем, идем» — и уже у порога опять обернулась с наклоненной головой, приглашая его еще раз. Олег вошел вслед за ней в комнату, едва не столкнувшись с матерью Лены, шмыгнувшей мимо него. Двое немецких офицеров в одинаковых серых мундирах, — один офицер, сидя вполоборота на стуле перед раскрытым пианино, а другой, стоя между окном и пианино, — смотрели на Олега без любопытства, но и без досады, просто как на помаху, с которой хочешь не хочешь надо мириться.

— Он из нашей школы, — сказала Леночка своим серебряным голоском. — Садись, Олег... Ты ведь помнишь этот романс? Я уже час бьюсь, чтобы они его разучили. Мы все это повторим, господи! Садись, Олег...

Олег поднял на нее глаза, полуприкрытые золотистыми ресницами, и сказал вятно и тоже отдельно, так, что каждое его слово точно по лицу ее било:

— Ч-чем же они платят тебе? Кажется, постным маслом? Ты п-продешевила!..

Он повернулся на каблуках и мимо матери Лены и мимо толстого денщика с стандартно-палевой головой вышел на улицу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

(В сокращении)

Любовь Шевцова принадлежала к той группе комсомолок и комсомольцев, которые еще прошлой осенью были выдвинуты в распоряжение партизанского штаба для использования в тылу врага.

Она заканчивала военно-фельдшерские курсы и собиралась уже отправиться на фронт, но ее перебросили на курсы радистов там же, в Ворошиловграде.

По указанию штаба она скрыла это от родных и от товарищей и всем говорила и писала домой, что продолжает учиться на курсах военных фельдшеров. То, что ее жизнь была теперь окружена тайной, очень нравилось Любке. Она была «Любка-артистка, хитрая, как лиска», она всю жизнь играла.

Когда она была совсем маленькой девочкой, она была доктором. Она выбрасывала за окно все игрушки, а всюду ходила с сумкой с красным крестом, наполненной бинтами, марлей, ватой, — беленькая, толстенная девочка с голубыми глазами и ямочками на щеках. Она перевязывала своего отца и мать, и всех знакомых, взрослых и детей, и всех собак и кошек.

Мальчик, старше ее, босой прыгнул с забора и распорол ступню стеклом от винной бутылки. Мальчик был из дальнего двора, незнакомый, и никого из взрослых не было в доме, чтобы помочь ему, а шестилетняя Любка промыла ему ногу и залила йодом и забинтовала. Мальчика звали Сережей, фамилия его была Левашов. Но он не проявил к Любке ни интереса, ни благодарности. Он больше никогда не появлялся в их дворе, потому что он вообще презирал девчонок.

А когда она начала учиться в школе, она училась так легко, весело, будто она не на самом деле училась, а играла в ученицу. Но ей уже не хотелось быть доктором, или учителем, или инженером, а хотелось быть домашней хозяйкой, и, за что бы она ни бралась по дому — мыла полы или делала клецки, — все получалось у нее как-то ловчее, веселее, чем у мамы. Впрочем, она хотела быть и Чапаевым, именно Чапаевым, а не Анной-пулеметчицей, потому что, как выяснилось, она тоже презирала девчонок. Она наводила себе чапаевские усы жженой пробкой и дралась с мальчишками до победного конца. Но, когда она немножко выросла, она полюбила танцы: бальные — русские и заграничные, и народные — украинские и кавказские. К тому же у нее обнаружился хороший голос, и теперь уже было ясно, что она будет артисткой. Она выступала в клубах и под открытым небом в парке, а когда началась война, она с особым удовольствием выступала перед военными. Но она совсем не была артисткой, она только играла в артистки, она просто не могла найти себя. В душе ее все время точно переливалось что-то многоцветное, играло, пело, а то вдруг бушевало, как огонь. Какой-то живчик не давал ей покоя; ее терзали жажда славы и страшная сила самопожертвования. Безумная отвага и чувство детского, озорного, пронзительного счастья — все звало и звало ее вперед, все выше, чтобы всегда было что-то новое и чтобы всегда нужно было к чему-то стремиться. Теперь она бредила подвигами на фронте: она будет летчиком или военным фельдшером на худой конец, — но выяснилось, что она будет разведчицей-радишкой в тылу врага, и это, конечно, было лучше всего...

Шестого июля Любку вызвал начальник курсов и сказал, что дела на фронте идут неважно, курсы эвакуируются, а ее, Любку, оставляют в распоряжении областного партизанского штаба: пусть возвращается домой, в Краснодар, и ждет, пока ее не вызовут. Если придут немцы, она должна вести себя так, чтобы не возбудить подозрения. И ей дали адрес на Каменном Броде, куда она должна была зайти еще перед отъездом, чтобы познакомиться с хозяйкой.

Любка побывала на Каменном Броде и познакомилась с хозяйкой. Потом она уложила свой чемоданчик, «проголосовала» на ближайшем перекрестке, и первая же грузовая машина, рейсом через Краснодар, подобрала дерзкую белокурую девчонку...

(В сокращении)

...Со времени возвращения Уля жила одна в крохотном помещении кухоньки, примыкавшей к ряду домашних пристроек. Уля засветила ночник, стоявший на печке, и некоторое время сидела на постели, глядя перед собой. Она была наедине с собой и своей жизнью, в том состоянии предельной открытости перед собой, какое бывает в минуты больших душевных свершений.

Она опустила возле постели, вытащила чемоданчик и из глубины его, из-под белья, вынула сильно потрепанную клеенчатую тетрадку. С момента отъезда из дома Уля не брала ее в руки.

Полустершаяся запись карандашом на первой же странице, как бы эпитафия ко всему, сама говорила о том, почему Уля завела эту тетрадку и когда это было:

«В жизни человека бывает период времени, от которого зависит моральная судьба его, когда совершается перелом его нравственного развития. Говорят, что этот перелом наступает только в юности. Это неправда: для многих он наступает в самом розовом детстве (Помяловский)».

С чувством одновременно и грустно-приятным, и удивления перед тем, что она будучи почти ребенком, записывала то, что так отвечало ее теперешнему душевному состоянию, она читала на выборку то одно, то другое:

«В сражении нужно уметь пользоваться минутой и обладать способностью быстрого соображения».

«Что может противостоять твердой воле человека? Воля заключает в себе всю душу, хотеть — значит ненавидеть, любить, сожалеть, радоваться, жить; одним словом, воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь, творческая власть, которая из ничего делает чудеса!.. (Лермонтов)».

«Я не могу найти себе места от стыда. Стыдно, стыдно, — нет, больше, позорно смеяться над тем, кто плохо одет! Я даже не могу вспомнить, когда я взяла это себе в привычку. А сегодня этот случай с Ниной М., — нет, я даже не могу писать... Все, что я ни вспомню, заставляет меня краснеть, я вся горю. Я сблизилась даже с Лизкой У., потому что мы вместе высмеивали, кто плохо одет, а ведь ее родители... об этом не нужно писать, в общем она дрянная девчонка. А сегодня я так надменно, именно надменно насмеялась над Ниной и даже потянула за кофточку так, что кофточка вылезла из юбки, а Нина сказала... Нет, я не могу повторить ее слова. Но ведь я никогда не думала так дурно. Это началось у меня от желания, чтобы все, все было красиво в жизни, а вышло по-другому. Я просто не подумала, что

многие еще могут жить в нужде, а тем более Нина М., она такая беззащитная... Клянусь, Ниночка, я больше никогда, никогда не буду!»

Дальше шла приписка карандашом, сделанная, очевидно, на другой день: «И ты попросишь у нее прощения, да, да, да!..»

Через две странички было записано:

«Самое дорогое у человека — жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое (Н. Островский)».

«Все-таки комичный этот М. Н.! Конечно, я не скрою, мне приятно провести с ним время (иногда). И он хорошо танцует. Но он очень любит подчеркнуть свое звание и прихвастнуть своими орденами, а мне это как раз совсем не важно. Вчера он заговорил о том, что я уже давно ждала, но чего совсем не хотела... Я посмеялась и не жалею. А то, что он сказал, — покончу с собой, — это и неправда и свинство с его стороны. Он такой толстый, ему бы надо быть на фронте, с ружьем походить. Никогда, никогда, никогда!..»

...Уля сидела, склонившись над своей ученической тетрадкой, пока не услышала, как тихо хлопнула калитка и чьи-то легкие маленькие ноги пробежали через дворик к двери в кухню.

Дверца без стука отворилась, и Валя Филатова, ничего не видя перед собой, подбежала к Уле, упала на колени на земляной пол и уткнулась лицом в колени Ули.

Некоторое время они молчали. Уля чувствовала вздымающуюся грудь Вали и биение ее сердца.

— Что с тобой, Валечка? — тихо спросила Уля.

Валя подняла лицо с полуоткрытым влажным ртом.

— Уля! — сказала она. — Меня угоняют в Германию.

При всем своем глубоком отвращении к немцам и ко всему, что они делали в городе, Валя Филатова до дурноты боялась немцев. С первого дня их прихода она все время ждала, что вот-вот должно случиться что-то ужасное с ней или с матерью.

После того как вышел приказ о регистрации на бирже, а Валя все еще не выполнила этого приказа, она жила в ожидании ареста, чувствуя себя преступницей, ставшей на путь борьбы с немецкой властью.

Этим утром, идя на рынок, она встретила несколько первомильцев, уже сходявших на регистрацию: они шли на работу по восстановлению одной из мелких шахтен, каких немало было в районе «Первомайки».

И тогда Валя, стыдясь признаться Уле в своей слабости, тайно от нее пошла на регистрацию.

Биржа труда помещалась в одноэтажном белом доме, на холме, неподалеку от районного исполкома. Небольшая очередь из нескольких десятков человек, молодых и пожилых, главным об-

разом женщин и девушек, стояла у входа в здание. Валя издали узнала в очереди одноклассницу по первомайской школе Зинаиду Вырикову. Валя узнала ее по маленькому росточку и по гладким, точно приклеенным, волосам и торчащим вперед коротким острым косичкам и подошла к ней, чтобы попасть в очередь поближе.

Нет, это была не одна из тех очередей, в которых немало пришлось постоять людям в дни войны — и в хлебной, и в продовольственной, и за получением продкарточек, и даже при мобилизации на трудовой фронт. Тогда каждый старался попасть поближе, и люди ссорились, если кто-нибудь проходил без очереди, используя знакомство или служебное положение. Это была очередь на немецкую биржу труда, никто не стремился попасть туда раньше других. Вырикова молча взглянула на Валю недобрыми, близко сведенными глазами и уступила ей место перед собой.

Очередь продвигалась довольно быстро, — входили по двое. Валя, державшая у груди в потной руке паспорт, завернутый в платочек, вошла вместе с Выриковой.

В комнате, где регистрировали, прямо против входа стоял длинный стол, за которым сидели толстый немецкий ефрейтор и русская женщина с очень нежной розовой кожей лица и естественно развитым длинным подбородком. И Валя и Вырикова знали ее: она преподавала в краснодонских школах, в том числе и в первомайской, немецкий язык. Как это ни странно, но фамилия ее тоже была Немчинова.

Девушки поздоровались с ней.

— А... мои воспитанницы! — сказала Немчинова и неестественно улыбнулась, опустив длинные темные ресницы.

В комнате стучали машинки. К дверям направо и налево протянулись две небольшие очереди.

Немчинова спрашивала у Вали сведения о возрасте, родителях, адрес и записывала в длинную ведомость. Одновременно она переводила все эти данные немецкому ефрейтору, и он заносил все это в другую ведомость по-немецки.

Пока Немчинова спрашивала ее, кто-то вышел из комнаты направо, а кто-то вошел. Вдруг Валя увидела молодую женщину со сбившейся прической, неестественно красным лицом, со слезами на глазах. Она быстро прошла через комнату, одной рукой застегивая кофточку на груди.

В это время Немчинова еще что-то спросила Валю.

— Что? — спросила Валя, провожая глазами эту молодую женщину со сбившейся прической.

— Здорова? Ни на что не жалуешься? — спрашивала Немчинова.

— Нет, я здорова, — сказала Валя.

Вырикова вдруг дернула ее сзади за кофточку. Валя обер-

пулась, но Вырикова смотрела мимо нее близко сведенными, безразличными глазами.

— К директору! — сказала Немчинова.

Валя машинально перешла в очередь направо и оглянулась на Вырикову. Вырикова механически отвечала на те же вопросы, какие задавали и ее подруге.

В комнате у директора было тихо, только изредка доносились отрывистые негромкие восклицания по-немецки. Пока опрашивали Вырикову, из комнаты директора вышел паренек лет семнадцати. Он был растерян, бледен и тоже застегивал на ходу гимнастерку.

В это время Валя услышала, как маленькая Вырикова резким своим голосом сказала:

— Вы же сами знаете, Ольга Константиновна, что у меня туберкулез¹, — вот слышите? — И Вырикова стала демонстративно дышать на Немчинову и на толстого немецкого ефрейтора, который, отпрянув на стуле, с изумлением смотрел на Вырикову круглыми петушиными глазами. В груди у Выриковой действительно что-то захрипело. — Я нуждаюсь в домашнем уходе, — продолжала она, бесстыдно глядя то на Немчинову, то на ефрейтора, — но если бы здесь в городе, я бы с удовольствием, просто с удовольствием! Только я очень прошу вас, Ольга Константиновна, по какой-нибудь интеллигентной, культурной профессии. А и с удовольствием пойду работать при новом порядке, просто с удовольствием!

«Боже мой, что она городит такое?» — подумала Валя, сбилось сердцем входя в комнату директора.

Перед ней стоял немец в военном мундире, упитанный, с гладко прилизанными на прямой пробор серо-рыжими волосами. Несмотря на то что он был в мундире, он был в желтых кожаных трусиках и в коричневых чулках, с голыми коленками, обросшими волосами, как шерстью. Он бегло и равнодушно взглянул на Валю и закричал:

— Раздевай! Раздевай!

Валя беспомощно повела глазами. В комнате, за столом, сидел еще только немецкий писарь, возле него стопками лежали старые паспорта.

— Раздягайся, чуешь? — сказал немецкий писарь по-украински.

— Как?.. — Валя вся так и залилась краской.

— Как! Как! — передразнил писарь. — Скидай одежду!

— Schneller! Schneller!² — отрывисто сказал офицер с голыми, обросшими волосами коленями. И вдруг, протянув к Вале руки, он чисто промытыми узловатыми пальцами, тоже порос-

¹ Туберкулез.

² Живее! Живее! (нем.)

шими рыжими волосами, раздвинул Вале зубы, заглянул в рот и начал расстегивать ей платье.

Валя, заплакав от страха и унижения, быстро начала раздеваться, путаясь в белье.

Офицер помогал ей. Она осталась в одних туфлях. Немец, бегло оглядев ее, брезгливо ощупал ее плечи, бедра, колени и обернувшись к солдату, сказал отрывисто и так, точно он говорил о солдате:

— Tauglich!¹

— Пачпорт! — не глядя на Валею, крикнул писарь, протянув руку.

Валя, прикрываясь одеждой, всхлипывая, подала ему паспорт.

— Адрес!

Валя сказала.

— Одягайся, — мрачно и тихо сказал писарь, бросив ее паспорт на другие. — Будет извещение, когда являться на сборный пункт.

Валя пришла в себя уже на улице. Жаркое дневное солнце лежало на домах, на пыльной дороге, на выжженной траве. Уже больше месяца как не было дождя. Все вокруг было пережжено и высушено. Воздух дрожал, раскаленный.

Валя стояла посреди дороги в густой пыли по щиколотку. И вдруг, застонав, опустилась прямо в пыль. Платье ее надулось вокруг пузырем и опало. Валя уткнула лицо в ладони.

Вырикова привела ее в себя. Они спустились с холма, где стояло здание райисполкома, и мимо здания милиции, через «Восьмидомики», пошли к себе на «Первомайку». Валею то знобило, то бросало в жаркий пот.

— Дура ты, дура! — говорила Вырикова. — Так вам и надо таким!.. Это же немцы, — с уважением и даже подобоострастием сказала Вырикова, — к ним надо уметь приспособиться!

Валя, не слыша, шла рядом с ней.

— У, ты, дура такая! — со злобой говорила Вырикова. — Я же дала тебе знак. Надо было дать понять, что ты хочешь им помогать здесь, они это ценят. И надо было сказать: нездорова... Там, на комиссии, врачом Наталья Алексеевна с городской больницы, она всем дает освобождение или неполную годность, а немец там просто фельдшер и ни черта не понимает. Дура, дура и есть! А меня определили на службу в бывшую контору «Заготскот», еще и паек дадут...

Первым движением Ули было движение жалости. Она обняла Валею голову и стала молча целовать ей волосы, глаза. Потом у нее зародились планы спасения Валеи.

— Тебе надо бежать, — сказала Уля, — да, да, бежать!

— Куда же, куда, боже мой? — беспомощно и в то же время

¹ Годен! (нсм.)

раздраженно говорила Валя. — У меня же нет теперь никаких документов.

— Валечка, милая, — заговорила Уля ласковым шепотом, — я понимаю, кругом немцы, но ведь это же наша страна, она большая, ведь кругом все те же люди, среди которых мы жили, ведь можно же найти выход из положения! Я сама помогу тебе, все ребята и дивчата помогут.

— А мама? Что ты, Улечка! Они же замучают ее! — Валя заплакала.

— Да не плачь же ты, в самом деле! — в сердцах сказала Уля. — А если тебя в Германию угонят, ты думаешь, ей будет легче? Разве она это переживет?

— Улечка... Улечка... За что ты еще больше мучаешь меня?

— Это отвратительно, что ты говоришь, это... это позорно, гадко... Я презираю тебя! — со страшным, жестоким чувством сказала Уля. — Да, да, презираю твою немощность, твои слезы... Кругом столько горя, столько людей, здоровых, сильных, прекрасных людей гибнет на фронте, в фашистских концлагерях, застенках, — подумай, что испытывают их жены, матери, но все работают, борются! А ты, девчонка, тебе все дороги открыты, тебе предлагают помощь, а ты хнычешь, да еще хочешь, чтобы тебя жалели. А мне тебя не жалко, да, да, не жалко! — говорила Уля.

Она резко встала, отошла к двери и, прислонившись к ней заложенными за спину руками, стояла, глядя перед собой гневными черными глазами. Валя, уткнувшись лицом в постель Ули, молча стояла на коленях.

— Валя! Валечка!.. Вспомни, как мы жили с тобой. Сердечко мое! — вдруг сказала Уля. — Сердечко мое!

Валя зарыдала в голос.

— Вспомни, когда же я посоветовала тебе что-нибудь дурное? Помнишь, тогда, с этими сливами, или когда ты кричала, что не переплывешь, а я сказала, что я тебя сама утоплю? Валечка! Я тебя умоляю...

— Нет, нет, ты покинула меня! Да, ты покинула меня сердцем, еще когда ты уезжала, и потом уже ничего не было между нами. Ты думаешь, я этого не чувствовала? — вне себя говорила Валя рыдая. — А сейчас?.. Я совсем, совсем одна на свете...

Уля ничего не отвечала ей.

Валя встала и, не глядя на Улю, утерла лицо платком.

— Валя, я говорю тебе в последний раз, — тихо и холодно сказала Уля. — Или ты послушаешь меня, тогда мы сейчас же разбудим Анатолия и он проводит тебя к Виктору на Погорелый, или... не терзай мне сердца.

— Прощай, Улечка!.. Прощай навсегда... — Валя, сдерживая слезы, выбежала из кухоньки на двор, залитый светом месяца.

Уля едва сдержалась, чтобы не догнать ее и не покрыть поцелуями все ее несчастное, мокрое лицо.

Она потушила ночник, открыла оконце и, не раздеваясь, легла на постель. Сон бежал от нее. Она прислушивалась к неясным ночным звукам, доносившимся из степи и из поселка. Ей все казалось, что, пока она лежит здесь, к Вале уже пришли немцы и забирают ее, и нет никого, кто мог бы сказать бедной Вале доброе и мужественное слово на прощание...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Майстер Брюкнер и вахтмайстер Балдер отбыли в окружную жандармерию в город Ровеньки, километрах в тридцати от Краснодона, после полудня. Петер Фенбонг, ротенфюрер команды СС, прикомандированной к краснодонскому жандармскому пункту, знал, что майстер Брюкнер и вахтмайстер Балдер повезли в окружную жандармерию материалы допроса и должны получить приказ, как поступить с арестованными. Но Петер Фенбонг уже знал по опыту, каков будет приказ, как знали это и его шефы, потому что перед своим отъездом они отдали приказание Фенбонгу оцепить солдатами СС территорию парка и никого не пропускать в парк, а отделение солдат жандармерии под командой сержанта Эдуарда Большана было направлено в парк рыть большую яму, в которой могли бы уместиться, стоя вплотную один к другому, шестьдесят восемь человек.

Петер Фенбонг знал, что шефы вернутся не раньше как поздним вечером. Поэтому он отправил своих солдат к парку под командованием младшего ротенфюрера, а сам остался в дворницкой при тюрьме.

В последние месяцы у него было очень много работы, и он был всегда поставлен в такое положение, что ни минуты не оставался один и ему не удавалось не только вымыться с ног до головы, но даже сменить белье, потому что он боялся, что кто-нибудь увидит, что он носит на теле под бельем.

Когда уехали майстер Брюкнер и вахтмайстер Балдер и ушли в парк солдаты СС и солдаты жандармерии и все стихло в тюрьме, унтер Фенбонг прошел к повару на тюремную кухню и попросил у него кастрюлю горячей воды и таз, чтобы умыться, — холодная вода всегда стояла в бочке, в сенях дворницкой.

Впервые после многих жарких дней подул холодный ветер и погнал по небу низкие, набухшие дождем облака; день был серый, похожий на осенний, и вся природа этих угольных районов, — не говоря уже об открытом всем ветрам городке с его стандартными домами и угольной пылью, — обернулась своими самыми неприглядными сторонами. В дворницкой было достаточно светло, чтобы умыться, но Петер Фенбонг хотел, чтобы его не только не захватили здесь врасплох, но и не могли бы увидеть его через окно, поэтому он опустил черную бумагу на окна и включил свет.

Как ни привык он с начала войны жить так, как он жил, как ни притерпелся к собственному дурному запаху, все-таки он испытывал невыразимое наслаждение, когда наконец-то смог снять все с себя и побыть некоторое время голым, без этой тяжести на теле. Он был плотным от природы, а с годами стал просто грузнеть и сильно потел под своим черным мундиром. Белье, не смывшееся несколько месяцев, стало склизким и вонючим от пропитавшего его и прокисшего пота и изжелта-черным от линявшего с изнанки мундира.

Петер Фенбонг снял белье и остался совсем голым, с телом, давно не мытым, но белым от природы, поросшим по груди и по ногам и даже немного по спине светлым курчавым волосом. И, когда он снял белье, обнаружилось, что он носит на теле своеобразные вериги. Это были даже не вериги, это походило скорее на длинную ленту для патронов, какую носили в старину китайские солдаты. Это была разделенная на маленькие карманчики, каждый из которых был застегнут на пуговичку, длинная лента из прорезиненной материи, обвинявшая тело Петера Фенбонга крест-накрест через оба плеча и охватывавшая его повыше пояса. Сбоку она была стянута замызганными белыми тесемками, завязанными бантиком. Большая часть этих маленьких, размером в обойму, карманчиков была туго набита, а меньшая часть была еще пуста.

Петер Фенбонг распустил тесемки у пояса и снял с себя эту ленту. Она так давно облегала его тело, что на этом белом полном теле, крест-накрест по спине и груди и ободом повыше пояса, образовался темный след того нездорового цвета, какой бывает от пролежней. Петер Фенбонг снял ленту и аккуратно и бережно, — она была действительно очень длинная и тяжелая, — положил ее на стол и сразу стал яростно чесаться. Он ожесточенно, яростно расчесывал все свое тело короткими тупыми пальцами, расчесывал себе грудь, и живот, и ноги, и все старался добраться до спины, то через одно плечо, то через другое, то заламывал правую руку снизу, под лопатку, и чесал себя большим пальцем, кряхтя и постанывая от наслаждения.

Когда он немного удовлетворил свой зуд, он бережно отстегнул пуговицу внутреннего кармана мундира и вынул маленький, похожий на кисет кожаный мешочек, из которого он высыпал на стол штук тридцать золотых зубов. Он хотел было распределить их в два-три еще не заполненных карманчика ленты. Но раз уж ему повезло остаться одному, он не удержался, чтобы не полюбоваться содержимым других наполненных карманчиков, — он так давно не видел всего этого. И он, аккуратно расстегивая пуговичку за пуговичкой, стал раскладывать по столу содержимое карманчиков отдельными кучками и стопками, и вскоре обложил ими весь стол. Да, было на что посмотреть!

Здесь была валюта многих стран света — американские доллары и английские шиллинги, франки французские и бельгий-

ские, кроны австрийские, чешские, норвежские, румынские лены, итальянские лиры. Они были подобраны по странам, золотые монеты к золотым, серебряные к серебряным, бумажки к бумажкам, среди которых была даже аккуратная стопка советских «синеньких», то есть сотенных, от которых он, правда, не ожидал никакой материальной выгоды, но которые все же оставил у себя, потому что жадность его уже переросла в маниакальную¹ страсть коллекционирования. Здесь были кучки мелких золотых предметов — колец, перстней, булавок, брошек — с драгоценными камнями и без них и отдельно кучки драгоценных камней и золотых зубов.

Тусклый свет электрической лампочки под потолком, засиженной мухами, освещал эти деньги и драгоценности на столе, а он сидел перед ними на табуретке, голый, лысый, волосатый, в светлых роговых очках, расставив ноги и все еще изредка почесываясь, возбужденный и очень расположенный к самому себе.

Несмотря на обилие этих мелких предметов и денег, он мог бы, разбирая каждую денежку и каждую безделушку, рассказать, где, когда, при каких условиях и у кого он ее отобрал или с кого снял и у кого были вырваны зубы, потому что с того самого момента, как он пришел к выводу, что он должен делать это, чтобы не остаться в дураках, он лишь этим и жил, — все остальное было уже только видимостью жизни.

Зубы он вырывал не только у мертвых, а и у живых, но все же он предпочитал мертвых, у которых можно было рвать их без особых хлопот. И когда в партии арестованных он видел людей с золотыми зубами, он ловил себя на том, что ему хотелось, чтобы скорей кончалась вся эта процедура допросов и чтобы этих людей скорей можно было умертвить.

Их было так много, умерщвленных, истерзанных, ограбленных, мужчин, женщин, детей, стоящих за этими денежками, зубами и безделушками, что, когда он смотрел на все это, к чувству сладостного возбуждения и расположения к самому себе всегда примешивалось и некоторое беспокойство.

Оно исходило, однако, не от него самого, Петера Фенбонга, а от некоего воображаемого, очень прилично одетого господина, вполне джентльмена, с перстнем на полном мизинце, в мягкой дорогой светлой шляпе, с лицом гладко выбритым, корректным² и преисполненным осуждения по отношению к Петеру Фенбонгу.

Это был очень богатый человек, богаче Петера Фенбонга со всеми его драгоценностями. Но все же этот человек считал себя вправе осуждать Петера Фенбонга за его способ обогащения, считая этот способ как бы грязным. И с этим джентльменом Петер Фенбонг вел нескончаемый спор, очень, впрочем, добро-

---

¹ Маниакальный — болезненно пристрастный к чему-нибудь (от слова *мания*).

² Корректный — вежливый.

душный, так как говорил только один Петер Фенбонг, стоящий в этом споре на гораздо более высоких и твердых позициях современного делового человека, знающего жизнь.

«Хе-хе, — говорил Петер Фенбонг, — в конце концов я вовсе не настаиваю, что я буду заниматься этим всю жизнь. В конце концов я стану обыкновенным промышленником, или торговцем, или просто лавочником, если хотите, но я должен с чего-нибудь начать! Да, я прекрасно знаю, что вы думаете о себе и обо мне. Вы думаете: «Я — джентльмен, все мои предприятия на виду, каждый видит источник моего благосостояния; у меня семья, дети; я чисто вымыт, опрятно одет и учтив с людьми, я могу прямо смотреть им в глаза; если женщина, с которой я говорю, стоит, я тоже стою; я читаю газеты, книги, состою в двух благотворительных обществах и пожертвовал солидные средства на оборудование лазаретов в дни войны; я люблю музыку, цветы и лунный свет на море. А Петер Фенбонг убивает людей ради их денег и драгоценностей, которые он присваивает. Он даже не гнушается вырывать у людей золотые зубы и прятать все это на теле, чтобы никто не видел. Он вынужден месяцами не мыться и дурно пахнет, и поэтому я имею право осуждать его»... Хе-хе, позвольте, мой милейший и почтеннейший друг! Не забудьте, что мне сорок пять лет, я был моряком, я изъездил все страны мира, и я видел решительно все, что происходит на свете!.. Не знакома ли вам картина, которую я, как моряк, побывавший в далеких странах, не раз имел возможность наблюдать: как ежегодно где-нибудь в Южной Америке, в Индии или в Индокитае миллионы людей умирают голодной смертью, так сказать, на глазах почтеннейшей публики? Впрочем, зачем же ходить так далеко? Даже в благословенные годы довоенного процветания вы могли бы видеть почти во всех столицах мира целые кварталы, населенные людьми, не имеющими работы, умирающими на глазах почтеннейшей публики, иногда даже на папертях¹ старинных соборов. Очень трудно согласиться с мыслью, что они умирают, так сказать, по собственной прихоти! А кто же не знает, что некоторые почтеннейшие люди, вполне джентльмены, когда им это выгодно, не стесняются выбрасывать на улицу из своих предприятий миллионы здоровых мужчин и женщин. И за то, что эти мужчины и женщины плохо мирятся со своим положением, их ежегодно в громадных количествах морят в тюрьмах или просто убивают на улицах и площадях, убивают вполне законно, с помощью полиции и солдат!.. Я привел вам несколько разнообразных способов, — я мог бы их умножить, — способов, которыми на земном шаре ежегодно умерщвляют миллионы людей, и не только здоровых мужчин, а и детей, женщин и стариков, — умерщвляют, собственно говоря, в интересах вашего обогащения. Я уже не говорю о войнах, когда в кратчайшие сроки производится осо-

¹ Паперть — церковное крыльцо, площадка перед входом в церковь.

бенно большое умерщвление людей в интересах вашего обогащения. Милейший и почтеннейший друг! Зачем же нам играть в прятки? Скажем друг другу чистосердечно: если мы хотим, чтобы на нас работали другие, мы должны ежегодно, тем или иным способом, некоторое число их убивать! Во мне вас пугает только то, что я нахожусь, так сказать, у подножия мясорубки, я чернорабочий этого дела и по роду своих занятий вынужден не мыться и дурно пахнуть. Но согласитесь, что вы никогда не могли обходиться без таких, как я, а чем дальше идет время, тем вы все больше и больше нуждаетесь во мне. Я плоть от вашей плоти, я ваш двойник, я — это вы, если вас вывернуть наизнанку и показать людям, каковы вы на самом деле. Придет время, я тоже вымоюсь и буду вполне опрятным человеком, просто лавочником, если хотите, и вы сможете покупать у меня для своего стола вполне доброкачественные сосиски...»

Такой принципиальный спор вел Петер Фенбонг с воображаемым джентльменом с гладко выбритым, корректным лицом и в хорошо проглаженных брюках. И на этот раз, как всегда, одержав победу над джентльменом, Петер Фенбонг пришел в окончательно добродушное настроение. Он запрятал кучки денег и ценностей в соответствующие кармашки и аккуратно застегнул кармашки на пуговички, после чего стал мыться, пофыркивая и повизгивая от наслаждения и разливая по полу мыльную воду, что, впрочем, его совершенно не беспокоило: придут солдаты и подотрут.

Он вымылся не так уж начисто, но все же облегчил себя, снова обвил и перепоясал себя лентой, надел чистое белье, спрятал грязное и облачился в свой черный мундир. Потом он чуть отогнул черную бумагу и выглянул в окно и ничего не увидел, так было темно во дворе тюрьмы. Опыт, уже превратившийся в инстинкт, подсказал ему, что шефы вот-вот должны прибыть. Он вышел во двор и некоторое время постоял у дворничкой, чтобы привыкнуть к темноте, но к ней нельзя было привыкнуть. Холодный ветер нес над городом, над всей донецкой степью тяжелые темные тучи, их тоже не видно было, но казалось, что они шуршат, обгоняя и задевая одна другую влажными и шерстистыми боками.

И в это время Петер Фенбонг услышал приближающийся приглушенный звук мотора и увидел две огненные точки полуприкрытых фар машины, спускавшейся с горы мимо здания —раньше районного исполкома, а теперь районной сельскохозяйственной комендатуры, — которое при свете фар чуть выступило из тьмы одним своим крылом. Шефы возвращались из окружной жандармерии. Петер Фенбонг прошел через двор и черным ходом, охранявшимся солдатом жандармерии, узнавшим ротенфюрера и отдавшим ему честь ружьем, вошел в зданье тюрьмы.

Заключенные в камере тоже слышали, как машина с приглушенным мотором подошла к тюрьме. И та необыкновенная

тишина, которая стояла в тюрьме весь день, — эта тишина была сразу нарушена шагами по коридору, щелканьем ключа в замке, хлопаньем дверей и поднявшейся в камерах возней и этим знакомым, ранящим в самое сердце плачем ребенка в дальней камере. Он вдруг поднялся до пронзительного надрывного крика, этот плач, — ребенок кричал с предельным напряжением, из последних сил, он уже хрипел.

Матвей Костиевич и Валько слышали эту приближающуюся к ним возню в камерах и плач ребенка. Иногда им казалось, что они слышат голос женщины, которая что-то горячо говорила, кричала и умоляла и тоже, кажется, заплакала. Потом щелкнул ключ в замке, жандармы вышли из камеры, где сидела женщина с ребенком, и зашли в соседнюю, где сразу поднялась возня. Но и тогда сквозь эту возню, казалось, доносился необыкновенно печальный и нежный голос женщины, уговаривающей ребенка, и затихающий, словно убаюкивающий самого себя голос ребенка:

— А... а... а... А...а...а...

Жандармы вошли в камеру, соседнюю с той, где сидели Валько и Матвей Костиевич, и оба они поняли смысл той возни, что возникала в камерах с приходом жандармов: жандармы связывали заключенным руки

Их последний час наступил.

В соседней камере было много народу, и жандармы пробыли там довольно долго. Наконец они вышли, замкнули камеру, но не сразу вошли к Валько и Костиевичу. Они стояли в коридоре, обменивались торопливыми замечаниями, потом по коридору кто-то побежал к выходу. Некоторое время стояла тишина, в которой слышны были только бубнящие голоса жандармов. Потом по коридору зазвучали шаги нескольких человек, приближавшихся к камере, раздался удовлетворенный возглас по-немецки, и в камеру, осветив ее электрическими фонариками, вошло несколько жандармов во главе с унтером Фенбонгом; они держали револьверы наизготовку; в дверях виделось еще человек пять солдат. Видно, жандармы боялись, что эти двое, как всегда, окажут им физическое сопротивление. Но Матвей Костиевич и Валько даже не посмеялись над ними; их души были уже далеко от этой суеты сует. Они спокойно дали связать руки за спиной, а когда Фенбонг знаками показал, что они должны сесть и им свяжут ноги, они дали связать ноги, и им наложили на ноги путы, чтобы можно было только ступать мелким шагом и нельзя было убежать.

После того их снова оставили одних, и они молча просидели в камере еще некоторое время, пока немцы не перевязали всех заключенных.

И вот зазвучал в коридоре мерный и быстрый топот шагов; он все нарастал, пока не заполнил всего коридора, — солдаты отбивали шаг на месте и по команде стали и повернулись, грох-

нув ботинками и взяв ружья к ноге. Загрохотали двери камер, и заключенных начали выводить в коридор.

Как ни тускло светили в коридоре лампочки под потолком, Матвей Костиевич и Валько невольно зажмурились, так долго они пробыли в темноте. Потом они стали оглядывать своих соседей и тех, кто стоял дальше в шеренге — в том и в другом конце коридора.

Через одного человека от них стоял, так же со спутанными ногами, как и они, рослый пожилой босой мужчина в окровавленном нижнем белье. И Валько и Матвей Костиевич невольно отшатнулись, признав в этом человеке Петрова. Все тело его было так истерзано, что белье влипло в него, как в сплошную рану, и присохло, — должно быть, каждое движение доставляло этому сильному человеку невыносимые мучения. Одна щека его была развалена до кости ударом ножа или штыка и гноилась. Петров узнал их и склонил перед ними голову.

Но что заставило Валько и Матвея Костиевича содрогнуться от жалости и гнева, — это то, что они увидели в дальнем конце коридора, у выхода из тюрьмы, куда с выражением страдания, ужаса и изумления смотрели почти все заключенные. Там стояла молодая, с измученным, но сильным по выражению лицом женщина, в бордовом платье, с ребенком на руках, и руки ее, обнимавшие ребенка, и самое тело ребенка были так скручены веревками, что ребенок был наглухо и навечно прикреплен к телу матери. Ребенку еще не было и года, его нежная головенка с редкими светлыми волосиками, чуть завивавшимися на затылке, лежала на плече у матери, глаза были закрыты, но он не был мертв, — ребенок спал.

Матвей Костиевич вдруг представил свою жену и детей, и слезы брызнули у него из глаз. Он боялся, что жандармы, да и свои люди увидят эти слезы и неправильно подумают о Шульге. И он был рад, когда унтер Фенбонг наконец пересчитал заключенных и их вывели во двор между двумя шеренгами солдат.

Ночь была так черна, что люди, стоявшие рядом, не могли видеть друг друга. Их построили в колонну по четыре, оцепили, вывели за ворота и, освещая путь и самую колонну электрическими фонариками, вспыхивавшими то спереди, то сзади, то с боков, повели по улице в гору. Холодный ветер, однообразно, с ровным напряжением несшийся над городом, обвинил их своими сырыми струями, и слышен стал влажный шорох туч, мчавшихся так низко над головой, что казалось, до них можно было бы достать рукою. Люди жадно хватали ртом воздух. Колонна шла медленно, в полном безмолвии. Изредка унтер Фенбонг, шагавший впереди, оборачивался и направлял свет большого висевшего на руке фонаря на колонну, и тогда снова выступала из тьмы женщина с привязанным к ней ребенком, шагавшая крайней в первой шеренге, — ветер заносил вбок подол ее бордового платья.

Матвей Костиевич и Валько шли рядом, касаясь друг друга плечом. Слез уже не было на глазах Матвея Костиевича. Чем дальше они шли, Валько и Матвей Костиевич, тем все дальше и дальше отходило от них все то личное, даже самое важное и дорогое, что подспудно так трогало и волновало их до самой последней минуты и не хотело отпустить из жизни. Величие осе-нило их своим крылом. Невыразимый ясный покой опустился на их души. И они, подставляя лица ветру, молча и тихо шли на-встречу своей гибели под этими низко шуршавшими над головой тучами.

У входа в парк колонна остановилась. Некоторое время унтер Фенбонг, сержант жандармерии Эдуард Больман и младший ротенфюрер, командовавший солдатами СС, охранявшими парк, при свете электрического фонаря рассматривали бумагу, кото-рую унтер Фенбонг достал из внутреннего кармана мундира.

После этого сержант пересчитал людей в колонне, освещая их короткими вспышками фонаря.

Ворота медленно, со скрипом распахнулись. Колонну пере-строили по двое и повели главной аллеей, между зданиями клуба имени Ленина и школой имени Горького, где помещался теперь дирекцион объединенных предприятий, входивших ранее в трест «Краснодонуголь». Но почти сразу за школой унтер Фенбонг и сержант Больман свернули в боковую аллею. Колонна сверну-ла за ними.

Ветер сгибал деревья и заносил листву в одном направлении, и шум трепещущей, бьющейся листвы, неумолчный, многоголосо-однообразный, наполнял собой все пространство тьмы вокруг.

Их привели на тот запущенный, мало посещаемый даже в хо-рошие времена край парка, что примыкал к пустырю с одиноким каменным зданием немецкой полицейской школы. Здесь посреди продолговатой поляны, окруженной деревьями, была выкопана длинная яма. Еще не видя ее, люди почувствовали запах выво-роченной сырой земли.

Колонну раздвоили и развели по разные стороны ямы, раз-лучив Валько и Костиевича. Люди стали натекаться на бугры вывороченной земли и падать, но их тут же подымали ударами прикладов.

И вдруг десятки фонариков осветили эту длинную темную яму, и валы вывороченной земли по бокам ее, и измученные лица людей, и отливавшие сталью штыки немецких солдат, оцеплявших поляну сплошной стеной. И все, кто стоял у ямы, увидели у ее окончания, под деревьями, мастера Брюкнера и вахтмайстера Балдера в накинутых на плечи черных прорези-ненных плащах. Позади, немного сбоку от них, грузный, серый, багровый, с выпученными глазами, стоял бургомистр Василий Стаценко.

Майстер Брюкнер сделал знак рукой. Унтер Фенбонг высоко поднял над головой фонарь, висевший на его руке, и тихо ско-

мандовал своим сиплым бабьим голосом. Солдаты шагнули вперед и штыками стали подталкивать людей к яме. Люди, спотыкаясь, увязая ногами и падая, молча взбирались на валы земли. Слышно было только сопение солдат и шум бьющейся на ветру листвы.

Матвей Шульга, тяжело ступая, насколько позволяли ему спутанные ноги, поднялся на вал. Он увидел при вспышке фонариков, как людей сбрасывали в яму; они спрыгивали или падали, иные молча, иные с протестующими или жалобными возгласами.

Майстер Брюкнер и вахтмайстер Балдер недвижимо стояли под деревьями, а Стаценко истово, в пояс, кланялся людям, которых сбрасывали в яму, — он был пьян.

И снова Шульга увидел женщину в бордовом платье, с привязанным к ней ребенком, который, ничего не видя и не слыша, а только чувствуя тепло матери, по-прежнему спал, положив голову ей на плечо. Чтобы не разбудить его, не имея возможности двигать руками, она села на валу и, помогая себе ногами, сама сползла в яму. Больше Матвей Шульга никогда ее не видел.

— Товарищи! — сказал Шульга хриплым сильным голосом, покрывшим собой все остальные шумы и звуки. — Прекрасные мои товарищи! Да будет вам вечная память и слава! Да здравствует...

Штык вонзился ему в спину меж ребер. Шульга, напрягши всю свою могучую силу, не упал, а спрыгнул в яму, и голос его загремел из ямы:

— Да здравствует великая Коммунистическая партия, що указала людям путь к справедливости!

— Смерть врагам! — грозно сказал Андрей Валько рядом с Шульгой: судьба судила им вновь соединиться — в могиле.

Яма была так забита людьми, что нельзя было повернуться. Наступило мгновение последнего душевного напряжения: каждый готовился принять в себя свинец. Но не такая смерть была уготована им. Целые лавины земли посыпались им на головы, на плечи, за вороты рубах, в рот и глаза, и люди поняли, что их закапывают живыми.

Шульга, возвысив голос, запел:

Вставай, проклятем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов...

Валько низко подхватил. Все новые голоса, сначала близкие, потом все более дальние, присоединялись к ним, и медленные волны «Интернационала» неслись из-под земли к темному, тучами несущемуся над миром небу.

В этот темный, страшный час в маленьком домике на Деревянной улице тихо отворилась дверь, и Мария Андреевна Борц, и Валя, и еще кто-то небольшого роста, тепло одетый, с котомкой за плечами и палкой в руке, сошли с крыльца.

Мария Андреевна и Валя взяли человека за обе руки и повели по улице в степь. Ветер подхватывал их платье.

Через несколько шагов этот человек остановился.

— Темно, лучше тебе вернуться, — сказал он почти шепотом.

Мария Андреевна обняла его, и так они постояли некоторое время.

— Прощай, Маша, — сказал он и беспомощно махнул рукой.

И Мария Андреевна осталась, а они пошли, отец и дочь, не отпуская его руки. Валя должна была сопровождать отца до того, как начнет светать. А потом, как ни был он плох глазами, ему предстояло самому добираться до города Сталино¹, где он предполагал укрыться у родственников жены.

Некоторое время Мария Андреевна еще слышала их шаги, потом и шагов не стало слышно. Беспросветная холодная чернота двигалась вокруг, но еще чернее было у Марии Андреевны на душе. Вся жизнь — работа, семья, мечты, любовь, дети — все это распалось, рушилось, впереди ничего не было.

Она стояла, не в силах стронуться с места, и ветер, свистя, обносил платье вокруг нее, и слышно было, как низко-низко тихо шуршат тучи над головой.

И вдруг ей показалось — она сходит с ума. Она прислушалась... Нет, ей не почудилось, она снова услышала это... Поют! Поют «Интернационал»... Нельзя было определить источник этого пения. Оно влетало в вой ветра и шорох туч и вместе с этими звуками разносилось по всему темному миру.

У Марии Андреевны, казалось, остановилось сердце, и все тело ее забило дрожью.

Словно из-под земли, доносилось до нее:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

(В сокращении)

— Я, Олег Кошевой, вступая в ряды членов «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом родной многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь: беспрекословно выполнять любые задания организации; хранить в глубочайшей тайне все, что касается моей работы в «Молодой гвардии». Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть героев-шахтеров. И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам ее без минуты колебаний. Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за тру-

¹ Ныне г. Донецк.

сости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей. Кровь за кровь, смерть за смерть!

— Я, Ульяна Громова, вступая в ряды членов «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом родной многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь...

— Я, Иван Туркенич, вступая в ряды членов «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь...

— Я, Иван Земнухов, торжественно клянусь...

— Я, Сергей Тюленин, торжественно клянусь...

— Я, Любовь Шевцова, торжественно клянусь...

...Любка проснулась чуть свет и, напевая, стала собираться в дорогу. Она решила одеться попроще, чтобы не затрепать лучшего своего платья, но все-таки как можно поярче, чтобы бросаться в глаза, а самое свое шикарное платье чистого голубого крепдешина, голубые туфли и кружевное белье и шелковые чулки она уложила в чемоданчик. Она завивалась меж двух маленьких простых зеркал, в которых едва можно было видеть всю голову, часа два, в нижней рубашке и в трусиках, повертывая голову туда и сюда и напевая и от напряжения упираясь в пол то одной, то другой, поставленной набок, крепкой босой сливочной ногой с маленькими и тоже крепкими пальцами. Потом она надела пояс с резинками, обтерла ладонками розовые ступни и надела фильдеперсовые чулки телесного цвета и кремовые туфли и обрушила на себя прохладное шуршащее платье в горошек, вишнях и еще черт его знает в чем ярко-пестром.

В это же время она уже что-то жевала на ходу, не переставая мурлыкать.

Она испытывала легкое волнение, которое не только не ослабляло ее, а бодрило. В конце концов она была просто счастлива, что вот и для нее наступила пора действовать и ей уже не придется растрчивать свои силы попусту.

Дня два тому назад, утром, небольшая зеленая машина с продолговатым кузовом, из тех, что доставляли из Ворошиловграда продукты чинам немецкой администрации, застопорилась возле домика Шевцовых. Шофер — солдат жандармерии — сказал что-то сидящему рядом с ним солдату, вооруженному автоматом, тоскочил с машины и вошел в дом. Любка вышла к нему, когда он уже был в столовой и оглядывался. Он быстро взглянул на Любку, и, прежде чем он успел что-нибудь сказать, она по каким-то безусловным чертам его лица и повадке поняла, что он — русский. И действительно, он сказал на чистом русском языке:

— Не найдется ли у вас воды, залить в машину?

Русский, да еще в форме немецкой жандармерии, — плохо же он разбирался, в чей дом он попал!

— Иди ты в болото! Понял? — сказала Любка, спокойно глядя на него в упор широко открытыми голубыми глазами.

Она, совершенно не подумав, сразу нашла что сказать этому русскому в военной форме. Если бы он попробовал сделать с ней что-нибудь плохое, она бы с визгом выбежала на улицу и подняла на ноги весь квартал, крича, что она предложила солдату взять воду в балке, а он за это начал ее бить. Но этот странный шофер-солдат не сделал ни одного движения, он только усмехнулся и сказал:

— Грубо работаете. Это может вам повредить... — Он быстро оглянулся, не стоит ли кто-нибудь за ним, и сказал скороговоркой: — Варвара Наумовна просила передать, что очень соскучилась по вас...

Любка побледнела и сделала невольное движение к нему. Но он предупредил ее вопрос, приложив к губам тонкие черные пальцы.

Он вышел вслед за Любкой в сенцы. Она уже держала перед собой обеими руками полное ведро с водой, искательно заглядывая шоферу в глаза. Но он не посмотрел на нее, принял ведро и пошел к машине.

Любка нарочно не пошла за ним, а стала наблюдать в щелку непритворенной двери: она надеялась выведать от него кое-что, когда он принесет ведро. Но шофер, вылив воду в радиатор, отшвырнул ведро к палисаднику, быстро сел в машину, хлопнул дверцей, и машина тронулась.

Итак, Любка должна была ехать в Ворошиловград. Конечно, она была связана теперь дисциплиной «Молодой гвардии» и не могла уехать, не предупредив Олега. Правда, она еще раньше сочла возможным намекнуть ему, что у нее есть в Ворошиловграде такие знакомства, которые могут быть полезны. Теперь она сказала ему, что подвернулся подходящий случай съездить. Однако Олег не сразу дал ей разрешение, а попросил немного обождать.

Каково же было ее изумление, когда спустя всего лишь час или два после их разговора на квартиру к Любке пришла Нина Иванцова и сказала, что разрешение дано. Мало того, Нина сказала:

— Расскажи там, где ты будешь, о гибели наших людей, их фамилии и как их зарыли в парке. А потом скажи, что, несмотря на все это, дела идут в гору, — так просили передать старшие. О «Молодой гвардии» тоже расскажи.

Любка не утерпела и спросила:

— Откуда же Кашук может знать, что там можно обо всем говорить?

Нина, с ее осторожностью, обретенной еще во время подпольной работы в Сталино, только плечами пожала, но потом поду-

мала, что Любка и вправду может не решиться рассказать то, что ей поручили. И Нина сказала равнодушным голосом:

— Наверное, старшие знают, к кому ты идешь.

Любка даже удивилась, как такая простая мысль не пришла ей в голову.

Любка Шевцова, как и другие участники «Молодой гвардии», кроме Володи Осьмухина, не знала, да и не пыталась узнать, с кем из взрослых подпольщиков в Краснодаре связан Олег Кошевой. Но Филипп Петрович отлично знал, для какой цели Любка оставлена в Краснодаре и с кем она связана в Ворошиловграде.

День был холодный, тучи низко бежали над степью. Любка, не чувствуя холода, румяная от ветра, заносившего яркий подол ее платья, стояла на открытом ворошиловградском шоссе с чемоданчиком в одной руке и легким летним пальто на другой.

Немецкие солдаты и ефрейторы с грузовых машин, с воем мчавшихся мимо нее по шоссе, зазывали ее, хохоча и иной раз подавая ей циничные знаки, но она, презрительно сощурившись, не обращала на них внимания. Потом она увидела приближавшуюся к ней вытянутую, низкой посадки светлую легковую машину и немецкого офицера рядом с шофером и небрежно подняла руку.

Офицер быстро обернулся внутри кабины, показав выцветший на спине мундир, — должно быть, кто-то постарше ехал на заднем сиденье. Машина, завизжав на тормозах, остановилась.

— Setzen Sie sich! Schneller!¹ — сказал офицер, приоткрыв дверцу и улыбнувшись Любке одним ртом. Он захлопнул дверцу и, занеся руку, открыл дверцу заднего сиденья.

Любка, нагнув голову, держа перед собой чемоданчик и пальто, впорхнула в машину, и дверца за ней захлопнулась.

Машина рванула, запела на ветру.

Рядом с Любкой сидел поджарый, сухой полковник с несвежей кожей гладко выбритого лица, со свисающими брылями², в высокой выгоревшей от солнца фуражке. Немецкий полковник и Любка с двумя прямо противоположными формами дерзости, — полковник оттого, что он имел власть, Любка оттого, что она все-таки сильно сдрейфила, — смотрели друг другу в глаза. Молодой офицер впереди, обернувшись, тоже смотрел на Любку.

— Wohin befahlen Sie zu fahren³, — спросил этот гладко выбритый полковник с улыбкой бушмена.

— Ни-и черта не понимаю! — пропела Любка. — Говорите по-русски или уж лучше молчите.

¹ Садитесь! Жинес! (нем.)

² Брыли (обл.) — толстые, отвислые губы (преимущественно у собаки).

³ Куда прикажете донести? (нем.)

— Куда, куда... — по-русски сказал полковник, неопределенно махнув рукой вдаль.

— Закудахтал, слава тебе господи, — сказала Любка. — Ворошиловград, чи то Луганск... Ферштеге¹? Ну, то-то!

Как только она заговорила, испуг ее прошел, и она сразу обрела ту естественность и легкость обращения, которая любого человека, в том числе и немецкого полковника, заставляла воспринимать все, что бы Любка ни говорила и ни делала, как нечто само собой разумеющееся.

— Скажите, который час?.. Часы, часы... вот балда! — сказала Любка и пальчиком постучала себе повыше кисти.

Полковник прямо вытянул длинную руку, чтобы оттянуть рукав на себя, механически согнул ее в локте и поднес к лицу Любки квадратные часы на костистой, поросшей редким пепельным волосом руке.

В конце концов не обязательно знать языки, при желании всегда можно понять друг друга.

Кто она такая? Она — артистка. Нет, она не играет в театрах, она танцует и поет. Конечно, у нее в Ворошиловграде очень много квартир, где она может остановиться, ее знают многие приличные люди: ведь она дочь известного промышленника, владельца шахт в Горловке. К сожалению, Советская власть лишила его всего, и несчастный умер в Сибири, оставив жену и четырех детей, — все девушки, и все очень хороши собой. Да, она младшая. Нет, его гостеприимством она не может воспользоваться, ведь это может бросить тень на нее, а она совсем не такая. Свой адрес? Его она безусловно даст, но она еще не уверена, где именно она остановится. Если полковник разрешит, она договорится с его лейтенантом, как они смогут найти друг друга.

— Кажется, вы имеете большие шансы, чем я, Рудольф!

— Если это так, я буду стараться для вас, Herr Oberst!

Далеко ли до фронта? Дела на фронте таковы, что такая хорошенькая девушка может уже не интересоваться ими. Во всяком случае, она может спать совершенно спокойно. На днях мы возьмем Сталинград. Мы уже ворвались на Кавказ, — это ее удовлетворит?.. Кто ей сказал, что на Верхнем Дону фронт не так уж далеко?.. О, эти немецкие офицеры! Оказывается, он не один среди них такой болтливый... Говорят, что все хорошенькие русские девушки — шпионки. Правда ли это?.. Хорошо: это случилось потому, что на этом участке фронта — венгерцы. Конечно, они лучше, чем эти вонючие румыны и макаронники, но на них на всех нельзя положиться... Фронт невыносимо растянут, огромное число людей съедает Сталинград. Попробуйте снабдить все это! Я вам покажу это по линиям руки, — дайте вашу маленькую ладонь... Вот эта большая линия — это на Сталинград, а эта прерывистая, это — на Моздок... у вас очень непо-

¹ Искаженное нем. — понимаешь?

стоянный характер!.. Теперь увеличьте это в миллион раз, и вы поймете, что интендант¹ германской армии должен иметь железные нервы. Нет, она не должна думать, что он имеет дело только с солдатскими штанами, у него нашлось бы кое-что и для хорошенькой девушки, прекрасные вещицы, вот сюда, на ноги, и сюда, — она понимает, о чем он говорит? Может быть, она не откажется от шоколада? Не помешал бы и глоток вина, чертовская пыль!.. Это вполне естественно, если девушка не пьет, но — французское! Рудольф, остановите машину!..

Они остановились, метрах в двухстах не доезжая большой станицы, вытянувшейся по обеим сторонам шоссе, и вылезли из машины. Здесь был пыльный съезд на проселок по краю балки, поросшей вербоу внизу и обильной травой, уже высохшей, по склону, защищенному от ветра. Лейтенант указал шоферу съехать на проселок к балке. Ветер подхватил платье Любки, и она, придерживая его руками, побежала вслед за машиной впереди офицеров, увязая туфлями в растолченной сухой земле, сразу набившейся в туфли.

Лейтенант, лица которого Любка почти не видела, а все время видела только его выцветшую спину, и шофер-солдат вынесли из машины мягкий кожаный чемодан и бело-желтую мелкого плетения тяжелую корзину.

Они расположились с подветренной стороны на склоне балки на высохшей густой траве. Любка не стала пить вина, как ее ни уговаривали. Но здесь, на скатерти, было столько вкусных вещей, что было бы глупо от них отказываться, тем более что она была артистка и дочь промышленника, и она ела сколько хотела.

Ей счень надоела земля в туфлях, и она разрешила внутреннее сомнение, поступила ли бы так дочь промышленника или нет, тем, что сняла кремовые туфли, вытряхнула землю, обтерла ладошками маленькие ступни в фильдеперсовых чулках и уже осталась так, в чулках, чтобы ноги подышали, пока она сидит. Должно быть, это было вполне правильно, во всяком случае немецкие офицеры приняли это как должное.

Ей все-таки очень хотелось знать, много ли дивизий находится на том участке фронта, который был наиболее близок к Краснодару и пролегал по северной части Ростовской области, — Любка знала уже от немецких офицеров, бывших у них на постое, что часть Ростовской области по-прежнему находится в наших руках. И, к большому неудовольствию полковника, который был настроен более лирично, чем деловито, она все время выражала опасения, что фронт будет в этом месте прорван и она снова попадет в большевистское рабство.

В конце концов полковника обидело такое недоверие к не-

---

¹ *Интендант* — должностное лицо в армии, ведающее снабжением.

мецкому оружию, и он — *verdammst noch mal!*¹ — удовлетворил ее любопытство.

Пока они тут закусывали, со стороны станицы послышался все нараставший нестройный топот ног по шоссе. Вначале они не обращали на него внимания, но он, возникая издалека, все нарастал, заполняя собой все пространство вокруг, будто шла длинная, нескончаемая колонна людей. И даже отсюда, со склона балки, видны стали массы пыли, несомые ветром в сторону и ввысь от шоссе. Доносились отдельные голоса и выкрики, мужские — грубые, и женские — жалобные, будто причитали по покойнику.

Немецкий полковник, и лейтенант, и Любка встали, высушившись из балки. Вдоль шоссе, все вытягиваясь и вытягиваясь из станицы, двигалась большая колонна советских военнопленных, конвоируемая румынскими солдатами и офицерами. Вдоль колонны, иногда прорываясь к ней сквозь румынских солдат, бежали старые и молодые казачки, крича и причитая и бросая то в те, то в другие вздымавшиеся к ним из колонны черные сухие руки куски хлеба, помидоры, яйца, иногда целую буханку или даже узелок.

Военнопленные шли полураздегые, в изорванных, почерневших и пропылившихся сверху остатках военных брюк и гимнастерок, в большинстве босые или в страшном подобии обуви, в разбитых лаптях. Они шли, обросшие бородами, такие худые, что казалось, одежда у них наброшена прямо на скелеты. И страшно было видеть на этих лицах просветленные улыбки, обращенные к бегущим вдоль колонны, кричащим женщинам, которых солдаты отгоняли ударами кулаков и прикладов.

Прошло одно мгновение, как Любка высунулась из балки, но уже в следующее мгновение, не помня, когда и как она схватила со скатерти белые булки и еще какую-то еду, она уже бежала, как была в фильдеперсовых чулках, по этому съезду с размешанной сухой землей взбежала на шоссе и ворвалась в колонну. Она совала булки, куски в одни, в другие, в третьи протягивавшиеся к ней черные руки. Румын-фельдфебель пытался ее схватить, а она увертывалась: на нее сыпались удары его кулаков, а она, нагнув голову и загораживаясь то одним, то другим локтем, кричала:

— Бей, бей, сучья лапа! Да только не по голове!

Сильные руки извлекли ее из колонны. Она очутилась на обочине шоссе и увидела, как немецкий лейтенант бил наотмашь по лицу румынского фельдфебеля, а перед взбешенным полковником, похожим на поджарого оскаленного пса, стоял навтыжку офицер румынской оккупационной армии в салатной форме и что-то бессвязно лепетал на языке древних римлян.

---

¹ Здесь: черт побори всё! (нем.)

Но окончательно она пришла в себя, когда кремовые туфли снова были у нее на ногах и машина с немецкими офицерами мчала ее к Ворошиловграду. Самое удивительное было то, что и этот поступок Любки немцы приняли как само собой разумеющееся. Они беспрепятственно миновали немецкий контрольный пост и въехали в город.

Лейтенант, обернувшись, спросил Любку, куда ее доставить. Любка, уже вполне владевшая собой, махнула рукой прямо по улице. Возле дома, который показался ей подходящим для дочери шахтовладельца, она попросила остановить машину.

В сопровождении лейтенанта, несшего чемодан, Любка с перекинутым через руку пальто вошла в подъезд незнакомого ей дома. Здесь она на мгновение заколебалась: постараться ли ей уже здесь отделаться от лейтенанта или постучаться при нем в первую попавшуюся квартиру? Она нерешительно взглянула на лейтенанта, и он, совершенно неправильно поняв ее взгляд, свободной рукой привлек ее к себе. В то же мгновение она без особого даже гнева довольно сильно ударила его по розовой щеке и побежала вверх по лестнице. Лейтенант, приняв и это как должное, с той самой улыбкой, которая в старинных романах называлась кривой улыбкой, покорно понес за Любкой ее чемодан.

Поднявшись на второй этаж, она постучала в первую же дверь кулачком так решительно, будто она после долгого отсутствия вернулась домой. Дверь открыла высокая худая дама с обиженным и гордым выражением лица, хранившего еще следы былой если не красоты, то неукоснительной заботы о красоте, — нет, Любке положительно везло!

— Данке шен, гер лейтенант! ¹ — сказала Любка очень смело и с ужасным произношением, выложив свой запас немецких слов, и протянула руку за чемоданом.

Дама, открывшая дверь, смотрела на немецкого лейтенанта и на эту немку в ярко-пестром платье с выражением ужаса, которого она не могла скрыть.

— Момент! ² — Лейтенант поставил чемодан, быстрым движением вынул из планшета, висевшего у него через плечо, блокнот, вписал что-то толстым некрашеным карандашом и подал Любке листок.

Это был адрес. Любка не успела ни прочесть его, ни обдумать, как поступила бы на ее месте дочь шахтовладельца. Она быстро сунула адрес под бюстгальтер и, небрежно кивнув лейтенанту, взявшему под козырек, вошла в переднюю. Любка слышала, как дама запирала за ней дверь на множество замков, засовов и цепочек.

---

¹ Большое спасибо, господин лейтенант!

² Одну секунду! (нем.)

— Мама! Кто это был? — спросила девочка из глубины комнаты.

— Тише! Сейчас! — сказала дама.

Любка вошла в комнату с чемоданом в одной руке и пальто на другой.

— Меня к вам на квартиру поставили... Не стесню? — сказала она, дружелюбно взглянув на девочку, окидывая взглядом квартиру, большую, хорошо меблированную, но запущенную: в ней мог жить врач, или инженер, или профессор, но чувствовалось, что того человека, для которого она в свое время была так хорошо меблирована, теперь здесь нет.

— Интересно, кто же вас поставил? — спросила девочка с спокойным удивлением. — Немцы или кто?

Девочка, как видно, только что пришла домой, — она была в коричневом берете, румяная от ветра, толстая девочка лет четырнадцати, с полной шеей, щекастая, крепкая, похожая на гриб-боровик, в который кто-то воткнул живые карие глазки.

— Тамочка! — строго сказала дама. — Это нас совершенно не касается.

— Как же не касается, мама, если она поставлена к нам на квартиру? Мне просто интересно.

— Простите, вы — немка? — спросила дама в замешательстве.

— Нет, я русская... Я — артистка, — сказала Любка не вполне уверенно.

Произошла небольшая пауза, в течение которой девочка пришла в полную ясность в отношении Любки.

— Русские артистки эвакуировались!

И гриб-боровик, зардевшись от возмущения, выплыл из комнаты.

Итак, Любке предстояло испить до дна всю горечь, что отравляет победителю радости жизни в оккупированной местности. Все же она понимала, что ей выгодно зацепиться за эту квартиру и именно в том качестве, в каком ее, Любку, принимают.

— Я ненадолго, я подыщу себе постоянную, — сказала она. Все-таки ей очень хотелось, чтобы к ней относились в этом доме добрее, и она добавила: — Ей-богу, я скоро подыщу!.. Где можно переодеться?

Через полчаса русская артистка в голубом крепдешинном платье и в голубых туфлях, перскинув через руку пальто, спустилась к железнодорожному поезду в низину, разделявшую город на две части, и немощеной каменной улицей поднялась в гору, на Каменный Брод. Она приехала в город на гастроли и искала для себя постоянную квартиру.

(В сокращении)

В Ворошиловграде происходит встреча Любки Шевцовой с руководителем областного большевистского подполья Иваном Федоровичем Проценко.

...Выслушав все, что могла сказать Любка об обстоятельствах гибели заключенных краснодонской тюрьмы, Иван Федорович некоторое время сидел мрачный, не в силах говорить. Жалко, мучительно жалко было ему Матвея Костиевича и Валько. «Такие добрые казаки были!» — думал он. Внезапно ему пришла в голову мысль о жене: «Как-то она там, одна?..»

— Да... — сказал он. — Тяжкое подполье! Такого тяжкого ще не было на свити... — И он зашагал по комнате и заговорил с Любкой так, как если бы говорил сам с собой. — Сравнивают наше подполье с подпольем при той интервенции¹, при белых, а какое может быть сравнение? Сила террора у этих катов² такая, что беляки — дети перед ними, — эти губят людей миллионами... Но есть у нас преимущество, какого тогда не было: наши подпольщики, партизаны опираются на всю мощь нашей партии, государства, на силу нашей Красной Армии... У наших партизан и сознательность выше, и организация выше, и техника выше — вооружение, связь. Это надо народу объяснить... У наших врагов есть слабое место, такое, как ни у кого: они тупые, все делают по указке, по расписанию, живут и действуют среди народа нашего в полной темноте, ничего не понимают... Вот что надо использовать! — сказал он, остановившись против Любки, и снова зашагал из угла в угол. — Это все, все надо объяснить народу, чтобы он не боялся их и научился их обманывать. Народ надо организовать, — он сам даст из себя силы: повсюду создавать небольшие подпольные группы, которые могли бы действовать в шахтах, в селах. Люди должны не в лес прятаться, мы, черт побери, живем в Донбассе! Надо идти на шахты, на села, даже в немецкие учреждения — на биржу, в управу, в дирекции, сельские комендатуры, в полицию, даже в гестапо³. Разложить всё и вся диверсией⁴, саботажем, беспощадным террором изнутри!.. Маленькие группки из местных жителей — рабочих, селян, молодежи, человек по пять, но повсюду, во всех порах... Неправда! Залаякает у нас ворог зубами от страха! — сказал он с таким мстительным чувством, что оно передалось и Любке, и ей стало трудно дышать. Тут Иван Федорович вспомнил о том, что Любка передала ему «по поручению старших».

¹ *Интервенция* — вооруженное вмешательство одного или нескольких государств в дела другого государства. Имеется в виду интервенция капиталистических государств в Советской России в 1918—1920 гг.

² *Кат* (укр. устар.) — палач.

³ *Гестапо* — фашистская тайная полиция.

⁴ *Диверсия* — подрывная деятельность.

— У вас, значит, дела в гору идут? Так они и в других местах идут. А без жертв в таком деле не бывает... Тебя как звать? — спросил он, снова остановившись против нее. — Вот оно как, — то ж не дило: така гарна¹ дивчина не может быть Любка, а Люба! — И веселая искорка скакнула у него в глазу. — Ну, еще кажи, шо тобі треба?

С мгновенной яркостью Любка представила себе, как они стояли, семеро, в комнате, построившись в шеренгу. Низкие темные тучи бежали за окном. Каждый, кто выходил перед строем, бледнел, и голос, произносивший клятву, подымался до высокой звенящей ноты, скрывая благоговейное дрожание. И текст клятвы, написанный Олегом и Ваней Земнуховым и утвержденный ими всеми, в этот момент вдруг отделился от них и встал над ними, более суровый и непоколебимый, чем закон. Любка вспомнила это, и от волнения, вновь ее охватившего, ее лицо стало белым, и на нем с необыкновенной силой выразительности выступили голубые детские глаза с жестоким стальным отливом.

— Нам нужны совет и помощь, — сказала она.

— Кому вам?

— «Молодой гвардии»... У нас командиром Иван Туркенич, он лейтенант Красной Армии, попал в окружение из-за ранения. Комиссар — Олег Кошевой, из учеников школы имени Горького. Сейчас нас человек тридцать, принявших клятву на верность... Организованы по пятеркам, как раз, как вы говорили, — Олег так предложил...

— Наверное, так ему старшие товарищи посоветовали, — сказал сразу все понявший Иван Федорович, — но все равно, молодец ваш Олег!..

Иван Федорович с необычайным оживлением присел к столу, посадил Любку против себя и попросил, чтобы она назвала всех членов штаба и охарактеризовала каждого из них.

Когда Любка дошла до Стаховича, Иван Федорович опустил уголки бровей.

— Обожди, — сказал он и тронул ее за руку. — Як его зовут?

— Евгений.

— Он был с вами все время или пришел откуда?

Любка рассказала, как Стахович появился в Краснодоне и что он говорил о себе.

— Вы к этому парубку относитесь с осторожностью, проверьте его. — И Иван Федорович рассказал Любке о странных обстоятельствах исчезновения Стаховича из отряда². — Когда б он в немецких руках не побывал, — сказал он раздумывая.

На лице Любки отразилось беспокойство, тем более сильное, что она недолюбливала Стаховича. Некоторое время она молча

¹ *Гарна* (укр.) — красивая.

² Стахович воевал в партизанском отряде Ивана Федоровича Проценко, но, когда отряд попал в окружение, самовольно покинул поле боя.

смотрела на Ивана Федоровича, потом черты ее лица разгладились, глаза посветлели, и она спокойно сказала:

— Нет, этого не может быть. Наверно, он просто струсил и ушел.

— Почему ты так думаешь?

— Ребята его давно знают как комсомольца, он парень с фанаберией¹, а на такое не пойдет. У него семья очень хорошая, отец старый шахтер, братья-коммунисты в армии... Нет, не может того быть!

Необыкновенная чистота ее мышления поразила Ивана Федоровича.

— Умненька дивчина! — сказал он с непонятной ей грустью в глазах. — Было время когда-то, и мы так думали. Да, видишь ли, дело какое, — сказал он ей так просто, как можно было бы сказать ребенку, — на свете еще немало людей растленных, для коих идея, как одежда, на время, а то и маска, — фашисты воспитывают таких людей миллионами по всему свету, — а есть люди просто слабые, коих можно сломать...

— Нет, не может быть, — сказала Любка, имея в виду Стаховича.

— Дай бог! А если струсил, может струснуть и еще раз.

— Я скажу Олегу, — коротко сказала Любка.

— Ты все поняла, что я говорил?

Любка кивнула головой.

— Вот так и действуйте... Ты здесь, в городе, связана с тем человеком, что привел тебя? Его и держись.

— Спасибо, — сказала Любка, глядя на него повеселевшими глазами.

Они оба встали.

— Передай наш боевой большевистский привет товарищам молодогвардейцам. — Он своими небольшими, точными в движениях руками осторожно взял ее за голову и поцеловал в один глаз и в другой и слегка оттолкнул от себя. — Иди, — сказал он.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

(В сокращении)

...Куда бы ни передвигалось, какое бы движение руками или ногами ни совершало длинное тело человека с узкой головой, в старомодном картузе, с глазами, как у питона, запрятанными среди многочисленных складок кожи, человек этот уже был мертв.

Мечь шла за ним по пятам, днем и ночью, по дежурствам и облавам, она наблюдала за ним через окно, когда он рассмат-

¹ Фанабэрия (разг.) — кичливость, спесь.

ривал с женой вещи и тряпки, отобранные в семье у только что убитого человека; месть знала каждое его преступление и вела им счет. Мечь преследовала его в образе юноши, почти мальчика, быстрого, как кошка, с глазами, которые видели даже во тьме. Но если бы Фомин знал, как она беспощадна, эта месть с босыми ногами, он уже сейчас прекратил бы всякие движения, создающие видимость жизни.

Фомин был мертв потому, что во всех его деяниях и поступках им руководили теперь даже не жажда наживы и не чувство мести, а скрытое под маской чинности и благообразия чувство беспредельной и всеобъемлющей злобы — на всю жизнь, на всех людей, даже на немцев.

Эта злоба исподволь опустошала душу Фомина, но никогда она не была столь страшной и безнадежной, как теперь, потому что рухнула последняя, хотя и подлая, но все же духовная опора его существования. Как ни велики были преступления, какие он совершил, он надеялся на то, что придет к положению власти, когда все люди будут его бояться, а из боязни будут уважать его и преклоняться перед ним. И, окруженный уважением людей, как это бывало в старину в жизни людей богатых, он придет к пристанищу довольства и самостоятельности.

А оказалось, что он не только не обрел, но и не имел никакой надежды обрести признанную имущественную опору в жизни. Он крал вещи людей, которых арестовывал и убивал, и немцы, смотревшие на это сквозь пальцы, презирали его как наемного, зависимого, темного негодяя и вора. Он знал, что нужен немцам только до тех пор, пока он будет делать это для них, для утверждения их господства, а когда это господство будет утверждено и придет законный порядок — Ordnung, они прогонят или попросту уничтожат его.

Многие люди, правда, боялись его, но и эти люди, и все другие презирали и сторонились его. А без утверждения себя в жизни, без уважения людей даже вещи и тряпки, которые доставались жене, не приносили ему никакого удовлетворения. Они жили с женой хуже зверей: звери все же имеют свои радости от солнца и пищи и продолжают в жизни самих себя. Кроме арестов и облав, в которых он участвовал, Игнат Фомин, как и все полицейские, нес караульную службу — дозорным по улицам или на посту при учреждениях. В эту ночь он был дежурным при директории, занимавшем помещение школы имени Горького в парке.

Ветер порывами шумел листвою, и постанывал в тонких стволах деревьев, и мел влажный лист по аллеям. Шел дождь, — не дождь, какая-то мелкая морось, — небо нависло темное, мутное, и все-таки чудились за этой мутью не то месяц, не то звезды, купы деревьев проступали темными и тоже мутными пятнами, влажные края которых сливались с небом, точно растворялись в нем.

Кирпичное здание школы и высокое глухое деревянное здание летнего театра, как темные глыбы, громоздились друг против друга, через аллею.

Фомин в длинном, черном, застегнутом наглухо осеннем пальто с поднятым воротником ходил взад-вперед по аллее между зданиями, не углубляясь в парк, точно он был на цепи. Иногда он останавливался под деревянной аркой ворот, прислонившись к одному из столбов. Так он стоял и смотрел в темноту вдоль по Садовой, где жили люди, когда рука, со страшной силой обнявшая его сзади под подбородок, сдавила ему горло — он не мог даже захрипеть — и согнула его назад через спину так, что в позвоночнике его что-то хрустнуло, и он упал на землю.

В то же мгновение он почувствовал несколько пар рук на своем теле. Одна рука по-прежнему держала его за горло, а другая железными тисками сдавила нос, и кто-то загнал кляп в судорожно раскрывшийся рот и туго захлестнул всю нижнюю часть лица чем-то вроде сурового полотенца.

Когда он очнулся, он лежал со связанными руками и ногами на спине под деревянной аркой ворот, и над ним, точно разрезанное темной дугой, свисало мутное небо с этим рассеянным, растворившимся не светом, а туманом.

Несколько темных фигур людей, лиц которых он не мог видеть, неподвижно стояли по обе стороны от него.

Один из людей, стройный силуэт которого вырисовывался в ночи, взглянул на арку ворот и тихо сказал:

— Здесь будет в самый раз.

Маленький худенький мальчик, ловко снуя острыми локтями и коленками, взобрался на арку, некоторое время повозился на самой ее середине, и вдруг Фомин увидел высоко над собой толстую веревочную петлю, раскачивавшуюся в рассеянном мутном свете неба.

— Закрепи двойным морским, — сурово сказал снизу мальчик постарше, с торчащим в небо черным козырьком кепки.

Фомин услышал его голос и вдруг представил свою горницу на «Шанхае», обставленную кадками с фикусами, и плотную фигуру сидящего за столом человека с крапинами на лице, и этого мальчика. И Игнат Фомин стал страшно извиваться на мокрой холодной земле длинным, как у червя, телом. Извиваясь, он сполз с места, на которое его положили, но человек в большой куртке, похожей на матросский бушлат, приземистый, с могучими руками и невероятно широкими плечами, ногой пододвинул Фомина на прежнее место. В этом человеке Фомин признал Ковалева, вместе с ним служившего в полиции и выгнанного. Кроме Ковалева, Фомин узнал еще одного из шоферов дирекциона, тоже сильного, широкоплечего парня, которого он еще сегодня видел в гараже, куда забегал мимоходом, перед дежурством прикурить. Как ни странно это было в его положении, но Фомин мгновенно подумал о том, что, должно быть, этот шофер

является главным виновником непонятных и многочисленных аварий машин дирекциона, на что жаловалась немецкая администрация, и что об этом следует донести. Но в это мгновение он услышал над собой голос, который тихо и торжественно заговорил с легким армянским акцентом:

— Именем Союза Советских Социалистических Республик...

Фомин мгновенно притих и поднял глаза к небу и снова увидел над собой толстую веревочную петлю в рассеянном свете неба и худенького мальчика, который тихо сидел на арке ворот, обняв ее ногами, и смотрел вниз. Но вот голос с армянским акцентом перестал звучать. Фоминым овладел такой ужас, что он снова начал дико извиваться на земле. Несколько человек схватили его сильными руками и подняли в стоячем положении, а худенький мальчик на перекладине сорвал полотенце, стягивавшее ему челюсти, и надел ему на шею петлю.

Фомин попытался вытолкнуть кляп изо рта, сделал в воздухе несколько судорожных движений и повис, едва не доставая ногами земли, в черном длинном пальто, застегнутом на все пуговицы. Ваня Туркенич повернул его лицом к Садовой улице и английской булавкой прикрепил на груди бумажку, объяснявшую, за какое преступление казнен Игнат Фомин.

Потом они разошлись, каждый своим путем, только маленький Радик Юркин отправился ночевать к Жоре на выселки.

— Как ты себя чувствуешь? — блестя во тьме черными глазами, страшным шепотом спрашивал Жора Радика, которого била дрожь.

— Спать охота, просто спасу нет... Ведь я привык очень рано ложиться, — сказал Радик и посмотрел на Жору тихими, кроткими глазами.

Серезка Тюленин в раздумье стоял под деревьями парка. Вот наконец свершилось то, в чем он поклялся себе еще в тот день, когда узнал, что большой и добрый человек, которого он видел у Фомина, выдан своим хозяином немецким властям. Серезка не только настоял на свершении приговора, он отдал этому все свои физические и душевные силы, и вот это свершилось. В душе его менялись чувство удовлетворения, и азарт удачи, и последние запоздалые вспышки мести, и страшная усталость, и желание начисто вымыться горячей водой, и необыкновенная жажда чудесного дружеского разговора о чем-то совсем-совсем далеком, очень наивном, светлом, как шепот листы, журчание ручья или свет солнца на закрытых утомленных веках...

Самое счастливое было бы сейчас очутиться вместе с Валей. Но он никогда бы не решился зайти к ней ночью, да еще в присутствии матери и маленькой сестренки. Да Вали и не было в городе: она ушла в поселок Краснодон.

Вот как получилось, что этой необыкновенной, мутной ночью, когда в воздухе все время оседала какая-то мелкая-мелкая

морось, Сережка Тюленин, продрогший, в одной насквозь влажной рубашке, с залубеневшими от грязи и стужи босыми ногами, постучался в окно к Ване Земнухову.

С опущенным на окно затемнением, при свете коптилки, они сидели вдвоем на кухне.

Огонек потрескивал, на плите грелся большой семейный чайник, — Ваня решил-таки вымыть друга горячей водой, — и Сережка, поджав босые ноги, жался к плите. Ветер порывами ударял в окно и осыпал окно мириадами росинок, и их множественный шелест и напор ветра, даже здесь, на кухне, чуть колебавший пламя коптилки, говорили друзьям, как плохо сейчас одинокому путнику в степи и как хорошо вдвоем в теплой кухне.

Ваня, в очках, босой, говорил своим глуховатым баском:

— Я так вот и вижу его в этой маленькой избушке, кругом воеет метель, а с ним только няня Арина Родионовна... Воеет метель, а няня сидит возле веретена, и веретено жужжит, а в печке потрескивает огонь. Я его очень чувствую, я сам из деревни, и мама моя, ты знаешь, тоже совсем неграмотная женщина, из деревни, как и твоя... Я, как сейчас, помню нашу избушку; я лежу на печке, лет шести, а брат Саша пришел из школы, стихи учит... А то, помню, гонят овец из стада, а я барашка оседял и давай его лаптями понукать, а он меня сбросил.

Ваня вдруг засмутился, помолчал, потом заговорил снова:

— Конечно, у него бывала огромная радость, когда приезжал кто-нибудь из друзей... Я так и вижу, как, например, Пушкин к нему приехал... Он услышал колокольчик. «Что, — думает, — такое? Уж не жандармы ли за ним?» А это Пушкин, его друг... А то сидят они себе с няней; где-то далеко заметенная снегом деревня, без огней, ведь тогда лучину жгли... Помнишь «Буря мглою небо кроет...»? Ты, наверно, помнишь. Меня всегда волнует это место...

И Ваня, почему-то встав перед Сережкой, глуховато прочел:

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей.
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла...

Сережка тихо сидел, прижимаясь к плите, выпятив свои подпухшие губы; в глазах его, обращенных на Ваню, стояло суровое и нежное выражение. На чайнике на плите запрыгала крышка, и вода весело забулькала, зашипела.

— Довольно стихов! — Ваня точно очнулся. — Разрядяйся! Я, брат, тебя вымою по первому разряду, — весело сказал он. — Нет, брат, совсем, совсем, чего стесняться! Я и мочалку припас.

Пока Сережка раздевался, Ваня снял чайник, достал таз из-под русской печи, поставил его на табуретку и положил на угол обмыленный кусок простого, что употребляют для стирки, дурно пахнущего мыла...

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

(В сокращении)

...Елена Николаевна Кошечкина страдала вдвойне оттого, что она сама не могла решить, должна ли она воспрепятствовать деятельности сына или помочь ему. Ее, как и всех матерей, неустанно, изо дня в день, лишая способности деятельности, сна, изнурая душевно и физически, отлагая на лице морщины, мучила тоска — боязнь за сына. Иногда боязнь эта принимала просто животный характер: ей хотелось ворваться, накричать, силой оттащить сына от страшной судьбы, которую он готовил себе.

Но в ней самой были черты ее мужа, отчима Олега, единственной глубокой и страстной любви ее жизни, — в ней самой клокотало такое пламя битвы, что она не могла не сочувствовать сыну...

...В это утро, когда она услышала от соседей о казни Фомина, у нее едва не вырвался звериный крик. Она сдержала его и легла на постель. И бабушка Вера, несгибающаяся и таинственная, как мумия, положила ей на лоб холодное полотенце.

Елена Николаевна, как и все родители, ни на мгновение не подозревала о причастности сына к самой казни. Но вот каков был тот мир, где вращался сын, вот как жестока была борьба! Какое же возмездие ждет его?.. В душе ее все еще не было ответа сыну, но нужно было наконец разрушить эту страшную таинственность, — так жить нельзя!..

А в это время сын ее, как всегда аккуратно одетый, чисто вымытый, загорелый, вобрав голову в плечи, одно из которых было чуть выше другого, сидел в сарае на койке, а против него, подмостив полешки, сидел носатый, смуглый и ловкий в движениях Коля Сумской, и они резались в шахматы.

Все внимание их было поглощено игрой, лишь время от времени они как бы вскользь обменивались репликами такого содержания, что человек неискушенный мог бы подумать, что он имеет дело с закоренелыми злодеями.

Сумской. Там на станции ссыпной пункт... Как только свезли зерно первого обмолота, Коля Миронов и Палагута запустили клеща...

Молчание.

Кошечкина. Хлеб убрали?

— Заставляют весь убрать... Но больше стоит в скирдах и суслонах¹: нечем обмолотить и вывезти.

¹ Суслон (обл.) — несколько снопов, поставленных стоймя для просушки.

Молчание.

Кошевой. Скирды надо жечь... У тебя ладья под угрозой!

Молчание.

Кошевой. Это хорошо, что у вас свои ребята в совхозе. Мы в штабе обсуждали и решили: обязательно свои ячейки на хуторах. Оружие у вас есть?

— Мало.

— Надо собирать.

— Где ж его соберешь?

— На степи. И у них воруйте, — они живут беспечно.

Сумской. Извиняюсь, шах...

Кошевой. Он, брат, тебе отыгнется, как агрессору¹.

— Агрессор-то не я.

— А задираешься, как какой-нибудь сателлит²!

— У меня скорей положение французское, — с усмешкой сказал Сумской.

Молчание.

Сумской. Извини, коли не так спрошу: этого подвесили не без вашего участия?

Кошевой. Кто его знает.

— Хорошо-о, — сказал Коля с явным удовольствием. — Я думаю, их вообще стоит больше убивать, хотя бы просто из-за угла. И не столько холуев, сколько хозяев.

— Абсолютно стоит. Они живут беспечно.

— Ты знаешь, я сдамся, пожалуй, — сказал Сумской. — Положение безвыходное, а мне домой пора.

Олег аккуратно сложил шахматы, потом подошел к двери, выглянул и вернулся.

— Прими клятву...

Не было никакого перехода от той минуты, как они сидели и играли в шахматы, а вот уже и Кошевой и Сумской, оба в рост, только Олег пошире в плечах, стояли друг против друга, опустив руки по швам, и смотрели с естественным и простым выражением.

Сумской из карманчика гимнастерки достал маленький блок бумажки и побледнел.

— Я, Николай Сумской, — приглушенным голосом заговорил он, — вступая в ряды членов «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом родной многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь... — Им овладело такое волнение, что в голосе пробился металл, но, боясь, что его услышат во дворе, Сумской смирил свой голос. — ...Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки про-

¹ Агрессор — виновник нападения, нападающая сторона.

² Сателлит — приспешник, сообщник. Намек на государства, зависевшие от гитлеровской Германии.

клятвы, а меня самого. покарает суровая рука моих товарищей. Кровь за кровь, смерть за смерть!

— Поздравляю тебя... Отныне твоя жизнь принадлежит не тебе, а партии, всему народу, — с чувством сказал Олег и пожал ему руку. — Примешь клятву от всей краснодонской группы...

Самое главное — это попасть в дом, когда мама уже спит или притворяется, что спит, тихо раздеться и лечь. И тогда не нужно отводить глаз от ясных и измученных глаз мамы и не нужно притворяться, будто ничего не изменилось в жизни.

Ступая на цыпочках и сам чувствуя, какой он большой, он входит на кухню, тихонько приоткрывает дверь и входит в комнату. Окна, как всегда, наглухо закрыты ставнями и затемнены. Сегодня топили плиту, — в доме нестерпимая духота. Коптилка, поставленная, чтобы не марать скатерти и чтобы была повыше, на старую опрокинутую жестяную банку, выделяет из мрака выпуклости и грани знакомых предметов.

Мать, всегда такая аккуратная, почему-то сидит на разобранной ко сну постели в платье и прическе, сцепив положенные меж колен маленькие, смуглые, с утолщенными суставами руки, и смотрит на огонек коптилки.

Как тихо в доме! Дядя Коля, теперь почти все дни пропадающий у своего приятеля инженера Быстринова, вернулся и спит, и Марина спит, а маленький племянник, наверно, давно уже спит, выпятив губы. Бабушка спит и даже не похрапывает. Даже тиканья часов не слышно. Не спит одна мама. Прекрасная моя!..

Но главное — не поддаваться чувству... Вот так вот, молча, пройти мимо на цыпочках и лечь, а там сразу можно притвориться спящим...

Большой, тяжелый, он на цыпочках подходит к матери, падает перед ней на колени и прячет в ее коленях свое лицо. Он чувствует ее руки на своих щеках, чувствует ее неподменное тепло и едва уловимый, точно наносимый издали девичий запах жасмина и другой, чуть горьковатый, то ли полыни, то ли листочков баклажана, — не все ли равно!..

— Прекрасная моя! Прекрасная моя! — шепчет он, обдавая ее светом своих глаз. — Ты же все, все понимаешь... прекрасная моя!

— Я все понимаю, — шепчет она, склонившись к нему головой и не глядя на него.

Он ищет ее глаза, а она все прячет глаза в его шелковистых волосах и шепчет, шепчет:

— Всегда... везде... Не бойся... будь сильный... орлик мой... до последнего дыхания...

— Будет, ну, будет... Спать пора... — шепчет он. — Хочешь, я выпущу их на волю?

И он, как в детстве, нащупывает руками одну и другую скрепочку в ее волосах и начинает выбирать шпильки. Пряча лицо,

она все клонит голову ему на руки, но он вынимает шпильки все до одной и выпускает ее косы, и они, развернувшись, падают с таким звуком, как падают яблоки в саду, и покрывают всю маму.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

(В сокращении)

Ночь была так черна, что, вплотную соткнувшись лицами, нельзя было видеть друг друга. Сырой, холодный ветер мчался по улицам, завихряясь на перекрестках; он погромыхивал крышами, стонал по трубам, свистел в проводах, дудел в столбах. Нужно было знать город так, как они, чтобы по невылазной грязи, во тьме, выйти точно к проходной будке...

Обычно на этом отрезке дороги — от ворошиловградского шоссе до клуба имени Горького — ходил ночью дежурный полицейский. Но, видно, грязь и стужа загнали его куда-нибудь под крышу.

Проходная будка была сложена из камня, — это была не будка, а целая башня с зубцами наверху, как в замке, внизу была конторка и проход на территорию шахты. Направо и налево от башни шла высокая каменная стена.

Они были точно созданы для того, чтобы проделать это вдвоем, — широкоплечий Сергей Левашов и Любка со своими сильными ногами и легкая, как огонь. Сергей выставил колено и протянул Любке руки. Она, не видя их, сразу попала в них своими маленькими ручками и тихо засмеялась. Она поставила ногу в ботинке на колено к нему и в то же мгновение была уже у него на плечах и положила руки на каменную ограду. Он крепко держал ее за ноги повыше ботинок, чтобы она не упала. Платье ее билось над его головой, как флаг. Она легла животом на ограду, держась с той стороны за стену поджатыми под грудь руками; руки у нее были недостаточно сильные, чтобы подтянуть Сергея, но в такой позе она смогла удержаться, когда он, крепко взявшись за ее талию и упираясь ногами в стену, сам подтянулся на руках и быстрым сильным движением перенес одну, потом другую руку на стену. Теперь Любке осталось только освободить ему место, — он был уже рядом с ней.

Поверхность толстой стены была ребром и мокрая, — очень легко было соскользнуть. Но Сергей стоял крепко, прислонившись лбом к стене башни и распластав по ней руки. Теперь Любка уже сама взлезла ему на плечи по спине, — все-таки он был очень силен. Зубцы башни оказались на уровне ее груди, и она легко влезла на башню. Ветер так рвал ее платье и жакет, что казалось — вот-вот сбросит ее. Но теперь самое трудное было позади...

Она вынула из-за пазухи сверточек, нащупала шпагат, проделтый сквозь оборку с узкого края, и, не давая развернуться на

ветру, прикрепила к флагштоку. И только она отпустила, ветер подхватил это с такой яростной силой, что у Любки забилось сердце от волнения. Она достала второй, меньший сверточек и надвязала у самого подножия флагштока так, что это было уже внутри, за зубцами. Таким же образом, по спине Сергея, она спустилась на стену, но не решилась спрыгнуть в грязь и села, свесив ноги. Сергей спрыгнул и снизу тихо позвал ее, подставив руки. Она не видела его, а только чувствовала его по голосу. У нее вдруг замерло сердце, — она протянула вперед руки, зажмурила глаза и прыгнула. Она упала ему прямо в руки и обняла его за шею, и он подержал ее так некоторое время. Но она высвободилась, спрыгнула на землю и, дыша ему в лицо, возбужденно зашептала:

— Сережка! Захватим гитару, а?

— Идет! И я переоденусь, ты меня всего вывозила своими ботиками, — сказал он, счастливый.

— Ни-ни! Примут нас, какие есть! — Она весело засмеялась.

Вале и Сережке Тюленину достался центр города — самый опасный район: немецкие часовые стояли у здания райисполкома, у здания биржи, полицей дежурил у дирекциона, под горой была жандармерия. Но тьма и ветер благоприятствовали им. Сережка облюбовал пустующий дом «бешеного барина», и, пока Валя дежурила с той стороны дома, что была обращена к райисполкому, Сережка взобрался по гнилой лестнице, приставленной к чердаку, должно быть, еще в те времена, когда жив был «бешеный барин», — и все обстряпал в пятнадцать минут.

Вале было очень холодно, и она рада была, что все так быстро кончилось. Но Сережка, склонившись к самому ее лицу и смеясь, тихо сказал:

— У меня еще один в запасе. Давай — на дирекцион!

— А полицей?

— А пожарная лестница?

В самом деле, пожарная лестница была со стороны, противоположной главному подъезду.

— Пошли, — сказала она.

В чернильной тьме они спустились на железнодорожную ветку и долго шли по шпалам. Вале казалось, что они идут уже к Верхнедуванной, но это было не так: Сережка видел в темноте, как кошка.

— Вот здесь, — сказал он. — Только иди за мной, а то слева косогор и вылезешь прямо на школу полицеев...

Ветер бушевал среди деревьев парка, стучал голыми ветками и кропил Валу и Сережку холодными каплями с веток. Сережка уверенно и быстро вел ее из аллеи в аллею, и Валя догадалась, что они подошли к школе, — так сильно грохотала крыша.

Вот уже не слышно стало дрожания железной лестницы, по которой поднимался Сережка. Его все не было и не было... Валя стояла одна в темноте у подножия лестницы. Как бесприютна и ужасна была эта ночь с этим стуком голых веток! И какие слабые, беспомощные в этом тесном, ужасном мире были ее мама и она Валя, и маленькая Люся... А отец? Что, если он бредет сейчас где-нибудь без крова, полуслепой?.. Валя представила себе все огромное пространство донецкой степи, взорванные шахты, мокрые городки и поселки без света, с этими жан-дармериями... Вдруг ей показалось, что Сережка никогда не спустится с этой грохочущей крыши, и мужество покинуло ее. Но в это мгновение она почувствовала дрожание лестницы, и лицо ее приняло холодное и независимое выражение.

— Ты здесь?.. — Он улыбался в темноте.

Она почувствовала, что он протянул к ней руку, и подала свою. Рука его была холодна, как ледышка. Что только он не переносил, худенький, в дырявых ботинках, в которых он уже столько часов ходил по грязи, — наверно, они были полны воды, — в старенькой, прохудившейся курточке нараспашку?.. Обими руками она взяла его за щеки, они тоже были холодные, как ледышки.

— Ты же совсем окоченел, — сказала она, не отнимая рук от его лица.

Он мгновенно притих, и так они постояли некоторое время. Только голые ветки стучали. Потом он прошептал:

— Больше не будем кружить... Отойдем немного да через забор...

Она отняла руки...

...Было удивительно, как все молодые люди, двенадцать человек, уместились на одном диване. Тесно прижавшись один к другому и склонившись головами, они по очереди читали вслух доклад¹, и лица их невольно выражали то, что одни испытали сегодня, сидя у радио, а другие — в этом ночном походе по грязи. Лица их выражали одновременно то любовное чувство, которое связывало некоторых из них и словно током передавалось другим, и то необыкновенно счастливое чувство общности, которое возникает в юных сердцах при соприкосновении с большой человеческой мыслью, а особенно той мыслью, которая выражает самое важное в их жизни сейчас. На их лицах было такое счастливое выражение дружбы, и светлой молодости, и того, что все будет хорошо... Даже Елена Николаевна чувствовала себя молодой и счастливой среди них. И только бабушка Вера, оперев худое лицо на смуглую ладонь, с какой-то боязнью и неожиданным чувством жалости неподвижно смотрела на молодых людей с высоты своей старости.

---

¹ Речь идет о докладе Сталина, который молодогвардейцы накануне тайно слушали по радио и записали.

Молодые люди прочли доклад и задумались. На лице бабушки появилось лукавое выражение.

— Ой, гляжу я на вас, хлопцы та дивчата, — сказала она, — та хиба ж так можно? Такой великий праздник! Дивиться на стол! Та не вже ж та горилка только для красы! Треба ж ее выпить!

— Ой, бабуня, ты ж у меня краше всех!.. К столу, к столу!.. — закричал Олег.

Главное было — не сильно орать, и всем было очень смешно хором шикать на того, кто повышал голос. Решили все-таки по очереди дежурить возле дома, и очень смешно было выгонять на дежурство того, кто любезничал с соседом или соседкой или просто очень развеселился.

Белоголовый Степа Сафонов в обычном состоянии мог говорить о чем угодно, но, если ему приходилось выпить вина, он мог говорить только о любимом предмете. Веснушчатый носик Степы Сафонова покрылся бисеринками пота, и он стал рассказывать своей соседке Нине Иванцовой о птице фламинго. Все на него зашикали, и его немедленно выгнали на дежурство. Он вернулся как раз в тот момент, когда сдвинули в сторону стол и Сергей Левашов взял гитару.

Сергей Левашов играл в той русской небрежной манере, особенно распространенной среди русских мастеровых, при которой вся поза и особенно лицо исполнителя выражают полную безучастность к тому, что происходит: он не смотрит на танцующих, не смотрит на зрителей и уж, конечно, не смотрит на инструмент, он не смотрит ни на что в особенности, а руки его сами собой выделывают такое, что так и хочется пуститься в пляс.

Сергей Левашов взял гитару и заиграл какой-то модный перед войной заграничный бостон. Степа Сафонов кинулся к Нине, и они закужились.

В этом заграничном танце Любка-артистка была, конечно, лучше всех. Но из мужчин на первом месте был Ваня Туркенич, высокий, стройный, галантный — настоящий офицер. И Любка танцевала сначала с ним, а потом с Олегом, который считался одним из лучших танцоров в школе. А Степа Сафонов все не отпускал притихшую, словно одеревеневшую Нину, и танцевал с ней все танцы, и очень подробно объяснял Нине, насколько разнится оперение у самца фламинго и у самки фламинго и сколько самка фламинго кладет яиц.

Вдруг лицо у Нины стало красное и некрасивое, и она сказала:

— Мне с тобой, Степа, совершенно неудобно танцевать, потому что ты маленький и мне на ноги наступаешь и все время треплешься.

И она вырвалась от него и убежала.

Степа Сафонов устремился было к Вале, но она уже пошла с Туркеничем. Тогда он подхватил Олю Иванцову. Она была спокойная, серьезная девушка и еще более молчаливая, чем ее сестра, и Степа уже мог совершенно безнаказанно рассказывать ей о необыкновенной птице.

Все же он не забыл обиды и в один из удобных моментов искал Нину глазами. Она танцевала с Олегом. Олег уверенно и спокойно кружил ее крупное, сильное тело, и улыбка сама собой выступала на губах у Нины, глаза стали счастливые, и она была необыкновенно хороша собой.

Бабушка Вера не выдержала и закричала:

— Ото ж мени танцы! И шо воны такое придумали у той за-
границы! Сережа, давай гопака!..

Сергей Левашов, даже не поведя бровью, перешел на гопака. Олег, в два прыжка проскочив всю комнату, подхватил бабушку за талию, и она, нисколько не сконфузившись, с неожиданной в ней легкостью так и понеслась вместе с ним, выстукивая башмаками. Только по тому, как плавно кружился над полом темный подол ее юбки, видно было, что бабушка танцует умеючи — бережно и лихость у нее не столько в ногах, сколько в руках, а особенно в выражении лица...

Ни в чем так свободно не проявляется народный характер, как в песне и в пляске. Олег с выражением лукавства, которое у него было не в губах и даже не в глазах, а где-то в подрагивающих кончиках бровей, с расстегнутым воротом рубахи, с выступившими на лбу под волосами капельками пота, свободно и почти недвижимо держа крупную голову и плечи, шел вприсядку с такой — оторви голову! — удалостью, что в нем, как и в его бабушке, сразу стал виден природный украинец.

Белозубая, черноокая красавица Марина, ради праздника надевшая на себя все свои мониста, не утерпела, топнула каблукom, развела руки, будто выпустила что-то дорогое, и вихрем пошла вокруг Олега. Но дядя Коля настиг ее, а Олег снова подхватил бабушку за талию, и они понеслись в две пары, стуча каблуками.

— Ой, помрешь, стара! — вдруг крикнула вся раскрасневшаяся бабушка и упала на диван, обвеваясь платочком.

Все зашумели, задвигались, захлопали, танец прервался, но Сергей Левашов, безучастный ко всему, играл гопака, будто все это его вовсе не касалось, и вдруг оборвал на половине лада, положив руки на струны.

— Украина забила! — вскричала Любка. — Сережка! Давай нашу поулошную!

И не успел Сергей Левашов тронуть струны, как она уже пошла «русскую», сразу выдав такого дробота своими каблучками, что уже ни на что нельзя было смотреть, как только на ее ноги. Так она прошла, плавно неся голову и плечи, и вышла перед Сережкой Тюлениным, топнула ногой и отошла назад, предо-

ставив ему место. Сережка с тем безучастным выражением лица, с которым не только играют, а и пляшут русские мастеровые люди, небрежно пошел на Любку, тихо постукивая рваными и много раз чиненными башмаками.

Так он прошелся в меру и снова вышел на Любку, топнул и отступил. Она, выхватив платочек, пошла на него, топнула и поплыла по кругу, с незаметным искусством неся неподвижную голову и только вдруг одаряя зрителя каким-то едва заметным, небрежным чутошным поворотом, в котором, казалось, участвует только носик. Сережка ринулся за ней и давай чесать нога за ногу все с тем же безучастным выражением, с опущенными руками, но с такой беззаветной преданностью делу, какую его ноги выражали с небрежной и немного комичной старательностью.

Любка, круто сломав ритм вслед за зачавшившей гитарой, вдруг повернулась на Сережку, но он все наступал на нее, с такой отчаянностью, с такой безнадежной любовной яростью оттопывая башмаками, что от башмаков стали отлетать кусочки задохшей грязи.

Особенностью его танца было предельное чувство меры, — это была удадь, но удадь, глубоко запрятанная. А Любка черт знает что выделявала своими полными, сильными ногами, лицо ее порозовело, золотистые кудри дрожали, сотрясенные, как если бы они были из чистого золота, и на всех лицах, обращенных на нее, было выражение: «Вот так Любка-артистка!»

И только влюбленный в Любку Сергей Левашов не смотрел на нее, лицо его было канонически¹ безучастно ко всему, лишь сильные нервные пальцы его быстро бегали по струнам.

Сережка, сделав полный отчаяния жест, будто он ударил шапкой оземь, решительно пошел на Любку, в такт музыке ударяя себя ладошками по коленкам и подметкам, и так он загнал Любку в окружившее их кольцо зрителей, и оба они остановились, топнув каблуками. Кругом засмеялись, захлопали, а Любка вдруг грустно сказала:

— Вот она, наша поулошная...

И потом она уже больше не танцевала, а сидела рядом с Сергеем Левашовым, положив ему на плечо свою маленькую белую руку.

В этот день штаб «Молодой гвардии», с разрешения подпольного райкома, выдал денежное вспомоществование некоторым находящимся в наиболее бедственном положении семьям фронтовиков.

Средства «Молодой гвардии» составлялись не столько из членских взносов, сколько от продажи из-под полы папирос, спи-

---

¹ *Канонически* — здесь: по установившимся правилам.

чек, белья, разных продуктов, особенно спирта, которые ребята похищали с немецких грузовых машин.

Днем Володя Осьмухин зашел к своей тетке Литвиновой и подал ей пакет с советскими деньгами: они ходили наряду с марками, только по очень низкому курсу.

— Тетя Маруся, это тебе и Калерии Александровне от наших подпольщиков, — сказал Володя. — Купи что-нибудь детям ради великого праздника...

Калерия Александровна была соседка Литвиновой, тоже жена командира. У обеих были дети, обе сильно бедствовали: немцы не только отобрали у них все вещи, но и вывезли на грузовике большую часть мебели...

...По привычке заботиться о доме и детях, тетя Маруся проснулась, едва рассвело; сунула ноги в шлепанцы, накинула домашнее платье, быстро растопила плиту и поставила чайник и, задумавшись, подошла к окну, выходящему на пустырь. С левой стороны его виднелись здания детской больницы и школы имени Ворошилова, а с правой, на холме, — здания райисполкома и «бешеного барина». И вдруг она издала легкий крик... Под сильно пасмурным, с мчащимися по нему низкими рваными тучами небом на здании школы Ворошилова развевался на ветру красный флаг. Ветер то натягивал его с такой силой, что он весь вытягивался в трепещущий прямоугольник, то чуть отпускал его, и тогда он ниспадал складками, и края его завивались и развивались.

Красный флаг еще больших размеров развевался на здании «бешеного барина». Большая группа немецких солдат и несколько человек в штатском стояли у дома, у приставной деревянной лестницы, и смотрели на флаг. Двое солдат стояли на самой лестнице, один в том месте, где она опиралась на крышу, другой чуть пониже, и то поглядывали на флаг, то переговаривались со стоявшими внизу. Но почему-то никто из них не лез выше и не убирал флага. На этой самой высокой точке флаг величественно развевался, видный всему городу.

Тетя Маруся, не помня себя, сбросила шлепанцы, сунула ноги в туфли и, даже не накинув платка, нечесаная, побежала к соседке.

Калерия Александровна, в нижней рубашке, с опухшими ногами, на коленях стояла на подоконнике, взявщими руками за наличники, и глядела на флаги с выражением экстаза¹ на лице. Слезы ручьями бежали по ее худым темным щекам.

— Маруся! — сказала она. — Маруся! Это сделано для нас, советских людей. О нас помнят, мы нашими не забыты. Я... я поправляю тебя...

И они кинулись друг другу в объятия.

---

¹ Экстаз — здесь: восторг.

Чем явственнее обозначались успехи Красной Армии уже не только в районах Сталинграда и на Дону, а и на Северном Кавказе и в районе Великих Лук, тем шире размахивалась и становилась все отчаянней деятельность «Молодой гвардии».

«Молодая гвардия» была уже большой, разветвленной по всему району и все растущей организацией, насчитывавшей более ста членов. И еще больше того было у нее помощников.

Организация росла и не могла не расти, потому что она развивала свою деятельность. В конце концов она к этому была призвана. Правда, ребята чувствовали, что стали как-то заметней по сравнению с тем временем, когда начинали свою деятельность. Но что же делать, — в известном смысле это было неизбежно.

Но чем шире развевалась деятельность «Молодой гвардии», тем все уже сходились вокруг нее крылья «частого бредня», заброшенного гестапо и полицией.

На одном из заседаний штаба Уля вдруг сказала:

— А кто из нас знает азбуку Морзе?

Никто не спросил, зачем это надо, и никто не пошутил над Улей. Может быть, впервые за все время их деятельности члены штаба подумали о том, что они ведь могут быть арестованы. Но это было мимолетное раздумье. Ведь им пока ничто не угрожало.

И именно в этот период Олег был вызван для личной беседы с Лютиковым.

Они так и не виделись с той первой встречи и нашли друг в друге большие перемены.

Филипп Петрович еще больше поседел и как-то еще поширел, раздался. Чувствовалось, что это не от здоровья. Во время их разговора он часто вставал и делал несколько шагов по комнате взад-вперед. Олег слышал его дыхание, — должно быть, Лютикову тяжело было носить свое большое тело. Только глаза Филиппа Петровича смотрели все с тем же строгим выражением, никакой усталости не чувствовалось в них.

А Лютиков заметил, что Олег вырос, вырос даже физически. Это был совсем взрослый парень, в лучшей своей поре. Черты скуластого лица его точно глубже легли, определились, и только в больших глазах его и где-то в складке полных губ нет-нет и возникало прежнее мальчишеское выражение, особенно когда Олег улыбался. Но в эту встречу он находился больше в состоянии задумчивости, сидел ссутулившись, вобрав голову в плечи, и на лбу его обозначались широкие продольные складки.

Филипп Петрович подробно, пытливо, по несколько раз возвращаясь все к тому же, расспрашивал его и о старых и о вновь создаваемых группах «Молодой гвардии», требовал фамилии, характеристики. Чувствовалось, что его интересует не столько внешняя сторона дела, о которой он хорошо знал через Полину

Георгиевну, сколько внутреннее положение в организации, а особенно, как Олег видит свою организацию и как понимает положение дел в ней.

Филиппа Петровича интересовало, насколько широкий круг членов организации знает друг друга, как осуществляется связь штаба с группами, связь и взаимодействие между группами. Он вспомнил операцию по разгону скота и долго расспрашивал, как технически штаб извещал группы о предстоящей операции, как внутри группы ее руководитель извещал ребят и как они все сходились. Его интересовали и более обыденные мероприятия — например, расклейка листовок, — и тоже главным образом со стороны связи и руководства.

Повторим, что особенность разговора Филиппа Петровича с любым человеком состояла в том, что он всегда давал возможность высказаться и не торопился с выражением собственного мнения. Он никогда не поддельвался под собеседника, а у него само собой получалось так, что он со старым и малым говорил, как с равным.

Олег чувствовал это. Филипп Петрович разговаривал с ним, как с политическим руководителем, прислушивался к его мнению. В другое время такое отношение к нему счастливой гордостью наполнило бы сердце Олега. Но теперь он чувствовал, что Филипп Петрович не совсем доволен «Молодой гвардией». Филипп Петрович расспрашивал его и вдруг вставал и начинал ходить, что было так ему несвойственно. Потом он уже и не спрашивал, а только ходил. И Олег тоже замолчал. Наконец Филипп Петрович тяжело опустился на стул против Олега и поднял на него свои строгие глаза.

— Выросли вы: организация выросла, и сами выросли, — сказал Филипп Петрович, — это хорошо. Пользу приносите большую. Народ вас почувствовал, придет время, он вам скажет доброе слово. А я скажу, что у вас неладно... Ни одного человека не принимайте больше в организацию без моего разрешения, — хватит! Сейчас время такое, когда даже самый робкий и ленивый будет нам помогать, не обязательно ему быть в организации. Понятно?

— Понятно, — тихо сказал Олег.

— Связь... — Филипп Петрович помолчал. — Кустарно у вас дело поставлено. Уж больно много бедотни друг к другу, из квартиры в квартиру. А больше всего вокруг твоей квартиры и Туркенича. Это опасно. Если бы я, скажем, был простой житель на твоей улице, и то бы заметил: с чего это изо дня в день, а то и в ночь, когда и ходить-то не полагается, бегают и бегают к вам ребята и дивчата? Чего это они так бегают? Вот так бы я подумал, простой житель. Ну, а ведь те вас ищут, они и подавно обратят на это внимание. Вы народ молодой, иногда, поди, собираетесь не для политики, а просто так, погулять? — с добродушной и немножко хитрой улыбкой спросил Филипп Петрович.

Олег смутился, улыбнулся и кивнул головой.

— Не годится. Придется малость поскучать. Наши придут, — отвеселимся, — сказал Филипп Петрович очень серьезно. — Штаб и тот собирать пореже. Время пришло военное. Есть у вас командир, комиссар, — работайте, как на фронте в боевой обстановке. А связь придется поставить на уровне вашей организации. Хорошо бы вам придумать такое место, куда бы каждый мог приходить свободно и никто бы этому не удивлялся. Что теперь в клубе имени Горького?

— Пустой стоит, — сказал Олег. Он вспомнил, как клеил листовки на стене клуба и чуть не попался полицаю. «И давно ж это было!» — показалось ему. — Он ни под учреждение, ни под жилье не годится, вот и стоит пустой, — пояснил Олег.

— А вы обратитесь к начальству и сделайте из него заправский клуб.

Олег некоторое время помолчал, и на лбу у него собрались складки.

— Не понимаю, — сказал он.

— И понимать нечего: клуб для молодежи, для населения. Организуйте ребят, дивчат, далеких от политики, кто думает только о развлечениях, скучает, создайте инициативную группу с вашим участием и обратитесь к господину бургомистру, чтобы разрешил занять здание под клуб. Скажите, хотим, дескать, культурно обслуживать население в духе нового порядка. И просто пусть, мол, ребята танцуют, а то они зря болтаются и только мысли вредные в голову приходят! Сам-то этот подлец, конечно, ничего не решит, да он у начальства спросит. Могут разрешить. Они же сами от скуки подышают, — сказал Лютиков.

С присущей ему не по возрасту — не мелкожитейской, а большой практической — сметкой Олег сразу сообразил, что в клубе можно устроить своих ребят из штаба и через них держать связь с руководителями пятерок. Но возможность быть вовлеченным помимо своей воли в мир, который был античеловечен, возможность какого бы то ни было соучастия в омерзительных делах этого чуждого мира смутила совесть Олега. Самим утверждать в людях подлейшие нравы или хотя бы даже косвенно способствовать этому... Нет, все что угодно, только не это! Он молча склонил голову, не в силах взглянуть на Филиппа Петровича.

— Так я и думал, — спокойно сказал Лютиков. — Не понял! А если бы понял, большой подарок сделал бы ты и мне и всей организации. — Филипп Петрович встал и сделал несколько тяжелых шагов по комнате. — Мальчишка, а боишься... запачкаться... Кто чист, тот не запачкается! И какие у них там к черту агитаторы? Лишний громкоговоритель поставят в клубе, так он и без того кричит. Надо так сделать, чтобы клуб этот был в наших руках. Наша агитация будет негромкая, а сильнее их агитации. Скажу откровенно, что и мы к вашему делу маленько примажемся. Правда, так, что вы и не заметите, за это извините.

А программу вы будете делать нейтральную. Если ты напустишь на это дело таких ребят, как Мошков, Земнухов или Осьмухин, а еще лучше Любу Шевцову, — они тебе все это дело организуют...

И долго еще старый Лютиков убеждал своего юного товарища, даже и после того, как Олег согласился с ним. Олег уже и не рад был, что поддался ложному чувству.

— Я к тому говорю, что товарищи твои скажут тебе то же самое, что ты мне сказал. Так чтобы ты знал, что отвечать, — говорил Лютиков. И все учил и учил Олега.

Заручившись поддержкой администрации шахты № 1-бис, Ваня Земнухов, Мошков и две девушки, не имевшие отношения к «Молодой гвардии», пошли к бургомистру Стаценко. Они действительно представляли группу молодежи, которую удалось сколотить на этот случай.

Стаценко принял их в нетопленном и грязном помещении городской управы. Он, как всегда, был пьян. Выложив на зеленое сукно свои маленькие руки с набухшими пальцами, Стаценко неподвижно смотрел на Ваню Земнухова, который был скромненький, учтив, витиеват¹ и сквозь роговые очки смотрел не на бургомистра, а в зеленое сукно.

— В город просачиваются ложные слухи, будто немецкая армия терпит поражение под Сталинградом. В связи с этим в умах молодежи наблюдается... — Ваня неопределенно полепил воздух тонкими пальцами, — ...некоторая шаткость. Поддерживаемые господином Паулем, — он назвал фамилию уполномоченного горнорудного батальона по шахте № 1-бис, — и господином... — он назвал фамилию заведующего отделом просвещения городской управы, — о чем вы, господин бургомистр, должно быть, уже поставлены в известность, наконец просто от лица молодежи, преданной новому порядку, мы просим вас лично, Василий Илларионович, зная ваше отзывчивое сердце...

— С моей стороны, господа... Ребята! — вдруг ласково воскликнул Стаценко. — Городская управа... — Слезы выступили у него на глазах.

И Стаценко, и господа, и ребята знали, что городская управа сама ничего решить не может, а все решит старший жандармский вахмистр. Но Стаценко был «за»: он — как правильно догадался Филипп Петрович — «сам подышал от скуки».

Так 19 декабря 1942 года в клубе имени Горького состоялся с разрешения гауптвахтмайстера первый эстрадный вечер.

Зрители сидели и стояли в пальто, в шинелях, в шубах. Клуб был нетоплен, но зрителей собралось вдвое больше, чем клуб мог вместить, и вскоре с отпотевшего потолка начало капать.

В первых рядах сидели гауптвахтмайстер Брюкнер, вахтмайстер Балдер, лейтенант Швейде, его заместитель Фельднер, зон-

¹ Выражался напыщенно, замысловато.

дерфюрер Сандерс со всем составом сельскохозяйственной комендатуры, обер-лейтенант Шприк с Немчиновой, бургомистр Стаценко, начальник полиции Соликовский с женой и недавно присланный ему на помощь следователь Кулешов. Это был учтивый, тихий человек, с круглым веснушчатым лицом, с голубыми глазами и редкими рыжими бровками, одетый в длинное черное пальто, в кубанке с красным дном, перекрещенным золотом. Присутствовали также господа Пауль, Юнер, Бекер, Блошке, Шварц и другие ефрейторы горнорудного батальона. Присутствовали переводчик Шурка Рейбанд, повар гауптвахтмайстера и главный повар лейтенанта Швейде.

В рядах подальше, выделяясь своим обмундированием среди заполнивших зал местных жителей в сумрачных одеждах, поношенных платках и шапках, сидели солдаты проходящих немецких и румынских частей, солдаты жандармерии и полицейские. Не было унтера Фенбонга, который был перегружен по должности и вообще не любил развлечений.

«Знатные гости» сидели перед старым плотным занавесом, украшенным по всему полю гербами СССР с серпом и молотом. Но, когда занавес отдернулся, на заднем плане сцены зрители увидели громадный, в красках портрет фюрера, написанный местными силами с некоторым несоблюдением пропорций лица, но все же очень близко к оригиналу.

Вечер начался со старинного водевиля, где роль старика, отца невесты, играл Ваня Туркенич. Верный традиции и своим художественным принципам, он был загримирован под садовника Данилыча. Краснодарская публика встречала и провожала своего любимца аплодисментами. Немцы не смеялись, потому что не смеялся гауптвахтмайстер Брюкнер. Однако, когда водевиль кончился, майстер Брюкнер несколько раз приложил одну ладонь к другой. Тогда захопали и немцы.

Струнный оркестр, украшением которого были два лучших в городе гитариста — Витя Петров и Сергей Левашов, сыграл вальс «Осенний сон» и «Выйду ль я на реченьку».

Стахович, администратор и конферансье, в темном костюме и начищенных до блеска ботинках, худой, выдержанный, вышел на сцену.

— Артистка областной луганской эстрады... Любовь Шевцова! Публика захопала.

Любка вышла в голубом крепдешиновом платье и в голубых туфельках и под аккомпанемент Вали Борц на сильно расстроенном рояле спела несколько грустных и несколько веселых песенок. Она имела успех, ее долго вызывали. Она вихрем вынеслась на сцену уже в своем ярко-пестром платье и в кремовых туфлях, и с губной гармоникой, и начала черт знает что выделять своими полными ногами. Немцы взревели и проводили ее овациями.

Снова вышел Стахович в темном костюме.

— Пародии на цыганские романсы... Владимир Осьмухин!
Акомпанемент на гитаре Сергей Левашов!..

Володя, заламывая руки и неестественно вытягивая шею, а то вдруг без всякого перехода пускаясь в пляс, спел: «Ой, ма-тушка, скушно мне». Мрачный Сергей Левашов с гитарой ходил за ним по пятам, как Мефистофель¹.

Публика смеялась, и немцы тоже.

Володя бисировал. С этой своей манерой неестественного вращения головой он спел, обращаясь главным образом к портрету фюрера:

Эх, Расскажи, Расскажи, бродяга,
Чей ты родом, откуда ты?
Ой, да и получишь скоро по заслугам,
Как только солнышко пригреет,
Эх, да ты уснешь глубоким сном...

Люди повставали со своих мест и орали от восторга. Володю вызывали несчетное число раз.

Вечер закончился цирковыми номерами бригады под руководством Ковалева.

Пока в клубе шел концерт, Олег и Нина приняли сообщение «В последний час» о большом наступлении советских войск в районе Среднего Дона, о занятии ими Новой Калитвы, Кантемировка и Богучара, то есть тех самых пунктов, взятие которых немцами предшествовало их прорыву на юге в июле этого года.

Олег и Нина переписывали это сообщение до рассвета. И вдруг услышали над головами рокот моторов, особенный звук которых их поразил. Они выскочили во двор. Видные простым глазом в ясном морозном воздухе, шли над городом советские бомбардировщики. Они шли не торопясь, наполнив все пространство звенящим звуком своих моторов, и сбросили бомбы где-то перед Ворошиловградом. Гулкие бомбовые удары слышны были и в Краснодоне. Вражеские истребители не потревожили советских бомбардировщиков, и только с некоторым запозданием начала бить зенитная артиллерия, но бомбардировщики так же неторопливо прошли над Краснодоном в обратном направлении.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

(В сокращении)

Трагическая случайность привела к провалу «Молодой гвардии». Начались аресты. Люба Шевцова была арестована в один из приездов в Ворошиловград.

...Любку привезли в ворошиловградскую жандармерию. Какой-то чин просмотрел ее документы и с помощью переводчика расспросил ее, действительно ли она Любовь Шевцова и в каком

¹ Злой дух в трагедии Гёте «Фауст».

городе она проживает. При допросе присутствовал, сидя в углу, какой-то паренек, лицо его Любка не рассмотрела. Паренек все время дергался. У Любки забрали чемодан с платьем и со всеми вещами, кроме разных мелких предметов, банки с вареньем и пестрого большого платка, которым она повязывала иногда шею и который попросила вернуть ей, чтобы завязать все, что у нее осталось.

Так она и появилась, в оставшемся на ней ярко-пестром крепдешиновом платье и с этим узелком с различными принадлежностями косметики и с банкой варенья, в камере первомайцев — днем, когда шел допрос.

Полицай открыл дверь камеры, впихнул ее и сказал:

— Принимайте ворошиловградскую артистку!

Любка, румяная от мороза, прищуренными блестящими глазами оглядела, кто в камере, увидела Улю, Марину с мальчиком, Сашу Бондареву, всех своих подруг. Руки ее, в одной из которых был узелок, опустились, румянец сошел с лица, и оно стало совсем белым.

К тому времени, когда Любка была привезена в краснодонскую тюрьму, тюрьма была переполнена и взрослыми, и молодогвардейцами с их родными до того, что люди с детьми жили в коридоре, а еще предстояло разместить здесь всю группу из поселка Краснодон.

В городе происходили все новые и новые аресты, по-прежнему зависевшие от стихийных признаний Стаховича. Доведенный до состояния измученного животного, он покупал себе отдых, предавая своих товарищей, но каждое новое предательство сулило ему все новые и новые мучения. То он вспоминал всю историю с Ковалевым и Пирожком. То вспоминал о том, что у Тюленина был приятель, он даже не знал его фамилии, но он помнил его приметы и помнил, что тот живет на «Шанхае».

Вдруг Стахович вспомнил, что у Осьмухина был друг Толя Орлов. И вот уже истерзанный Володя и мужественный «Гром гремит» стояли друг перед другом в кабинете вахтмайстера Балдера.

— Нет, я первый раз его вижу, — тихо говорил Толя.

— Нет, я его совсем не знаю, — говорил Володя.

Стахович вспомнил о том, что у Земнухова в Нижне-Александровском живет любимая девушка. И через несколько дней перед мастером Брюкнером стояли уже не похожий на самого себя Земнухов и Клава со своими косящими глазами. И она говорила чуть слышно:

— Нет... Когда-то учились вместе. А с начала войны не видела. Ведь я жила в деревне...

Земнухов молчал.

Всю группу поселка Краснодон содержали в местной поселковой тюрьме. Лядская, выдавшая группу, не могла знать, кто

из них какую роль играл в организации, но она знала, например, об отношениях Лиды Андросовой с Колей Сумским, в которого Лида была влюблена.

Лиду Андросову, хорошенькую девушку с остреньким подбородком, похожую на лисичку, избивали ремнями, снятыми с винтовок: от нее требовали рассказать о деятельности Сумского в организации. Лида Андросова вслух считала удары, но отказалась говорить хоть что-нибудь.

Чтобы старшее поколение не могло оказывать влияние на младшее, их содержали отдельно и следили за тем, чтобы между ними не было никакой связи.

Но даже для палачей в их зверской деятельности существует предел возможного. Не только никто из закаленных большевиков, но и никто из арестованных молодогвардейцев не признавался в своей принадлежности к организации и не показывал на товарищей. Эта беспримерная в истории стойкость почти ста юношей и девушек, почти детей, постепенно выделила их среди невинно арестованных и среди родных и близких. И чтобы облегчить свое положение, немцы стали постепенно выпускать всех, кто попал случайно, и тех из родных, кого взяли в качестве заложников. Так были выпущены родные Кошеного, Тюленина, Арутюнянца и других. Выпущена была и Мария Андреевна Борц. Маленькую Люсю отпустили за день до нее, и Мария Андреевна только дома смогла в слезах проверить, что материнский слух не обманул ее и младшая дочь была в тюрьме. Теперь в руках палачей осталась только группа взрослых подпольщиков во главе с Лютиковым и Бараковым и члены организации «Молодая гвардия».

Родные арестованных с утра до ночи толпились у здания тюрьмы, хватая за руки выходивших и входивших полицаев и немецких солдат с просьбой дать весточку или пронести передачу. Их разгоняли, они собирались снова, обрастали прохожими и просто любопытными. Из-за дощатых стен иногда слышны были вопли избиваемых, и, чтобы заглушить их, в тюрьме с утра заводили патефон. Город било, как в лихорадке: не было человека, который не побывал бы в эти дни у здания тюрьмы. И майстер Брюкнер вынужден был дать распоряжение принимать передачу для заключенных. Так Филипп Петрович и Бариков смогли узнать, что райком, созданный ими, живет и действует и искивает способы, чтобы освободить и «больших» и «маленьких».

Как ни противоестественна была жизнь молодых людей в условиях зверской из зверских немецкой оккупационной тюрьмы, они жили в ней уже около двух недель, и постепенно у них образовался свой, особенный тюремный быт с этим чудовищным насилием над телами и душами молодых людей, но со всеми человеческими отношениями любви, дружбы и даже привычками развлечения.

— Девочки, хотите варенья? — говорила Любка, усевшись посредине камеры на пол и развязывая свой узелок. — Балда! раздавил мою губную гармошку! Что я буду здесь делать без гармошки?..

— Обожди, сыграют они на твоей спинке, отобьют охоту к гармошке, — в сердцах сказала Шура Дубровина.

— Так ты знаешь Любку! Думаешь, я буду хныкать или молчать, когда меня будут бить? Я буду ругаться, кричать. Вот так: «А-а-а!.. Дураки! За что вы бьете Любку?» — завизжала она.

Девушки засмеялись.

— И то правда, девушки, на что нам жаловаться? А кому легче? Нашим родным еще тяжелее. Они, бедные, не знают даже, что с нами. Да то ли им еще придется пережить!.. — говорила Лиля Иванихина.

Круглолицая, светленькая, она, должно быть, ко многому привыкла в концентрационных лагерях, она ни на что не жаловалась, за всеми ухаживала и была добрым духом всей камеры.

Вечером Любку вызвали на допрос к майстеру Брюкнеру. Это был необычный допрос: присутствовали все начальники жандармерии и полиции. Любку не били, с ней были даже вкрадчиво-ласковы. Любка, вполне владевшая собой и не знавшая, что им известно, по привычке своего общения с немцами, кокетничала и смеялась и выражала полное непонимание того, что они от нее хотят. Ей намекали, что было бы очень хорошо для нее, если бы она выдала радиопередатчик, а заодно и шифр.

Это была с их стороны только догадка, у них не было прямых улик, но они не сомневались в том, что это так и есть. Достаточно было узнать о принадлежности Любки к организации, чтобы догадаться о характере ее разъездов по городам и сближения с немцами. Немецкая контрразведка имела данные о том, что в области работает несколько тайных радиопередатчиков. А тот парень, который присутствовал при допросе Любки в ворошиловградской жандармерии, был парень из компании Борьки Дубинского, ее приятеля по курсам, он подтвердил, что Любка училась на этих секретных курсах.

Любке сказали, чтобы она подумала, не лучше ли ей сознаться, и отпустили в камеру.

Мать прислала ей полную кошелку продуктов. Любка сидела на полу, зажав ногами кошелку, извлекая оттуда то сухарь, то яичко, покачивала головой и напевала:

Люба, Любушка, Любушка-голубушка,
Я тебя не в силах прокормить...

Полицейскому, принесшему передачу, она сказала:

— Передай маме, что Любка жива и здорова, просит, чтобы побольше передавала борща! — Она обернулась к девушкам и закричала: — Дивчата, налетай!..

В конце концов она все-таки попала к Фенбонгу, который ее довольно сильно побил. И она сдержала свое обещание: она ругалась так, что это было слышно не только в тюрьме, а по все-му пустырю:

— Балда!.. Плешивый дурак!.. Сучья лапа!.. — Это были еще самые легкие из тех слов, какими она наградила Фенбонга.

В последующий раз, когда Фенбонг в присутствии мастера Брюкнера и Соликовского избил ее скрученным проводом, Любка, как ни кусала губы, не смогла удержать слез. Она вернулась в камеру и молча легла на живот, положив голову на руки, чтобы не видели ее лица.

Уля в светлой вязаной кофточке, присланной ей из дому и шедшей к ее черным глазам и волосам, сидела в углу камеры и, таинственно поблескивая глазами, рассказывала девушкам, сгрудившимся вокруг нее, «Тайну монастыря святой Магдалены». Теперь она изо дня в день рассказывала им что-нибудь занимательное с продолжением: они прослушали уже «Овод», «Ледяной дом», «Королеву Марго».

Дверь в коридор была открыта, чтобы проветрить камеру. Полицейский из русских сидел напротив двери на табурете и тоже слушал «Тайну монастыря».

Любка отдохнула немного и села, невнимательно прислушиваясь к рассказу Ули, потом перевела взгляд на Майю Пегливанову, который день лежавшую не вставая. Вырикова выдала, что Майя была когда-то секретарем комсомольской ячейки в школе, и ее теперь мучили больше других. Любка увидела Майю, и неутоленное мстительное чувство к мучителям зашевелилось в ней, ища выхода.

— Саша... Саша... — тихо позвала она Бондареву, сидевшую в группе, окружавшей Улю. — Что-то наши мальчишки при-тихли...

— Да...

— Уж не повесили ли они носы?

• — Все-таки их, знаешь, больше терзают, — сказала Саша и вздохнула.

В Саше Бондаревой, с ее резкими мальчишескими ухватками и голосом, только в тюрьме раскрылись вдруг какие-то мягкие, девические черты, и она точно стыдилась их оттого, что они так запоздало проявились.

— Давай мы их малость расшевелим, — сказала Любка, оживившись. — Мы сейчас на них карикатуру нарисуем.

Любка быстро достала в изголовье листок бумаги и маленький карандаш — с одной стороны синий, с другой красный, — и обе они, Любка и Саша, улеглись на животе лицами друг к другу, стали шепотом разрабатывать содержание карикатуры. Потом, пересмеиваясь и отнимая друг у друга карандаш, изображали худенького, изможденного паренька с громадным носом, оттягивавшим голову паренька книзу так, что он весь изогнулся

и ткнулся носом в пол. Они сделали паренька синим, лицо его оставили белым, а нос покрасили красным и подписали ниже:

Ой вы, хлопцы, что невеселы,
Что носы свои повесили?

Уля кончила рассказывать. Девушки вставали, потягивались, расходились по своим углам, некоторые обернулись к Любке и Саше. Карикатура пошла по рукам. Девушки смеялись:

— Вот где талант пропадал!

— А как передать?

Любка взяла бумажку, подошла к двери.

— Давыдов! — вызывающе сказала она полицейскому. — Передай ребятам их портрет.

— И откуда у вас карандаши, бумага? Ей-богу, скажу начальнику, чтоб обыск сделал! — хмуро сказал полицейский.

Шурка Рейбанд, проходивший по коридору, увидел Любку в дверях.

— Ну как, Люба? Скоро в Ворошиловград поедем? — сказал он, заигрывая с ней.

— Я с тобой не поеду... Нет, поеду, если передашь вот ребятам, портрет мы их нарисовали!..

Рейбанд посмотрел карикатуру, усмехнулся костяным личиком и сунул листок Давыдову.

— Передай, чего там, — небрежно сказал он и пошел дальше по коридору.

Давыдов, знавший близость Рейбанда к главному начальнику и, как все полицаи, заискивавший перед ним, молча приоткрыл дверь в камеру к мальчикам и вбросил листок. Оттуда слышался дружный смех. Через некоторое время застучали в стенку:

— Это вам показалось, девочки. Жильцы нашего дома ведут себя прилично... Говорит Вася Бондарев. Привет сестренке..

Саша взяла в изголовье стеклянную банку, в которой мать передавала ей молоко, подбежала к стенке и простучала:

— Вася, слышишь меня?

— Потом она приставила банку дном к стенке и, приблизив губы к краям, запела любимую песню брата — «Сулико».

Но едва она стала петь, как все слова песни стали оборачиваться такой памятью о прошлом, что голос у Саши прервался. Лиля подошла к ней и, глядя ее по руке, сказала своим добрым, спокойным голосом:

— Ну, не надо... Ну, успокойся...

— Я сама ненавижу, когда потечет эта соленая водичка, — сказала Саша, нервно смеясь.

— Стаховича! — раздался по коридору хриплый голос Соликовского.

— Начинается... — сказала Уля.

Полицейский захлопнул дверь и закрыл на ключ.

— Лучше не слушать, — сказала Лиля. — Улечка, ты же знаешь мою любовь, прочти «Демона», как тогда, помнишь?

... Что люди?— что их жизнь и труд? —

начала Уля, подняв руку. —

Они прошли, они пройдут...
Надежда есть — ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!
Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень, —
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!..

О, как задрожали в сердцах девушек эти строки, точно говорили им: «Это о вас, о ваших еще не родившихся страстях и погибших надеждах!»

Уля прочла и те строки поэмы, где ангел уносил грешную душу Тамары. Тоня Иванихина сказала:

— Видите! Все-таки ангел ее спас. Как это хорошо!

— Нет! — сказала Уля все еще с тем стремительным выражением в глазах, с каким она читала. — Нет!.. Я бы улетела с Демоном... Подумайте, он восстал против самого бога!

— А что! Нашего народа не сломит никто! — вдруг сказала Любка с страстным блеском в глазах. — Да разве есть другой такой народ на свете? У кого душа такая хорошая? Кто столько вынести может?.. Может быть, мы погибнем, мне не страшно. Да, мне совсем не страшно, — с силой, от которой содрогалось ее тело, говорила Любка. — Но мне бы не хотелось... Мне хотелось бы еще рассчитаться с ними, с этими! Да песен попеть, — за это время, наверное, много сочинили хороших песен там, у наших! Подумайте только, прожили шесть месяцев при немцах, как в могиле просидели: ни песен, ни смеха, только стоны, кровь, слезы, — с силой говорила Любка.

— А мы и сейчас заспиваем, ну их всех к чертовой матери! — воскликнула Саша Бондарева и, взмахнув тонкой смуглой своей рукой, запела:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

Девушки вставали со своих мест, подхватывали песню и грудились вокруг Саши. И песня, очень дружная, покатилась по тюрьме. Девушки услышали, как в соседней камере к ним присоединились мальчишки.

Дверь в камеру с шумом отворилась, и полицейский, с злым, испуганным лицом, зашипел:

— Да вы что, очумели? Замолчать!..

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда, —
Партизанские отряды
Занимали города...

Полицейский захлопнул дверь и убежал.

Через некоторое время по коридору послышались тяжелые шаги. Майстер Брюкнер, высокий, со своим низко опущенным тугим животом, с темными на желтом лице мешками под глазами и собравшимися на воротнике толстыми складками шеи, стоял в дверях, в руке его тряслась дымившаяся сигара.

— Platz nehmen! Ruhe!..¹ — вырвалось из него с таким резким оглушительным звуком, будто он стрелял из пугача.

...Как маяющие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни... —

пели девушки.

Жандармы и полицейские ворвались в камеры. В соседней камере, у мальчиков, завязалась драка. Девушки попадали на пол у стен камеры.

Любка, одна оставшись посередине, уперла в бока свои маленькие руки и, прямо глядя перед собою жестокими, невидящими глазами, пошла прямо на Брюкнера, отбивая каблуками чечетку.

— А! Дочь чумы! — вскричал Брюкнер задыхаясь. Схватил своей большой рукой Любку и, выламывая ей руку, выволок из камеры.

Любка, оскалившись, быстро наклонила голову и впилась зубами в эту его большую руку в клеточках желтой кожи.

— Verdammt noch mal!² — взревел Брюкнер и другим кулаком стал бить Любку по голове. Но она не отпускала его руки.

Солдаты с трудом оторвали ее от него и с помощью самого майстера Брюкнера, мотавшего в воздухе кистью, поволокли Любку по коридору.

Солдаты держали ее, а майстер Брюкнер и унтер Фенбонг били ее электрическими проводами по только что присохшим стружьям. Любка злобно прикусила губу и молчала. Вдруг она услышала возникший где-то очень высоко над камерой звук мотора. И она узнала этот звук, и сердце ее преисполнилось торжества.

— А, сучьи лапы! А!.. Бейте, бейте! Вон наши голосок подают! — закричала она.

Рокот снижавшегося самолета с ревом ворвался в камеру. Брюкнер и Фенбонг прекратили истязания. Кто-то быстро выключил свет. Солдаты отпустили Любку.

¹ По местам! Молчать! (нем.)

² Проклятие! (нем.)

— А! Труссы! Подлецы! Пришел ваш час, выродки из выродков! Ага-а!.. — кричала Любка, не в силах повернуться на окровавленном топчане и яростно стуча ногами.

Раскат взрывной волны потряс дощатое здание тюрьмы. Самолет бомбил город.

С этого дня в жизни молодогвардейцев в тюрьме произошел тот перелом, что они перестали скрывать свою принадлежность к организации и вступили в открытую борьбу с их мучителями. Они грубили им, издевались над ними, пели в камерах революционные песни, танцевали, буянили, когда из камеры вытаскивали кого-нибудь на пытку.

И мучения, которым их подвергали теперь, были мучения, уже не представляемые человеческим сознанием, немислимые с точки зрения человеческого разума и совести.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Серезжка молчал, когда его били, молчал, когда Фенбонг, скрутив ему руки назад, вздернул его на дыбу, молчал, несмотря на страшную боль в раненой руке. И только когда Фенбонг прокнул ему рану шомполом, Серезжка закричал зубами.

Все же он был поразительно живуч. Его бросили в одиночную камеру, и он тотчас же стал выстукивать в обе стороны, узнавая соседей. Поднявшись на цыпочки, он обследовал щель под потолком, — нельзя ли как-нибудь расширить ее, выломать доску и выскользнуть хотя бы во двор тюрьмы: он был уверен, что уйдет отовсюду, если вырвется из-под замка. Он сидел и вспоминал, как расположены окна в помещении, где его допрашивали и мучили, и на замке ли та дверь, что вела из коридора во двор. Ах, если бы не раненая рука!.. Нет, он не считал еще, что все потеряно. В эти ясные морозные ночи гул артиллерии на Донце слышен был даже в камерах.

Наутро сделали очную ставку ему и Витьке Лукьянченко.

— Нет... слышал, что живет рядом, а никогда не видал, — говорил Витька Лукьянченко, глядя мимо Серезжки темными бархатными глазами, которые только одни и жили на его лице.

Серезжка молчал.

Потом Витьку Лукьянченко увели, и через несколько минут в камеру, в сопровождении Соликовского, вошла мать.

Они сорвали одежды со старой женщины, матери одиннадцати детей, швырнули ее на окровавленный топчан и стали избивать проводами на глазах у ее сына.

Серезжка не отворачивался, он осмотрел, как бьют его мать, и молчал.

Потом его били на глазах матери, а он все молчал. И даже Фенбонг вышел из себя и, схватив со стола железный ломик, перембил Серезжке в локте здоровую руку. Серезжка стал весь белый, испарина выступила на лбу. Он сказал:

— Это — все...

В этот день в тюрьму привезли всю группу арестованных из поселка Краснодон. Большинство из них уже не могло ходить, их волокли по полу, взяв под мышки, и вбрасывали в переполненные и без того камеры. Коля Сумской еще двигался, но один глаз у него был выбит плетью и вытек. Тося Елисеенко, та самая девушка, которая когда-то так жизнерадостно закричала, увидев взвившегося в небо турмана, Тося Елисеенко могла только лежать на животе: перед тем как ее отправить сюда, ее посадили на раскаленную плиту.

И только их привезли, как в камеру к девушкам вошел жандарм за Любкой. Все девушки и сама Любка были уверены, что ее везут на казнь... Она простилась с девушками, и ее увели.

Но Любку повели не на казнь. По требованию фельдкоменданта области генерал-майора Клера ее увезли в Ровеньки на допрос к нему.

Был день передачи, морозный, тихий, ни дуновения; стук топора, звон ведра у колодца, шаги пешеходов далеко разносились в воздухе, искрившемся от солнца и снега. Елизавета Алексеевна и Людмила — они всегда носили передачу вместе, — связав узелок провизии и захватив подушку, которую Володя просил в последней записке, подходили тропинкой, проторенной в снегу через пустырь, к продолговатому зданию тюрьмы, которая со своими белыми стенами и снегом на крыше, с теневой стороны отливавшим синевою, сливалась с окружающей местностью.

Обе они, мать и дочь, так похудели, что еще больше стали походить друг на друга, их можно было принять за сестер. Мать, всегда порывистая и резкая, теперь вовсе казалась сотканной из одних нервных жил.

И уже по звуку голосов женщин, столпившихся у тюрьмы, и по тому, что все женщины были с узелками и не было никакого движения к дверям тюрьмы, Елизавета Алексеевна и Люся почувствовали недоброе. У самого крылечка, не глядя на толпу женщин, стоял, как всегда, немецкий часовой, а на крылечке, на перильцах, сидел полицай в желтом полушубке. Но он не принимал передач.

Ни Елизавете Алексеевне, ни Люсе не надо было разглядывать, кто здесь стоит: они встречались здесь каждый день.

Мать Земнухова, маленькая старушка, стояла перед ступенями крыльца, держа перед собой узелок и шертлок, и говорила:

— Возьми хоть что-нибудь из продуктов...

— Не нужно. Мы его сами накормим, — говорил полицайский не глядя.

— Он простынку просил...

— Мы дадим ему сегодня хорошую постель...

Елизавета Алексеевна подошла к крыльцу и сказала своим резким голосом:

— Почему передачу не принимаете?

Полицейский молчал, не обращая на нее внимания.

— Нам не к спеху, будем стоять, пока не выйдет кто-нибудь, кто ответит! — сказала Елизавета Алексеевна, оглядываясь на толпу женщин.

Так они стояли, пока не услышали шагов многих людей во дворе тюрьмы, и кто-то завозился, отпирая ворота. Женщины всегда пользовались таким случаем, чтобы заглянуть в выходящие на эту сторону окна тюрьмы, — иногда им удавалось даже увидеть своих детей, сидевших в этих камерах. Толпа женщин хлынула на левую сторону ворот. Но из ворот, под командой сержанта Большана, вышло несколько солдат, и они стали разгонять женщин.

Женщины отбегали и вновь возвращались. Многие начали голосить.

Елизавета Алексеевна и Люся отошли в сторону и молча смотрели на все это.

— Сегодня их казнят, — сказала Люся.

— Нет, я только об одном молю бога, чтобы до самой смерти не сломали ему крыльев, чтобы не дрожал он перед этими псами, чтобы он плевал им в лицо! — говорила Елизавета Алексеевна, с низким хриплым клокотанием в горле и страшным блеском в глазах.

А в это время их дети проходили самые последние и самые страшные из испытаний, выпавших на их долю.

Земнухов, покачиваясь, стоял перед майстером Брюкнером, кровь текла по лицу его, голова бессильно клонилась, но Ваня все время старался поднять ее и все-таки поднял и в первый раз за четыре недели молчания заговорил:

— Что, не можете?.. — сказал он. — Не можете!.. Столько стран захватили... Отказались от чести, совести... а не можете... сил нет у вас...

И он засмеялся.

Поздним вечером двое немецких солдат внесли в камеру Улю с запрокинутым бледным лицом и волочась по полу косами и швырнули к стене.

Уля, застонав, перевернулась на живот.

— Лилечка... — сказала она старшей Иванихиной. — Подыми мне кофточку, жжет...

Лиля, сама едва двигавшаяся, но до самой последней минуты ходившая за своими подругами, как няня, осторожно завернула к подмышкам набухшую в крови кофточку, в ужасе отпрянула и заплакала: на спине Ули, окровавленная, горела пятиконечная звезда.

Никогда, пока не сойдет в могилу последнее из этих поколений, никогда жители Краснодона не забудут этой ночи. Необыкновенной ослепительной ясности ущербный месяц косо стоял на небе. На десятки километров видно было вокруг по степи. Мороз стоял нестерпимый. На севере по всему протяжению Донца

вспыхивали зарницы и доносились то стихающие, то усиливающиеся гулы больших и малых боев.

Никто из родных не спал в эту ночь. Да и не только родные не спали: все знали, что в эту ночь казнят молодогвардейцев. Люди сидели у коптилок, а то и в полной темноте в своих нетопленных казартирах и хибарках, а кто выбегал во двор и долго стоял на морозе, прислушиваясь, не донесутся ли голоса, или урчание машин, или выстрелы.

Никто не спал и в камерах, кроме тех, кто находился уже в бесчувственном состоянии. Те из молодогвардейцев, которых водили на пытки последними, видели, что в тюрьму приехал бургомистр Стаценко. Все знали, что бургомистр приезжает в тюрьму перед казнью, когда нужна его подпись на приговоре...

В камерах тоже слышны были величественные гулы, перекачавшиеся по Донцу.

Уля, полулежа на боку, прислонившись к стене головой, выстукивала соседям-мальчишкам:

— Ребята, слышите, слышите?.. Крепитесь... Наши идут... Все равно наши идут...

В коридоре послышался топот солдатских ботинок, захлопали двери камер. Заключенных начали выводить в коридор и на улицу не через двор, а прямо через главный вход. Девушки, сидевшие в камере в пальто или в теплых жакетах, помогли друг другу надеть шапки, повязаться платками. Лиля одела лежавшую неподвижно Аню Сопову, а Шура Дубровина — свою любимую подругу Майю. Некоторые из девушек писали последние записки и прятали в брошенном белье.

С прошлой передачей Уле передали чистое белье, она начала теперь связывать старое в узелок. Вдруг слезы стали душить ее, она была не в силах совладать с ними и, схватив окровавленную белье и закрыв им лицо, чтобы ее не было слышно, уткнулась в угол камеры и некоторое время так посидела.

Их выводили на пустырь, облитый мясцем, и сажали в два грузовика. Первым вынесли лишившегося всяких сил и потерявшего рассудок Стаховича и, раскачав, бросили в грузовик. Многие молодогвардейцы не могли идти сами. Вынесли Анатолия Попова, у которого была отрублена ступня. Витю Петрова с выколотоми глазами вели под руки Рагозин и Женя Шепелев. У Володи Осьмухина была отрублена правая рука, но он шел сам. Ваню Земнухова вынесли Толя Орлов и Витя Лукьянченко. За ними, шатаясь, как былинка, шел Серезжка Тюленин.

Их посадили в разные грузовики — девушек и юношей.

Солдаты, захлопнув боковые откидные стенки грузовиков, влезли через борта в переполненные машины. Унтер Фенбонг занял место рядом с водителем на переднем грузовике. Машины тронулись. Их везли дорогой через пустырь мимо зданий детской больницы и школы имени Ворошилова. Передней шла машина с девушками. Уля, Саша Бондарева и Лиля запели:

Замучен тяжелой неволей,
Ты славною смертью почил...

Девушки присоединились к ним. Запели и мальчишки на задней машине. Пение их далеко разносилось в морозном неподвижном воздухе.

Грузовики, оставив слева последний дом, выехали на дорогу, ведущую к шахте № 5.

Серезжка, сидя прижатый к задней стенке грузовика, жадно вбирал ноздрями морозный воздух. Вот грузовики уже миновали поворот на выселки, скоро они должны были пересечь балку. Нет, Серезжка знал, что он не в силах сделать это. Но впереди него, стоя на коленях, ехал Ковалев со связанными за спиной руками. Он был еще силен, недаром ему связали руки. Серезжка толкнул его головой. Ковалев обернулся.

— Толька... Сейчас балка... — прошептал Серезжка и кивнул головой вбок.

Ковалев, покосившись за плечо себе, пошевелил связанными руками. Серезжка припал зубами к узлу, связывавшему руки Ковалева. Серезжка был так слаб, что несколько раз откидывался к стенке грузовика с испариной на лбу. Но он боролся так, как если бы он боролся за свою свободу. И вот узел был развязан. Ковалев, по-прежнему держа руки за спиной, пошевелил ими.

...Подымеется мститель суровый,
И будет он нас посильней... —

пели девушки и юноши.

Грузовики съехали в балку, и передний уже взбирался на подъем. Второй, рыча и буксуя, тоже начал въезжать. Ковалев, став ногой на заднюю стенку, прыгнул и побежал по балке, всахивая снег.

Прошло первое мгновение растерянности, а грузовик в это время выполз из балки, и Ковалева не стало видно. Солдаты не решались выпрыгнуть, чтобы не разбежались другие арестованные, начали наугад стрелять из грузовика. Услышав выстрелы, Фенбонг остановил машину и выпрыгнул. Грузовики стали, Фенбонг яростно ругался своим бабьим голосом.

— Ушел!.. Ушел!.. — с невыразимой силой торжества кричал Серезжка тонким голосом и ругался самыми страшными словами, какие только знал. Но эти ругательства звучали сейчас в устах Серезжки, как святое заклятие.

Вот уже виден был косо свалившийся набок после взрыва копер¹ шахты № 5.

Юноши и девушки запели «Интернационал».

Их всех сгрузили в промерзшее помещение бани при шахте

---

¹ Копёр — сооружение над шахтой, в котором размещаются подъемные устройства.

и некоторое время продержали тут: поджидали, пока приедут Брюкнер, Балдер и Стаценко. Жандармы начали раздевать тех, у кого была хорошая одежда и обувь.

Молодогвардейцы получили возможность проститься друг с другом. И Клава Ковалева смогла сесть рядом с Ваней и положить ему руку на лоб и уже не разлучаться с ним.

Их выводили небольшими партиями и сбрасывали в шурф¹ по одному. И каждый, кто мог, успевал сказать те несколько слов, какие он хотел оставить миру.

Опасаясь, что не все погибнут в шурфе, куда одновременно сбросили несколько десятков тел, немцы спустили на них две вагонетки. Но стон из шахты слышен был еще на протяжении нескольких суток.

Они стояли перед фельдкомендантом Клером, связанные за кисти рук. Филипп Петрович Лютиков и Олег Кошевой. Все время, пока их держали в Ровеньках, они не знали, что сидят в одной тюрьме. Но этим утром их свели и связали вместе и повели на очную ставку в надежде заставить их указать след всего подполья — не только в районе, а и во всей области.

Зачем их связали? Они боялись их несвязанных. Враги хотели также показать, что им известно, какую роль играли эти двое в организации.

Седые волосы на голове Филиппа Петровича слиплись в застывшей крови, истерзанная одежда прилипла к ранам на его большом теле, и каждое движение доставляло ему мучительную боль, но он ничем не выдавал этого. Тяжкие муки и голод подсушили тело Филиппа Петровича, и на лице его резче обозначились те черты силы, которые делали его лицо таким приметным в молодости и говорили о великой душевной его мощи. Выражение глаз у него было спокойное и строгое, как всегда.

Олег стоял, бессильно свесив правую перебитую руку, с лицом, почти не изменившимся, только виски у него стали совершенно седые. Большие глаза его из-под темных золотящихся ресниц смотрели с ясным, с еще более ясным, чем всегда, выражением.

Так стояли они перед фельдкомендантом Клером, народные вожаки — старый и молодой.

И Клер, закостеневший в убийствах, потому что ничего другого он не умел делать, подверг их новым страшным испытаниям, но можно сказать, что они уже ничего не чувствовали: дух их парил беспредельно высоко, как только может парить великий творческий дух человека.

Потом их разлучили, и Филипп Петрович был снова отвезен в краснодонскую тюрьму. Дело Центральных мастерских все еще не было доследовано.

¹ Шурф — вертикальная горная выработка.

Однако товарищи в подполье так и не смогли оказать помощь заключенным, не только потому, что тюрьма сильно охранялась, но и потому, что теперь весь город был переполнен отступающими вражескими войсками.

Филиппа Петровича Лютикова, Николая Баракова и его товарищей постигла та же участь, что и молодогвардейцев: их сбросили в шурф шахты № 5.

Олег Кошевой был расстрелян в Ровеньках тридцать первого января днем, и тело его вместе с телами других людей, расстрелянных в этот день, было закопано в общей яме.

А Любу Шевцову мучили еще до седьмого февраля, все пытаясь добыть у нее шифр и радиопередатчик. Перед расстрелом ей удалось переслать на волю записку матери:

«Прощай, мама, твоя дочь Люба уходит в сырую землю».

Когда Любу вывели на расстрел, она запела одну из самых своих любимых песен:

На широких московских просторах...

Ротенфюрер СС, ведший ее на расстрел, хотел поставить ее на колени и выстрелить в затылок, но Люба не стала на колени и приняла пулю в лицо.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

(В сокращении)

Воспользовавшись адресом, данным Филиппом Петровичем Лютиковым, Иван Туркенич отправился к партизанам, с тем чтобы сформировать боевой отряд и с его помощью освободить молодогвардейцев, оказавшихся в фашистских застенках.

В дороге он был схвачен полицейскими, но на другой день освобожден подоспевшими советскими разведчиками. Из местных жителей Туркенич организовал партизанский отряд. Однако наступление советских войск задержалось, а отряд не имел возможности предпринять самостоятельные боевые действия по освобождению Краснодона.

...Только в феврале Туркенич, влившийся со своим отрядом в регулярную часть Красной Армии, в рядах этой части, с боями форсировавшей Северный Донец, подошел к Краснодону.

Жители Краснодона пережили за это время все бедствия, какие несла с собой бегущая германская армия. Отступающие части СС грабили и сгоняли со своих мест жителей, взрывали в городе и по всему району шахты и предприятия и все крупные здания.

Люба Шевцова не дожидаясь недели до того, как Красная Армия вошла в Краснодон и в Ворошиловград.

Пятнадцатого февраля советские танки ворвались в Краснодон, и сразу вслед за ними вернулась в город Советская власть.

В течение многих и долгих дней, при огромном стечении народа, шахтеры извлекали из шурфа шахты № 5 тела погибших большевиков и молодогвардейцев. И в течение всех этих дней

не отходили матери и жены погибших от ствола шахты, принимая на руки изуродованные тела своих детей и мужей.

Елена Николаевна ушла в Ровеньки еще в те дни, когда Олег был жив. Но она не смогла ничего сделать для сына, и он не знал, что мать находится вблизи от него.

Теперь в присутствии матери Олега и всех его родных жители города Ровеньки извлекли из ям тела Олега и Любы Шевцовой.

Трудно было узнать в маленькой постаревшей женщине с темными ввалившимися щеками, с глазами, выражавшими то глубокое страдание, какое с особенной силой поражает цельные натуры, — трудно было узнать в ней прежнюю Елену Николаевну Кошевую. Но то, что она все эти месяцы была помощницей сына, а особенно гибель его, обрекая ее на эти страдания, раскрыли в ней такие душевные силы, которые подняли ее над ее личным горем. Словно спала завеса будней, скрывавшая от нее большой мир человеческих борений, усилий и страстей. Она вошла в этот мир вслед за сыном, и перед ней открылась большая дорога общественного служения.

В эти дни раскрылись подробности еще одного преступления немцев: была разрыта в парке могила шахтеров. Когда их начали отрывать, они так и стояли в земле: сначала обнажились голы, потом плечи, туловища, руки. Среди них были обнаружены трупы Валько, Шульги, Петрова и женщины с ребенком на руках.

И молодогвардейцев, и взрослых, извлеченных из шурфа шахты № 5, похоронили в двух братских могилах в парке.

В похоронах участвовали все оставшиеся в живых члены краснодонской подпольной организации большевиков и члены «Молодой гвардии»: Иван Туркенич, Валя Борц, Жора Арутюнянц, Оля и Нина Иванцовы, Радик Юркин и другие.

Туркенич получил отпуск из части, уже выступившей из Краснодона на реку Миус, чтобы проститься с погибшими друзьями.

Валя Борц из-под Каменска добралась домой, и Мария Андреевна направила ее к близким людям в Ворошиловград, где Валя и встретила Красную Армию.

Не было среди живых Сергея Левашова — при переходе линии фронта он был убит.

Погиб и Степа Сафонов. Он находился в той части города Каменска, которая была занята Красной Армией в первую ночь штурма, участвовал в составе одного из подразделений в боях за город и был убит.

Анатолия Ковалева укрыв рабочий на выселках. Могучее тело Ковалева было так иссечено, что представляло собой сплошную рану. Перевязать его не было никакой возможности, его просто обмыли теплой водой и завернули в простыню. Ковалев скры-

вался у них несколько дней, но опасно было его держать дальше, и он ушел к родне. Он жил в той части Донбасса, которая еще не была освобождена.

Иван Федорович Проценко с отрядом все время двигался впереди отступавших немцев, сражаясь с ними в их непосредственном тылу, пока Красная Армия не заняла Ворошиловград. Только там Иван Федорович впервые встретился с женой Катей после их разлуки под Городищами...

...Иван Федорович и Катя прибыли в Краснодон почтить память погибших большевиков и молодогвардейцев.

У Ивана Федоровича были тут и другие дела: надо было возрождать трест «Краснодонуголь», восстанавливать шахты. Кроме того, он хотел лично узнать подробности гибели взрослых подпольщиков и молодогвардейцев и узнать, что случилось с их палачами.

Стаценко и Соликовскому удалось бежать со своими хозяевами, но следователь Кулешов был опознан жителями, задержан и предан в руки советского правосудия. И через него стало известно о показаниях Стаховича и какую роль в гибели «Молодой гвардии» сыграли Вырикова и Лядская.

Над могилами павших большевиков и молодогвардейцев их товарищи, оставшиеся в живых, дали клятву отомстить за своих друзей. На могилах были сооружены временные памятники — простые деревянныеobelisks. На том из них, что воздвигнут над взрослыми подпольщиками, написаны их имена во главе с Филиппом Петровичем Лютиковым и Бараковым, а на граняхobeliska «Молодой гвардии» написаны имена всех ее участников — бойцов, погибших за Родину.

Вот они, эти имена:

Олег Кошевой, Иван Земнухов, Ульяна Громова, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова, Анатолий Попов, Николай Сумской, Владимир Осьмухин, Анатолий Орлов, Сергей Левашов, Степан Сафонов, Виктор Петров, Антонина Елисеенко, Виктор Лукьянченко, Клавдия Ковалева, Майя Пегливанова, Александра Бондарева, Василий Бондарев, Александра Дубровина, Лидия Андросова, Антонина Машенко, Евгений Мошков, Лилия Ивановна, Антонина Ивановна, Борис Главан, Владимир Рагозин, Евгений Шепелев, Анна Сопова, Владимир Жданов, Василий Пирожок, Семен Остапенко, Геннадий Лукашев, Ангелина Самошина, Нина Миняева, Леонид Дадышев, Александр Шищенко, Анатолий Николаев, Демьян Фомин, Нина Герасимова, Георгий Щербаков, Инна Старцева, Надежда Петля, Владимир Куликов, Евгения Кийкова, Николай Жуков, Владимир Загоруйко, Юрий Виценовский, Михаил Григорьев, Василий Борисов, Нина Кезикова, Антонина Дьяченко, Николай Миронов, Василий Ткачев, Павел Палагута, Дмитрий Огурцов, Виктор Субботин.

1943—1945—1951 гг.

Вопросы и задания к вступительным занятиям по роману

1. Перескажите устно или письменно один из особенно запомнившихся вам эпизодов героической борьбы молодогвардейцев (с сохранением наиболее ярких художественных деталей).
2. Какова, по-вашему, основная тема романа?
3. Почему в романе, посвященном деятельности молодежной организации, значительное место занимают образы советских людей старшего поколения? Назовите этих людей.

Вопросы и задания для разбора романа

Коммунисты в изображении Фадеева

1. Перечитайте 34, 35 и 51-ю главы романа (35-я глава напечатана в хрестоматии). Подготовьте по этим главам устное сообщение на тему «Как боролись и умирали коммунисты в годы Великой Отечественной войны». Готовя материалы к сообщению, ответьте также на вопросы: почему Фадеев включил в роман 51-ю главу, прямо не связанную с изображением деятельности «Молодой гвардии»? Чем поучительна жизнь Валько и Шульги (их подвиги и ошибки, их поведение в тюрьме и героическая смерть)?
2. Как коммунисты (в частности, Проценко и Лютиков) руководили деятельностью «Молодой гвардии»?
3. Почему клятва молодогвардейцев (глава 36-я) следует непосредственно за сценой гибели шахтеров и в то же время открывает вторую часть романа?

Молодогвардейцы в романе

1. Подготовьте устное сочинение об Олеге Кошевом. В числе других осветите следующие вопросы:
  - а) Как показывает Фадеев необыкновенное мужество, героизм Олега и в то же время его простоту, веселость, глубокую человечность?
  - б) Какие факты свидетельствуют о высокой принципиальности Олега?
  - в) Почему именно Олегу товарищи доверили пост комиссара «Молодой гвардии»?
  - г) Как изображено в романе любовное, бережное отношение Олега к матери?
2. Расскажите о подвигах Сергея Тюленина. Почему паренек, своенвольный и недисциплинированный вначале, стал одним из самых видных членов «Молодой гвардии»?
3. Повествуя о детстве Сергея Тюленина, Фадеев часто обращается к читателю: «Как бы ты повел себя в жизни, читатель...»; «Если ты ученик четвертого класса...»; «Ты испытываешь мгновенное удовлетворение...» и т. д. Как вы объясните смысл этого художественного приема?
4. Почему после казни Игната Фомина Сергей Тюленин ночью пришел именно к Ивану Земнухову? Почему они беседовали о «совсем-совсем далеком» — о жизни Пушкина, о его няне? Каким представляется вам Иван Земнухов?
5. Охарактеризуйте Любку Шевцову (ее внешность, поступки, душевные качества). Чем она напоминает Сергея Тюленина?
6. Что можно сказать об Ульяне Громовой на основании записей из ее дневника? Как характеризуют ее отношения с Валей Филатовой? Что мешало Вале Филатовой стать такой же, как ее подруга?

7. Вспомните главу 48-ю, изображающую молодогвардейцев за выполнением опасного задания и на тайной праздничной вечеринке. Какие качества объединяют молодогвардейцев?
8. Как ведут себя молодогвардейцы перед лицом врагов? Почему по дороге к месту казни юноши и девушки поют любимую песню Ильича «Замучен тяжелой неволей...»? Чем сходно их поведение в последние минуты жизни с поведением героев-шахтеров перед казнью (глава 35-я)?
9. Почему комсомольцы Краснодона не колеблясь вступили в смертельную борьбу с фашистами? В чем вы видите истоки героизма, мужества молодогвардейцев?
10. Почему эпиграфом к роману Фадеев избрал слова из песни первого поколения комсомольцев, а роман назвал «Молодая гвардия»?
11. Как оправданы идеями романа следующие строки эпиграфа:

«Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял,
В бой, молодая гвардия рабочих и крестьян!»

12. Говоря о погибших товарищах, Валерия Борщ в наши дни писала: «Они всегда рядом с нами, всегда рядом со мной». Как вы понимаете это высказывание?

Враги в романе

1. Что мы узнаем о сущности и целях фашизма из внутреннего монолога Фенбонга (глава 35-я)? О чем мечтает Фенбонг?
2. Советский писатель Л. Гинзбург в книге «Бездна» нарисовал портрет одного из бывших фашистских палачей: «Он подкатил к дому на «мерседесе»¹ с женой, с дочерью. Это была обычная семья, был жаркий июльский день, равнодушно светило над Штутгартom солнце, и в ту самую минуту, когда я узнал в плотном, самодовольном мужчине Вальтера Керера, который в одном только Майданеке — ради забавы! — приказал в течение трех суток... расстрелять тридцать тысяч человек, в ту самую минуту, когда я его узнал, ничего, ровным счетом ничего не произошло: не грянул гром, не закатилось солнце... Я зашел в кафе, на котором была укрепена вывеска с фамилией Керер, и у каждой официантки на фартучке синими нитками было вышито «Керер», и на тарелках, на ложках, на стаканах для пива значилось «Керер», и люди ели пирожные Керера, пили кофе Керера. Могли ли они предположить, что все в этом кафе — от линолеума на полу до модных современных светильников и фартуков официанток — было приобретено на золотые коронки, изъятые из провалившихся ртов, на обручальные кольца, снятые с выломанных пальцев, на сережки, вырванные из ушей женщин?..»
Как в жизни Керера воплотились взгляды и стремления людей, подобных Фенбонгу? Почему возможно «процветание» таких дельцов в некоторых странах буржуазного Запада?
3. Как писатель рисует внешность фашистов? Какие качества отмечает в них? Как в портретных зарисовках выражает свое отношение к врагам нашей Родины? (Приведите примеры.)
4. Почему Стаценко, Вырикова, Лядская стали лакеями фашистов, а Стахович выдал товарищей?
5. Почему стал предателем Игнат Фомин?

¹ Марка автомашины.

А. А. ФАДЕЕВ О РОМАНЕ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ФАКТЫ ЖИЗНИ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ В РОМАНЕ

В обрисовке главных действующих лиц я стремился более или менее правдиво изобразить их наружность, характеры по рассказам близких, по фотографиям или из личного знакомства с оставшимися в живых.

В изображении внешности и характеров Олега Кошевого, Ивана Земнухова, Сергея Тюленина, Любы Шевцовой, Ульяны Громовой, Вали Борц, Володи Осьмухина, Анатолия Попова и их родителей я стремился к максимальной точности, хотя в некоторых случаях и допускал известные отклонения в интересах самого романа. Скажем, мне не удалось лично повидаться и поговорить с Жорой Арутюнянцем, и я придал ему некоторые черты юмора, не будучи уверен, присущи ли ему эти черты в действительности. У меня не было данных о внешнем облике Радика Юркина, Степана Сафонова, Анатолия Орлова по прозвищу «Гром гремит», и я дал их портреты произвольно.

Я старался не пропустить ни одного из выдающихся дел «Молодой гвардии»: казнь предателя, разгон скота, который немцы перегоняли в Германию, освобождение военнопленных. Но детали того, как это происходило на самом деле, в большинстве случаев не сохранились, и мне приходилось прибегать к вымыслу.

(Из выступления на встрече со студентами московских вузов. 1945 г.)

...Мой роман построен на фактах. Вместе с тем, конечно, это и не история, это, часто, подлинные факты, и все-таки в них много художественного вымысла. У меня имеются, например, вымышленные герои. В Краснодаре не было старого подпольщика Матвея Шульги, играющего, однако, большую роль в романе. История Шульги (фамилия вымышленная) рассказана мне подпольщиком Ворошиловграда — она случилась не в Краснодаре. Рассказывали мне и о других случаях, схожих с историей Шульги. Таким образом, фигура Шульги собирательная...

Многие детали, события, разговоры, переживания, связанные с судьбой людей, которых уже нет, навсегда остались нераскрытыми. Мне приходилось догадываться, «домысливать», как это все было: как поджигали биржу, как происходило освобождение пленных красноармейцев. Ведь все участники этих дел, совершавшихся в глубокой тайне, погибли, никто не может рассказать точно об этих делах... Значит, это и действительная история и в то же время художественный вымысел. Это — роман.

(Из выступления на встрече с читателями Куйбышевского района Москвы. 1947 г.)

В свое время я писал этот роман с большим волнением, так как изучение событий на месте особенно наглядно показало мне, какими прекрасными чертами обладает передовая молодежь нашего социалистического общества. Это напомнило мне собственные юные годы на русском Дальнем Востоке, когда в период белой власти и международной интервенции я сам вступал в революцию в рядах таких же подростков — выходцев из рабочих и крестьянской среды и из демократической¹ интеллигенции. Культурный уровень рабочих и крестьянских подростков был тогда значительно ниже. Но они полны были не меньшего революционного энтузиазма, чем молодогвардейцы.

*(Из письма болгарским школьникам.
1956 г.)*

[Подпольные организации] были не только в Краснодаре. Возьмите вообще молодежь — участницу Отечественной войны, молодых людей нашего времени, которые изображены во многих наших произведениях. Молодежь была в партизанских отрядах, во всей нашей армии, молодежь работала в тылу — все та же молодежь. В Таганроге была такая организация с менее трагической судьбой, хотя больше потеряла, но частью сохранила свои кадры. Там тоже были замечательные люди... [Подобного героизма] было немало и среди нашего крестьянства и интеллигенции и в других местах. Здесь и Зоя Космодемьянская, и Лиза Чайкина, и другие. Были миллионы таких людей. В Краснодаре... организация как таковая сложилась с такой судьбой. Но это не единичный факт.

*(Из выступления в Союзе писателей
СССР. 1947 г.)*

Молодогвардейцы — это, разумеется, передовые, но в то же время и обыкновенные, простые советские юноши и девушки. Вы, здесь сидящие, — можно не сомневаться в этом, — в аналогичных² условиях были бы ничуть не хуже молодогвардейцев.

(Из выступления на встрече с читателями. 1947 г.)

Вопросы и задания

1. М. А. Борц (мать Вали) вспоминала о пребывании молодогвардейцев в тюрьме:
«Девушки попросили ее (Улю) прочесть «Демона». Она охотно согласилась. В камере стало совсем тихо. Приятным, мягким голосом Ульяна начала:

¹ Демократический — здесь: народный.

² Аналогичный — сходный.

Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей.
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой.

Вдруг раздался страшный крик. Громова перестала читать:

— Начинается, — сказала она.

Стоны и крики все усиливались. В камере воцарилась гробовая тишина. Так продолжалось несколько минут. Громова, обращаясь к нам, твердым голосом пропла:

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем? Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!¹

Кто-то вздохнул и сказал:

— Трудновато добывать этих гадов!

— Ничего, — ответила Громова, — нас миллионы! Все равно победа будет за нами!»

Сравните этот отрывок с текстом 60-й главы романа «Молодая гвардия» от слов «— Стаховича! — раздался по коридору хриплый голос Соликовского» — до конца главы.

В чем разница? Чем она объясняется?

2. Валя Борц рассказывала:

«В половине десятого мы подошли к шахте номер один-бис. Был сильный дождь, грязь шлепала под ногами. Я, Дадышев и Остапенко установились и стали наблюдать за пустынным переулком, а Сергей полез на крышу вешать флаг. Вдруг я разглядела в темноте фигуру полицейского, тихо свистнула. Все притаились. Полицейский прошел мимо, ничего не заметив. Сергей укрепил флаг, и мы пошли домой радостные, возбужденные».

Сравните этот отрывок с 48-й главой романа «Молодая гвардия» от слов: «Вале и Сережке Тюленину достался центр города — самый опасный район» — до слов: «Она отняла руки».

В чем разница? Чем она объясняется?

3. Как воспоминания Фадеева о юности его поколения отразились в романе «Молодая гвардия»? (Более подробно познакомиться с юностью писателя можно по его книге «...Повесть нашей юности. Из писем и воспоминаний».)

4. Приведите известные вам из жизни, книг, газет и журналов факты героической борьбы советской молодежи в годы Великой Отечественной войны.

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ О РОМАНЕ А. А. ФАДЕЕВА

Роман рождает мысли о силе нашего общества, о непреклонной силе советских людей. Но в то же время он рождает у читателя ощущение себя самого, как частицы этой силы. Благородные поступки героев романа заражают своей чистотой, цельностью, мужеством, и хочется сделаться лучше, чем ты есть, и каждый чувствует себя способным на это, ибо глубочайшей верой в силу советских людей заражен весь роман.

(К. М. Симонов.)

¹ Из стихотворения Лермонтова «Новгород».

...Он [Фадеев] за короткий срок создал прекрасное произведение о молодогвардейцах Краснодона. Пожалуй, как никто из нас — прозаиков, Фадеев обладает чудесной особенностью глубоко и взволнованно писать о молодежи, и в «Молодой гвардии» раскрылась эта черта его большого таланта.

(М. А. Шолохов.)

Героизм краснодонских комсомольцев поднят в глазах читателя тем, что светлые качества души раскрыты в романе с поэтическим подъемом. Писатель и не может говорить без подъема о любви лучшей поры ранних лет, или о потребности наслаждаться природой, или о чистоте юношеской дружбы. Недаром в «Молодой гвардии» такое место отведено стихам и песням, — герои сочиняют стихи, декламируют их, поют песни в самую радостную и самую трагическую минуту своей жизни.

Партизанская, солдатская отвага не только не ограничивает внутренний мир героев, но увеличивает их тягу к осмысливанию событий в большом плане. Мораль товарищества и гражданского долга соединяется с жадной молодежью учиться у лучших людей народа, у своей партии, и готовность отдать все это богатство души Родине растет у героев романа по мере развития действия...

Я не помню из истории литературы, чтобы романист в такой близости шел за действительными событиями, художественно воплощая их в романе, как это сделано в «Молодой гвардии». Конечно, можно допустить подобный опыт лишь теоретически. Но «Молодая гвардия» из романа-документа выросла в роман-обобщение. И это нам, писателям, вместе с огромной читательской аудиторией романа надо признать самой большой художественной заслугой Александра Фадеева.

(К. А. Федин.)

Александр Трифонович ТВАРДОВСКИЙ

КАК БЫЛ НАПИСАН «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

Первые главы «Василия Теркина» были опубликованы в 1942 году...

...Было и есть до сих пор такое читательское представление, что Теркин — это, так сказать, личный человек, солдат, живущий под этим или иным именем, числящийся за номером своей воинской части и полевой почты. Более того, прозаические и стихотворные послания читателей говорят о желании, чтоб это было именно так, то есть чтобы Теркин был лицом невымышленным...

Нет, Василий Теркин, каким он является в книге, — лицо вымышленное от начала до конца, плод воображения, создание фантазии. И хотя черты, выраженные в нем, были наблюдаемы мною у многих живых людей, — нельзя ни одного из этих людей назвать прототипом Теркина... Первое, что я принял за принцип композиции и стиля, — это стремление к известной законченности каждой отдельной части, главы, а внутри главы — каждого периода¹, строфы и

строчки. Я должен был иметь в виду читателя, который, хотя бы и незнаком был с предыдущими главами, нашел бы в данной, напечатанной сегодня в газете главе нечто целое, округленное. Кроме того, этот читатель мог и не дожидаться моей следующей главы; он был там, где и герой, — на войне. Этой примерной завершенностью каждой главы я и был более всего озабочен. Я ничего не держал про себя до

(1910—1971)

другого раза, стремясь высказаться при каждом случае — очередной главе — до конца, полностью выразить свое настроение, передать свежее впечатление, возникшую мысль, мотив, образ... Я считаю, что правильным и во многом определившим судьбу «Теркина» было мое решение печатать первые главы до завершения книги...

И если я думал о возможной успешной судьбе моей книги, работая над ней, то я часто представлял себе ее изданной в матерчатом мягком переплете, как издаются боевые уставы, и что она будет у солдата храниться за голенищем, за пазухой, в шапке. А в смысле ее построения я мечтал о том, чтоб ее можно было читать с любой раскрытой страницы.

¹ Период — здесь: сложное предложение со многими второстепенными членами или придаточными предложениями.

С того времени, как в печати появились главы первой части «Теркина», он стал моей основной и главной работой на фронте.

Ни одна из моих работ не давалась мне так трудно поначалу и не шла так легко потом, как «Василий Теркин». Правда, каждую главу я переписывал множество раз, проверяя на слух, подолгу трудился над какой-нибудь одной строфой или строкой...

С первых читательских писем, полученных мною, я понял, что работа моя встречена хорошо, и это придало мне сил продолжать ее. Теперь уже я не был с ней один на один: мне помогало теплое, участливое отношение читателя к ней, его ожидание, иногда его «подсказки»: «А вот бы еще отразить то-то и то-то»... и т. п. ...

Каково бы ни было ее собственно литературное значение, для меня она была истинным счастьем. Она мне дала ощущение законности места художника в великой борьбе народа, ощущение очевидной полезности моего труда, чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся непринужденной форме изложения. «Теркин» был для меня во взаимоотношениях писателя со своим читателем моей лирикой, моей публицистикой¹, песней и поучением, анекдотом и притчей, разговором по душам и репликой к случаю.

(А. Т. Твардовский.
Как был написан «Василий Теркин».)

---

¹ Публицистика — литература по злободневным общественно-политическим вопросам.

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

(Главы из поэмы)

ПЕРЕПРАВА

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому темная вода,—
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй — за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыкнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они.

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад...

Поглядеть — и впрямь —
ребята!

Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи — отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем
кремневым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишских глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом.
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревет в теснине,
Жухлый¹ лед в куски крошит.
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.

Позади шумит протока²,
И кругом — чужая ночь.
И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь...

И чернеет там зубчатый,
За холодную чертой,

¹ Жухлый — потерявший яркость, свежесть.

² Протока — рукав реки.

Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтон —
в ряд.

Густо было там народу —
Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо —
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.
Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудой взялась¹
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И, усталая с похода,
Что б там ни было,— жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом,—
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пылью лежит на лицах,—
Мертвым все равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паек им пишет
Первой роты старшина.

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,
Что еще ребята сами
На привале, при огне,
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы. Свое сказали
И уже навек правы.
И тверда, как камень, гряда,
Где застыли их следы...

¹ *Взялась* — здесь: крепко, плотно слежалась; смерзлась.

Василий Теркин. С иллюстрации О. Верейского.

Может — так, а может — чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеда.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть.
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят, маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маета.

— Не пловец ли одиночка?

— Шутишь, брат. Вода не та!

— Да, вода... Помыслить
страшно.

Даже рыбам холодна.
— Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
— Нет, он выплыл бы в
шинели,
С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было,—впервой.

Подошел сержант с биноклем,
Присмотрелся: нет, живой.
— Нет, живой. Без
гимнастерки.

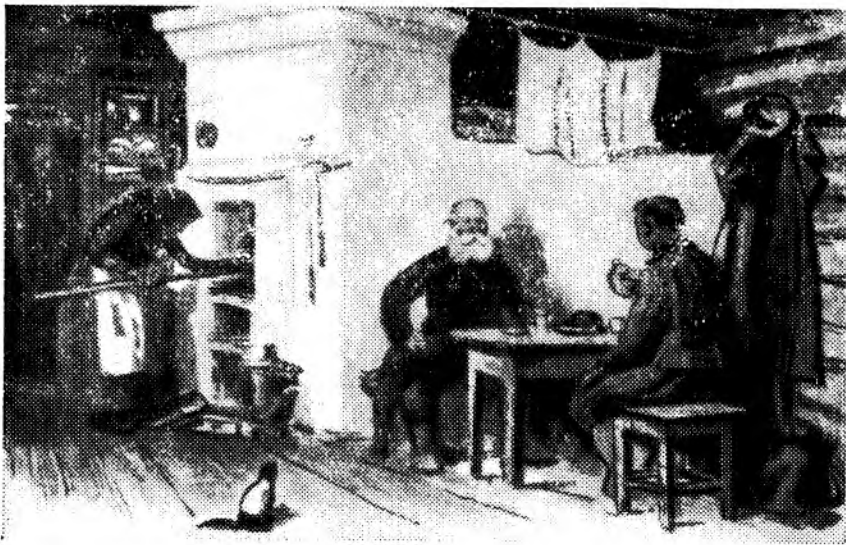
— А не фриц? Не к нам ли в
тыл?

— Нет. А может, это
Теркин?—
Кто-то робко пошутил.

Гармонь. С иллюстрации О. Верейского.

Два солдата. С иллюстрации О. Верейского.

— Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спускать понтон.
— Разрешите попытаться?
— Что пытаться?
— Братцы,— он!

И, у заберегов¹ корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,
Встал живой,— добрался
вплавь.

Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает — свело.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги,
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?

Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем,
Что там есть, перекалечим —
Переправу обеспечим...

¹ *Забереги* — лед, настывающий у берега в заморозки.

Отдых после боя. С картины Ю. Непринцева.

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

— Молодец,— сказал
полковник,—
Молодец! Спасибо, брат...

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.

— Так два ж конца...

Переправа, переправа...
Пушки бьют в крошечной мгле.
Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле.

О НАГРАДЕ

— Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону...

Буду ль жив еще?— Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.

Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин,
И понять вы все должны:
Дело самое простое —
Человек пришел с войны.

Вот пришел я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришел. А тут гулянка!
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий—
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

И, явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».

И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг.
И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

— Как, мол, что?— Бывало
всяко.

— Трудно все же?— Как когда.

— Много раз ходил в атаку?

— Да, случалось иногда...

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждет девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...—

— Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка — самый цвет...

— Нет, сказал Василий
Теркин.

И вздохнул. И снова:— Нет,
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль...

Теркин, Теркин, добрый
малый,

Что тут смех, а что печаль?
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далеко вдаль.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.
А не носит писем почта
В край родной смоленский
твой.

Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что туда дороги нет.

Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.

Страшный бой идет кровавый.
Смертный бой не ради славы—
Ради жизни на земле.

ГАРМОНЬ

По дороге прифронтóвой,
Запоясан, как в строю,
Шел боец в шинели новой,
Догонял свой полк
стрелковый,
Роту первую свою.

Шел легко, и даже bravo,
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою рукой.

Отлежался. Да к тому же
Щелкал по лесу мороз,
Зашемлял в пути все туже,
Подгонял, под мышки нес.

Вдруг — сигнал за поворотом.
Дверцу выбросил шофер,
Тормозит:— Садись, пехота,
Щеки снегом бы натер.
Далеко ль?

— На фронт обратно.

Руку вылечил.— Понятно.
Не герой? — Покамест нет.
— Доставай тогда кисет.

Курят, едут. Гроб — дорога.
Меж сугробами — туннель.
Чуть ли что, свернешь немного,
Как свернул—снимай шинель.

— Хорошо — как есть лопата.
— Хорошо, а то беда.
— Хорошо — свои ребята.
— Хорошо. Да как когда...

Грузовик гремит трехтонный.
Вдруг колонна впереди.
Будь ты пеший или конный,
А с машиной — стой и жди.

С толком пользуйся стоянкой.
Разговор — не разговор.
Наклонился над баранкой,
Смолк шофер.
Заснул шофер.
Сколько суток полусонных,
Сколько верст в пурге слепой
На дорогах занесенных
Он оставил за собой...

От глухой лесной опушки
До невидимой реки
Встали танки, кухни, пушки,
Тягачи, грузовики,
Легковые — криво, косо,
В ряд, не в ряд,
вперед-назад;

Гусеницы и колеса
На снегу еще визжат.

На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,
Дует в душу, входит в грудь —
Не дотронься как-нибудь.

— Вот беда! Во всей колонне
Завалившей нет гармони,
А мороз — ни стать, ни
сесть...—

Снял перчатки, трет ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть.

Уминая снег зернистый,
Впеременку — пляс не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги про запас.

— У кого гармонь, ребята?
— Да она-то здесь, браток...—
Оглянулся виновато
На водителя стрелок.

— Так сыграть бы на дорожку?
— Да сыграть—оно б не вред.
— В чем же дело? Чья
гармошка?
— Чья была, того, брат, нет...

И сказал уже водитель
Вместо друга своего:
— Командир наш был
любитель...

Схоронили мы его.—

— Так...—С неловкою
улыбкой

Поглядел боец вокруг,
Словно он кого ошибкой,
Не хотя обидел вдруг.

Поясняет осторожно,
Чтоб на том покончить речь:
— Я считал, сыграть-то
можно,

Думал, что ж ее беречь.—

А стрелок:

— Вот в этой башне
Он сидел в бою вчерашнем...
Трое — были мы друзья.—

— Да нельзя, так уж нельзя,
Я ведь сам понять умею,
Я вторую, брат, войну...
И ранение имею,
И контузию одну.

И опять же, посудите,
Может, завтра — с места в
бой.—

— Знаешь что,— сказал
                                водитель,—
Ну, сыграй ты, шут с тобой!—

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно — гармонист.
Для начала, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

Что-то медленно по слуху
Подбирал, как будто лень,
На гармонь склонившись ухом,
Шапку сдвинув набекрень.

Позабытый, деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив.

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шел народ, как на огонь.
И кому какое дело —
Кто играет, чья гармонь!

Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Все глядят на гармониста —
Словно что-то невдомек.

Что-то чудится ребятам,
В снежной крутится пыли.
Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...

И, сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,
Вдруг повел о трех танкистах,
Трех товарищах рассказ.
Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся?
И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовет куда-то,
Далеко, легко ведет.
— Ах, какой вы все, ребята,
Молодой еще народ.

Я не то еще сказал бы, —
Про себя поберегу,
Я не то еще сыграл бы,—
Жаль, что лучше не могу.

Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
И давайте я на шутку
Это все переведу.

Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.

— Стойте, братцы.

Дайте на руки подуть.—

— Отморозил парень
                                пальцы,—

Надо помощь скорую.—

— Знаешь, брось ты эти
                                вальсы,

Дай-ка ту, которую...—

И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом,
И как будто ту трехрядку
Повернул другим концом.

И забыто — не забыто,
Да не время вспоминать,
Где и кто лежит убитый,
И кому еще лежать.

И кому траву живому
На земле топтать потом.
До жены прийти, до дому,—
Где жена и где тот дом?

Плясуны на пару пара
С места кинулись вдруг.
Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

— Веселей кружитесь, дамы!
На носки не наступать!—
И бежит шофер тот самый,
Опасаясь опоздать.

Чей кормилец, чей поилец,
Где пришелся ко двору?

Крикнул так, что
расступились:
— Дайте мне, а то помру!—

И пошел, пошел работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Словно в праздник на вечерке
Половицы гнет в избе.
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.

Подает за штукой штуку:
— Эх, жаль, что нету стуку,
Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мошеный круг!
Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому — каюк!

А гармонь зовет куда-то,
Далеко, легко ведет...

— Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ!

Хоть бы что ребятам этим,
С места — в воду и в огонь.
Все, что может быть на свете,
Хоть бы что — гудит гармонь.
Выговаривает чисто,
До души доносит звук.

И сказали два танкиста
Гармонисту:

В поле ньюга-завируха,
В трех верстах гудит война.
На печи в избе старуха,
Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в снине.

— Знаешь, друг...
Не знакомы ль мы с тобою?
Не тебя ли это, брат,
Что-то, помнится, из боя
Доставляли мы в санбат?
Вся в крови была одежда,
И просил ты пить да пить... —

Приглушил гармонь:
— Ну, что же,
Очень даже может быть. —
— Нам теперь стоять в
ремонте.

У тебя маршрут иной. —
— Это точно...
— А гармонь-то,
Знаешь что, — бери с собой!

Забирай, играй в охоту,
В этом деле ты мастак,
Весели свою пехоту... —
— Что вы, хлопцы, как же
так?

— Ничего, — сказал
водитель, —
Так и будет. Ничего.
Командир наш был любитель,
Это — память про него... —

И с опушки отдаленной,
Из-за тысячи колес
Из конца в конец колонны:
«По машинам!» — донеслось.

И опять — увалы, взгорки.
Снег да елки с двух сторон.
Едет дальше Вася Теркин, —
Это был, конечно, он...

ДВА СОЛДАТА

В поле ньюга-завируха,
В трех верстах гудит война.
На печи в избе старуха,
Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в снине.

Это значит — Теркин дома.
Теркин снова на войне.

А старик как будто ухом
По привычке не ведет.
— Перелет! Лежи, старуха. —

Удивляется. А парень
Услужить еще не прочь.
— Может, сало надо жарить?
Так опять могу помочь.

Тут старуха застонала:
— Сало, сало! Где там сало...

Теркин:
— Бабка, сало здесь.
Не был немец — значит,
есть! —

И добавил, выжидая,
Глядя под ноги себе:
— Хочешь, бабка, угадаю,
Где лежит оно в избе?

Бабка охнула тревожно,
Завозилась на печи.
— Бог с тобою, разве можно...
Помолчи, уж, помолчи.

А хозяин плутовато
Гостя под локоть тишком:
— Вот что значит мы,
солдаты!

А ведь сало под замком.

Ключ старуха долго шарит,
Лезет с печки, сало жарит
И, страдая до конца,
Разбивает два яйца.

Эх, яичница! Закуски
Нет полезней и прочней.
Полагается по-русски
Выпить чарку перед ней.

— Ну, хозяин, понемножку,
По одной, как на войне.
Это доктор на дорожку
Для здоровья выдал мне.

Отвинтил у фляги крышку:
—пей, отец, не будет лишку.

Поперхнулся дед-солдат,
Подтянулся:
— Виноват!..
Крошку хлебушка понохал,
Пожевал — и сразу сыт.

А боец, тряхнув над ухом
Тою флягой, говорит:
— Рассуждая так ли, сяк ли,
Все равно такую каплей
Не согреть бойца в бою.
— Будьте живы!
— Пейте.
— Пью...

И сидят они по-братски
За столом, плечо в плечо,
Разговор ведут солдатский,
Дружно спорят, горячо.

Дед кипит:
— Позволь, товарищ,
Что ты валенки мне хвалишь?
Разреши-ка доложить.
Хороши? А где сушить?
Не просушишь их в землянке.
Нет, ты дай-ка мне сапог,
Да суконные портянки
Дай ты мне, — тогда я бог!

Снова где-то на задворках
Мерзлый грунт боднул снаряд.
Как ни в чем — Василий

Теркин,
Как ни в чем — старик солдат.

— Эти штуки в жизни
нашей, —

Дед расхвастался, — пустяк!
Нам осколки даже в каше
Попадались. Точно так.
Попадет, откинешь ложкой,
А в тебя — так и мертвец.
— Но не знали вы бомбежки,
Я скажу тебе, отец.

— Это верно, тут наука,
Тут напротив не попрешь.
А скажи, простая штука
Есть у вас?
— Какая?
— Вошь.

И, макая в сало коркой,
Продолжая ровно есть,
Улыбнулся вроде Теркин

Да целуй — не будь дурак.
Налегке иди обратно,
Мать заждалася...

И вдруг —
Вдалеке возник невнятный,
Новый, ноющий, двукратный,
Через миг уже понятный
И томящий душу звук.

Звук тот самый, при котором
В прифронтовой полосе
Поначалу все шоферы
Разбегались от шоссе.

На одной постылой ноте
Ноет, воет, как в трубе.
И бежать при всей охоте
Не положено тебе...

Ждут, молчат, глядят ребята,
Зубы сжав, чтоб дрожь унять.
И, как водится, оратор
Тут находится под стать.

С удивительной заботой
Предсказать тебе горазд:
— Вот сейчас он с разворота
И начнет. И жизни даст.
Жизни даст!

Со страшным ревом
Самолет ныряет вниз,
И сильнее нету слова
Той команды, что готова
На устах у всех:
— Ложись!..

Смерть есть смерть. Ее
прихода
Все мы ждем по старине.
А в какое время года
Легче гибнуть на войне?

Летом солнце греет жарко
И вступает в полный цвет
Все кругом. И жизни жалко
До зарезу. Летом — нет.

В осень смерть под стать
картине,
В сон идет природа вся.
Но в грязи, в окопной глине
Вдруг загнуться? Нет,
друзья...

А зимой — земля как камень
На два метра глубиной,
Привалит тебя комками, —
Нет уж, ну ее — зимой!

А весной, весной... Да где там!
Лучше скажем наперед:
Если горько гибнуть летом,
Если осенью — не мед,
Если в зиму дрожь берет,
То весной, друзья, от этой
Подлой штуки — душу рвет.

И какой ты вдруг покорный
На груди лежишь земной,
Заслонясь от смерти черной
Только собственной спиной.

Ты лежишь ничком, парнишка
Двадцати неполных лет.
Вот сейчас тебе и крышка,
Вот тебя уже и нет.

Ты прижал к вискам ладони.
Ты забыл, забыл, забыл,
Как траву щипали кони,
Что в ночное ты водил.

Смерть грохочет в перепонках,
И далекий, далекий, далекий
Вечер тот и та девчонка,
Что любил ты и берег,
И друзей, и близких лица,
Дом родной, сучок в стене...

Нет, боец, ничком молиться
Не годится на войне!
Нет, товарищ, зло и гордо,
Как закон велит бойцу,
Смерть встречай лицом к
лицу

И хотя бы плюнь ей в морду,
Если все пришло к концу...

Ну-ка, что за перемена?
То не шулки — бой идет.
Встал один и бьет с колена
Из винтовки в самолет.
Трехлинейная винтовка
На брезентовом ремне
Да патроны с той головкой,
Что страшна стальной броне.

Бой неравный, бой короткий.
Самолет чужой, с крестом,
Покачнулся, точно лодка,
Зачерпнувшая бортом,
Накренься, пошел по кругу,
Кувыркается над лугом, —
Не задерживай — давай,
В землю штопором въезжай!
Сам стрелок глядит с испугом:
Что наделал невзначай.

Скоростной, военный, черный,
Современный, двухмоторный
Самолет — стальная снасть —
Ухнул в землю, завывая,
Шар земной пробить желая
И в Америку попасть.

— Не пробил, старался
слабо...
— Видно, место прогадал.
— Кто стрелял? — звонят из
штаба.—
Кто стрелял, куда попал?..

Адъютанты землю роют,
Дышит в трубку генерал:
— Разыскать тотчас героя!
Кто стрелял?

А кто стрелял!

Кто не спрятался в окопчик,
Поминая всех родных,
Кто он — свой среди своих —
Не зенитчик и не летчик,
А герой — не хуже их?

Вот он сам стоит с винтовкой,
Вот поздравили его.
И как будто всем неловко —
Неизвестно отчего.

Виноваты, что ль, отчасти?
И сказал сержант спроста:
— Вот что значит — парню
счастье,
Глядь — и орден, как с куста!

Не промедливши с ответом,
Парень сдачу подает:
— Не горюй, у немца этот
Не последний самолет...

С этой шуточной-поговоркой,
Облетевшей батальон,
Перешел в герои Теркин, —
Это был, понятно, он.

1941—1945 гг.

Вопросы и задания

1. В каких поступках, в каких размышлениях проявляется любовь Теркина к родной земле, чувство ответственности за ее судьбу?
2. Как следует понимать слова А. Т. Твардовского, что Василий Теркин — «обыкновенный парень», что «парень в этом роде» найдется в любой роте, в любом взводе? Можно ли назвать героя поэмы заурядным, т. е. ничем не примечательным, человеком?
3. А. Т. Твардовский говорил: «Кроме смеха гневного, саркастического и непрощающего — есть еще смех радости, дружеской благожелательности, веселого и безобидного озорства». Как сочетается в поэме такой смех с серьезными раздумьями о Родине? (Приведите примеры.)
4. Как вы понимаете заключительные строки главы «Переправа»:

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле?

5. Приведите примеры, подтверждающие глубокую связь языка поэмы с живой, разговорной речью народа.
6. Каким стихотворным размером написана поэма? Как и почему поэт изменяет ритм в главе «Гармонь» (в сцене пляски)?
7. Выучите наизусть понравившийся вам отрывок из поэмы и приготовьтесь к выразительному чтению его в классе.
8. Рассмотрите репродукцию картины Ю. М. Непринцева «Отдых после боя», написанной по мотивам поэмы «Василий Теркин». Работая над картиной, художник, по его словам, стремился к тому, чтобы зрителю стал ясен характер каждого изображенного солдата. Вот что он писал об одном из бойцов, нарисованных на картине: «Слева от Теркина сидит молодой боец. Я представлял себе его так: он совсем недавно пришел в армию из колхоза и еще не опытен в воинском деле. Ясно, что такой бывалый солдат, как Теркин, производит на него неотразимое впечатление. Он смотрит на него влюбленными глазами, ловит каждое слово. Позже, на путях к победе, он и сам станет опытным воином, закончив войну в Берлине». Какие особенности характеров Василия Теркина и других его товарищей запечатлел художник на картине? Чем близка картина к поэме «Василий Теркин»?

ИЗ ПИСЕМ ФРОНТОВИКОВ А. Т. ТВАРДОВСКОМУ

В жизни Теркина чувствуешь свою жизнь... При чтении Вашей книги Вы могли бы, присутствуя, услышать и от безусого солдата, и от старого усатого «гвоздя войны» — ефрейтора: «Молодец Твардовский», «толково, просто», «по-солдатски», «наверно, этот самый Твардовский тоже живет на переднем (крае)»...

Нужно долго пробыть на фронте, на передовой вместе с бойцами, побывать под пулями, бомбежкой, артогнем, чтобы так всесторонне воспринять и передать в стихах быт солдата, оборот солдатской речи как в бою, так и в походах и на отдыхе.

Через всю войну, от снежных полей Подмосковья до развалин Берлина, пронес я отдельные брошюры поэмы «Василий Теркин»... Мои люди сотни раз собирались слушать ее под свист вражеских мин и снарядов и старались быть в боях такими, как Василий.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ЕЕ ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ

Вопросы и задания по всему курсу VII класса

1. Назовите известные вам виды искусства. Чем сходна с ними, чем отличается от них художественная литература?
2. Что нового о людях прошедших веков и десятилетий, об их жизни и борьбе вы узнали из произведений, изученных в VII классе? (Более подробно остановитесь на одном-двух произведениях.)
3. Могут ли научные книги и статьи заменить художественную литературу? Может ли художественная литература заменить науку, например историю, биологию, физику и т. д.? (Обоснуйте свое мнение.)
4. Назовите запомнившихся вам положительных и отрицательных героев изученных произведений. Что привлекало в людях русских писателей XIX века и советских писателей, что, наоборот, они осуждали?
5. Приведите примеры активного влияния художественных произведений на жизнь общества.
6. Каково значение художественного вымысла в работе писателя? (Отвечая на этот вопрос, обратитесь к повести «Капитанская дочка», к «Песням...» Горького, к стихотворению «Необычайное приключение...», к роману «Молодая гвардия».)
7. Как создавался образ Василия Теркина и как создавались образы Мересьева и Олега Кошевого? В чем отличие? Какой на основании этого сравнения можно сделать вывод о путях создания художественных образов?
8. Что называется темой, идеей, композицией художественного произведения? Какова роль композиции произведения в раскрытии художественной идеи? (Ответ постройте на материале любого произведения, например одной из басен Крылова.)
9. Что называется сюжетом художественного произведения? Найдите завязку в повести «Капитанская дочка». Какое она имеет значение для понимания характера действующих лиц? Определите кульминационные сцены в «Песне про купца Калашникова» и в поэме «Мцыри» (в рассказе юноши о трех днях на воле). Как они характеризуют героев? Найдите развязку в рассказе Тургенева «Муму». Как она помогает понять характер Герасима?

РОДЫ И ВИДЫ ЛИТЕРАТУРЫ

По ряду сходных признаков произведения устного народного творчества и литературы могут быть разделены на три основных рода: эпический, лирический и драматический.

Эпические произведения.

В эпических произведениях авторы изображают события и человеческие характеры, создают более или менее сложные картины жизни.

Эпические произведения, в свою очередь, делятся на виды: сказка, былина, басня, рассказ, повесть, роман, баллада, поэма.

Сказка — произведение устного народного творчества, повествующее о вымышленных событиях. В волшебных, фантастических сказках действуют чудесные герои (Иван-царевич, Василиса Премудрая) и предметы-«диковинки» (скатерть-самобранка, сапоги-скороходы).

В сказках бытовых, отражающих некоторые стороны народной жизни, высмеиваются угнетатели народа, прославляется ум, смелка, трудолюбие простых людей.

Герои сказок о животных также часто наделяются человеческими чертами: хитростью (лиса), простоватостью (волк), трусостью (заяц) и др.

В народных сказках воплотились представления народа о добре и зле, мысли, чувства, стремления и надежды миллионов тружеников. По образцу народных сказок создавали сказки писатели прошлого (Пушкин) и советские писатели (Гайдар, Бажов).

Былиной называется произведение устной народной поэзии, в котором изображаются богатыри и народные герои. В образах былинных богатырей олицетворена мощь народа, запечатлены его лучшие качества. Былины слагались в старину народными певцами и, как сказки, переходили из поколения в поколение.

Басня — небольшое произведение аллегорического (иносказательного) характера, написанное с обличительными и нравоучительными целями. С помощью образов животных, вещей, а иногда и людей в басне высмеиваются, обличаются человеческие пороки или отдельные отрицательные черты в жизни общества.

Обычно басня представляет собой маленькую сценку, в которой изображается какое-либо событие или разворачивается спор между действующими лицами. Во многих баснях содержится вывод из нарисованной аллегорической картинки (нравоучение).

Рассказ — небольшое прозаическое произведение, рисующее одно, реже — несколько событий с малым количеством действующих лиц.

Роман рисует многих героев, их сложные взаимоотношения, иногда на протяжении длительного времени.

Повесть, в отличие от рассказа, изображает не одно событие, а цепь событий; количество действующих лиц в повести больше, чем в рассказе. В то же время повесть меньше романа и по объему, и по числу действующих лиц, и по количеству событий.

Баллада — стихотворение, изображающее события фантастического или героического характера («Песнь о вещем Олеге» Пушкина).

Поэма — большое стихотворное произведение, которое рисует выдающиеся события прошлого и настоящего, прославленных героев («Полтава» Пушкина), судьбы людей с возвышенными, сильными характерами («Мцыри» Лермонтова) или вообще сложные картины жизни («Мороз, Красный нос» Некрасова).

В эпических произведениях писатель меньше всего непосредственно, прямо говорит о своих чувствах и переживаниях. Он выра-

жает их в картинах окружающего мира, выступая сам как рассказчик или иногда передавая эту роль другому лицу, как бы своему заместителю. В некоторых случаях автор эпического произведения прибегает к лирическим отступлениям, включает в повествование рассуждения исторического и политического характера. Но и тогда главным в эпическом произведении остаются картины окружающего мира, изображение людей и событий.

Лирические произведения.

В лирике воплощаются мысли и переживания автора, вызванные окружающим миром. Развернутых картин окружающего мира в лирическом произведении нет: изобразительные детали или художественные зарисовки выступают как источник, основа лирических переживаний. Например, в стихотворении Лермонтова «Парус» поэтическая картина моря и одинокого паруса имеет значение не сама по себе, а лишь потому, что позволяет проникнуть в переживания поэта, который испытывает чувство тоски, одиночества и жажду бури.

Есть произведения, в которых писатель, рисуя картины жизни, довольно полно, прямо, непосредственно передает и свои чувства и переживания в связи с изображаемым. Такие произведения называются *лиро-эпическими*. К числу лиро-эпических произведений, например, можно отнести поэму Твардовского «Василий Теркин».

Драматические произведения.

Драматические произведения предназначаются для постановки на сцене. Авторская речь в них отсутствует (если не считать замечаний для актеров), характеры людей предстают в действии, в поступках, в речах (диалогах и монологах). События, воспроизводимые в драме, на сцене, воспринимаются зрителями как совершающиеся в настоящее время, «сейчас». В этом — «секрет» особого воздействия драматического произведения на мысли и чувства людей.

Трагедия, комедия, драма (в узком смысле) — разновидности драматических произведений.

В трагедии писатель показывает героя в напряженной борьбе с исключительными внешними препятствиями, в безвыходном положении, обрекающем его на гибель. Однако эта борьба обнаруживает возвышенность стремлений или силу характера героя («Гамлет» Шекспира, «Борис Годунов» Пушкина). Нередко своей гибелью герой утверждает справедливость и бессмертие идей, за которые отдал свою жизнь, и такая трагедия вызывает гордость за человека, который вступил в поединок с враждебными обстоятельствами (трагедии в советской литературе, например «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского).

Комедия осмеивает отрицательные черты и свойства людей или общественные пороки («Ревизор» Гоголя).

Драма (в узком смысле) изображает сложную, напряженную борьбу между действующими лицами, не обязательно ведущую к гибели героев («Вильгельм Телль» Шиллера).

1. Назовите несколько известных вам сказок, былин, басен, рассказов, повестей, романов, баллад, поэм. Назовите известные вам драматические произведения (комедии, трагедии или драмы). По каким признакам вы относите называемые произведения к тем или иным эпическим или драматическим видам?
2. Вспомните и прочитайте наизусть одно из лирических произведений. Почему вы относите его к лирическому роду?

СПОСОБЫ ИЗЛОЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Рисуя картины жизни, писатель рассказывает о событиях, характеризует героев, описывает природу, обстановку, внешность людей, воссоздает речь действующих лиц.

Связный рассказ о событиях, о ходе и развитии действия называется повествованием. Сюжет произведения раскрывается главным образом с помощью повествования, хотя значительную роль при этом играют описания, монологи и диалоги.

Наряду с повествованием писатель пользуется другим видом авторской речи — *описанием* (пейзаж, портрет, интерьер, авторская характеристика).

Пейзаж (картина природы) не только воспроизводит характерные особенности данной местности в то или иное время года или суток, но служит фоном для действия, вызывает у читателя определенное настроение и даже помогает проникнуть в переживания действующих лиц (вступительный пейзаж в повести В. Катаева «Сын полка», пейзажи в рассказе Тургенева «Бежин луг»).

Портрет (изображение внешности героя, его лица, фигуры, одежды, мимики, жестов) делает героя «зримым» и одновременно бросает свет на некоторые качества его внутреннего облика, отношение к герою писателя (портреты советских людей и портреты противостоящих им фашистов в романе Фадеева «Молодая гвардия»).

Интерьер (описание жилища, обстановки дома) позволяет составить хотя бы самое общее представление о склонностях, вкусах, условиях жизни и характерах действующих лиц (описание светлицы Тараса Бульбы).

Иногда писатель в прямой форме, от своего имени, рассказывает о моральных качествах, интересах, характере героя. Таковы авторские характеристики коммунистов и комсомольцев в «Молодой гвардии» Фадеева.

Яркости и живости картин, созданных писателем, способствует речь действующих лиц (монологи и диалоги).

Монолог — более или менее длительная речь действующего лица, обращенная к себе или собеседникам (и собеседниками не прерываемая) (монолог Тараса Бульбы о товариществе, монолог городничего в предпоследнем явлении «Ревизора»).

Диалог — разговор двух или нескольких лиц в художественном произведении.

В диалогах и монологах выявляются определенные стороны характеров и взаимоотношений действующих лиц (комедия Гоголя «Ревизор», рассказы Чехова «Хамелеон», «Толстый и тонкий»).

Вопросы и задания

1. Найдите портретные зарисовки, описания обстановки и авторские характеристики в повести Пушкина «Дубровский». Какие качества действующих лиц становятся ясны из этих описаний?
2. Как характеризуют Гаврилу (рассказ Тургенева «Муму») диалог с Капитоном (глава II) и диалог с барыней (глава III)?
3. Какова роль пейзажей в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» (главы XI, XVI, XVII, XXXVI)?

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

**Точность
и выразительность
языка.**

Литература — искусство слова. Из безбрежного океана народного и литературного языка писатель отбирает такие слова и выражения, которые помогают ему с наибольшей силой донести свои мысли и чувства до читателя. Художественная точность и выразительность в описаниях, в передаче мыслей и чувств — вот первое и важнейшее достоинство языка литературных произведений.

Вспомним хотя бы только одну фразу из повести «Дубровский»: «Луна сняла, июльская ночь была тиха, изредка подымался ветерок, и легкий шорох пробегал по всему саду». Никаких украшений, самые привычные, всем понятные, всеми употребляемые слова. Но какой емкостью обладает каждое слово! Ни одно из них нельзя переставить или зачеркнуть без ущерба для общей картины. Недаром Гоголь говорил о произведениях Пушкина: «Слов немного, но они так точны, что обозначают все. В каждом слове бездна пространства. Каждое слово необъятно, как поэт».

Выбор необходимых слов, единственно возможных в данном поэтическом контексте, требует от автора напряженного труда.

По черновикам Пушкина мы можем проследить, как, например, он работал над стихотворением «Зимнее утро».

Первоначально было:

Под голубыми небесами
Необозримыми коврами...

Сравнение снега с необозримыми коврами не удовлетворило поэта: оно не воссоздавало блеск и переливы красок солнечного зимнего утра. К тому же нельзя было говорить о «необозримых коврах», если из окна комнаты, которую рисовал Пушкин в стихотворении

рении, были видны лес и река, ограничивавшие поле зрения. И поэт заменяет слово *необозримыми* другим: *великолепными*.

Следующая строка стихотворения подверглась нескольким переделкам:

Лежит, как саван, белый снег...

Слово *саван* сообщает мрачный оттенок пейзажу.
Пушкин останавливается на другом варианте:

Простерлись белые снега...

Но эпитет «белый» не передает сияния снега под утренним солнцем. Появляется еще один вариант:

Простерты новые снега...

Но и слово *простерты*, и слово *новые* поэт отбрасывает, как недостаточно живописные.

Наконец найдена нужная строка:

Блестя на солнце, снег лежит...

и картина зимнего утра озарилась веселым солнечным светом.

Изобразительно-выразительные средства языка. Эпитет.	Художественная точность, эмоциональность и сила изображения во многом зависят от специальных изобразительно-выразительных средств языка (эпитеты, метафоры, гиперболы и т. д.),
--	---

которыми пользуется писатель при создании произведения.

Для обрисовки, пояснения, характеристики какого-либо свойства или признака предмета служат художественные определения — эпитеты. Они зажигают слово новыми красками, придают ему нужные оттенки и, проникнутые чувством автора, формируют отношение читателя к изображаемому.

В роли эпитетов могут выступать разные части речи: прилагательные («За Кремлем горит заря *туманная*»), существительные («Злого пса-ворчуна зубастого на железную цепь привязывает»), наречия («*Горько-горько* она восплакалась»).

В народном творчестве употребляются *постоянные эпитеты*: «*добрый молодец*», «*красна девица*», «*мать сыра земля*» и т. д.

Сравнение.	К числу образных средств языка принадлежит <i>сравнение</i> — слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому.
-------------------	--

Помогая увидеть предмет с новой, иногда неожиданной стороны, сравнение обогащает, углубляет наши впечатления. Насколько живее представляем мы себе тревожную ночь, в которую отправлялся в разведку Метелица, когда читаем: «Тонкие стволы берез тихо белели во тьме, как *потушенные свечи*... слева шла черная гряда сопок, изогнувшаяся, как *хребет гигантского зверя*!»

Подобно эпитету, сравнение «подсказывает» читателю то или иное отношение к предмету или явлению. Так, показывая боевую удачу Остапа Бульбы, Гоголь сравнивает его с ястребом, который,

«давши много кругов сильными крыльями, вдруг останавливается распластанный на одном месте и бьет оттуда стрелой на раскрячавшегося у самой дороги самца-перепела».

В народной поэзии и в некоторых литературных произведениях, написанных в духе народного творчества, употребляются *отрицательные сравнения* («Не сияет на небе солнце красное, не любуются им тучки синие; то за трапезой сидит во златом венце, сидит грозный царь Иван Васильевич»).

Метафора и олицетворение. Часто, сравнивая два предмета, поэт по сходству переносит на один из них признаки и свойства другого: «Горит восток зарею новой...», «По зеркальной воде, по кудрям лозняка от зари алый свет разливается». Употребление слов в переносном значении для изображения или характеристики предмета и явления называется *метафорой* (от греч. *metaphora* — *перенос*).

Метафора как бы в сжатом, свернутом виде заключает в себе целую картину и потому позволяет поэту исключительно экономно, наглядно обрисовывать предметы и явления и выражать свои мысли и переживания.

Частный случай метафоры — *олицетворение* — перенесение признаков и свойств живого существа на неодушевленные предметы (описание мороза-воеводы в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос», пейзажи в «Песне о Соколе» Горького).

Гипербола. Усилению впечатления от изображаемого предмета и явления способствуют *гиперболы*, т. е. такие слова и выражения, которые непомерно, иногда до крайности преувеличивают значение и размеры этих предметов и явлений (греч. *hyperbole* — *преувеличение*): «И миллионом черных глаз смотрела ночи темнота сквозь ветви каждого куста»; «В их львином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни».

Особенно часто гиперболы встречаются в былинах, изображающих героические подвиги богатырей.

Сравнения, метафоры, эпитеты, как и другие средства поэтического языка, имеют значение только в связи с целой поэтической картиной.

Обратимся к рассказу юноши из поэмы Лермонтова «Мцыри»:

Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерёв
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летел пугливый рой.

Конечно, читая эти строки, мы меньше всего думаем о том, какие образные средства языка — эпитет, сравнение или метафору

«использовал» поэт, рисуя раннее, свежее утро в горах. Но эта картина потому и возникает перед нами, как живая, потому и трогает наше сердце, что наблюдения и переживания героя поэмы воплощены в ней поразительно точно с помощью богатых средств поэтического языка.

**Поэтический
святаяксия** Запечатлеть художественный образ в сознании читателей поэту помогают повторения. Таковы повторения в стихотворении Маяковского «Необычайное приключение...»:

Светить всегда,
светить везде,
до дней последних дождя,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

Глубокое волнение писателя нередко выражается в так называемых *риторических* (т. е. ораторских) *вопросах, восклицаниях и обращениях* (не требующих ответа): «Что ищет он в стране далекой? Что кинул он в краю родном?»; «О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью...».

Чтобы выделить слово, задержать на нем внимание читателя, поэт иногда нарушает обычную расстановку слов в предложении. Такое нарушение грамматического порядка слов называется *инверсией* («Звонков раздавались нестройные звуки» вместо «Нестройные звуки звонков раздавались»).

Вопросы и задания

1. Какова роль эпитетов в стихотворениях Пушкина «Туча» и «Осень»?
2. Покажите, как эпитеты, сравнения, метафоры в стихотворении Есенина «Береза» помогают поэту передать свои чувства.
3. Какова роль риторических восклицаний, обращений и вопросов в стихотворении Некрасова «На Волге»? (Приведите примеры.)

СТИХОТВОРНАЯ РЕЧЬ

**Стих, ритм,
стопа.** В отличие от свободно организованной, не мерной, обычной, прозаической речи, стихотворная речь делится на отрезки, разделяемые при чтении паузами и повторяющиеся в известной системе. Эти отрезки называются стихотворными строками или *стихами*. В каждой стихотворной строке в определенном порядке располагаются ударные и безударные слоги. Вот это упорядоченное чередование стихотворных строк, а внутри строк — ударных и безударных слогов называется *стихотворным ритмом*. Ритмичность — одна из основных особенностей стихотворной речи.

Часть строки, состоящая из сочетания одного ударного и одного или нескольких безударных слогов, называется *стопой*.

Стопа может совпадать с отдельными словами:

Мчатся тучи, вьются тучи...

(Здесь четыре слова и четыре стопы.)

Она может выходить за рамки одного слова или быть меньше его:

Вглядись, молодица, смелее,
Каков воевода Мороз!

В первой строке граница между стопами проходит по первому слогу слова *молодица*, зато три других слога этого слова образуют отдельную стопу.

Размеры стиха. Число и порядок чередования ударных и безударных слогов в стопах называется *размером стиха*. В русском стихосложении есть двусложные и трехсложные размеры.

Двусложные размеры:

хорей ($\overset{\text{—}}{\cup}$) — с ударением на первом слоге стопы:

Буря мглою небо кроет...

ямб ($\cup \overset{\text{—}}{\cup}$) — с ударением на втором слоге стопы:

И вспомнил я отцовский дом...

Трехсложные размеры:

дákтиль ($\overset{\text{—}}{\cup} \cup \cup$) — с ударением на первом слоге стопы:

Тучки небесные, вечные странники...

амфиб́рахий ($\cup \overset{\text{—}}{\cup} \cup$) — с ударением на втором слоге стопы:

Сижу за решеткой в темнице сырой...

anáпест ($\cup \cup \overset{\text{—}}{\cup}$) — с ударением на третьем слоге стопы:

По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается...

На практике эти размеры образуют огромное множество различных стихотворных ритмов.

Сравним, например, строки «Сказки о мертвой царевне...» Пушкина и стихотворения Лермонтова «Горные вершины».

И то и другое произведение написано хореем. Но как по-разному звучат их строки:

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.

(Пушкин.)

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой...

(Лермонтов.)

В первом случае — четырехстопный, во втором — трехстопный хорей.

Даже в одном произведении количество стоп в стихотворных строках может быть разным. В приведенных примерах есть строки с неполными стопами (третья и четвертая строки у Пушкина, вторая и четвертая — у Лермонтова). Употребление разностопного ямба делает очень гибким стих басни, позволяет поэту передать интонации живой, разговорной речи:

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
    Попал на псарню...
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!» —
    И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
    Бегут: иной с дубьем,
    Иной с ружьем.

(Крылов.)

Разнообразя количество стоп в стихах, сочетая по-разному ударные и неударные слоги, поэты достигают повышенной выразительности стихотворной речи.

Рифма и строфа. Строки стихотворений большей частью имеют созвучные окончания — *рифмы*. Рифмы бывают точные (*аул — ул, лесов — часов*) и неточные (*пылал — плыла, погоди — заходить, масса — басом*). Неточными рифмами (т. е. рифмами, в которых совпадают только основные звуки) часто пользовался Маяковский.

Часть стихотворения, группа строк, объединенных поэтической мыслью, ритмом и определенным порядком рифм, называется *строфой*.

Рассмотрим строфу из стихотворения Лермонтова «Бородино»:

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
    Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
    Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

В этой строфе рифмуется первая строка со второй (парные рифмы), четвертая — с пятой и шестой, а третья — с седьмой строкой (кольцевая рифмовка). Стихотворение написано ямбом. В первой, второй, четвертой, пятой, шестой строках — четыре стопы, в третьей и седьмой — три стопы.

Конечно, такая строфа встречается не часто, она специально разработана Лермонтовым для стихотворения «Бородино».

Наиболее распространенная строфа в русской поэзии — четверостишие. Четверостишиями написаны «Утро» Никитина, «Парус» Лермонтова, «Мороз, Красный нос» Некрасова. Но есть и более сложные строфы. Так, стихотворение Пушкина «Осень» написано восьмистишиями.

Может возникнуть вопрос: нужно ли знать читателю «тайны» размеров, рифмы, строфы? Ответ может быть только один: не только нужно, но и необходимо.

К стихотворной речи поэты обращаются тогда, когда хотят выразить какие-то возвышенные чувства и переживания, найти глубокий отзвук в сердце читателя, затронуть сокровенные струны его души. Поэтические размеры стиха, созвучия строк, определенный порядок рифмовки придают стиху особую силу, красоту, музыкальность, помогают настроить «на одну волну» душу поэта и душу читателя. Знание «техники» стихосложения позволяет правильно, выразительно читать стихотворные произведения, а тем самым лучше воспринимать и понимать то, что хотел сказать поэт. Чем глубже человек разбирается в «тайнах» поэтического мастерства, тем доступнее становятся для него мысли и переживания писателя, тем большее наслаждение получает он от бессмертных созданий искусства.

Задания

1. Определите стихотворные размеры следующих произведений: «Песнь о вещем Олеге» Пушкина, «Смерть пионерки» Багрицкого, «Несжатая полоса» и «На Волге» Некрасова.
2. По приведенному ниже четверостишию определите размер, которым написано стихотворение Светлова «Голоса»:

Мне близки эти дальние звезды,
Как вот этот заснеженный лес...
Я живу, потому что я создан
Для людей, для земли, для небес.

КРАТКИЕ СПРАВКИ О ДЕЯТЕЛЯХ ИСКУССТВА,
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЯХ И ЧАСТНЫХ ЛИЦАХ,
УПОМИНАЕМЫХ В УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛАХ ХРЕСТОМАТИИ¹

Андроников И. Л. (род. 1908) — русский советский писатель, литературовед, автор книг «Лермонтов», «Рассказы литературоведа», «Я хочу рассказать вам...» — 110, 111, 142.

Арманд И. А. (1898—1971) — дочь видной революционерки И. Ф. Арманд. Неоднократно встречалась и беседовала с В. И. Лениным — 225.

Берггольц О. Ф. (1910—1975) — русская советская писательница, автор стихотворений, поэм и прозаической книги «Дневные звезды» — 109.

Боклевский П. М. (1816—1897) — русский художник — 210.

Брюллов К. П. (1799—1852) — выдающийся русский художник — 8.

Васильевы Г. Н. (1899—1946) и *С. Д.* (1900—1959) — советские кинорежиссеры, однофамильцы, известные под именем братьев Васильевых, постановщики фильма «Чапаев» — 4.

Васнецов В. М. (1848—1926) — выдающийся русский художник, автор картин «Витязь на распутье», «Иван-царевич на сером волке», «Богатыри» и др. — 7, 126.

Вяземский П. А. (1792—1878) — русский поэт и критик, друг А. С. Пушкина — 212.

Герасимов С. В. (1885—1964) — советский художник, автор картины «Мать партизана» и др. — 16, 20, 100.

Гладков Ф. В. (1883—1958) — русский советский писатель, автор книг «Цемент», «Повесть о детстве» и др. — 213.

Глинка М. И. (1804—1857) — великий русский композитор, родоначальник русской классической музыки, автор опер «Иван Сусанин», «Руслан и Людмила» и других музыкальных произведений — 3, 8.

Гусев Н. Н. (1882—1967) — русский советский литературовед, в 1907—1909 гг. — личный секретарь Л. Н. Толстого — 236.

Дантес Ж.-Ш. — французский монархист, бежавший в Россию и пользовавшийся покровительством Николая I; убийца Пушкина — 10.

Дегейтер П. (1848—1932) — французский композитор, рабочий, автор музыки гимна «Интернационал» — 4.

Дудин М. А. (род. 1916) — русский советский поэт — 214.

Залыгин С. П. (род. 1913) — русский советский писатель, автор романов «Тропы Алтая», «Соленая падь» и др. — 107.

Кайдалов Н. А. — купец, очевидец встречи А. С. Пушкина со стариками в Бёрде под Оренбургом — 11.

Константинов Ф. Д. (род. 1910) — советский художник, график — 139.

Кулешов А. А. (род. 1914) — белорусский советский поэт — 141.

Луначарский А. В. (1875—1933) — видный советский государственный и общественный деятель, драматург и критик — 111, 142.

Мартынов Н. С. — офицер царской армии, убийца Лермонтова — 111.

Мусоргский М. П. (1839—1881) — великий русский композитор, выразитель народно-революционных идей в музыке, автор опер «Борис Годунов», «Хованщина» и др. Подвергался преследованиям со стороны реакционных кругов — 4.

¹ Цифрами обозначены страницы хрестоматии.

Непринцев Ю. М. (род. 1909) — советский художник — 374, 384.

Осипова П. А. — помещица, имение которой находилось недалеко от имения Пушкина — 103.

Перов В. Г. (1833—1882) — выдающийся русский художник, автор картин «Чаепитие в Мытицах», «Проводы покойника», «Тройка» и др. Его картину «Сельский крестный ход на пасхе», критикующую духовенство, запретили выставлять и репродуцировать — 4.

Плеханов Г. В. (1856—1918) — деятель русского и международного рабочего движения, первый пропагандист марксизма в России. Впоследствии разошелся с большевиками — 225.

Потье Э. (1816—1887) — французский поэт, участник Парижской коммуны, автор слов гимна «Интернационал» — 4.

Пушкин Л. С. — брат поэта — 104.

Пушкина Н. Н. — жена поэта — 11, 103.

Репин И. Е. (1844—1930) — великий русский художник, автор картин «Бурлаки на Волге», «Не ждали», «Иван Грозный и сын его Иван» и др. — 3, 7.

Серафимович А. С. (1863—1949) — выдающийся русский советский писатель, автор романа «Железный поток», повестей и рассказов — 249.

Станкова Э. П. — участница партизанской борьбы в Приморье, член первого партийного комитета Владивостока — 265.

Степанова-Бородина А. Г. (1845—1914) — литератор, автор статей и рецензий прогрессивного характера — 225.

Суриков В. И. (1848—1916) — выдающийся русский художник, автор картин исторического содержания: «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», «Переход Суворова через Альпы» и др. — 3.

Тихонов Н. С. (род. 1896) — русский советский поэт и общественный деятель — 254.

Федин К. А. (1892—1977) — выдающийся русский советский писатель, автор романов «Первые радости», «Необыкновенное лето» и др. — 10, 213, 366.

Чаадаев П. Я. (1794—1856) — русский философ, друг Пушкина. Был близок к декабристам — 104.

Чайковский П. И. (1840—1893) — великий русский композитор, автор опер («Евгений Онегин» и др.), балетов («Лебединое озеро», «Щелкунчик» и др.), симфоний и других музыкальных произведений — 3.

Шан-Гирей А. П. — троюродный брат М. Ю. Лермонтова, друг поэта — 110.

Шкловский В. Б. (род. 1893) — русский советский литературовед — 107.

Ярославский Е. М. (1878—1943) — один из активных участников рабочего движения в России, видный деятель КПСС — 252.

Вы заканчиваете VII класс. В будущем году, в VIII классе, вы приступите к систематическому изучению курса русской литературы в историческом освещении — с древнейших времен до наших дней. Более глубоко вы познакомитесь с творчеством великих русских писателей, отдельные произведения которых вы уже читали и разбирали: с творчеством Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Вы узнаете новые для вас имена русских художников слова: Жуковского, Грибоедова — и писателей зарубежных: Мольера и Байрона. Вы будете работать над статьями Белинского и беседовать с учителем о деятельности Радищева, Рылеева, Герцена.

Вот основные произведения, включенные в программу VIII класса¹.

Д. И. ФОНВИЗИН. Недоросль.

А. С. ГРИБОЕДОВ. Горе от ума.

А. С. ПУШКИН. Цыганы, Братья-разбойники, Кавказский пленник, Бахчисарайский фонтан, Евгений Овевин, Борис Годунов, Моцарт и Сальери, Скупой рыцарь, Медный всадник, Повести Белкина, стихи. **М. Ю. ЛЕРМОНТОВ.** Смерть Поэта и другие стихотворения, Герой нашего времени.

Н. В. ГОГОЛЬ. Шинель, Портрет. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, Мертвые души (том I).

А. И. ГЕРЦЕН. Сорока-воровка, Былое и думы (школьное издание).

МОЛБЕР. Мещанин во дворянстве.

БАЙРОН. Паломничество Чайльда Гарольда (1-я и 2-я песни), стихи.

Постарайтесь летом, во время каникул, прочитать хотя бы некоторые из этих произведений. Советуем также познакомиться с научно-популярными книгами, романами и повестями о Пушкине и его времени, о Лермонтове.

И АНДРОНИКОВ. Рассказы литературоведа.

М. БАСИНА. Там, где шумят Михайловские рощи.

А. ГЕССЕН. Набережная Мойки, 12.

Т. ИВАНОВА. Четыре лета (Лермонтов в Середниково).

М. МАРИЧ. Северное сияние.

К. ПАУСТОВСКИЙ. Северная повесть.

М. СЛОНИМСКИЙ. Черниговцы.

Т. ТОЛСТАЯ. Детство Лермонтова.

Ю. ТЫНЯНОВ. Пушкин, Кюхля.

Чтение этих книг расширит ваши представления о мире, о людях, о прошлом нашей Родины и облегчит изучение литературы в VIII классе.

---

¹ Жирным шрифтом выделены произведения, обязательные для изучения.

СОДЕРЖАНИЕ

Искусство слова 3

А. С. Пушкин

↓ Солнце русской поэзии	9
А. С. Пушкин в работе над повестью «Капитанская дочка»	12
Деталь в художественном произведении	100
О повести «Капитанская дочка»	104
Современники Пушкина и советские писатели о «Капитанской дочке»	106

М. Ю. Лермонтов

Певец свободы	108
«Песня про купца Калашникова...»	112
«Песня про купца Калашникова...» и устное народное творчество	126
«Мцыри»	127
В. Г. Белинский о поэме «Мцыри»	139
Наши современники о произведениях Лермонтова	140
Тема и идея художественного произведения	142

Н. В. Гоголь

Великий сатирик о себе	144
Н. В. Гоголь о театре	145
Н. В. Гоголь читает «Ревизора»	—
«Ревизор» (В сокращении)	147
Сюжет художественного произведения	208
Николаевская Россия во времена Гоголя	210
Советские писатели о творчестве Гоголя	213

Н. А. Некрасов

↓ Поэт печали и гнева народного	214
«Размышления у парадного подъезда»	216
«Железная дорога»	219
О значении творчества Некрасова (оценки и воспоминания)	224

Л. Н. Толстой

Гениальный художник, великий протестант	226
«После бала»	227
Жизненные источники рассказа «После бала»	236
Композиция художественного произведения	238

А. М. Горький

Буревестник революции	240
Горький в годы перед первой русской революцией	241
«Песня о Соколе»	242
«Песня о Буревестнике»	249
Сила слова великого писателя (воспоминания и оценки)	251

В. В. Маяковский

Поэт революции	253
Как читать стихотворения Маяковского	254
«Партия и Ленин...» (из поэмы «Владимир Ильич Ленин»)	256
«Необычайное приключение...»	258
«Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»	260

А. А. Фадеев

Писатель-коммунист	264
Страницы героической жизни	265
Историческая основа романа «Молодая гвардия»	267
«Молодая гвардия» (главы из романа)	271
А. А. Фадеев о романе «Молодая гвардия»	363
Советские писатели о романе А. А. Фадеева	365

А. Т. Твардовский

Как был написан «Василий Теркин»	367
«Василий Теркин» (главы из поэмы)	369
Из писем фронтовиков А. Т. Твардовскому	384

Художественная литература, ее особенности и значение

Роды и виды литературы	385
Способы изложения в художественных произведениях	388
Язык художественного произведения	389
Стихотворная речь	392

Указатель имен	396
--------------------------	-----